

Дж. Р. Р. Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Третья часть
«Властелина
Кольца»

Дж. Р. Р. Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Третья часть
«Властелина Кольца»

Иллюстрации Дениса Гордеева

A black and white illustration of a young boy with a bowl-cut hairstyle, sitting on the ground. He is wearing a traditional Chinese jacket and trousers. He is holding a long-stemmed pipe in his right hand and smoking. The background shows some foliage and a fence.

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4 Вел)-44
Т52

J.R.R. Tolkien
The Lord of the Rings. The Return of the King

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.
Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Перевод с английского Н. Григорьевой, В. Грушецкого
Иллюстрации Д. Гордеева

Толкин, Дж. Р. Р.
Т52 Властелин Колец. Третья часть. Возвращение
Короля. / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. Н. Григорьевой,
В. Грушецкого. — АСТ, Москва, 2014. — 512 с.
ISBN 978-5-17-081805-1

Трилогия «Властелин Колец» — одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой подвиг маленького героя и, самое главное, — тот фантастический и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда.

Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, — не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

The The Return of the King © The Trustees of The J.R.R. Tolkien,
1967 Settlement 1955, 1966
© Перевод Н. Григорьева, В. Грушецкий
© Перевод стихов И. Гриншпун
© Художественное оформление, иллюстрации Д. Гордеев
© ООО «Издательство «АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА V

Глава I. МИНАС ТИРИТ.....	9
Глава II. ВЫБОР АРАГОРНА.....	40
Глава III. РОХАН СОБИРАЕТ ВОЙСКА.....	62
Глава IV. ОСАДА ГОРОДА.....	78
Глава V. ПОХОД ТЕОДЕНА.....	109
Глава VI. ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА.....	120
Глава VII. КОСТЕР ДЕНЕТОРА.....	135
Глава VIII. В ГОСПИТАЛЕ.....	145
Глава IX. СОВЕТ ПЕРЕД ПОХОДОМ.....	163
Глава X. ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫЛИСЬ.....	176

КНИГА VI

Глава I. КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ.....	191
Глава II. В СТРАНЕ МРАКА.....	214
Глава III. ОГНЕННАЯ ГОРА.....	236
Глава IV. КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ.....	255
Глава V. КОРОЛЬ И ПРАВИТЕЛЬ.....	269
Глава VI. ВСТРЕЧИ. РАЗЛУКИ.....	289
Глава VII. ДОРОГА К ДОМУ.....	308
Глава VIII. СНОВА ДОМА.....	319
Глава IX. СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ.....	350
Приложение I.....	364
Приложение II.....	424
Приложение III.....	445
Приложение IV.....	450
Приложение V.....	459
Приложение VI.....	465
Послесловие переводчиков.....	478

Мри-мѣстѣмъ владыкамъ въ подвѣднѣмъ прѣдѣ ,
Сѣмъ - для женовъ , царящихъ въ подгорномъ прѣстолѣ ,
Девчѣмъ - смернѣмъ , чей выверетъ срокъ и рѣдѣ .

И одно - Властелину на чѣрномъ прѣстолѣ

В Мордоре , где бѣкобечная тѣмѣ :

Умодѣ всехъ отыскаемъ , воедино сожѣмъ

И единою чѣрною волѣю скобѣмъ

В Мордоре , где бѣкобечная тѣмѣ .

КНИГА V

Глава I МИНАС ТИРИТ

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндальфа. Он никак не мог понять, во сне или наяву свистит в ушах черный ночной ветер, медленно плывет зубчатая тень гор далеко справа, во сне или наяву качается у него над головой звездное небо. Он пытался вспомнить, что с ним и где он, но мысли путались, отдельные картины сменяли друг друга.

Помнится, они мчались без остановок, летели все вперед и вперед, и там, впереди, вставал на рассвете золотистый мягкий блеск и был город, затопленный тишиной, и гулая пустота большого дворца на холме. Они ворвались под его своды в тот самый момент, когда вверху пронеслась огромная крылатая тень, и ужас выбелил

лица людей вокруг. Пиппин вспомнил, как и его сердце сжала ледяная рука. Но рядом был Гэндальф, и ужас ушел, осталась только усталость. Пиппин спал, но сон был тревожным, в нем ходили и разговаривали незнакомые люди, что-то приказывал Гэндальф. И дальше, без перехода, снова бешеная скачка сквозь ночь. С тех пор, как он заглянул в Палантир, прошло двое, нет, трое суток. Палантир! Это было ужасно! С этим воспоминанием он проснулся окончательно. Вокруг шумел и бормотал все тот же ветер.

Яркий желтый огонь в темном небе заставил Пиппина съежиться от страха. Зачем Гэндальф везет его в это страшное, там, впереди? Он протер глаза. На востоке всходила луна. Значит, они будут скакать и скакать, мчаться сквозь ночь бесконечно долго.

— Где мы, Гэндальф?

— На землях Гондора. Это — Анориен.

Пиппин притих, но тут же прижался к магу.

— Что там? Смотри! Красный огонь! Как драконий глаз. А вон еще один!

Гэндальф только крикнул коню:

— Вперед, Сполох, вперед! Спешу, друг! — и, наклонившись к Пиппину, сказал: — Смотри. Это зовут на помощь огни Гондора. Война началась. Вот огонь на Амон Дине, пламя на Эленахе, и дальше огни, Нардол, Эрелас, Мин Риммон, Каленхад и Халифириен у границ Рохана. Вперед, Сполох!

Но конь вдруг пошел рысью, потом шагом и, подняв голову, заржал. Из темноты слышалось ответное ржание и мимо них на запад промчались трое всадников. Пиппин едва разглядел их во тьме. Белый конь подобрался, рванулся вперед, и снова ночь зашумела вокруг ветром.

Сквозь дрему Пиппин слышал, как Гэндальф рассказывает ему о гондорских Правителях, о сигнальных огнях, быстро передающих важные вести через всю страну, о подставах на границах, где всегда ждали гонцов свежие кони.

— Давно уж не загорались северные огни, — говорил маг. — В прежние времена ими почти не пользовались... Семь Палантиров было в то время в Гондоре.

Пиппин, услышав о страшном камне, который и так не шел у него из головы, беспокойно пошевелился.

— Спи, — сказал маг, — спи не бойся. Мы ведь с тобой идем не в Мордор, как Фродо с Сэмом, а в Минас Тирит. Там сейчас так же безопасно, как у вас в Шире. Пока, — значительно добавил он, — потому что если Кольцо вернется к Врагу, если падет Гондор, то тебя и Шир не спасет.

«Вот уж утешил», — подумал Пиппин, засыпая снова. Последнее, что он помнил, был блеск луны на снежных вершинах гор. Он еще успел подумать о том, где сейчас Фродо, жив ли он, добрался ли до Мордора.

Фродо в Итилиене смотрел на ту же луну, незадолго до рассвета заходящую над Гондором.

Пиппина разбудили голоса незадолго до рассвета.

Прошел еще один день, который хоббит с магом переждали в укрытии, и еще одна ночь пролетела в скачке. В тумане занимались холодные предрассветные сумерки. Сполах стоял, высоко вскинув голову, от его тела валил пар. Прямо перед собой Пиппин увидел рослых людей в плащах. Позади смутно вырисовывалась полуразрушенная стена. Там стучали молотки, скрипели колеса, скрежета-ло железо, в тумане тускло светились факелы. Гэндальф говорил с людьми в плащах, и Пиппин понял, что речь шла о нем.

— Конечно, Митрандир, — говорил один из тех, что стояли рядом, — ты можешь ехать свободно. Мы знаем тебя, и тебе известны пароли для всех семи ворот. Но твоего спутника мы не знаем. Кто он? Гном с северных гор? Чужеземцам закрыт вход в Гондор. Разве что они могучие воины, чья верность и отвага очень нужны нам сейчас.

— Я поручусь за своего спутника перед Денетором, — отвечал маг. — А что до его доблести, не суди о ней по росту, Ингольд. У него на счету битв и опасностей больше, чем у тебя, хотя ростом он невелик. Мы возвращаемся из сражения под Изенгардом. Он устал. Я не хочу его будить. Зовут его Перегрин, и человек он отважный.

— Человек? — недоверчиво переспросил Ингольд, а остальные засмеялись.

Пиппин окончательно проснулся.

— Вот еще! Человек! Я — хоббит! А отважным бываю, когда деваться уже некуда.

— Ответ достойный, — заметил Ингольд и переспросил: — Хоббит?

— Полурослик, — негромко подсказал маг, — но не тот, о котором говорит пророчество. Это его родич.

— Родич, друг и спутник, — добавил Пиппин. — И если это Минас Тирит, то отважный Боромир, спасший мне жизнь в снегах севера, из вашей страны. Он защищал меня и пал...

— Молчи! — прервал его Гэндальф. — Эту печальную весть первым должен узнать его отец, Денетор.

— Мы догадывались, — грустно сказал Ингольд. — Странные знамения были недавно... Что ж, поезжайте. Правитель Минас Тирита обязательно захочет видеть того, кто принесет ему вести о сыне, будь то человек или...

— Или хоббит, — закончил Пиппин. — Я мало что могу рассказать, но в память об отважном Боромире расскажу все, что знаю.

— Поезжайте, — повторил Ингольд, и его люди посторожились, пропуская белого коня. — Нам нужны и твой совет, и твоя помощь, Митрандир. Жаль, что ты всегда приходишь с дурными вестями.

— Это потому, что я прихожу туда, где нуждаются в помощи, — ответил Гэндальф. — Могу дать и совет. Бросьте стену. Ее поздно чинить. Не стена вас спасет, а мужество и та надежда, которую я несу. Да, я приношу не только худые вести. Отложите мастерки и точите мечи!

— Мы управимся до вечера, — рассудительно сказал Ингольд. — Стена тоже пригодится. С этой стороны вообще некому нападать. Там — Рохан, — он махнул рукой в степь, — там у нас друзья. Ты не слыхал, что там у них? Помогут они нам?

— Помогут. Но за вашей спиной им пришлось выдержать уже не одну битву. Это дорога, как и все остальные, отныне небезопасна. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф-Буревестник, вместо Всадников Рохана вы могли бы встретить

с этой стороны орду врагов. А может, еще и встретите. Удачи вам! Не зевайте здесь!

Они миновали Раммас Эхор. Так люди Гондора называли внешнюю стену, выстроенную с великим трудом после потери Итилиена. Стена тянулась лиг на десять от подножия гор, опоясывая поля Пелленора и возвращаясь к горам. Прекрасные плодородные уголья длинными отлогими склонами спускались к долине Андуина. На северо-востоке от Великих Ворот Минас Тирита до стены было четыре лиги; там за ней раскинулись приречные равнины. В этом месте стена была особенно высокой и крепкой. Она защищала дорогу, идущую от Бродов, и Мосты Осгилиата. На юго-востоке между стеной и Городом оставалось пространство меньше лиги шириной. Там Андуин, огибая холмы Эмин Арнен в Южном Итилиене, резко забирал к западу и стена шла по самому берегу, а ниже лежали набережные и грузовые пристани Харлонда.

По сторонам дороги тянулись богатые предместья с обширными пашнями, садами, навесами для сушки хмеля, амбарами и загонами для скота. Среди зелени струились ручьи, спешившие с нагорий к Андуину, но людей встречалось немного. Основная часть жителей селилась в семи кругах Города, или в Лоссарнахе, у подножия гор, или еще дальше к югу, в Лебеннине, орошаемом пятью быстрыми реками. Там, между горами и морем, жил крепкий народ. Они называли себя гондорцами, но в жилах их текла кровь местного низкорослого и смуглого народа, чьи предки обитали здесь еще до прихода королей. А дальше, на берегу огромного залива Белфалас, стоял Дол Амрот, замок князя Имрахия. Этот рыцарь высокого рода правил гордым сероглазым народом воинов.

На восходе Гэндальф со своим спутником приблизились к Минас Тириту. Пиппин окончательно проснулся и с любопытством вертел головой во все стороны. Слева от них лежало море тумана, а справа вздымались вершины огромных гор, обрывавшихся неожиданно, словно во дни творения Река разбила преграду, образовав просторную долину, место множества последующих битв. Как и обещал Гэндальф, там, где кончались

Белые Горы, Пиппин увидел темную громаду Миндоллуина, глубокие пурпурные тени высоких ущелий и вершину, белеющую в свете занимающегося дня. На выдвинутом вперед плече горы стоял Город, окруженный семью каменными стенами, крепкими и древними, словно вырезанными великаном из костей земли.

Пиппин вскрикнул от восторга, когда на его глазах стены крепости окрасились розовым в свете зари, а Белая Башня засверкала серебром под первыми лучами солнца. Белоснежные знамена развевались на стенах, высоко и чисто пели трубы.

Железные ворота откатились перед ними. Люди вокруг закричали:

— Митрандир! Смотрите, это Митрандир! Видно, гроза близко!

— Да, она приближается, — ответил Гэндальф. — Меня принесли ее крылья. У нас дело к Денетору, покуда он еще Правитель Гондора. Что бы ни произошло дальше, стране уже не бывать прежней, — проворчал он себе под нос. — Пропустите меня!

Люди расступились, дивясь на коня и на спутника мага. Коней в Городе видели редко, но все признали в благородном животном посланца Рохана, и это наполнило надеждой многие сердца.

Сполох звонко ступал по каменным мостовым, поднимаясь из одного яруса Города в другой. Они шли ступенями к вершине горы, каждый ярус был обнесен стеной. Великие Ворота располагались в восточной части стены, следующие были на половину круга сдвинуты к югу, третьи — на половину круга к северу, и так все выше и выше, к центру Города. Мостовая, ведущая к Цитадели, часто поворачивала и каждый раз, пересекая ось Ворот, уходила в арочный туннель в скале, делившей надвое все круги Города, кроме первого. Древние строители искусно воспользовались творением природы, оставив за Воротами часть скалы, образовавшей бастион, словно форштевень корабля, устремленный на восток. Он вздымался до самого верхнего круга Города, неся на себе могучую Цитадель, расположенную в семистах футах выше

Первых Ворот. Вход в Цитадель также смотрел на восток. Он был врезан в коренную скалу и вел к Седьмым Воротам. По освещенному туннелю идущий попадал в Верхнее Подворье, к Фонтану у подножия Белой Башни. Высота ее составляла не менее пятидесяти фатомов, а на вершине, в тысяче футов над равниной, развевалось Знамя Правителей.

Мощь цитадели делала ее неприступной до тех пор, пока внутри оставалось хотя бы несколько воинов. Напасть на Цитадель можно было лишь со Сторожевого Холма, но отрог, на котором был выстроен пост, перегораживали крепостные валы. Здесь, между Городом и Башней, располагались усыпальницы Королей и Правителей.

Пиппин не мог опомниться от изумления и восторга при виде этого могучего, великолепного каменного города. Величием, мощью и красотой он превосходил Изенгард. Но глаз всюду встречал и признаки упадка: двери домов были заперты, окна пусты, улицы немые.

В седьмом ярусе солнце, освещавшее в это же время дорогу Фродо на прогалинах Итилиена, озарило гладкие стены, резные колонны и большую арку ворот. Коням вход в Цитадель был запрещен, и Гэндальф спешился. Сполах с тревогой переступил копытами, но маг шепнул ему что-то, и он позволил увести себя.

Воины, охранявшие вход в Звездную Цитадель, были одеты в черное. На груди у них сияло вышитое серебром цветущее дерево под серебряным венцом и многолучевыми звездами, на головах — высокие шлемы с крыльями морской чайки по бокам. Шлемы пламенели серебром, ибо были сработаны из мифрила — малая часть былой славы, уцелевшая в веках. Никто во всем Городе не носил подобных одежд — это была привилегия Стражей Цитадели, помнившей Элэндила и цветущее Белое Дерево.

Вести, похоже, опередили путников. Стражи пропустили Гэндальфа, не задав ни единого вопроса. За аркой был двор, вымощенный белым камнем, и фонтан, искрящийся на солнце

веселыми бликами. Вокруг росла яркая зеленая трава, но рядом, склонившись над чашей фонтана, стояло мертвое засохшее дерево, и капли воды стекали с его голых ветвей, как слезы.

Пиппин хотел было удивиться, но вспомнил, как однажды Гэндальф пел о семи звездах и белом дереве. Он открыл рот, чтобы спросить мага, но тут Гэндальф заговорил сам.

— Поосторожнее в словах, добрый Перегрин. Здесь не Шир, и хоббитское нахальство некстати. Теоден был добр и кроток, но совсем не таков Денетор. Он человек гордый и принципиальный и гораздо более сильный и властный, чем Теоден, хотя он и не король, а только Правитель. Говорить он будет в основном с тобой. Он любил Боромира, может быть, даже слишком. Но сын не был похож на отца. Денетор безутешный наверняка попробует вытянуть из тебя то, чего не надеется узнать от меня. Не болтай лишнего, не называй даже имени Фродо, не упоминай о его задаче. Когда придет время, я сам скажу об этом. И еще, — маг помедлил, — об Арагорне тоже лучше бы помолчать... пока.

— Но почему? Разве с Колобродом что-нибудь не так? — испуганно спросил Пиппин. — Он ведь сам хотел идти в Гондор. Он же должен скоро прийти... или нет?

— Все может быть, — озабоченно ответил Гэндальф. — Но Арагорна здесь не ждут. Его приход будет неожиданностью и для Денетора. И так, мне кажется, будет лучше. Я, во всяком случае, не собираюсь никого предупреждать о его приходе.

Они уже подошли к высокой двери из полированного металла. Гэндальф остановился.

— Сейчас не время заниматься историей Гондора, хотя лучше бы тебе ее знать. Послушай меня и сделай, как я говорю. Не очень-то мудро сообщать могучему Правителю о смерти наследника и одновременно о прибытии претендента на трон. Это ты, надеюсь, понимаешь?

— Как претендента? — ошеломленно переспросил Пиппин.

— Вот именно, — ответил маг. — Если ты топал столько дней, заткнув уши и не слишком обременяя голову, очнись хоть сейчас! — и он постучал в дверь, которая тотчас же распахнулась.

Они вошли в зал, своды которого покоились на огромных колоннах черного мрамора. Вершины колонн украшали изваяния неведомых животных, ветвей и листьев, по потолку шла цветная роспись по зеленому полю. Ни гобеленов, ни занавесей, ни дерева не было в этом длинном торжественном зале. Между двумя рядами колонн застыли мраморные фигуры. Пиппин вздрогнул, заметив в чертах их лиц сходство с Каменными Стражами на Андуйне.

В дальнем конце зала на ступенчатом возвышении стоял пустой мраморный трон; позади него на стене мерцало драгоценными камнями изображение цветущего дерева.

У подножия трона на широкой ступени в простом кресле из черного камня сидел старик с коротким белым жезлом в руках. Он не поднял глаз на вошедших, продолжая рассматривать что-то у себя на коленях.

Гэндальф остановился в трех шагах от кресла.

— Приветствую Денетора, сына Эктелиона! — звучно сказал он. — В этот мрачный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял голову. Пиппин ждал в нем сходства с Боромиром, но резкие и гордые черты лица Правителя, глубокие темные глаза напомнили ему Колоброда.

— Да, ты прав, час мрачен, — медленно произнес Денетор, — но мы привыкли видеть Митрандира именно в такие часы. — Он надолго замолчал. — Знаки предвещают близкую гибель Гондора. Горько думать о том, что впереди, но еще горше уже случившееся. Мне сказали, что с тобой придет тот, кто видел гибель моего сына. Это он?

— Да, — ответил маг. — Их было двое. Его товарищ остался с Теоденом Роханским и прибудет позже. Они оба — полурослики, но предсказание говорит не о них.

— Полурослики, — мрачно повторил Денетор. — Это они внесли смуту в наши дела, из-за них погиб мой сын. О, Боромир! — простонал он. — Как ты нужен сейчас! Почему тебе выпал этот жребий, почему не брату твоему?

— Скорбь лишает тебя справедливости, Правитель, — сурово заметил Гэндальф. — Боромир сам выбрал свой жребий и не уступил его никому. Он был сильным человеком и умел на-

стоять на своем. Я хорошо узнал его за долгий путь, пройденный вместе. Но скажи, откуда в Минас Тирите известно о его гибели? Кто сообщил о ней?

— Я получил вот это, — произнес Денетор. Гэндальф и Пиппин увидели на коленях Правителя две половины разрубленного большого рога, окованного серебром.

— Рог Боромира! — не удержавшись, вскрикнул Пиппин.

— Да, — ответил Денетор. — А раньше им владел я, а еще раньше — каждый старший в нашем роду с самых дальних времен, еще при Королях, когда Ворондил, отец Мардила, охотился на диких быков в далеких полях Руна. Тринадцать дней назад я слышал звук этого рога с севера. Он никогда не зазвучит снова, но Река принесла мне обломки. — Он помолчал. Его темные глаза остановились на лице Пиппина. — Что скажет об этом полурослик?

— Тринадцать дней... — подумал вслух Пиппин, — да, пожалуй, так оно и есть. Да, я помню, Боромир затрубил в рог, но помощь не пришла, только орки...

— Значит, ты в самом деле был там? — глаза Денетора так и впились в Пиппина. — Ну, говори! Почему не пришла помощь? Почему ты жив, а могучий воин пал, хотя против него были только орки?

Пиппин вспыхнул.

— И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча. Когда я видел его в последний раз, он привалился к дереву, чтобы выдернуть из раны арбалетную стрелу с черными перьями. А потом орки оглушили меня и схватили. С тех пор я не видел твоего сына, повелитель, но я не забуду его, — закончил он. — Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага. Мертвый — он так же дорог мне, как был дорог живой.

Пиппин поднял голову и посмотрел в глаза Денетору. Незнакомая прежде гордость проснулась в нем, уязвленная насмешливым и недоверчивым тоном Правителя. Неожиданно для самого себя хоббит откинул полу плаща, обнажил меч и положил его к ногам Денетора.

— Не равная это замена, повелитель, — сказал он, — но я отдаю вам свою жизнь и тем немного хочу уплатить долг отважному Боромиру.

Слабая улыбка, похожая на луч холодного солнца в зимний день, озарила лицо старика. Он наклонил голову и, отложив в сторону обломки рога, протянул руку.

— Дай мне оружие, — приказал он.

Пиппин поднял меч и протянул рукоятью вперед.

— Откуда он у тебя? — с легким удивлением проговорил Денетор. — Похоже, этот клинок выкован нашим народом на Севере в далеком прошлом?

— Он из курганов возле границ моей страны, — сказал Пиппин. — Там теперь водится только Нежить... Мне бы не хотелось сейчас говорить об этом, — помолчав, добавил он.

— Вижу, странные истории оплетают тебя, — молвил Денетор. — Это лишний раз доказывает, как легко обмануться с первого взгляда в человеке... или в полурослике. Я принимаю твою службу. Тебя не смутить словами, и сам ты гораздо говорить, хоть и непривычна твоя речь для нас, южан. Ну, готовься к присяге!

— Положи руку на меч, — подсказал Гэндалф, — и повторяй за Правителем, если решился.

— Я готов, — сказал Пиппин и начал медленно повторять за Денетором: — «Здесь и сейчас приношу я клятву верности и служения Гондору и Правителю — Наместнику королевства. Обещаю говорить и молчать, делать и способствовать, идти и стоять непреклонно в нужде или изобилии, в мире или в войне, в жизни или в смерти — только на благо Гондора! Отныне освободить меня от клятвы может лишь мой Правитель, смерть или конец мира. Так говорю я, полурослик Перрегрин, сын Паладина из Шира».

— А я, Денетор, сын Эктелиона, Правитель Гондора, Наместник Высокого Короля, слышу и принимаю твою клятву, не забуду ее и не откажусь вознаградить верность — любовью, доблесть — честью, а измену — мщением!

Пиппин получил назад свой меч и убрал его в ножны.

— Вот тебе мое первое повеление, — сказал Денетор, снова сядя в кресло. — Расскажи мне все, что сумеешь вспомнить о моем сыне. Садись и говори.

Ударив жезлом о серебряный круг возле кресла, он приказал подать гостям сиденья.

— У меня только час времени, — сказал он, обращаясь к магу, — но, может быть, вечером мы увидимся снова.

— А может, и того раньше, — ответил Гэндальф. — Не затем я мчался сюда, как ветер, за сто пятьдесят лиг из самого Изенгарда, чтобы доставить нового воина, как бы учтив и отважен он ни был. Разве тебе все равно, Денетор, что Теоден одержал большую победу, Изенгард разрушен, а Саруман лишился своего магического жезла?

— Нет, не все равно, Митрандир. Но мне известно об этом достаточно. — Он взглянул на Гэндальфа в упор, и Пиппин на миг почувствовал словно огненную струну, напряженно натянувшуюся между ними.

Денетор куда больше походил на великого мага, чем Гэндальф. Правитель казался величественнее, могущественнее и старше. Но не зрением, а каким-то другим чувством Пиппин постиг, что сила Гэндальфа выше, а мудрость — глубже, только величие его скрыто. На самом деле маг был старше Правителя, гораздо старше. «На сколько?» — задумался Пиппин и подивился тому, что раньше никогда об этом не думал. Древобород говорил что-то о магах, но тогда Пиппин не связал это с Гэндальфом. Кто такой Гэндальф? Из какого отдаленного времени и места пришел он в мир и когда должен покинуть его? Но непривычные мысли не удержались в голове, хоббит поднял глаза и увидел, что Денетор и Гэндальф все еще меряются взглядами, словно стремясь прочесть мысли друг друга. Денетор первым отвел глаза.

— Да... — неопределенно произнес он, — говорят, что Палантиров больше нет. Но Правители Гондора видят и знают больше многих.

Слуги принесли сиденья, столик, вино в серебряном кувшине, кубки, печенье. Пиппин чувствовал себя очень неудобно; ему

показалось, что, говоря о Камнях, Денетор быстро и странно посмотрел на него.

— Что ж, повелеваю тебе начать рассказ, — сказал Правитель не то ласково, не то насмешливо. — Я воистину рад выслушать друга моего сына.

Они говорили ровно час, и Пиппин никогда потом не мог забыть ни пронзительного взгляда Правителя Гондора, ни его внезапных ошеломляющих вопросов, ни внимательного, осторожного Гэндальфа рядом. Когда час кончился, Пиппин совсем обессилен. «Наконец-то — подумал он, — теперь бы я позавтракал за троих».

— Проводите почтенного Митрандира в его покои, — распорядился Денетор. — Пусть наш новый воин живет пока вместе с ним. Имя ему — Перегрин, сын Паладина. Доверить паролу малого круга. Передать военачальникам, пусть ждут меня здесь в три часа. И ты, Митрандир, приходи тоже, когда тебе угодно. Тебя никто не остановит, разве что в краткие часы моего сна. Не надо сердиться на старика. К старости ум слабеет.

— Ну нет, благородный Денетор, — отвечал маг. — Разум покинет это тело только вместе с жизнью. Я ведь понял, почему ты расспрашиваешь того, кто знает меньше всех, когда я здесь.

— Тем лучше, — слабо усмехнулся Денетор. — Глупо отказываться от совета и помощи в такой час, но у тебя свои цели, и я их не знаю. А Правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках. В нынешнем мире у Правителя лишь одна цель — благо Гондора. Дела Гондора — мои дела, и больше ничьи, во всяком случае, до тех пор, пока Король не вернется.

— Пока Король не вернется? — задумчиво повторил за ним Гэндальф. — Ладно, благородный Правитель, храни страну, куда не настанет этот невероятный миг. В этом я помогу тебе всеми силами. И вот что я скажу еще, Денетор. Я никого не стану делать своим орудием ни в Гондоре, ни в какой другой стране, будь она велика или мала. Но когда возникает угроза всему светлomu, что есть в этом мире, — это мое дело. И если хоть что-нибудь переживет надвигающийся мрак и сможет

цвести и приносить плоды — это будет моя победа, даже если Гондор падет. Ты носишь имя Хранителя Цитадели, но разве ты забыл, что я тоже Хранитель?

Всю дорогу из дворца Гэндальф молчал и ни разу не взглянул на Пиппина. Провожатый привел их к дому у северной стены Цитадели. Там для них была приготовлена большая светлая комната с окнами на Реку. Тяжелые, поблескивающие золотым шитьем портьеры были раздвинуты. Из обстановки в комнате оказались лишь стол, пара стульев и скамья; в больших стенных нишах пологи скрывали альковы с солидными, пожалуй, немножко слишком широкими постелями. На скамье ожидали кувшины и тазы для умывания. Пиппину пришлось взобраться на стул, чтобы посмотреть в одно из трех высоких узких окон.

— Ты не сердишься на меня? — спросил он мага, как только провожатый вышел и прикрыл за собой дверь. — Я сделал все, что мог...

— Это точно! — неожиданно расхохотался Гэндальф.

Он подошел к Пиппину, положил руку ему на плечо и взглянул в окно. Пиппин, воспользовавшись случаем, взглянул ему в лицо. Сначала он заметил лишь морщины, но, приглядевшись, понял, что маг действительно весел, дай ему волю — рассмешит все королевство.

— Конечно, ты сделал все, что мог, — повторил Гэндальф. — Надеюсь, не скоро тебя опять будут загонять в угол два грозных старца. И все-таки Денетор узнал больше, чем ты думаешь. От него не укрылось, что предводителем отряда после Мории был не Боромир, а кто-то более высокого рода и этот кто-то со своим прославленным мечом намеревается прийти в Минас Тирит. Люди Гондора часто обращаются к преданиям прежних дней. Вот и Правителя после отъезда Боромира не оставляли мысли о Проклятии Исидура и словах предсказания.

Денетор не похож на других, Пиппин. Какова бы ни была его родословная, в нем говорит чистая кровь нуменорцев. В нем и в Фарамире, его втором сыне, но не в первом, которого он любил больше.

Денетор прозорлив. Воля и мудрость позволяют ему читать в мыслях людей даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это опасно. Для тебя полезно помнить об этом — ведь ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души и, по-моему, тронуло Денетора и, кажется, позабавило. Я не вмешивался, ибо великодушные порывы не нуждаются в холодных советах. Во всяком случае, теперь после дежурств ты свободно можешь разгуливать по всему Минас Тириту. Но отныне ты всецело подчиняешься Правителю, и он об этом не забудет. Так что держи ухо востро!

Гэндальф помолчал и вздохнул.

— Ладно. Не стоит пытаться узнать будущее. Теперь каждое новое «завтра» будет хуже «сегодня». И от меня помощи больше не жди. Фигуры расставлены, игра идет. Я только одной фигуры не вижу пока — Фарамира. Он ведь теперь наследник Денетора. Кажется, его нет в Городе, а Денетор совсем не оставил мне времени. Я должен идти, Перегрин. Постараюсь узнать что-нибудь на совете у Правителя. Враг не сидит сложа руки, он вот-вот откроет свою игру. И тогда пешкам достанется не меньше, чем прочим, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи меч!

У двери Гэндальф обернулся.

— Я действительно тороплюсь, Пиппин. Не откажи в любезности, сходи поищи Сполоха, узнай, как его устроили. Здешний народ хорошо относится к животным, но о конях, боюсь, знает маловато.

Не успела закрыться за магом дверь, как на башне колокол отбил три удара — третий час после восхода солнца, время совета.

Посидев немного в одиночестве, Пиппин вышел на улицу. Солнце стояло невысоко. Дома и башни бросали длинные, резкие тени. В синеве неба сверкал белый шлем и снежный плащ Миндоллуина. Несмотря на ранний час, на улицах было много вооруженных людей.

— Девять часов по-нашему, — сказал Пиппин себе под нос. — Самое бы время позавтракать, да на травке, да весной!.. Эх, где уж тут травка! Но все-таки интересно: вот эти воины,

например, уже завтракали? А если завтракали, то когда и где собираются обедать?

В этот момент к нему подошел воин в черном с серебряным шитьем на груди.

— Ты — Перегрин, полурослик, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он и протянул руку. — Ты на службе у нашего Правителя, и мне велено помочь тебе освоиться здесь. Я — Берегонд, сын Баранора. Я сегодня свободен, и мне поручили сообщить тебе пароли и вообще все, что ты захочешь узнать. А я был бы рад узнать кое-что о тебе. Мы никогда раньше не встречали полуросликов, а в легендах о вас почти ничего не говорится. А ведь ты еще и друг Митрандира. Это вдвойне интересно. Ты давно его знаешь?

— Ну, — протянул Пиппин, — можно сказать, всю мою недолгую жизнь. А потом мы с ним много путешествовали. Но Гэндальф — это целая книга, а я в ней и видел-то всего пару страниц. Вот Арагорн из нашего отряда знал его по-настоящему.

— Арагорн? — переспросил Берегонд. — А кто он?

Пиппин замялся.

— Человек, который шел с нами. Сейчас он, по-моему, в Рохане.

— О, ты и в Рохане был? Расскажи, а? Мы ведь только на рохирримов и надеемся. Ох! — воскликнул он. — Я забыл о своем поручении. Ведь это я должен отвечать на твои вопросы, а сам... Что ты хотел бы узнать прежде всего?

Пиппин заколебался.

— Э-э... если можно, у меня один вопрос: насчет завтрака... Ну, о времени трапезы то есть. И где трапезная, если она есть, конечно. Или харчевня? Я что-то ни одной здесь не видел, пока мы ехали, и всю дорогу надеялся на глоточек эля, как только доберусь до ваших краев.

Берегонд поглядел на него с уважением.

— Бывалого воина сразу видать, — сказал он. — И у нас воины, которые ходят в походы, всегда прежде всего о еде и питье беспокоятся. Сам-то я, правда, не ходил, — добавил он смущенно. — Так ты ничего не ел сегодня?

— Честно говоря, ел, — ответил правдивый Пиппин. — Правитель угощал нас вином и печеньем, но зато целый час изводил вопросами, а отвечать ему — дело нелегкое!

Берегонд рассмеялся:

— У нас говорят: и маленький человек за столом может творить большие дела. А ты, я вижу, склонен к воздержанию не больше любого воина Цитадели. Здесь — крепость и Башня Стражи, а город на военном положении. Трапезы по этому случаю редки.

Пиппин сник, но Берегонд утешил его, сказав, что за тяжелую работу положено усиленное питание и в кладовой можно что-нибудь раздобыть.

— Пойдем! — позвал он. — Здесь недалеко, а потом выйдем на стену, там можно закусывать и любоваться чудесным утром.

— Подожди! — вдруг покраснел Пиппин. — Разговоры про еду совсем отшибли мне память. Ведь Гэндальф, Митрандир повашему, попросил меня приглядеть за его Сполохом — это великий роханский конь. Сам ихний король берег его как сокровище, хоть и отдал в услужение Митрандиру. По-моему, новый хозяин любит его даже больше, чем людей, и если Митрандира уважают в этом Городе, Сполоху тоже положен почет и всяческое внимание, уж не меньше, чем достается хоббиту.

— Хоббиту? — переспросил Берегонд.

— Это мы так себя называем, — пояснил Пиппин.

— Рад слышать, — поклонился Берегонд. — Должен сказать, странный акцент не портит учтивой речи, а хоббиты — народ учтивый. Пойдем. Ты познакомишь меня с этим добрым конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в своем каменном Городе. Мой род жил раньше в горных долинах, а до этого — в Итилиене. Заглянем в конюшню, а уж оттуда — в кладовые. Не унывай, не велика задержка!

Пиппин нашел коня хорошо устроенным и обихоженым. В шестом ярусе за стенами Цитадели, по соседству с домами гонцов Правителя, располагались стойла. Но сейчас, кроме Сполоха, там не было ни одного коня.

Когда они вошли, Сполох заржал и потянулся мордой к Пиппину.

— Доброе утро! — приветствовал его хоббит. — Гэндальф придет, как только освободится. Он шлет тебе привет, а я должен приглядеть, чтобы у тебя все было в порядке и ты мог спокойно отдохнуть после трудов.

Сполох вскинул голову и стукнул копытом, но все-таки позволил Берегонду легонько погладить себя по холке.

— Хоть сейчас на скачки! — восхищенно произнес Берегонд. — По нему не скажешь, что путь был труден. Вот это сила! А где же сбруя? Богатая небось...

— Упряжи под стать не смогли найти, — объяснил Пиппин. — Он так обходится. Если согласится нести тебя, донесет и без сбруи, а нет, так ни шпоры, ни кнут, ни уздечка не помогут. До свиданья, Сполох, потерпи немного. Гэндальф мне меч точить велел. Битва скоро.

Сполох поднял голову и заржал так, что стойло затряслось. На этом они и расстались, убедившись, что овса в яслях достаточно.

— А теперь поспешим к нашей кормушке, — предложил Берегонд, и они по длинной прохладной лестнице спустились в широко освещенный коридор.

В стенах по обе стороны тянулись запертые двери, но одна была открыта.

— Вот кладовая для моего отряда Стражи, — сказал Берегонд и крикнул в дверь: — Привет тебе, Таргон! Знаю, еще не время, но со мной новый воин. Он только прибыл и принят Правителем на службу. Ему пришлось немало проскакать, затянув пояс, а с утра еще и потрудиться. Он проголодался. Дай нам что-нибудь!

Им достались хлеб, масло, сыр и яблоки, последние из зимних запасов, сморщенные, но еще сочные и сладкие, и кожаная бутылка свежего эля, и пара деревянных тарелок с парой кубков, и корзина для всего этого в придачу. С ней они и выбрались на солнышко.

Берегонд привел Пиппина к бойнице восточного бастиона. Отсюда открывался прекрасный вид на утренний мир.

Они ели, пили, разговаривали то о Гондоре и его обычаях, то о Шире и странных землях, которые повидал Пиппин. Изумление Берегонда все росло, он то и дело бросал на хоббита восхищенные взгляды. А тот, сидя на каменной скамье, беспечно болтал ногами и время от времени приподнимался на цыпочки, заглядывая через парпет.

— Не стану скрывать, мастер Перегрин, — сказал наконец гондорский воин, — ты на наш взгляд — так, парнишка лет десяти, и, однако, на твою долю выпали опасности и чудеса, о которых вряд ли слышали даже наши ветераны. Я-то думал, наш Правитель из прихоти приобрел себе благородного пажу, но теперь вижу, что это не так, и прошу прощения за глупость!

— Прощаю! — махнул рукой Пиппин. — Ты ведь недалеко от истины. По нашему счету, я чуть старше мальчишки, и до «вхождения в возраст», как говорят у нас в Шире, мне еще четыре года. Ладно, хватит обо мне. Расскажи-ка, что это за земли перед нами?

Солнце поднялось уже высоко, и туманы в долине растаяли. Крепнувший восточный ветер нес белые клочковатые облака, хлопал флагами и знаменами на Цитадели. На краю долины, лигах в пяти, виднелась Великая Река — серая мерцающая лента, теряющаяся на юго-западе, а дальше, лигах в пятидесяти, лежало Море.

Весь Пеленнор открылся глазам Пиппина. Вдали виднелись пятнышки усадеб, хлева, амбары, но нигде — ни коровы, ни другой живности. Дороги и тропинки во множестве пересекали зеленые поля, и они не пустовали. Одни повозки въезжали в Великие Ворота, другие выезжали им навстречу. То и дело появлялись всадники. Но самой оживленной была главная дорога, которая, сворачивая к югу, огибала отроги гор. Вдоль широкой мощеной мостовой по восточному краю тянулась полоса для верховых, там было попросторнее, а по самой мостовой ползла сплошная масса груженных повозок. Но, приглядевшись, Пиппин понял, что на дороге царит строгий порядок. Подводы двигались тремя потоками: первый — быстрые конные повозки, второй, помедленнее, составляли огромные, за-

пряженные быками телеги, нагруженные пестрым скарбом, а по западному краю дороги шли люди, катившие перед собой ручные тележки.

— Эта дорога ведет к долинам Тумладена и Лоссарнаха, а потом, через горные деревни, в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Туда мы отправляем последние повозки — на них старики и женщины с малыми детьми. К полудню в Городе и на лигу вокруг не должно оставаться никого лишнего. Таков приказ. Печальная необходимость, — он вздохнул. — Немногие из них вновь свидятся с родными. В Городе и всегда-то было мало детей, а теперь почти совсем нет. Только ребята постарше, которые сами не захотели уехать. Они могут понадобиться здесь. Мой сын тоже остался.

Пиппин с тревогой посмотрел на восток.

— Что это там? Еще один город?

— Это руины Осгилиата. Когда-то это была наша столица. Враг сжег его, потом Врага выбили и восстановили мост — Денетор, тогда еще молодой, хотел устроить там форпост, а потом из Минас Моргула появились Жуткие Всадники...

— Черные Всадники? — переспросил Пиппин, и глаза его заполонил пережитый страх.

— Они и вправду черные, — кивнул Берегонд. — А ты, похоже, о них знаешь?

— Да. Только говорить не хочу так близко от... — Он запнулся, взглянув за Реку. Ему показалось, что над равниной нависла призрачная угрожающая тень. Может, это зубчатые пики гор темнели вдаль, может, всего лишь стена облаков, но за ними чувствовался глубокий мрак. Хоббиту почудилось, что тень растет и сгущается, медленно, очень медленно, но все-таки поднимаясь и закрывая ясные земли.

— Близо от Мордора? — закончил за него Берегонд. — Да, это он. У нас тоже не любят произносить это название, но его тень давно нависла над нами. Иногда она слабее и дальше, иногда — гуще и ближе. Сейчас она растет, растут и наши тревоги. Меньше года назад Жуткие Всадники отбили переправы. Там полегло много наших лучших воинов. Боромир в конце концов выбил врагов с западного берега, и мы пока еще

удерживаем половину Осгилиата. Боюсь, ненадолго. Похоже, там скоро начнется еще одна битва, может, самая главная в грядущей войне.

— А когда, как ты думаешь? — спросил Пиппин. — Я прошлой ночью видел гонцов и сигнальные огни; Гэндальф сказал — это знак, что война началась. Он спешил отчаянно. А сейчас все словно опять притихло.

— Просто все наготове, — сказал Бергонд. — Знаешь, бывает затишье перед бурей...

— А почему тогда огни жгли прошлой ночью?

— Слишком поздно посылать за помощью, когда ты уже в осаде. Я, конечно, не знаю, что думают Денетор и его советники. Вести доходят разными способами. Правитель Денетор прозорлив. Говорят, по ночам, в высоком покое Башни, он силой мысли прозревает грядущее, временами он даже мысленно бьется с Врагом. Поэтому он и состарился до времени. Сейчас все ждут вестей от моего начальника, Фарамира. Он ушел за Реку с опасным поручением.

А вчера вечером были получены вести из Лебеннина. К устью Андуина идет флот умбарских пиратов. Они долго не решались испытать мощь Гондора, а теперь заключили союз с Врагом и готовы нанести удар. Это нападение отвлечет тех, на чью помощь мы рассчитывали в Лебеннине и в Белфаласе, так что нам остается только надежда из Рохан. Хорошо, что ты принес весть об их победе.

И все же, — он помолчал, — события в Изенгарде дают понять: мы опутаны хитростью Врага. Потасовки у Бродов, вылазки в Итилиене и в Анориене — пустяки. Началась настоящая, давно задуманная война, и мы в ней — не самая главная цель, как до сих пор казалось гордому Гондору. На востоке, за внутренним морем, началось движение, и на севере, в Сумеречье, и на юге, в Харате. Теперь все страны ждет испытание — устоят они или падут... под Тень.

Но все-таки, мастер Перегрин, нам выпала честь вызвать главную ненависть Темного Властелина, ибо ненависть эта идет из глубины времен. Сюда будет направлен самый тяжелый удар. Потому и Митрандир примчался в такой спешке.

Если падем мы, кто устоит? Скажи, благородный Перегрин, ты веришь, что мы выстоим? — неожиданно спросил Берегонд.

Пиппин не ответил. Он поглядел на огромные стены, на башни и знамена, на солнце высоко в небе, а потом — на сгущающуюся на востоке тьму и подумал о том, какие длинные руки у этой Тени, подумал об орках в лесах и горах, о предательстве Изенгарда, о птицах с недобрый взглядом и о Черных Всадниках на тропинках Шира, и о крылатом ужасе — о назгулах. Это последняя мысль погасила надежду. И тотчас солнце на миг померкло, словно его закрыло темное крыло. Почти на пределе слуха с небесной вышины донесся крик: слабый, но леденящий сердце, жестокий и холодный. Пиппин, мгновенно побледнев, прижался к стене.

— Что это? — тревожно спросил Берегонд.

— Это гибель, — дрожа, отвечал Пиппин. — Это — тень рока. Черный Всадник, получивший крылья.

— И правда, тень рока, — поежился Берегонд. — Боюсь, что Минас Тирит падет. Я вдруг заледенел весь.

Но с высоты уже снова светило солнце, и постепенно они успокоились.

— Рано отчаиваться, — встряхнулся Пиппин. — Гэндальф вон тоже погиб, но вернулся же. Может, и мы устоим, хоть на одной ноге.

— Верно сказано! — Берегонд вскочил и заходил взад-вперед. — Хоть бы все рухнуло разом, Гондор так сразу не возьмешь. Пусть стены захватят, так есть другие, есть и еще крепости и тайные тропы, что ведут в горы. Надежда и память все равно будут жить в какой-нибудь неприметной долине с зеленой травой.

— По мне, чем бы оно ни кончилось, лишь бы побыстрее, — сказал Пиппин. — Я совсем не воин и не люблю даже думать о битвах, но сидеть и ждать, когда от тебя ничего не зависит, — хуже всего! Какой сегодня долгий день! Это затишье мучает меня. Невыносимо стоять и ждать. Я думаю, если бы не Гэндальф, в Рохане до сих пор все еще выжидали бы.

— Ты верно заметил, — сказал Берегонд. — Это многие чувствуют. Но подожди, вот вернется Фарамир, и все пойдет по-другому. Он храбрый, куда отважнее, чем думают многие. Просто теперь люди почему-то не верят, что вождь может одновременно и разбираться в свитках знания, и понимать в музыке, как он, а при этом быть еще и отважным, решительным воином. Но Фарамир именно таков. Не столь безрассудный, как Боромир, но и не менее решительный. Хотя, — засомневался Берегонд, — что же сделает Фарамир? У нас нет сил ударить первыми. Мы можем только ответить ударом на удар. Но наш удар будет тяжелым! — Он воинственно пристукнул ножами о каменные плиты.

Пиппин поглядел на него: высокий, благородный, как все люди, встреченные им в этой стране, а теперь, при мысли о сражении, глаза гондорца воинственно сверкнули.

«А мои руки слабее слабого, — подумал Пиппин. — Как там Гэндальф говорил? Пешка? Да еще не на своем поле!»

В полдень ударил колокол, сзывая воинов на обед.

— Пойдем к нам, — пригласил Пиппина Берегонд. — Еще неизвестно, в каком отряде ты будешь. А может, и вовсе останешься при Правителе. Но у нас в отряде тебе будут рады, а друзья еще никому не мешали.

— Спасибо, — поблагодарил Пиппин. — По правде сказать, мне пока одиноко здесь. Мой лучший друг остался в Рохане. Ни поговорить, ни посмеяться не с кем. А может, я останусь в твоём отряде? — с надеждой спросил он. — Возьми меня к себе, а?

— Я же не начальник, — рассмеялся Берегонд, — простой воин третьего отряда Цитадели. Правда, и это немало. Воинов Цитадели в Городе уважают.

— Значит, это тоже не для меня, — вздохнул Пиппин. — Зайдем сначала ко мне, и, если Гэндальф еще не вернулся, я пойду с тобой... как гость.

Однако Гэндальф не возвращался, и Берегонд повел хоббита в свой отряд. Пиппина приняли с большим почетом. Все уже знали о его длительной беседе с Денетором. В отряде

ходили слухи о князе, прибывшем с далекого севера с пяти-тысячным войском и предложением военного союза. А некоторые говорили, что на подходе войска Рохана, и каждый из Всадников везет в седле по отважному и свирепому в бою полурослику.

Пиппин, хоть и с сожалением, опроверг эти рассказы. Но от княжеского титула ему избавиться не удалось. «В самом деле, — рассуждали многие, — другу Боромира и личному гостю Правителя приличествует титул никак не меньше князя». Пиппина благодарили за приезд, а его рассказы о дальних странах и удивительных приключениях слушали так, что он едва не забыл совет Гэндальфа попридержаться язык. Гэндальф хорошо знал хоббитов.

Уходя на пост, Берегонд посоветовал Пиппину найти в Нижнем ярусе его сына, Бергиля.

— Он покажет тебе Город. Сходите с ним к Большим Воротам, пока они не закрылись, — посоветовал он.

Берегонд ушел. Вскоре разошлись и остальные.

Денек был хорош, разве что жарче, чем обычно в марте на юге. Пиппина потянуло в сон, но возвращаться в пустую комнату не хотелось, и он решил спуститься вниз, навестить коня. Он прихватил немножко сахара, прибереженного для Сполоха, и тот принял угощение с радостью, а до этого стоял, понунив голову. Потом извилистыми улочками Пиппин двинулся вниз.

На него глазели. Встречные воины были торжественно учтивы, приветствуя его по обычаю Гондора поклоном и особым жестом. Позади он слышал возгласы: гондорцы звали других взглянуть на Князя Полуросликов, спутника Митрандира. Говорили не только на Всеобщем языке, но Пиппин быстро усвоил, что означает *Эрнил и Перианнат*, и понял, что от этого титула в Городе он уже не отделается.

Наконец он спустился переходами и мостовыми в нижний, самый широкий ярус, и там ему указали улицу Фонарщиков. На ней он отыскал старый Гостиный Двор, о котором говорил Берегонд, — огромное строение из серого выветренного камня,

а за ним — еще один дом с множеством окон. По всему фасаду тянулось крыльцо с колоннами. Между ними играли мальчишки — первые дети, которых Пиппин увидел в Минас Тирите. Он остановился, разглядывая их. Один из мальчишек заметил его взгляд, бросил игру и выбежал на улицу. Теперь он стоял перед Пиппином, рассматривая его как диковинку.

— Привет! — сказал парнишка. — Ты откуда? Ты в Городе чужой.

— Был, — ответил Пиппин. — Говорят, я теперь воин Гондора.

— Да ладно, — неуверенно улыбнулся паренек. — Тогда мы все тут воины. А лет тебе сколько и звать как? Мне вот уже десять, и скоро во мне будет пять футов. Я выше тебя. У меня отец в Страже, он там выше всех. А твой отец кто?

— С чего начинать? — улыбнулся Пиппин. — Мой отец возделывает землю вокруг Белых Ключей около Тукборо в Шире. Лет мне двадцать девять, тут я тебя обогнал, а вот росту во мне всего четыре фута, и больше, пожалуй, не вырасти, разве что в ширину.

— Двадцать девять! — присвистнул его собеседник. — Так ты взрослый совсем. Как мой дядя. А спорим, я смогу тебя на уши поставить или на лопатки положить.

— Может, и сможешь, — рассмеялся Пиппин, — если я разрешу. А может и наоборот оказаться. Знаешь, в моей маленькой стране есть всякие хитрые приемы. А там, сказать по правде, я считаюсь большим и сильным; и я сроду не позволял никому ставить себя на уши. Вот станешь постарше, узнаешь, что по виду да росту не всегда можно судить. Ты принял меня за рохлю-чужеземца, а я — полурослик, сильный, отчаянный и свирепый!

Пиппин скорчил такую рожу, что мальчишка невольно отступил на шаг, но тут же сжал кулаки.

— Да нет! — расхохотался Пиппин. — Мало ли что чужестранцы про себя наплетут! Я не боец. Но во всяком случае, нападающему не мешало бы представиться.

Мальчик гордо выпрямился.

— Я — Бергиль, сын Стража Берегонда!

— Так я и думал, — кивнул Пиппин. — Ты похож на отца. Это он послал меня, чтобы тебя разыскать.

— Что ж ты сразу не сказал! — воскликнул Бергиль и вдруг схватил хоббита за руку. — Только не говори, что он передумал и отправляет меня с женщинами! Да нет, последние повозки ушли ведь.

— Мои вести не настолько плохи, — успокоил его Пиппин. — Отец просил тебя показать мне Город и скрасить мое одиночество, вместо того чтобы ставить на уши. А я бы взамен рассказал тебе о дальних странах.

Бергиль захлопал в ладоши и рассмеялся.

— Конечно! — вскричал он. — Пойдем! Мы все равно собирались к Воротам, поглядеть. Пойдем сейчас.

— А что там?

— До заката по Южной дороге должны подойти вожди окрестных земель. Пошли с нами, увидишь.

Бергиль оказался хорошим товарищем, и скоро они уже бродили по улицам, болтая и смеясь, не обращая внимания на удивленные взгляды. У Больших Ворот авторитет Пиппина в глазах Бергиля вырос необыкновенно. Пиппин назвал пароль, а потом назвался сам. Страж почтительно приветствовал его и не только пропустил самого Пиппина, но позволил пройти и товарищу знатного чужеземца.

— Вот здорово! — восхитился Бергиль. — Мальчишкам ведь не разрешают больше выходить за Ворота без старших. Теперь мы все увидим.

Перед Воротами собралась толпа. Как только хоббит с мальчиком протолкались в первые ряды, слышались звуки труб и крики:

— Форлонг! Друг Форлонг!

— О ком они? — спросил Пиппин.

— Форлонг пришел, — объяснил Бергиль, — старый Форлонг Толстяк, правитель Лоссарнаха. Я оттуда родом. Вот он, старина Форлонг!

Во главе отряда неторопливо вышагивал мохнатый битюг, на нем восседал человек (о таких говорят: поперек себя

шире), старый, седой, но в кольчуге, черном шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним стройными рядами шли запыленные воины в полном вооружении, с огромными боевыми топорами, суровые и коренастые. Они были смуглее гондорцев.

Среди приветственных криков слышались горькие голоса: «Их так мало! Всего двести воинов! А мы ждали никак не меньше двух тысяч. Это из-за пиратов! Одно название осталось от мощи Лоссарнаха. Ну, да нам каждая кроха ценна!»

Отряд Форлонга вошел в Город, а к Воротам уже подходили новые войска. Южные провинции шли на помощь Городу в грозный час, но слишком малы были их отряды, меньше, чем ждали и чем требовалось в нужде. Людей из долины Рингло возглавлял сын предводителя, Дерворин. Три сотни пеших. Из верховий Мортонда, Долины Черных Корней, высокий Дуинхир с сыновьями, Дуилином и Деруфином, привел пять сотен лучников. Из Анфаласа, с дальнего взморья, пришел разношерстный народ: охотники, пастухи, крестьяне из маленьких деревушек, кое-как вооруженные, и дружина их правителя Голасгила. Из Ламедона — всего несколько угрюмых горцев без вожака. Шли рыбаки Этира — несколько сотен. Хирлуин Прекрасный с зеленых холмов Пиннат Гелина ехал во главе трех сотен благородных воинов в зеленом. Последним явился самый достойный из всех — Имрахиль, князь Дол Амрота, родич Денетора. На позолоченных знаменах красовался знак Корабля и Серебряного Лебедя; за ним следовал отряд рыцарей в полном вооружении на серых конях и семь сотен воинов, высоких, сероглазых и темноволосых. Они шли и пели.

Вот и все. Меньше трех тысяч в общей сложности. Больше ждать было некого.

Топот, пение, боевые кличи, звуки рогов постепенно затихали. Любопытные постояли еще немного. В неподвижном воздухе висела кисея пыли. Солнце склонялось за Белые Горы, и на Город ложились вечерние тени. Близилось время закрытия Ворот.

Пиппин взглянул в небо. Закатные лучи с трудом пробивались сквозь дымный, пепельно-серый воздух. Краски были багровы и угрюмы.

— Какое гневное небо! — пробормотал хоббит, забыв о своем спутнике.

— Точно. Если я не приду вовремя, гнева будет хоть отбавляй, — отозвался Бергиль. — Идем. Ворота уже закрывают.

Они последними вошли в Город, когда в окнах уже зажигались огни, а на башнях печально звонили колокола.

— До свиданья, — попрощался Бергиль. — Увидишь отца, поблагодари его от меня за нового друга. И приходи завтра опять. Мне уже почти хочется, чтобы не было войны, вот бы мы тогда весело зажили! Сходили бы в Лоссарнах, к моим родичам — там хорошо весной! А может, мы туда еще и попадем. Не победить им нашего Правителя, и отец у меня отважный! До свиданья! Обязательно завтра приходи.

Они расстались в Нижнем Городе, и Пиппин поспешил в Цитадель. Быстро темнело. Идти было далеко, он устал и проголодался и вдобавок опоздал к ужину. Берегонд обрадовался его приходу, поделился своим пайком и стал расспрашивать о сыне, но Пиппин торопился домой. На сердце у него было неспокойно. Хотелось повидаться с Гэндальфом, который все знает и рядом с которым ничего не страшно.

Они вышли на улицу. В небе не было ни звездочки, и Город затопила темень.

— Ты найдешь дорогу? — забеспокоился Берегонд. — Нам приказано не зажигать огня в домах и на стенах. Да, чуть не забыл! Утром тебя призывает Денетор. Похоже, в третий отряд ты не попадешь. Ну, да как-нибудь увидимся. Прощай, друг! Доброй ночи!

В комнате, куда наконец добрался Пиппин, было темно, но на столе горел маленький светильник. Гэндальфа опять не было, и от этого тревога и грусть Пиппина только возросли. Он взглянул в окно — все равно что в чернильницу заглянул. Тогда ему пришло в голову закрыть ставни. Стало немного уютней, он лег и долго прислушивался — не идет ли Гэндальф, да так и уснул. А среди ночи проснулся и увидел мага, меряющего ша-

гами комнату. На столе, среди свитков пергамента, горели свечи. Пиппина разбудило бормотание, но он услышал только, как Гэндальф, тоскливо вздохнув, сказал:

— Когда же вернется Фарамир?

— Ты пришел! — радостно воскликнул хоббит, поднимаясь. — Это хорошо, а то я думал, не забыл ли ты про меня. Такой длинный день был...

— Зато ночь будет короткой, — проворчал Гэндальф. — Я пришел подумать в тишине. Спи, пока еще спишь в постели. На рассвете мы идем к Денетору. Хотя что я говорю! Рассвета не будет. Наступил Великий Мрак!

Глава II ВЫБОР АРАГОРНА

Когда стих топот копыт Сполоха, уносящего Гэндальфа и Пиппина, Мерри вернулся к Арагорну. Сумку свою он потерял еще в Порт Галене, собирать было нечего — так, кое-какие полезные мелочи с развалин Изенгарда. Леголас и Гимли ожидали только сигнала тронуться в путь.

— Нас осталось четверо, — сказал Арагорн. — Мы будем вместе, но пойдем не одни. После этого крылатого ужаса король решил выступать немедленно и возвращаться к холмам под прикрытием ночи.

— А потом куда? — спросил Леголас.

— Еще не знаю. Правитель отдал приказ войскам собраться в Эдорасе на четвертую ночь после этой. Там, я думаю, его

ждут вести о войне, и Всадники Рохана двинутся к Минас Тириту. Но у меня другая дорога.

— Я с тобой, — тут же сказал Леголас.

— И я тоже, — отозвался Гимли.

— Мой путь еще темен для меня, — задумчиво ответил Арагорн. — Кажется, наступает час, к которому я готовился всю жизнь. Нам тоже нужно попасть в Минас Тирит, но каким путем мы придем туда, я еще не решил.

— А я? — подал голос Мерри. — До сих пор от меня было немного толку, но я все-таки не какая-нибудь безделушка. Всадникам не до меня, хотя их Правитель и обещал, что мы поговорил с ним о Шире после возвращения.

— Мне видится, что ты должен идти с ним, Мерри, — сказал Арагорн. — И не рассчитывай на веселую прогулку! Теодену долго еще не сидеть в покое Золотых Палат. Немало надежд иссякнет этой горькой весной!

Они отправились затемно. Теоден, с ним двадцать два Всадника, Леголас с Гимли и Арагорн с Мерри. Уже переправившись через Изен, они слышали за спиной топот. Их нагнал Всадник из арьергарда.

— Повелитель, — доложил он. — Нас настигает конный отряд. Мы слышали их от самой переправы, скоро они будут здесь.

Теоден приказал остановиться. Всадники развернулись и взялись за копыя. Арагорн тотчас спрыгнул с коня и с мечом в руках встал у стремени правителя. Йомер со своим оруженосцем быстро выдвинулись вперед. Мерри опять остался не у дел и острее прежнего ощутил свою никчемность. Держа в поводу коня Арагорна, он думал, как быть, если на них нападут.

«Будь что будет», — решил он, обнажил меч и поправил пояс.

Заходящую луну заслонило большое облако, а когда снова просветлело, все явственно слышали топот коней и различили темные фигуры, быстро приближавшиеся по тропе от Бродов. Лунный свет поблескивал на копиях. Их было, во всяком случае, не меньше, чем в королевском отряде.

До них оставалось шагов тридцать, когда Йомер властно прокричал:

— Кто вы и что вам нужно в Рохане?

Чужой отряд остановился. Наступила тишина. Один из всадников спешил и медленно двинулся вперед. Он протянул руку ладонью вверх — это был знак мира. Не доходя шагов десяти, человек остановился. Он был высок ростом, и голос его звучал ясно.

— Рохан? Так вы сказали? Приятно слышать! Сюда и торопились мы издалека.

— Вы вступили на земли Рохана, когда пересекли Броды, — сказал Йомер. — Но здесь правит король Теоден, и воины передвигаются только с его позволения. Кто вы и почему торопитесь?

— Я — Хальбарад, Следопыт с севера, — ответил человек. — Нам нужен Арагорн, сын Арахорна. Я знаю, что он должен быть в Рохане.

— Хальбарад! — вскричал Арагорн и, бросившись к предводителю отряда, крепко обнял его. — Хальбарад! Из всех неожиданных ты — самая приятная!

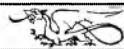
Мерри перевел дух. Отдавать жизнь, защищая Теодена, можно было подождать. Он вложил меч в ножны.

— Все в порядке. — Арагорн повернулся к отряду короля. — Это мои люди. Но сколько их и почему они пришли, лучше расскажет мой верный друг Хальбарад.

— Со мною тридцать человек. Столько, сколько удалось собрать, — ответил Хальбарад. — С нами Элладан и Элрохир, сыновья Элронда. Мы выступили, как только узнали, что тебе нужна помощь.

— Но я не просил помощи, — удивился Арагорн, — хотя в мыслях я часто обращался к вам, друзья, но вестей не посылал. Однако вы здесь, и я очень этому рад. Сейчас мы спешим, нам угрожает опасность. Правитель, — обратился он к Теодену, — позвольте им ехать с нами.

— Хорошо, — сказал Теоден, и было видно, что он доволен. — Если ваши люди хоть немного похожи на вас, благородный Арагорн, то тридцать таких витязей — это не просто тридцать человек. В путь!

Теперь они скакали вместе. Арагорн расспрашивал вновь прибывших о новостях. Элрохир сказал:

— Отец велел передать тебе: «Срок близок. Если придется спешить, вспомни о Тропах Мертвых».

— Я никогда не медлил, — ответил, помрачнев, Арагорн. — Но как же надо спешить, чтобы отважиться на этот путь!

— Об этом предстоит подумать, — отозвался Элрохир, — но не сейчас, посреди дороги.

— Да, — кивнул Арагорн и после некоторого молчания спросил: — Хальбарад, что это у тебя? Для копья велико...

— Подарок тебе от Девы Имладриса, — ответил Хальбарад. — Долго и тайне от всех трудилась она над ним и передает со словами: «Сроки истекают. Теперь или никогда. Возьми то, что принадлежит тебе. Добрый путь, Эльфинит!»

— Да, — опять сказал Арагорн, — я знаю, что это. Пусть будет у тебя.

Дальше он скакал молча, неотрывно глядя на север, где в ночном небе горели крупные звезды.

На рассвете они прибыли в крепость Хорне. После отдыха было решено собрать совет.

Гимли и Леголас с трудом разбудили Мерри.

— Солнце высоко, — тормозил хоббита эльф. — Вставай, лежебока, все давно на ногах, оглядись вокруг!

— Три ночи назад здесь была битва, — сказал Гимли. — Мы с Леголасом состязались, и я отыграл у него одного орка. Иди глянь, как все было! А пещеры тут, Мерри, диво что за пещеры! Леголас, может, прямо сейчас и сходим туда?

— Времени нет, — отозвался эльф. — На чудеса второпях не смотрят. Я же обещал тебе вернуться, если снова настанут мирные дни. А сейчас дело к полудню. Надо успеть поесть. Мы скоро выступаем.

Мерри неохотно поднялся, зевая во весь рот. Он не выспался. Пиппина не было, не с кем было отвести душу, и он снова почувствовал себя обузой. Чтобы как-то сменить настроение, он поинтересовался, где Арагорн.

— Он наверху, в башне, — ответил Леголас. — Всю ночь не спал, думает, — озабоченно добавил он. — С ним его родич, Хальбарад. Что-то заботит нашего Колоброда.

— Удивительные они люди, эти дунаданы, — заметил Гимли. — Угрюмые. Слова лишнего не скажут. Роханские Всадники рядом с ними кажутся беспечными мальчишками.

— Но говорят учтиво, — сказал Леголас. — Жаль только — мало. А вы обратили внимание на Элладана и Элрохира? Они не так мрачно выглядят. Красота, изящество — настоящие эльфийские князья. Сразу видно сыновей Элронда из Дольна.

— А почему они приехали, я так и не понял, — признался Мерри. Он уже оделся, накинул плащ, и теперь они втроем направлялись к разбитым воротам.

— Ты же слышал, их позвали на помощь, — сказал Гимли. — Они говорили: в Дольне узнали, что Арагорну нужна помощь, вот дунаданы и отправились к нему в Рохан. А как узнали — неведомо. Должно быть, от Гэндальфа.

— Нет, это — Галадриэль, — заявил Леголас. — Помните? Она ведь сообщила через Гэндальфа о Сером Отряде с севера.

— Так и есть, — важно кивнул Гимли. — Владычица Леса! Она читает в сердцах и в мыслях. Может, и нам пожелать на подмогу наших родичей, а, Леголас?

Эльф стоял в воротах и смотрел на северо-восток. Лицо его было встревожено.

— Им нет нужды идти на войну, — ответил он. — Она сама пришла к ним.

Друзья прошли по крепости, вспоминая недавние события, спустились к разбитым воротам, прошли мимо свежих курганов у дороги и помянули павших, потом остановились у вала, разглядывая следы, оставленные хуорнами, и высокий, засыпанный черными камнями Холм Смерти. В полях и на разрушенном валу кипела работа: там были и дунгарцы, и воины из Хорне.

Побродив некоторое время в долине, странно тихой после недавних событий, друзья вернулись в крепость. Теоден, узнав об их приходе, тут же призвал Мерри, усадил его рядом и сказал:

— Конечно, это не дворец, который я обещал вам. Но до Эдораса далеко, и мы не скоро вернемся туда. Значит, с пирами придется подождать. Сейчас есть время, вот угощение, поговорим же, а потом — в путь!

— И я с вами? — воскликнул обрадованный Мерри. Он был очень благодарен Правителю за ласковые слова. — Я только мешаю всем, — удрученно добавил он, — но буду стараться сделать все, что могу.

— Я не сомневаюсь в этом, любезный Мериадок, — ответил старый Правитель, — я даже велел приготовить для вас подходящую лошадку. Она хоть и невелика ростом, но на том пути, которым мы пойдем, не уступит другим коням. Мы вернемся в Эдорас по горным дорогам, через Дунхарг, где меня ждет Йовин. Я предлагаю вам сопровождать меня в качестве личного оруженосца. Вы согласны?

Мерри только взволнованно кивнул.

Правитель, обращаясь к Йомеру, спросил:

— Найдется ли у нас подходящее вооружение?

— Конечно, больших складов здесь нет, — отвечал Йомер, — но легкий шлем можно подобрать. А вот с мечом и кольчугой вряд ли что получится.

— Меч у меня есть, — сказал Мерри, обнажая свой нуменорский клинок. Повинуясь внезапному порыву, он опустился на колени и взволнованно сказал: — Великий Теоден! Прощу тебя, прими под свои знамена меч Мериадока из Ши́ра вместе с его жизнью!

— Принимаю охотно, — ответил старый Правитель, кладя руку на голову хоббита. — Встань, Мериадок, щитоносец Рохана! Пусть твоему мечу сопутствует удача!

Мерри встал и, сдерживая слезы в голосе, проговорил:

— Вы для меня стали отцом, Правитель!

— Жаль только, ненадолго, — грустно ответил Теоден.

Их беседу прервал Йомер.

— Пора ехать, Правитель. Я прикажу подать сигнал к походу. Только где же Арагорн? Я не видел его за столом.

— Да, пора ехать, — поднимаясь, сказал Теоден. — Найдите благородного Арагорна и напомните ему об отъезде.

Сопровождаемый свитой, он вышел вместе с Мерри из крепости. Правителя уже ждал многочисленный отряд Всадников. В крепости оставался только небольшой гарнизон. Около тысячи копейщиков выступили ночью. К месту сбора в Эдорасе Теодена сопровождали еще пятьсот воинов, по большей части — жители долин и предгорий Вестфолда.

Поодаль, небольшой группой, молчаливые, хорошо вооруженные, располагались люди Хальбарада. Их оружие и одежда были попроще, чем у Всадников, и одеты они были в простые темно-серые дорожные плащи. Лишь на плече у каждого тускло мерцала пряжка в виде серебряной многолучевой звезды.

Теоден сел на коня, и в это время из ворот вышли Йомер, Арагорн и Хальбарад с древком в черном чехле. За ними, неразличимо похожие, шли сыновья Элронда: высокие, темноволосяные, сероглазые, в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шагали Леголас и Гимли.

Мерри, сидевший на низкорослой лошадке рядом с Правителем, не мог отвести удивленного взгляда от Арагорна. За одну ночь Колоброд словно постарел на много лет. Он выглядел мрачным и измученным.

— Я смущен духом, благородный Теоден, — произнес он, подойдя к королю. — Станные слова слышал я и грозные опасности видел. Мои планы приходится менять. Скажите, когда вы будете в Дунхарге?

— Сейчас полдень, — ответил за Правителя Йомер, — если мы выступим без промедления, то к вечеру третьего дня будем там. Сбор отрядов назначен на следующий день. Нам нужно собрать все силы, быстрее этого не сделать.

— Через три дня войска начнут собираться... И быстрее этого не сделать... — пробормотал Следопыт. — Повелитель, — обратился он к Теодену, видимо, приняв какое-то решение, — я прошу позволить моему отряду выбрать свой путь. Мы не будем больше скрываться и пойдем на восток кратчайшей дорогой — Путем Мертвых.

При этих словах Теоден вздрогнул. Видно было, что они поразили и Йомера, а Мерри показалось, что Всадники, стоявшие поблизости, побледнели.

— Насколько я знаю, — медленно проговорил Теоден, — никому из смертных не удавалось воспользоваться этой «кратчайшей» дорогой...

— Ах, Арагорн, — горестно вздохнул Йомер, — я думал, что в бою мы будем биться плечом к плечу. Но если ты выбрал Путь Мертвых, значит, пришел час прощания. Едва ли мы встретимся снова под солнцем.

— Не только встретимся, благородный Йомер, — твердо ответил Следопыт, — но и будем вместе в битве, пусть хоть все силы Мордора встанут между нами. Выбор сделан, и время не ждет.

— Вы вольны в своих поступках, — печально произнес Теоден. — Может быть, такова ваша судьба — проходить там, где не пройдет никто. Разлука огорчает меня, а в предстоящей битве вы и ваш Андрил умножили бы наши силы... Но, видно, не суждено. Теперь я тем более должен спешить. Прощайте!

— Прощайте, повелитель, — ответил Арагорн. — Да приведет ваш путь к славе! Прощай, Мерри, ты остаешься в надежных руках, я не беспокоюсь за тебя больше. Гимли и Леголас идут со мной, но мы не забудем о тебе. Не забывай и ты нас. Прощай!

Мерри едва сумел вымолвить ответное «прощай!». Ему было нестерпимо жаль расставаться с Колобродом, но слова «Путь Мертвых» словно придавили его к земле, он снова почувствовал себя маленьким и остро пожалел, что рядом нет веселого, неунывающего Пиппина. Кони под всадниками нетерпеливо перебирали ногами, и Мерри хотелось, чтобы поход начался, лишь бы не длить тяжести прощания.

Наконец, после короткого приказа Теодена, Йомер взмахнул рукой, и отряд Всадников двинулся вперед. Вскоре они уже скрылись за поворотом. Арагорн со стены вала долго глядел им вслед. Спустившись, он подошел к Хальбараду:

— Я проводил троих очень близких друзей, Хальбарад, и меньшего из них я люблю ничуть не меньше других. Он не догадывается даже, к какой судьбе скачет, но если бы и догадался, то все равно не повернул бы коня.

— Насколько я успел узнать хоббитов, — отозвался Хальбарад, — они отважны, и слово «долг» им знакомо. Мне не жаль сил, потраченных на охрану границ Шира, хотя хоббиты и не знают о наших трудах.

— Мы сроднились с ними, — задумчиво проговорил Арагорн, — но вот, пришлось расстаться. Пора и нам. Сначала — обед, а потом — в путь! Леголас, Гимли, нам нужно поговорить.

Однако за столом Арагорн долго молчал.

— Успокойся, — участливо сказал Леголас, — к чему печалиться? Что такое стряслось со времени нашего прибытия?

— Мне пришлось выдержать битву пострашнее недавней, — хмуро ответил Арагорн. — Я воспользовался Камнем Ортханка, друзья.

— Ты смотрел в этот проклятый камень?! — ужаснулся Гимли. — Но ведь даже Гэндальф опасался этого! И ты... ты сказал что-нибудь Врагу?

— Ты забываешь, с кем говоришь! — глаза Арагорна сверкнули. — Что, по-твоему, я должен был сказать ему? Что охотно обменял бы одного дерзкого гнома на смирного орка? — Лицо его стало мягче, и на нем еще отчетливее проступили следы усталости. — Нет, добрый Гимли, я ничего не сказал Врагу. Камень мой по праву, и у меня достаточно сил, чтобы пользоваться им, — так я думал, во всяком случае. Но если право мое бесспорно, то вот сил едва хватило. — По лицу Следопыта прошла судорога. — Борьба была страшной, но я не только не сказал ему ничего, но и вырвал Палантир из-под его власти. Это удар для него, и сильный удар. А еще — Враг видел меня. Да, достойный Гимли, он видел меня, но не в том обличье, в котором я знаком вам... До сих пор он не знал о моем существовании, и это — второй удар. Саруман в Ортханке видел просто человека в роханских доспехах, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни его Нарсил, и вот теперь, в трудный для него час, он узрел потомка Исилдура, увидел Андрил и узнал этот меч. Как ни велико его могущество, но и ему знаком страх, и его вечно снедают тревоги.

— Но он очень силен, — сказал Гимли, — и теперь не замедлит с ударом.

— Кто спешит, тот рискует промахнуться, — ответил Арагорн. — Мы не будем ждать, пока он начнет, мы ударим сами. — Следопыт помолчал и сказал уже спокойнее: — Подчинив Камень Ортханка своей воле, я узнал немало. Я видел, что Гондору угрожает с юга новая опасность. Если не предотвратить ее, Гондор не выстоит и десяти дней.

— Значит, он падет, — скорбно произнес Гимли. — Кого послать на помощь и как она успеет?

— Послать некого, это верно. Значит, придется идти самому. А что до времени, то к побережью ведет короткий путь, и воспользоваться им не поздно. Это — Путь Мертвых.

— Путь Мертвых... — вздрогнув, повторил Гимли. — Я уже слышал сегодня эти слова и видел, что Всадникам они не по душе. Похоже, эта дорога не для простого смертного. Но если даже ты пройдешь по ней, что может сделать горстка воинов против мощи Мордора?

— Смертные не пользовались этой дорогой после прихода рохирримов, — промолвил Арагорн, — она закрыта для них. Но в темный час судьбы наследник Исилдура, если осмелится, сможет одолеть ее. Слушайте, что передает мне Элронд через сыновей: «Пусть Арагорн помнит о словах прорицателя и Пути Мертвых».

— А ты знаешь, что это за слова? — спросил Леголас.

— Да. Мальбет Прорицатель во дни Арведуи, последнего короля Форноста, сказал:

*Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил... Содрогается замок...
Близится время подняться умершим:
Клятвопреступников час наступает.
Эреха камень опять соберет их
Вместе по звуку звенящего рога.
Кто обладатель священного рога?
Кто созовет их у Черного Камня?
Тот, чьему предку служили неверно
Люди, забытые в сумерках серых,
Тот, кто откроет забытые двери,
Тот, кто проследует Тропами Мертвых...*

— О темных вещах ты говоришь, — сказал Гимли, — только эти слова для меня еще темнее.

— Если хочешь разобраться, приглашаю тебя с собой, — сказал Арагорн, — ибо я выбираю именно этот путь, выбираю без всякой радости, а только потому, что так должно. Тяжкий труд и великий страх, а может быть, и что-нибудь похуже сулит он, поэтому я не прошу вас идти со мной...

— Я пойду с тобой даже Тропами Мертвых! — пылко воскликнул Гимли.

— Я тоже, — поддержал его Леголас. — Я не боюсь мертвых.

Гимли уже овладел собой.

— Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, — проворчал он. — Иначе я не вижу, чего ради их беспокоить!

— Об этом мы узнаем, если придем к Эреху, — сказал Следопыт. — Когда-то эти люди поклялись сражаться против Саурона, и им придется сдержать обещание. На вершине Эреха стоит Черный Камень. Исидур принес его из Нуменора. На этом камне король горцев поклялся в преданности моему предку, когда создавалось княжество Гондор. Саурон вернулся, мощь его начала расти, и тогда Исидур напомнил горцам о данном обещании. Но Тьма уже делала свое дело, и горцы отказались выступить против Врага. Тогда и сказал Исидур королю горцев слова, которые помнят у нас на Севере: «Ты будешь последним королем этого народа. Запад сильнее твоего Черного Владыки. Я проклинаю тебя и твой народ: да не будет вам в мире покоя, покуда не исполните своей клятвы. Ибо несчетные годы будет длиться эта война, и однажды вас призовут снова». Гнев Исидура не позволил горцам принять сторону Саурона, но и страх перед Врагом был силен. Тогда они ушли в тайные места в горах и медленно угасали в бесплодных холмах. Никто из живых больше не видит их. Но Проклятие Исидура действовало, и с тех пор ужас Бессонных Мертвецов лежит на холме Эреха, там, где обитало раньше это гордое племя. Этим путем я и пойду, даже если останусь один.

Леголас и Гимли молча встали. У ворот крепости их ждал отряд Хальбарада. Арагорн вскочил в седло. Хальбарад оглядел-

ся, поднял большой рог и громко протрубил. Вскоре отряд исчез в облаке пыли, поднятом копытами коней.

Пока Теоден неспешно пробирался предгорьями, Серый Отряд вихрем пронесся по равнине. К полудню следующего дня они спешили в Эдорасе. После недолгого отдыха Арагорн повел своих людей к Дунхаргу.

Йовин с радостью приветствовала дунаданов и сыновей Элронда, но прибытие Арагорна вызвало у нее совсем особые чувства. За ужином он поведал ей о том, что произошло после отъезда короля Теодена, а рассказ о сражении в Хельмовой Пади заставил заблестеть глаза прекрасной воительницы.

Выслушав, Йовин сказала:

— Вы устали, но сегодня я не ждала вас, вам придется отдыхать в наспех приготовленных покоях, зато завтра мы устроим вам настоящий прием.

— Нет, милая Йовин, — ответил Арагорн. — Завтра на рассвете нас уже не будет здесь. Ночлег и легкий завтрак на дорожку — вот все, что нам нужно. Мы спешим.

Йовин с трудом улыбнулась:

— Спасибо, что ты приехал издалека поразвлечь меня новостями.

— Чтобы развлечь тебя, любой приехал бы хоть с края света. Но меня привела сюда моя дорога.

— Должно быть, ты сбился с пути. Из этой долины нет дорог ни на восток, ни на юг.

— Следопыта трудно сбить с дороги, — устало улыбнулся Арагорн. — Я бродил по этим землям еще до того, как на них пал отсвет твоей красоты. Одна дорога есть. Моя. Меня ждет Путь Мертвых.

Йовин вздрогнула, побледнела и долго молча смотрела на Арагорна. Наконец она сказала:

— Но почему ты непременно должен искать смерти? Кроме нее, на этом пути ничего нет. «Мрак не пропустит никого из живых», — я слышала это много раз.

— Может быть, меня все-таки пропустит. Я должен попытаться. Других путей для меня нет.

— Но это же безумие, — проговорила она. — С тобой доблестные и отважные люди; лучше бы ты повел их в битву, а не во мрак. Я прошу тебя, дождись моего брата и отправляйся с ним, светлее будет у всех на сердце и ярче надежда.

— Это не безумие, госпожа, — отозвался Арагорн. — Я выбрал предназначенный мне путь. А те, что со мной, идут по доброй воле. Они могут остаться здесь и идти с рохирримами. А я пойду Тропами Мертвых, даже если придется идти одному.

Наступило долгое молчание. Йовин не сводила глаз с Арагорна. Мучительные минуты переживала она. Наконец гости поднялись, поблагодарив за заботу, и отправились в отведенные покои. Йовин окликнула Арагорна. Он обернулся. Ее белое платье мерцало в ночи, глаза блестели.

— Арагорн, ну зачем тебе этот страшный путь?

— Я ведь не по своей воле выбираю пути, Йовин. Только так я смогу совершить, что должен, в нашей борьбе с Врагом. Если бы я следовал только зову сердца, то бродил бы сейчас в прекрасных садах Дольна.

Девушка задумалась над этим ответом, потом, положив руку ему на плечо, сказала:

— Ты отважен и решителен. К таким приходит слава. Позволь мне сопровождать вас. Я не хочу больше прятаться среди холмов, меня влекут сражения и опасности.

— Долг повелевает тебе остаться с твоим народом, — ответил Следопыт.

— Слишком часто я слышу о долге! — воскликнула она. — Разве я не из рода Йорлов? Я воин, а не сиделка. Я и так долго просидела у старческих ног. Теперь король снова в седле, так разве я не могу устраивать собственную жизнь по своей воле?

— Даже собственную жизнь надо устраивать достойно, — произнес Арагорн. — А твоему попечению король вверил людей. Если бы его выбор пал на другого, если бы на твоём месте оказался любой военачальник, что бы ты сказала, брось он людей, доверенных ему?

— Выбор и дальше будет падать на меня, — горько сказала Йовин. — И я всегда буду оставаться, когда уходят Всадники,

и присматривать за домом, пока они добывают славу, и готовить еду, и стелить постели к их возвращению...

— А если они не вернутся однажды? Тогда понадобится доблесть без славы, ибо некому помнить подвиги тех последних, кто будет биться у порога дома. Но и безвестный подвиг останется подвигом.

— Опять я слышу те же слова: «Ты — женщина, твой удел — дом». А когда воины с честью гибнут в битве, тебя оставляют гореть вместе с домом, потому что мужчинам он больше не нужен. Я из дома Йорла, и я не служанка, а вот должна сидеть у очага, хотя не боюсь ни ран, ни смерти. Я с детства езжу верхом и владею оружием не хуже любого другого.

Арагорн внимательно посмотрел на нее и осторожно спросил:

— Но что же тогда страшит тебя?

— Клетка! — порывисто ответила она. — Не хочу сидеть в клетке всю жизнь, пока старость не отнимет у меня всякую надежду совершить подвиг!

— Ты рвешься к подвигам, а меня отговариваешь от них, — с шутивым упреком заметил Следопыт.

— Я не отговариваю, — горько ответила Йовин, — я хочу, чтобы твой меч принес победу и славу, и не только тебе. Доблесть нужна, но...

— Я тоже так думаю, — прервал ее Арагорн. — Оставайся здесь. Тебе нечего делать на юге.

— Как и твоим спутникам, — сказала она. — Они идут только потому, что не хотят расставаться с тобой, потому что тоже любят тебя! — С этими словами Йовин повернулась и исчезла в темноте.

На рассвете, еще до восхода солнца, Серый Отряд был готов выступить. Арагорн уже вдел ногу в стремя, но в этот момент к ним подошла Йовин. На ней была одежда Всадника, на поясе — меч, в руках — кубок. По обычаю она отпила глоток, желая им удачи в пути, и передала кубок Арагорну. Он тоже отпил и пожелал счастья ей и ее народу.

Леголас и Гимли, знавшие Йовин гордой и холодной наместницей короля, с удивлением увидели слезы на ее прекрасном лице. Она смотрела только на Арагорна.

— Ты не исполнишь мою просьбу? Не возьмешь меня с собой?

— Нет, — покачал головой Следопыт. — Без согласия Правителя и твоего брата — нет. Они придут только завтра, а мне дорог каждый час. Прощай, Йовин!

Тогда неожиданно она упала на колени.

— Прошу тебя!

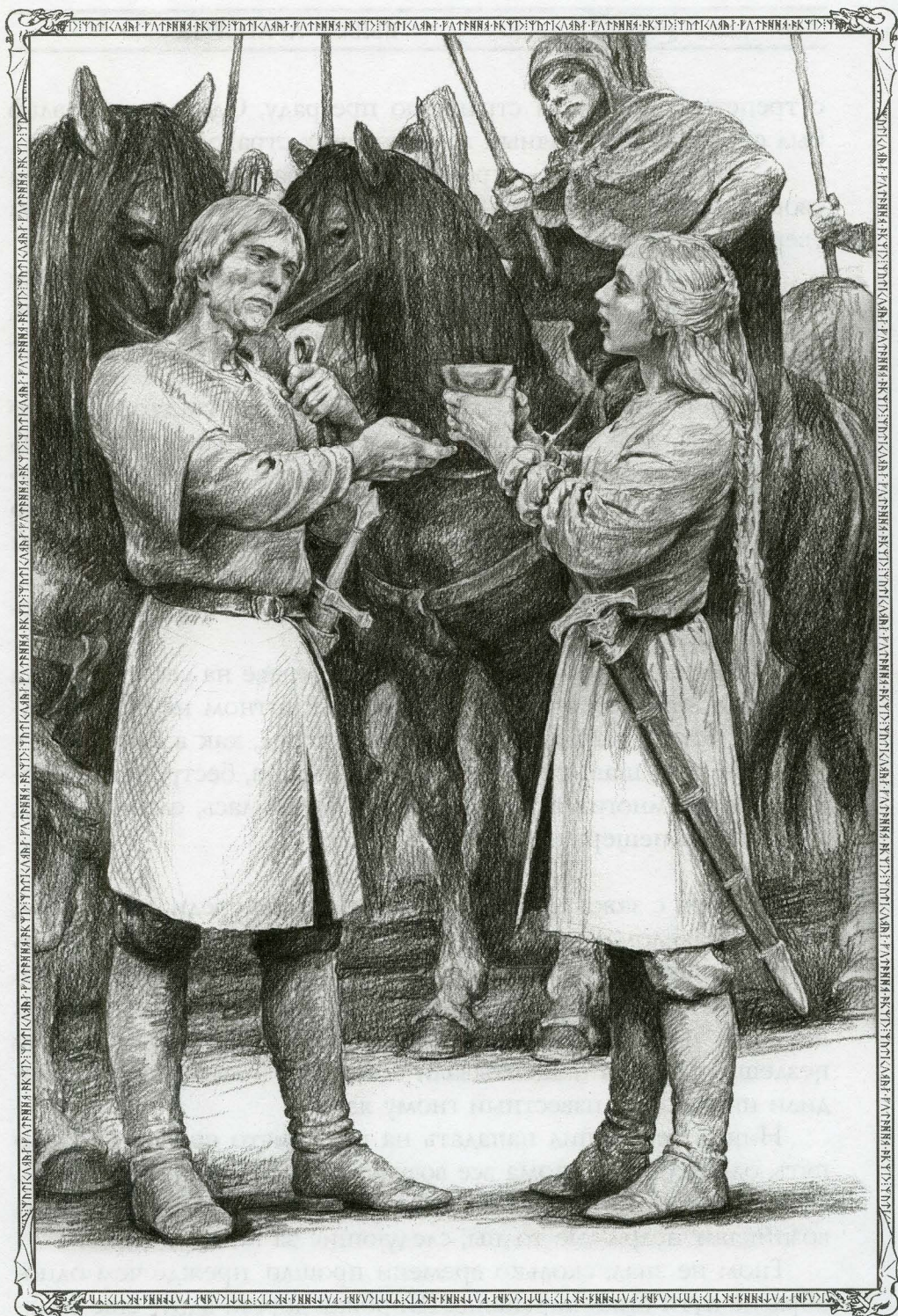
— Нет, — еще раз ответил он, бережно поднимая ее и целуя ей руку. Потом он вскочил в седло и не оглядывался больше. Те, кто знал его близко, видели, как тяжело у него на сердце.

Отряд скрылся. Йовин долго стояла неподвижно, глядя ему вслед, а потом, нетвердо ступая, вернулась в свой шатер. В лагере никто не видел этого прощания, все еще спали, а когда проснулись и узнали, что пришельцы уехали, с облегчением говорили друг другу:

— Вот и хорошо! Ни эльфов, ни их родичей нам не надо. И без того времена смутные.

Отряд скакал в серых сумерках, потому что солнце скрывалось за гребнями Обжитой Горы, вздымавшейся впереди. Первые волны страха захлестнули их уже в тени древних скал, на подходах к Димхольту. Там, где уступы поросли деревьями с густой черной хвоей, перед ними открылась расселина; вход в нее запирал могучий одинокий утес, вздымавшийся словно перст судьбы.

— Кровь стынет в жилах, — пробормотал Гимли. В полной тишине голос его прозвучал мертво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю. Кони упирались и храпели. Пришлось спешиться и вести их в поводу мимо мрачного утеса. Миновав его, они оказались в узкой долине, противоположный край которой перегораживала отвесная скальная стена. Посреди нее, словно разверстая пасть, зияла Темная дверь. Широкую арку венчали смутно видимые, глубоко высеченные в скале знаки. От них на путников волнами накатывал ужас. Отряд остановился,

с трепетом взирая на страшную преграду. Один только эльф был спокоен. Призрачный мир людских страхов не пугал его.

— Это дверь зла, — промолвил Хальбарад. — Я чую за ней свою смерть. И все-таки я войду. Но лошади не пойдут, я в этом уверен.

— Мы войдем все, и лошади пойдут с нами, — твердо произнес Арагорн. — Если мы преодолеем тьму за этими воротами, нам еще скакать и скакать. Каждый потерянный час приближает победу врага. За мной!

Он двинулся вперед, и такова была в этот час его сила, что и дунаданы, и их кони последовали за ним. Только Эрод, конь из Рохана, отказался идти и стоял, дрожа от невыносимого ужаса. Тогда Леголас закрыл ему глаза руками и спел на ухо несколько слов, мягко и мелодично прозвучавших в мрачной тишине. Конь перестал дрожать и медленно пошел вперед.

Позади остался только Гимли. Колени гнома мелко тряслись, и ноги не шли.

— Неслыханно! — воскликнул он в гневе на себя. — Когда это было, чтобы эльф шел в подземелье, а гном не осмеливался! — С этими словами он бросился вперед, как в омут.

С первым шагом на Гимли, сына Глоина, бестрепетно бродившего во многих глубинах мира, обрушилась, словно обвал, кромешная пещерная тьма.

Арагорн с зажженным факелом шагал впереди; последним, тоже с факелом в руке, шел Элладан. Гимли отстал и теперь старался нагнать отряд. Он видел перед собой только тусклый свет факелов, а когда путники останавливались, со всех сторон напал невнятный непрерывный гул, как будто странные нездешние голоса нашептывали слова, звуки которых не походили ни на один известный гному язык.

Никто не спешил нападать на них, ничто не преграждало путь, однако страх гнома все возрастал. Он отчетливо понимал, что обратного пути нет. Он чувствовал, как позади, на дороге, возникают незримые толпы, следующие за ними во тьме.

Гном не знал, сколько времени прошло, прежде чем однообразие пути было нарушено. Широкая дорога вдруг еще боль-

ше расширилась, стены отступили, но на Гимли навалился такой ужас, что он с трудом переставлял ноги. В это время в свете факела Арагорна слева что-то тускло блеснуло. Арагорн остановился, а потом решительно свернул с дороги.

— И как это он не боится? — пробормотал гном. — Будь это любая другая пещера, Гимли первым бы посмотрел, что это там за штука с таким золотым блеском. Но только не здесь! Пусть себе лежит, где лежит, что бы оно там ни было!

Тем не менее он подошел и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а рядом Элладан держит оба факела. Перед ними лежали останки могучего человека. Его кольчуга и доспехи были в полной сохранности: воздух подземелья был сух, а металл вооружения вызолочен. Кольчугу охватывал золотой, отделанный гранатами пояс, богатый шлем прикрывал голову фигуры, лежащей лицом вниз. Гимли огляделся и увидел, что воин упал возле стены пещеры; прямо перед ним была запертая каменная дверь. Тут же лежал сломанный меч. Клинок был весь в зазубринах, словно им в отчаянии рубили скалу.

Арагорн долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя:

— Никогда до конца времен не придут сюда цветы симбелина. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. — Арагорн потрянул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: — Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна только быстрота. Освободите путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню Эреха!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; факелы затрепетали и погасли, зажечь их снова не удалось. Дальнейший путь Гимли почти не запомнил. Проходили часы или дни — он не знал. Только ужас сжимал его сердце все сильнее и сильнее. Раз

он споткнулся и дальше полз на четвереньках, как зверь, ощущая, что все меньше и меньше остается в нем от Гимли, сына Глоина, и пробуждается что-то дремучее, с чем уже невозможно совладать. Он чувствовал, что еще немного, и он бросится назад, во тьму, в страх, идущий по пятам...

И вдруг впереди забрезжил свет. Журчанье ручья встретило путников, миновавших еще одни широкие ворота. Вокруг высоко в небо вонзались островерхие изломанные утесы, а прямо перед ними по уступам спускалась дорога. Они находились в ущелье, таком глубоком и узком, что, несмотря на дневное время, в темно-фиолетовом небе светились маленькие колючие звезды. Потом Гимли узнал, что до заката того же самого дня, когда они вышли из Дунхарга, оставалось еще два часа; для него же это были сумерки, может быть, прошлого года, а может быть, и другого мира.

Здесь отряд снова сел на коней. Гимли со слезами облегчения занял место позади Леголаса. Они скакали до самого вечера, но, даже когда на землю спустились синие сумерки, страх все еще не отпустил их.

Леголас обернулся на скаку, всматриваясь во что-то позади.

— Мертвые следуют за нами, — спокойно промолвил он. — Я вижу силуэты людей на конях, бледные стяги, как клочья тумана, и лес призрачных копий. Мертвые следуют за нами.

— Да, Мертвые скачут позади, — подтвердил Элладан. — Они вняли призыву.

Вдруг ущелье кончилось, и перед ними раскинулась долина. Ручей, долгое время сопровождавший их, сбегал вниз, холодно звеня среди камней.

— Что это за земли? — спросил Гимли, и Элладан ответил:

— Перед нами Мортонд, большая, холодная река, впадающая в Море неподалеку от Дол Амрота. Люди зовут ее Черный Корень.

Ступенчатые склоны долины Мортонда заросли травой, но в послезакатный час все вокруг казалось серым. Далеко внизу светились огни в домах людей. Плодородной и густонаселенной была эта долина.

Арагорн привстал на стремянах, и его голос раскатился над долиной Мортонда.

— Друзья! Забудьте усталость! Вперед! Нам нужно попасть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долог.

Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной и начал спускаться в долину. По мере их приближения паника охватывала селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!»

Заполошно звонили колокола, все живое бежало перед отрядом Арагорна. Но всадники стремительно пронеслись мимо и еще до полуночи, во мраке, который был непроглядней подгорного, достигли Холма Эреха.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван, накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, круглый, в человеческий рост высотой, наполовину вросший в землю. Станным и нездешним выглядел он. Многие верили, что когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл предания Заокраинного Запада, говорили, что его принес и установил здесь славный Исилдур. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. Элрохир передал Арагорну тяжелый, отделанный серебром рог. Арагорн громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Хотя над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешил и, встав возле камня, вскричал:

— Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи послышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

— Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

— Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру на Андуйне. Когда во всех этих землях не останется ни следа слуг Саурона, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я — Элессар, наследник Исиддура и Король Гондора, повелеваю — следуйте за мной!

По его знаку Хальбарад развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке было не разглядеть символов, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стилом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх, исходивший от теней, окруживших холмы, клубился над Камнем Эреха.

Холодный и бледный рассвет только еще занимался, а Арагорн уже вел отряд по пути, труднее которого не изведal никто из смертных. Дунаданы-северяне, гном Гимли и эльф Леголас преодолели эту дорогу, ведомые его стальной волей, не знающей преград.

Они миновали перевал Тарланг, пересекли Ламедон и вышли к Келембелу на Кириле, когда багровое солнце уже опускалось за отроги Пиннат Гелин у них за спиной. Огромное призрачное войско неотступно шло следом, а впереди мчался крылатый страх. Город и поселения на Кириле лежали перед ними опустошенные, немногие оставшиеся в живых бежали в холмы, едва пронесся слух о приближении Короля Мертвых и его воинства.

На другой день не рассвело. Серый отряд ушел во Мрак, насланный Мордором, и скрылся с глаз живых. Войско Мертвых последовало за ним.

Глава III

РОХАН СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Отныне все дороги вели на восток, навстречу Тьме. В тот самый час, когда Пиппин, стоя перед воротами Города, смотрел на входящие войска, король Рохана во главе большого отряда Всадников спускался с гор.

Вечерело. Длинные тени, перегоняя лошадей, бежали впереди по долине. На лесистых склонах было уже темно. После дня пути король ехал медленно. Тропа, огибая огромный скальный уступ, нырнула под своды тихо шепчущих елей. Все ниже и ниже спускался отряд в долину. Блеск водопадов приглушали сумерки.

Весь этот день воины спускались вниз вдоль ручья; теперь вместе с ними он устремился в широкую долину, поглотил

небольшой приток и, взбивая пену, помчался по камням к Эдорасу. В верховьях долины, словно запирая ее, высился могучий горный пик с вершиной, укрытой вечными снегами. На восточных его склонах густо голубели тени, западные склоны пылали в огне заката.

Мерри с изумлением озирался по сторонам. Ему было интересно в незнакомой стране. Это был край без неба; в туманной дымке глаз различал только горы, каменная стена вставала за стеной, меж ними разверзались пропасти, заполненные туманом. От могучих водопадов воздух тихо звенел, шумели деревья, стучали по камням копыта. Раньше Мерри любил слушать о горах, думать о них, но теперь, когда горные хребты вздымались вокруг под самые небеса, он чувствовал себя неуютно, живо ощущая исполинскую тяжесть, гнетущую грудь Среднеземья. Слишком они были большие; глядя на них, хотелось оказаться в маленькой комнатке возле камина.

Отряд был в пути уже третий день. Шли почти без отдыха, и Мерри не на шутку устал. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с правителем, не замечая улыбок Всадников. Пожалуй, выглядели они действительно забавно: хоббит на косматой, коренастой серой лошадке и король Рохана на могучем белом коне. Мерри рассказывал о Шире или слушал легенды Рохана. Но чаще он следовал позади Теодена, прислушиваясь к медленной, звучной речи Всадников. Иногда слова их языка напоминали ему родной говор, но смысл ускользал. Зато песни Всадников ему очень нравились.

В этот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество. В голове теснились мысли о любезном друге Пиппине, о Гимли, Леголасе, Арагорне, и вдруг резануло по сердцу воспоминание о Фродо и Сэме. «Я начал забывать о них, — упрекнул он сам себя. — А ведь все, что мы делаем, делается ради них. Представляю, каково им там одним, и на сотни лиг вокруг ни одного друга. Живы ли они?» Он вздохнул.

— Вот и Харрог, — сказал Йомер. — Мы почти на месте.

Словно через высокое окно смотрели они на огромную долину внизу. Там уже стемнело. Лишь один огонек мигал у реки.

— Это место недолго пробудет нашим пристанищем, — промолвил Теоден. — До цели не близко. Прошлой ночью луна была полной, и утром я должен быть в Эдорасе. Там ждут войска.

— Государь, — понизил голос Йомер, — не пренебрегайте моим советом. Напутствуйте воинов и возвращайтесь сюда. А когда кончится война...

Теоден с улыбкой остановил его:

— Нет, сын мой. Отныне я буду называть тебя так. Твоим устам не подобает изрекать, а моим слушать коварные речи Червослова. — Король выпрямился и обернулся, оглядывая двоянный ряд Всадников. — Мне кажется, что прошли не дни, а годы, с тех пор как я выступил в этот поход, но я не хочу больше опираться на посох. Если война будет проиграна, чего мне ждать, хоронясь среди гор? А если нас ждет победа, гибель моя не будет чрезмерной ценой. Оставим пока этот разговор. Нынче ночью я отдыхаю в крепости Дунхарг. Хоть один мирный вечер у нас остался. Вперед!

Поздним вечером они спустились в долину. Речка Снежица текла по западному ее краю, и вскоре тропа вывела их к броду. При появлении отряда из тени под скалами выступили воины и приветствовали короля. Один из них протрубил в рог. Сигналу ответили другие рога, и за рекой начали зажигаться огни.

Внезапно откуда-то сверху грянул целый хор труб. Звонкое эхо заматалось меж каменных стен.

Так король Рохана вернулся с победой к подножию Белых Гор. Его ожидали. Как только дозорные сообщили о приближении отряда, военачальники поспешили навстречу королю. Дунхир не замедлил выложить новости, полученные от Гэндальфа.

— Правитель! — сказал он. — Три дня назад, на рассвете, Сполох вихрем примчался в Эдорас, и Гэндальф обрадовал наши сердца вестью о победе. Он передал твой приказ на сбор войскам. А потом... появилась крылатая тень!

— Так она и здесь побывала? — спросил Теоден и в ответ на недоуменный взгляд пояснил: — Мы видели ее еще до отъезда Гэндальфа.

— Может быть, это и та же, — ответил Дунхир, — а может, другая, но она пролетела утром над самой крышей дворца, и веришь ли, правитель, но мы не могли пошевелиться от ужаса. Вот тогда Гэндальф и посоветовал нам не собираться на открытом месте, а встретить вас здесь, в ущелье, в тени гор. И он велел не зажигать огней, кроме самых необходимых. Старец распоряжался от твоего имени, мы все исполнили, как он требовал.

— Хорошо, — коротко одобрил Теоден. — Я направляюсь в крепость и через час жду всех военачальников на совет.

Дорога теперь вела точно на восток, к устью долины. Впереди Мерри с трудом различал горные кряжи и рассеченную пополам речной долиной вершину Стылого рога. Теперь им попадалось все больше людей. Они толпились вдоль дороги, приветствуя короля и Всадников. Ряды шатров, коновязи, островки копий, по обычаю поотрядно вонзенных в землю, сложенные рядом щиты — близкое дыхание войны неузнаваемо изменило пейзаж. С вершин тянуло холодным ветром, но на равнине не было заметно ни одного огня. Взад-вперед расхаживали закутанные в теплые плащи часовые.

Мерри гадал, сколько здесь Всадников. В темноте было не разобрать, но в любом случае численность войск превышала несколько тысяч. Пока он глазел по сторонам, отряд приблизился к восточному краю долины, и тропа круто пошла вверх. Мерри присвистнул. Такого он, пожалуй, еще не видел. Уже не тропа, а настоящая дорога — творение древних каменотесов — причудливым зигзагом взбиралась по крутому склону утеса. По ней могли подняться и кони, и повозки, но для врага все эти повороты и острые углы становились непреодолимым препятствием. На каждом повороте торчали изваяния огромных неуклюжих людей, сидевших на корточках, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие ручки. Время стерло их лица, оставив лишь дыры глазниц, печально взирающих на проходящих. Всадники не обращали на идолов внимания, а Мерри разглядывал скорбные силуэты статуй с любопытством и почти с жалостью.

Когда отряд поднялся над долиной на несколько сот футов, хоббит оглянулся и различил далеко внизу цепочку Всадников,

пересекающих брод и растекающихся по приготовленным для них бивакам. Только король со свитой поднимался в крепость. Наконец дорога, нырнув в проем, вышла на плато, поросшее травой и вереском, высоко над ущельем Снежицы. Между Стылым Рогом на юге и зубастым хребтом Йерензага на севере вставала стена Обжитой Горы. Посреди плато тянулся двойной ряд огромных каменных глыб. Этот коридор уводил к черному Димхольту, к страшному каменному столбу и разверстой пасти Запретной двери.

Таким был Дунхарг, древняя крепость, строителей которой не помнили уже ни песни, ни легенды. Зачем возвели они эту твердыню, тайный храм или усыпальницу — никто не знал. Было это в Темные годы, когда ни один парус не показывался у западного побережья, а дунаданский Гондор еще не начинал строиться. Неведомые зодчие исчезли, оставив после себя только странных придорожных идолов.

Камни на плато выветрились и почернели, одни наклонились, другие и вовсе упали, треснули или рассыпались. Теперь они напоминали челюсть дряхлого старика. Мерри призадумался: зачем они здесь, и вздрогнул, надеясь, что король не поведет отряд этим мрачным коридором. Потом он разглядел по обе стороны дороги шатры и палатки, лепившиеся по самому краю плато. Справа, где было просторнее, их было больше, слева виднелся небольшой лагерь с высоким шатром в центре. От шатра навстречу им поскакал всадник. Мерри ужасно удивился, разглядев молодую женщину редкой красоты; длинные волосы ее были убраны в косы, а одежду дополняли кольчуга и меч на поясе.

— Приветствую повелителя! — звонко крикнула она еще издали. — Сердце радуется вашему возвращению.

— И я рад тебе, Йовин, — отвечал король. — Все ли в порядке здесь?

— Все хорошо, повелитель! — Ответ был бодрым, но Мерри показалось, что голос женщины дрогнул, он даже решил бы, что она недавно плакала, хоть в это с трудом верилось. — Все хорошо. Поначалу пришлось нелегко. Людей сорвали с места. Ворчали многие, но обошлось без злых дел. Твой народ успел

отвыкнуть от войны, повелитель. Но сейчас все уже устроено. Я ждала вас именно сегодня.

— Значит, Арагорн здесь? — спросил Йомер.

— Нет. — Йовин повернулась и долгим взглядом окинула горы на юго-востоке. — Он прибыл вчера ночью, но на рассвете уже уехал.

— Ты опечалена, дочь моя? — участливо произнес Теоден. — Что случилось? Скажи, он говорил тебе, куда направляется?

— Да, — ответила Йовин. — Он ушел в тень, из которой не возвращаются. Его нет больше. Тропы Мертвых поглотили его.

— Наши дороги разошлись, — с горечью сказал Йомер, — и наши надежды гаснут.

Правитель и сопровождающие удалились в приготовленные шатры. Оказалось, что для Мерри рядом с шатром Теодена тоже поставлена палатка. Там он и сидел один, наблюдая за суетой в лагере и раздумывая о том, что слышал. Настала ночь, и над едва видимыми силуэтами гор на западе замерцали звезды. Небо на востоке оставалось темным и пустым.

— Тропы Мертвых... — бормотал он. — Что бы это могло быть? Все друзья разбрелись кто куда. Гэндальф с Пиппином сражаются на востоке, Фродо с Сэмом — в Мордоре, а теперь вот и Колоброта с Гимли и Леголасом понесло на эту самую Тропу Мертвых. Видно, скоро и моя очередь...

Но додумать ему не дали, потому что труба позвала на обед; тут же пришел посланный и пригласил Мерри к столу правителя.

Теоден встретил его ласково, и, вместо того чтобы как подобало оруженосцу прислуживать за столом, Мерри был усажен на особое место. Слева от короля он увидел за столом Йомера, Йовин и Дунхира. Трапеза проходила в молчании, и Мерри не сразу собрался с духом, чтобы задать мучавший его вопрос.

— Повелитель, — произнес он, наконец справившись со смущением, — здесь говорили о Тропах Мертвых. Что это за путь? И куда ушел Колоброт, ну то есть князь Арагорн?

Король лишь вздохнул. Вместо него ответил Йомер.

— Оттого и тяжесть у нас на сердце, что мы не знаем, где теперь Арагорн. Тропы Мертвых... — Он помолчал. — Ты и сам прошел по ним несколько шагов. Нет, я не о дурных предзнаменованиях! Дорога, по которой мы пришли, ведет через Димхолт к Двери. А что за ней — не знает никто из живущих.

— Не знают, не помнят или не хотят помнить, — проговорил Теоден, — но есть одна древняя легенда... Ее долго передавали от отца к сыну в роду Йорлов. В легенде говорится, что за Дверью начинается тайная тропа, она идет под горами... Куда? О том не помнят уже. С тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в Дверь и навеки пропал для мира живых, никто не отважился последовать за ним. Однажды на пиру в только что построенном Золотом Дворце Балдор, осушив до дна рог, дал опрометчивую клятву... И трон Эдораса, который он должен был унаследовать, так и остался пуст.

Люди говорят, что Мертвые Темных Лет стерегут этот путь и живым не войти в их тайные залы. Временами их тени видят по эту сторону Двери на каменной дороге. Тогда в Харроге запирают дома и дрожат от страха. Но Мертвые показываются редко, только перед большими бедами.

— В Харроге говорят, — тихо добавила Йовин, — что в последнее новолуние целая призрачная армия маршем прошла по дороге и исчезла в горе. Они спешили, словно войска на место сбора.

— А зачем же все-таки Арагорн пошел туда? — так и не понял Мерри.

— Ты, его друг, не знаешь, — покачал головой Йомер, — не знаем и мы. Арагорн из тех, кто сам выбирает пути, а нынешний его выбор неведом для живых.

— Он сильно изменился с тех пор, как я впервые увидела его в королевском дворце, — сказала Йовин. — Он стал непреклоннее... Может быть, его призывали Мертвые... Тогда он обречен.

— Может, он и призван, — согласился Теоден. — Сердцем чувствую, что не увижусь с ним больше. Но он — благородный человек высокой судьбы. Я вижу, дочь моя, ты беспокоишься о нашем госте, но вспомни предание и утешься. Когда Йорлинги

пришли с севера и поднялись по Снежице, подыскивая места для укреплений, Брего с сыном Балдором взобрались по Лестнице и вышли к Двери. На пороге сидел старик по виду старше самого времени. Наверное, некогда был он высок и знатен, а теперь иссох, как древний камень. Сначала они и приняли его за камень, но когда попытались войти, словно из-под земли донесся до них его голос, на западном наречии произнесший: «Здесь нет пути».

Они остановились, разглядывая его, и поняли, что он еще живой, но их не видит. «Здесь нет пути, — снова повторил старец. — Это Путь Мертвых, и Мертвые хранят его до срока. Для живых путь закрыт». «А когда настанет срок?» — спросил Балдор, но ответа так и не получил. Ибо старик умер в тот же миг и упал ничком. Так наш народ и не узнал ничего больше о древних жителях гор. Быть может, срок настал, и Арагорну удастся пройти.

— Но как узнать человеку, пришел час или нет, не входя в Дверь? — спросил Йомер. — Окажись я один против всех полчищ Мордора, и то я не выбрал бы этот путь. Жаль потерять столь отважного воина в такой нужный час! Мало разве зла на земле, чтобы искать его еще и под землей? До войны рукой подать...

Он умолк. Снаружи послышался шум, кто-то выкликал имя Теодена.

В шатер вошел начальник караула и доложил:

— Правитель, прибыл гонец из Гондора и просит принять его немедленно.

— Пусть войдет, — распорядился Теоден.

Гонец вошел, и Мерри чуть не вскрикнул от неожиданности — так этот гонец был похож на Боромира. Поверх серебряной кольчуги у воина был накинута зеленый плащ, на шлеме поблескивала серебряная звездочка. Преклонив колена, он протянул Теодену стрелу с черным оперением и красным наконечником.

— Приветствую повелителя рохирримов и друга Гондора, — сказал посланец. — Я — Хиргон, гонец Денетора. Правитель шлет тебе этот знак войны. Гондор в великой опас-

ности. Часто помогали нам рохирримы, но сейчас Денетор призывает тебя отдать ему все и как можно быстрее. Иначе Гондор падет.

— Красная Стрела! — воскликнул Теоден, и рука его дрогнула. — На моей памяти она не появлялась в Рохане. Какой же помощи ждет от меня могучий Денетор?

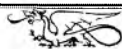
— Вам о том лучше знать, повелитель, — ответил Хиргон. — Минас Тирит может быть окружен. Может, у вас и хватит сил прорвать осаду, но правитель Денетор просил передать, что, на его взгляд, войска рохирримов принесут больше пользы внутри, чем снаружи.

— Но он же знает, что наш народ привык сражаться верхом и на равнине! А потом, нам нужно время, чтобы собрать Всадников. К тому же Правителю Минас Тирита известно наше положение. Мы уже ведем войну, как видишь, и ты не застал нас врасплох. С нами был Гэндальф Серый, по его совету мы начали готовиться к битве на востоке.

— Мне неизвестны мысли благородного Денетора, — ответил воин, — но он просит вспомнить прежнюю дружбу и старые клятвы. Война идет на нас отовсюду. Положение отчаянное. По нашим сведениям, многие восточные короли перешли на службу Мордору. Война везде. С юга движутся харадримы, наши побережья в огне, оттуда нечего ждать помощи. У стен Города решается судьба нашего времени. Денетор просит тебя торопиться, правитель. Если мы не остановим врага под Городом, Рохан тоже не устоит. Заклинаю тебя внять просьбе Денетора.

— Мрачные вести, — промолвил Теоден, — хоть и не совсем неожиданные. Передай Денетору: мы придем к нему на помощь. Но мы понесли большие потери в битве с изменником Саруманом, и теперь, после твоих вестей, нам надо подумать о защите своих владений на севере и на востоке. Сил Темного Властелина вполне хватит, чтобы осадить Город и одновременно ударить через Реку на Врата Королей.

Но мы не будем больше обмениваться благоразумными советами. Мы придем. Сбор войск назначен на завтра. Мы выступим, как только будем готовы. Десять тысяч копий под

моей рукой, но четыре придется оставить в Эдорасе. Шесть тысяч приведу я. Передай Денетору, что в этот грозный час сам король Рохана идет в Гондор, хоть и не надеется вернуться назад. Но путь неблизок. Раньше чем через неделю вам не услышать боевой призыв Всадников.

— Неделя! — горестно воскликнул Хиргон. — Через неделю вы можете найти одни разрушенные стены, если не подоспеет неожиданная помощь. Разве что спугнете орков и не дадите южакам пировать в Белой Башне.

— Если не останется ничего другого, сделаем хотя бы это, — сдержанно отозвался Теоден. — У нас за спиной сражение и долгий путь, мы нуждаемся в отдыхе. Нет пользы в усталых воинах. Отдохни и ты. Завтра увидишь сбор войск, и твой обратный путь будет не так уж мрачен. Утро вечера мудренее.

С этими словами король поднялся.

— Всем отдыхать! — приказал он. — И ты, добрый Мериадок, свободен сегодня, но завтра с восходом солнца будь наготове.

— Я буду готов, — ответил Мерри, — даже если вы позовете меня на Тропы Мертвых.

— Надеюсь, этого не случится, — слабо улыбнулся король. — Но теперь и простые дороги могут оказаться путями мертвых. Впрочем, о твоих дорогах мы подумаем завтра. Доброй ночи!

Мерри засыпал в своей палатке с радостной мыслью, что он тоже нужен, что его не оставят здесь одного. Ему показалось, что не успел он закрыть глаза, а его уже будят.

— Но еще же совсем темно, — возмутился он, — солнце же не взошло еще!

— И не взойдет, — сурово ответил будивший его Всадник. — Время не терпит, подымайся скорее. А солнце... может быть, не взойдет никогда.

Мерри поспешно оделся и вышел. Мир потемнел. Сам воздух казался бурым, а все вокруг — тусклым и бесформенным. В темном небе не разглядеть было облаков, только далеко на закате, куда не дотянулись еще цепкие лапы мрака, пробивался

слабый свет. Небо нависло тяжелым сводом, угрюмым и однообразным. Люди вокруг тревожно переговаривались. Многие выглядели испуганными.

В шатре Теодена Мерри застал Хиргона и еще одного гонца из Гондора. Он заканчивал рассказ:

— Эта напасть пришла из Мордора прошлым вечером на закате, повелитель, — говорил он. — Я был у восточных холмов твоего королевства, когда увидел, как она медленно ползет по небу и пожирает звезды. Тьма накрыла уже всю землю от Хмурых Гор до полей Рохана и продолжает сгущаться. Война началась.

Король долго молчал.

— Вот она и пришла наконец, — медленно проговорил он, — величайшая из битв нашего времени. Теперь нам незачем больше скрываться. Мы выступим открыто и как можно быстрее. Мы не будем ждать тех, кто замешкался. Хватит ли запасов в Минас Тирите? — обратился он к гонцу. — Если нужна скорость, мы выступим налегке.

— Запасов хватает, — ответил Хиргон. — Не берите лишнего. Скачите быстрее!

— Тогда зови герольдов, Йомер, — сказал Теоден. — Пусть войска строятся.

Йомер вышел, и сейчас же затрубили трубы. В неподвижно-мрачном воздухе звуки были хриплыми и дребезжащими.

Правитель положил руку на плечо Мерри.

— Ну вот, добрый Мериадок, я иду в бой. Ты свободен от своих обязанностей, но не от моего дружеского расположения. Мне бы хотелось, чтобы, оставшись здесь, ты служил Йовин. Она будет замещать меня.

— Повелитель, — дрожащим голосом, со слезами на глазах проговорил Мерри, — я хочу только одного: быть рядом с вами. Все мои друзья отправились на войну, а я должен остаться в стороне?

— Но наши кони слишком велики для тебя. Тебе не справиться с ними.

— Тогда привяжите меня к седлу, но не оставляйте здесь! — взмолился Мерри. — А если нельзя ехать верхом, позвольте бежать за вами. Пусть я сотру ноги до колен, но не отстану!

Теоден улыбнулся.

— Ну зачем же так! Лучше я возьму тебя к себе на седло. Хорошо, — решил он, — будешь сопровождать меня в Эдорас. Войска выступят оттуда.

Мерри отошел, сильно опечаленный, но тут его крепко взяли под руку, и он увидел Йовин.

— Идем со мной, доблестный Мериадок, — сказала она без улыбки. — Арагорн просил меня подобрать тебе подходящее вооружение, и я обещала выполнить его поручение. Сердце подсказывает мне, что доспехи тебе еще понадобятся.

Она привела его в шатер свиты Теодена. Там оружейник вручил Мерри шлем, круглый щит с белым конем на зеленом поле и другое необходимое снаряжение по росту.

— Ни кольчуги, ни панциря для тебя не нашлось, — сказала Йовин, — а сейчас ковать их уже поздно. Но вот тебе от меня кожаная куртка и пояс для твоего меча. Пусть они принесут тебе удачу. Прощай, добрый Мериадок, может, мы еще свидимся.

Мерри в ответ молча низко поклонился ей.

Так в сгущающемся мраке король Рохана готовился выступить по восточной дороге. С тяжелым сердцем отправлялись Всадники в бой, но это были суровые люди, верные своему королю; никто не роптал, даже в лагере, где размещались женщины, старики и дети, не заметно было ни слез, ни жалоб. Рок навис над страной, но рохирримы принимали судьбу молча.

Быстро пролетели два часа. Король, высокий и величавый, на белом коне, который, казалось, мерцал в полумраке, объезжал строй. Люди дивились и радовались, видя его исполненным решимости.

На широком поле вдоль берега реки выстроились Всадники в полном вооружении — пятьдесят пять сотен — и несколько сотен воинов резерва с запасными, легко нагруженными ко-

нями. Прозвучал единственный рог. Король поднял руку, и войска двинулись.

Во главе шли двенадцать военачальников, все ветераны, покрытые славой. Справа от Короля ехал Йомер. Он распрощался с Йовин еще в крепости и теперь гнал от себя печаль расставания, стараясь думать лишь о предстоящем пути. За ними трусил Мерри на своей лошадке, потом следовали гондорские гонцы, а еще дальше — снова двенадцать королевских рыцарей. Они проехали вдоль длинного ряда людей, ожидавших сигнала с суровыми, неподвижными лицами. Эскорт миновал левый фланг строя, и вдруг Мерри поймал взгляд одного из Всадников. «Молодой воин, — подумал хоббит, возвращая взгляд, — полегче и погибче остальных». Он уловил блеск ясных серых глаз и вздрогнул — так смотрят те, кто оставил надежду и ищет лишь смерти.

Вниз по дороге вдоль Снежицы спускались они. Женщины, стоя в темных проемах дверей, провожали воинов печальными возгласами. Так, без песен, без музыки, без звуков рогов, начался великий поход на восток, о котором и много поколений спустя пели в Рохане:

*Из Дунхарга утром ненастного дня
Сын Тенгея выехал с верною свитой,
И в Эдорас прибыл. Златые чертоги,
Сиявшие некогда пламенным светом,
Наполнены были тяжелою мглой,
Высокие роуци — одеты туманом.
Недолгим и тягостным было прощанье
С местами святыми и верным народом,
Со всеми, кто помнил счастливые годы,
Царившие до наступления тьмы.
Отринув сомненья, навстречу судьбе
Король поспешил, верный данным обетам.
Путь Йорлинггов длился пять дней и ночей,
Их видели Фолд, и Фириен, и Финмарх:
И к Мундбургу вышли шесть тысяч бойцов —
Могучему граду властителей Моря.*

*Он был осажден многотысячным войском,
И черный огонь воздымался, неистов,
Вкруг стен крепостных. И в великом сраженье
Всех смерть приняла. Уходили во мрак
И всадник, и конь. И в тени угасали
Удары копыт... Так поведали песни.*

В полдень они были в Эдорасе. Тьма по-прежнему окутывала все кругом стылым саваном. Казалось, что наступил поздний вечер. Теоден отдавал приказания вновь прибывшим отрядам, а потом, отпустив военачальников, ласково, но твердо простился с Мерри.

— Твоей лошадке не выдержать этого пути, — сказал правитель. — На полях Гондора нам предстоит такая битва, в которой падут многие могучие воины. Для тебя там не найдется ничего, кроме гибели.

— Кто может это знать? — пылко возразил Мерри. — Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили как о ненужной вещи, от которой всем хочется избавиться.

— А я хочу спасти тебя, — грустно ответил Теоден. — Не забывай, ты обещал повиноваться мне. Если бы битва шла у стен Эдораса, я не сомневаюсь, что о твоих подвигах сложили бы песни. Но до Гондора сто двадцать лиг. Никто из Всадников не может взять тебя с собой. Это мой приказ, Мериадок, и больше мы не будем говорить об этом.

Донельзя огорченный, Мерри смотрел, как строились войска. Воины поправляли снаряжение и сбрую, оглаживали коней, с беспокойством поглядывая на небо. Почувствовав рядом чье-то присутствие, хоббит обернулся и увидел того самого Всадника, который так странно посмотрел на него сегодня утром.

— «Для твердой воли нет преград», — шепнул Всадник, — так говорят у нас в Рохане. Мне кажется, ты хотел бы быть вместе с правителем в этом походе?

— Да, очень хотел, — ответил Мерри, — но...

— Так можешь ехать со мной, — неожиданно сказал воин и подмигнул ошеломленному хоббиту. — Сядешь впереди, я

прикрою тебя плащом, в этом сумраке никто не заметит. — И добавил с затаенной скорбью: — Нельзя отказывать тому, кто так стремится помочь. Но — никому ни слова! Идем, пора собираться.

— Очень благодарен вам! — радостно ответил Мерри. — Но я не знаю даже вашего имени.

— Разве? — усмехнулся Всадник. — Зови меня Дернхельм.

Вот так и случилось, что, когда войска Рохана выступили, Мерри сидел в седле впереди Дернхельма, а серый конь даже не замечал этого, потому что молодой воин, хотя и был силен и ловок, но все-таки и ростом и статью уступал другим Всадникам.

Они двинулись навстречу сумраку. Первый ночлег устроили в ивовых зарослях, где Снежица впадает в Энтову Купель, в двенадцати лигах от Эдораса. А наутро — снова вперед, через Фолд и Финмарх, где по правую руку Священные Дубравы взбирались по отрогам к рубежам Гондора, а по левую руку лежали туманы над болотами в устье Энтовой Купели. Они скакали, а навстречу неслась молва о войне на севере. Растерянные, испуганные люди говорили о врагах, напавших на восточные границы, об орочьих ордах, бесчинствующих в степях Рохана.

— Вперед! — командовал Йомер. — Теперь поздно поворачивать. Топи Энтовой Купели прикроют нас слева. Надо спешить. Вперед!

Король Теоден покинул пределы Рохана. Перед его войском лежал долгий путь. Сигнальные Холмы вставали по сторонам один за другим: Каленхад, Мин Риммон, Эрелас, Нардол. Но не было огней на их вершинах. Серые молчащие земли простирались вокруг, все темнее становилось под небом, все слабее гре-
ла сердца надежда.

Глава IV ОСАДА ГОРОДА

Гэндальф разбудил Пиппина. За окнами по-прежнему было темно, в комнате горели свечи. Духота стояла, как перед грозой.

— Который час? — спросил Пиппин, зевая.

— Начало третьего, — ответил маг. — Одевайся, тебя призывает Правитель. Надеюсь, ты не забыл, что служишь ему?

— А он даст нам позавтракать?

— Нет. Завтрак готов, — Гэндальф кивнул на стол, — и до обеда больше ничего не будет. В Городе экономят провизию.

Пиппин угрюмо разглядывал небольшую краюху хлеба, очень маленькую (на его взгляд) порцию масла и чашку молока.

— И зачем ты меня привез сюда? — проворчал он.

— Чтобы помешать тебе делать глупости, — в тон ему ответил маг. — Если тебе здесь не по нраву, то кроме себя винить некого.

Пиппин насупился и замолчал.

Когда Гэндальф снова привел его в зал со статуями и колоннами, Денетор сидел на том же самом месте. «Как старый терпеливый паук, — подумалось Пиппину, — он что, так со вчера и сидит тут?» Правитель предложил Гэндальфу сесть, не обращая внимания на стоящего Пиппина, но потом живо обернулся к хоббиту.

— Ну что, добрый мой Перегрин, надеюсь, ты провел вчерашний день с пользой и приятством. Вот только угощение могло показаться тебе скудноватым. Но — война. — Он слегка развел руками.

Пиппин покраснел. Ему показалось, что Правителю известны не только его слова, но и мысли.

— Что же ты намереваешься делать у меня на службе? — спросил Денетор.

— Я думаю, что повелитель укажет мои обязанности.

— Укажу. Когда узнаю, что ты можешь. А для этого лучше всего оставить тебя при себе. Будешь выполнять мои поручения, беседовать со мной, когда будет время. Петь умеешь?

— Умею, — обрадованно кивнул Пиппин. — Пою я хорошо. — Он немного смутился. — Так у нас говорили. Но наши песни не очень-то годятся для дворцовых покоев, да и для тяжелых времен тоже. Самое страшное, о чем поют в Шире, — это ветер или дождь, а так все больше о смешном, о пирушках, например.... — Тут он совсем смешался и умолк.

— Так почему бы не спеть об этом в моем дворце? — усмехнулся Денетор. — Над Гондором давно сгущается мрак, наоборот, приятно было бы услышать, что есть еще незатемненные земли. Нам бы тогда казалось, что труды наши не пропали даром.

Однако Пиппина эти слова не разуверили. Как-то не мог он представить себе незатейливые песенки Ширы, звучащие в этом

великолепном зале. Но Денетор уже обратился к Гэндальфу. Они заговорили о Рохане, о намерениях Теодена, о Иомере, племяннике Правителя. Пиппин только дивился, как много известно Денетору о тамошних делах, к тому же из разговора он понял, что Правитель много лет не покидал пределов Гондора. Он уж решил было, что о нем забыли, но тут Денетор обратился и к нему.

— Отправляйся в арсенал, — сказал он, — там приготовлена для тебя одежда и вооружение. Прими подобающий вид и возвращайся.

В арсенале Цитадели Пиппин облачился во все черное с серебром. Теперь на нем была черная кольчуга, черный же шлем с крыльями по бокам и серебряной звездочкой в налобье. Кольчугу спереди прикрывал шитый серебром нагрудник с изображением цветущего дерева. Длинный широкий плащ дополнял одеяние. Прежнюю его одежду убрали, позволили оставить только серый лориенский плащ, но с условием не носить его на службе. Новый наряд был роскошен, но Пиппин стеснялся его. В довершение к этому ему так надоел постоянный сумрак, что настроение совсем испортилось.

А сумрак сгустился. С востока, из Страны Мрака, ветер пригнал тяжелую тучу. Она словно придавила Город. Воздух на улицах был душным и неподвижным, как вода в болоте. Вся долина Андуйна замерла в ожидании бури.

Пиппин освободился только к вечеру. Желудок повлек его на поиски обеда. По счастью, в столовой он встретил Берегонда, только что вернувшегося с Пеленнорских полей. Они вместе поели и отправились на стены, туда, где проводили время вчера.

Был час заката, но солнце не могло пробить плотный заслон туч. Только в последний миг над Морем сверкнул его прощальный луч. Именно в этот миг Фродо стоял на Перекрестке над поверженной головой каменного Короля. Но на полях Пеленнора не было никакого проблеска. Холодными и темными оставались они.

Пиппину казалось, что вчерашний и сегодняшний день разделяют годы. Вчера он был еще простым беспечным хоббитом, на котором перенесенные опасности не оставили заметного

следа, а сегодня... Сегодня он — воин в Городе, который готовится к жестокой битве. Он носит пышную, мрачную одежду; в другое время это была бы восхитительная игра, но теперь все было всерьез. Он, Пиппин, на службе у настоящего, гордого и могущественного правителя, и опасность, нависшая над Городом, — самая настоящая. Кольчуга, шлем, плащ — все казалось тяжелым, все угнетало. Он длинно вздохнул.

— Что, устал сегодня? — участливо спросил Берегонд.

— Устал, — согласился Пиппин. — Устанешь, когда ждешь и больше ничего. Я несколько часов простоял у дверей, пока у Денетора шел военный совет. Конечно, я понимаю, это высокая честь, да только что от нее пользы натошак... По правде сказать, и от еды в этом мраке пользы тоже не чувствуешь. И не туман, и не облака, сам воздух какой-то бурый. У вас так всегда при восточном ветре?

— Нет, — ответил Берегонд. — Это ведь не простой сумрак, это — чары Врага. Мрак рожден в недрах Огненной Горы. Он смущает ум и сердце. Хорошо бы Фарамир возвращался побыстрее. Его долго нет. Успел ли он пересечь Реку до прихода Тьмы?

— Да. Вот и Гэндальф тоже беспокоится, — заметил Пиппин. — Он сегодня ушел с совета очень недовольный. Похоже, ждет дурных вестей...

Вдруг оба они, и Берегонд, и Пиппин, разом задохнулись. Давешний ужас сковал их члены. Пиппин медленно, как во сне, согнулся, зажимая уши ладонями. Берегонд, как раз решивший взглянуть на равнину через бойницу, застыл с широко раскрытыми глазами. С неба налетел знакомый уже леденящий вопль. Только теперь он был намного сильнее, и слышалась в нем такая злоба, что сердце готово было разорваться от страха.

Берегонд с трудом пошевелил губами. Только со второго раза ему удалось выговорить:

— Смотри! Смотри же, там, внизу, на равнине, видишь?

Пиппин без всякой охоты взглянул.

Внизу лежал туманный Пеленнор. Хотя и неясно, но равнина была видна отсюда почти до самого Андуйна. На полпути от

берега к Городу что-то происходило. Огромные страшные тени, намного больше орла, но по виду напоминавшие коршунов, реяли там в воздухе. Полет их был быстр и грозен. Иногда они приближались к стенам на расстояние выстрела, взмывали вверх и камнем падали к земле.

Пиппин в ужасе прошептал:

— Черные Всадники! — и тут же закричал: — Назгулы в воздухе! Смотри, Берегонд, они охотятся на что-то! Посмотри, ведь это люди там, на равнине, люди на лошадях! Назгулы бросаются на них. Их там... четверо, нет, пятеро... Это ужасно! — воскликнул он в отчаянии и закричал: — Гэндальф! Гэндальф, помощи!

Из поднебесья хлестнул еще один вопль, а сквозь него, едва слышно, донесся звук рога, оборвавшийся на высокой протяжной ноте.

— Фарамир! — вскричал Берегонд. — Это его рог! Отважное сердце! Но как же он пробьется к Воротам? А вдруг у этих тварей есть что-нибудь еще кроме страха? Гляди! Держится. Пробиваются к Воротам. Нет! Лошади понесли. Вот, седоков сбросили, только один еще в седле. Он пытается собрать своих! Да, это Фарамир. Он умеет приказывать и коням и людям. Смотри! Эта тварь летит прямо на него! Да что же никто не поможет им?! — С этими словами воин сбежал со стены и бросился к Воротам.

Спрятавшийся было под каким-то выступом Пиппин устыдился и выглянул снова.

По равнине, навстречу четверым воинам, спешащим к Городу, быстро мчалась серебряная звезда. Вокруг нее разливалось слабое сияние. Она словно распарывала тьму, и та раздергивалась в стороны на ее пути.

— Гэндальф! — засмеялся и заплакал Пиппин. — Гэндальф! Ну конечно, где самое пекло, там и он. Вперед! — воскликнул он, словно на скачках размахивая руками. — Вперед!

Мрачные тени, реявшие в воздухе, тоже заметили мага. Одна из них рванулась к нему с высоты, но от поднятой руки Гэндальфа ей навстречу сверкнул ослепительно-белый тонкий луч. Тень отпрянула с жалобным криком. Это заставило осталь-

ных приостановиться в полете, а потом они все вместе рванулись на восток и исчезли в нависших тучах.

Над пеленнорской равниной чуть посветлело.

Оба всадника, маг и спасенный им, стоя рядом, поджидали пеших воинов. Навстречу им из Ворот выбежала целая толпа. Вместе с ней они вошли в Город. Пиппин заторопился к Цитадели, проталкиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдали со стен за происходившим.

Скоро впереди послышались крики. Там повторяли имена Фарамира и Митрандира. Замелькали факелы, и в окружении многих людей появились два всадника. Гэндальф больше не излучал серебряный свет. На лице его залегли суровые тени, а белая одежда помутнела, словно опаленная жаром. Его спутник в зеленом плаще с трудом держался в седле. Слуги приняли коней, всадники спешили и пошли к воротам Цитадели. Маг шагал твердо и слегка поддерживал Фарамира, пошатывавшегося на ходу от боли и усталости.

Пиппин, протиснувшись вперед, заглянул в лицо гондорцу и отшатнулся. Было похоже, что пережитый ужас навсегда наложил печать на эти гордые и прекрасные черты. В первый момент Пиппина поразило его сходство с братом, но, вглядевшись, хоббит вздрогнул — ему показалось, что перед ним Арагорн. То же величие, отблеск древней и мудрой расы, но не столь явный и высокий, как у Арагорна, озарял это лицо. Пиппин вспомнил, с какой преданностью говорил о своем начальнике Берегонд; Фарамир был прирожденный вождь, за которым любой пошел бы в огонь и в воду.

Пиппин закричал вместе с остальными:

— Фарамир! — и Фарамир, уловив среди других голосов незнакомый по тембру, отыскал его глазами. На лице воина отразилось огромное изумление. Он шагнул к Пиппину и спросил:

— Откуда вы? Полурослик — воин Цитадели?

Гэндальф слегка потянул его за рукав.

— Он приехал со мной. Не будем терять времени, нас ждут. А ты, любезный Перегрин, должен через час занять свое место при Правителе. Так что следуй за нами.

Через несколько минут они входили в покои Правителя. Слуги поставили три кресла вокруг жаровни с углями, принесли вино. Пиппин, стоя за креслом Денетора, забыл об усталости, жадно слушая рассказ Фарамира. Гэндальф поначалу, казалось, задремал. Его не интересовали ни передвижения войск Врага, за которыми следил отряд Фарамира, ни стычка с харадримами, ни другие мелочи пограничной войны. Все это не имело значения в сравнении с событиями важнейшими.

— А теперь я должен рассказать кое-что странное, — сказал Фарамир и неожиданно посмотрел в глаза Пиппину. — Этот полурослик — не первый, которого я встречаю.

Гэндальф резко выпрямился, от его сонливости не осталось и следа. Длинные пальцы крепко оплели подлокотники кресла. Он не проронил ни звука, но бросил на Пиппина такой взгляд, что у того застрял в горле готовый сорваться возглас. Денетор же, напротив, не проявил к словам сына никакого интереса и задумчиво кивнул, словно знал обо всем наперед.

В полной тишине, изредка поглядывая на Гэндальфа и Пиппина, Фарамир рассказывал о встрече с Фродо и Сэмом в Хеннет Аннун. А Пиппин, холодея от страха, смотрел на руки мага, вцепившегося в резное дерево кресла. Они мелко дрожали. Гэндальф, Гэндальф Белый был встревожен, испуган даже!

Между тем Фарамир продолжал говорить о том, как он простился с путниками и об их решении идти к Кириг Унголу. Тут голос у него сорвался, он горестно вздохнул. Гэндальф не выдержал и вскочил.

— Кириг Унгол? — переспросил он. — Так это долина Моргула... Время, Фарамир, время! Когда ты расстался с ними? Когда они должны достичь этой проклятой долины?

— Я простился с ними два дня назад, — слегка удивленный, ответил Фарамир. — Оттуда по прямой до Моргулдуина лиг пятнадцать, значит, к крепости им не попасть раньше сегодняшнего дня. Я понимаю, чего ты боишься, Митрандир. Но темнота не связана с этими событиями. Мрак пришел позавчера, и уже прошлой ночью весь Итилиен был затемнен. Видно, Враг давно задумал наслать на нас Тьму, и час для этого был назначен задолго перед тем, как я расстался с ними.

Гэндальф, совершенно забывшись, широким шагом расхаживал взад и вперед.

— Позавчера утром, — бормотал он. — Три дня пути... Где ты с ними расстался?

— Отсюда до того места лиг двадцать пять по прямой, — прикинул Фарамир. — Но я еще заходил на остров Кеир Андрос. Наши кони оставались на том берегу. Когда пришел Мрак, я с тремя всадниками поскакал галопом к Городу, а остальных послал усилить охрану бродов в Оспиляте. — Он взглянул на отца. — Я правильно поступил?

— Ты спрашиваешь?! — неожиданно вскричал Денетор, сверкая глазами. — Зачем спрашивать? Ты командовал отрядом, а спрашиваешь меня? Тогда почему ты не спросил моего мнения о других твоих делах? Мои советы для тебя — ничто. Я же видел, как ты смотрел на Митрандира! Вот кто давно завладел твоим сердцем, вот от кого ты ждешь одобрения или нареканий своим поступкам! Да, я стар, но из ума еще не выжил. Слух и зрение еще не подводят меня, так что ты напрасно старался умолчать кое о чем. Мне ведомо и это. О, как не хватает мне Боромира сейчас!

— Но если тебе не нравятся мои действия, отец, — сдержанно отвечал Фарамир, — я хотел бы услышать, что в них не так? И почему ты не сказал мне, чего хочешь, перед моим уходом в разведку?

— Разве это что-нибудь изменило бы? — Денетор почти кричал. — Я знаю тебя, знаю, что ты всегда хотел быть благородным и великодушным, как древние короли. Но что хорошо для мира, не всегда годится для войны. А на войне за доброту можно поплатиться жизнью!

— Да будет так! — вскинув голову, твердо ответил Фарамир.

— Я знаю, — продолжал Денетор, — что ради своей совести ты пойдешь на смерть. Но речь не только о тебе, речь идет о жизни твоего отца и твоего народа. Ты должен думать о нем теперь, когда нет твоего брата.

— Значит, ты хотел бы видеть его на моем месте?

— Да, хотел бы. Он был верен мне, а не своему учителю-магу. Он не забыл бы о нуждах своего народа и его Правителя.

И уж если судьба дала бы ему в руки могучий дар, он привез бы его мне.

Фарамир нахмурился.

— Отец, именно ты тогда убедил совет послать в Имладрис не меня, а брата. Он отправился в путь с поручением Правителя Гондора.

— Я не забыл, — скорбно произнес Денетор, — и от этой ошибки чаша моя еще горше. Если бы Оно попало ко мне! — воскликнул он, почти не владея собой.

— Полно, Правитель, — сказал Гэндальф. — Боромир погиб, и погиб доблестно, да почитет он в мире! Но не обольщайся, он не привез бы тебе того, о чем ты сетуешь. Он оставил бы Его себе, и по возвращении ты не узнал бы собственного сына.

Лицо Денетора стало холодным.

— Так, значит, Боромир оказался не настолько покорен твоей Воле? — вкрадчиво спросил он. — Так вот, он принес бы Его мне! Ты мудр, Митрандир, но твоя мудрость еще не все. И я говорю тебе: есть решение, свободное от глупой суеты и ухищрений чародеев.

— В чем же оно состоит? — осведомился Гэндальф.

— В том, чтобы избегать крайностей. Если нельзя Им воспользоваться, то уж вовсе глупо отправлять такое бесценное сокровище в лапы Врага, да еще поручать Его неразумному полурослику, как это сделал ты и вот этот мой сын. Это не мудрость, это безумие!

Гэндальф был само смирение. И голос его прозвучал почтительно и удрученно:

— Как же поступил бы на нашем месте могучий и мудрый Денетор?

— Прежде всего не стал бы делать глупости! — резко ответил Правитель. — Я никогда не поставил бы судьбы народов в зависимость от Этой Вещи. Нет. Я сохранил бы Его, надежно укрыв от любых глаз. И воспользовался бы Им только в самом крайнем случае для полной и окончательной победы, после которой уже не важно, что будет дальше.

— Но кроме Гондора есть другие люди, другие страны, другие времена, — осторожно заметил Гэндальф.

— Если Гондор падет, — отчеканил Денетор, — ничего другого не будет! Лежи Оно сейчас в подземельях Цитадели, мы не тряслись бы от страха в этом Мраке. Если ты думаешь, что это искушение не по мне, значит, плохо меня знаешь!

Гэндалф опять был самым собой: спокойным, насмешливым и уверенным.

— Нет, Денетор, я не доверяю тебе. А после твоих слов — и подавно. Если бы доверял, Оно давно хранилось бы в Гондоре, и множества забот удалось бы избежать. Нет, Правитель, я не доверяю и себе, поэтому мне пришлось отказаться от Него даже как от подарка. Твоей силы еще хватает, чтобы владеть собой, но будь Оно здесь, будь Оно даже погребено под все толщей Белых Гор, — Оно подчинило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда... тогда будущее наше было бы еще страшнее, чем сейчас.

Глаза Денетора пылали гневом, когда встретились со взглядом мага. Пиппин снова ощутил напряжение двух могучих волей. Казалось, что воздух между ними потрескивает и из него сыплются искры. Пиппин затрясся в ожидании смертельного удара, но Денетор, как и в первый раз, отвел глаза и взял себя в руки.

— Если бы, если бы... — проворчал он. — Слова! Что в них толку! Оно ушло во Мрак, и мы можем только ждать, и теперь уже недолго. А пока все враги одного Врага должны быть вместе. Надежда и твердость еще нужны нам, хотя бы для того, чтобы умереть достойно, когда надежды больше не будет. — Он повернулся к Фарамиру и как ни в чем не бывало спросил: — Что ты думаешь об обороне Осгилиата?

— Она слаба, — отвечал Фарамир. — Я послал туда отряд из Итилиена.

— Этого мало, — веско сказал Денетор. — Первый удар придется именно туда, и там нужен талантливый военачальник.

— Как и во всех других местах, — отозвался Фарамир и встал. Если бы он не ухватился за спинку кресла, то упал бы. — Разреши мне удалиться, отец.

— Да, я вижу, ты устал. Скакал долго и быстро, как я слышал, да еще злые тени с неба....

— Не будем говорить об этом, — сказал Фарамир.

— Хорошо, не будем, — согласился Денетор. — Иди отдыхай, пока можно. Но завтра тебе понадобится вся твоя сила.

Гэндальф и Пиппин с факелом в руке шли домой. Только когда за ними закрылись двери комнаты, Пиппин спросил:

— Как ты думаешь, надежда еще есть? Я про Фродо, ну, и про остальных тоже...

Гэндальф ласково погладил его по голове.

— Особенно большой надежды и раньше не было, разве только на чудо. А теперь еще Кирит Унгол... — Маг замолчал и, подойдя к окну, долго вглядывался в темноту. — Хотел бы я знать, почему именно туда? Откровенно говоря, Пиппин, когда я услышал про Кирит Унгол, сердце у меня упало. Но все-таки в том, что рассказал Фарамир, кроется какая-то надежда. Особенно, если Враг начал войну, когда Фродо был еще в пути. Теперь Око Врага будет шарить где угодно, но не в своих владениях, там ему нечего высматривать. Я даже отсюда чувствую, как он спешит. Ему пришлось начать раньше, чем он предполагал. Что-то поторопило его. Но что? — Он надолго задумался, а потом сказал с усмешкой: — Может быть, это было твое любопытство, несмышлениш. Смотри, пять дней назад был низложен Саруман, и нам достался его камень. Да, — возразил он сам себе, — но мы же не можем использовать Палантир...

Вдруг Гэндальф резко выпрямился и вскинул голову.

— Ах, вот оно что! Как же я сразу не подумал! Арагорн! Его срок приближается. Силы и твердости ему не занимать. Смел, решителен, может рискнуть, если надо. Да, конечно!

Пиппин во все глаза, ничего не понимая, смотрел, как необычайно оживленный Гэндальф шагает из угла в угол. А маг между тем продолжал:

— Арагорн смотрел в Палантир и показал себя Врагу. Он сделал это не случайно, ему нужно было... — Маг посмотрел на Пиппина, словно очнувшись. — Ладно, — он устало махнул рукой, — мы узнаем обо всем от Всадников Роухана. Если они не опоздают, — добавил он. — Тяжелые дни нам предстоят. Давай спать, Пиппин, пока можно.

— Но... — начал было Пиппин.

Глаза мага под густыми бровями сверкнули.

— Что «но»? — спросил он. — Хватит на сегодня. Давай спрашивай, но только один вопрос.

— Я про Горлума, — сказал Пиппин. — Почему они вместе, почему он ведет их? И почему и Фарамиру и тебе так не нравится место, куда он их ведет?

— Наверное не знаю, — покачал головой маг, — но я был уверен, что Фродо и Горлуму предстоит встретиться, чем бы их встреча ни кончилась. О крепости Кирит Унгол ты лучше молчи. Страшна не крепость, страшно предательство. А эта жалкая тварь словно создана для него. Правда, иногда бывает, что зло творит добро, само того не желая. Будь что будет. Доброй ночи, малыш!

Утро было хмурым и темным. Оживление, связанное с прибытием Фарамира, покинуло людей, и лица снова стали тревожными и подавленными.

Крылатых теней больше не видели, но из поднебесья снова и снова доносился их вой. Слышавшие его застывали в ужасе, а те, кто был послабее духом, тряслись и плакали.

Фарамир снова уходил. «Уж отдохнуть не дадут, — перешептывались люди. — Правитель слишком суров с сыном, тому достается теперь за двоих». Люди все чаще поглядывали на север — не покажутся ли Всадники Рохана.

Фарамир действительно уходил не по своей воле. Но Правитель Города еще и глава совета. В этот день у него не было настроения внимать остальным. Совет собрался ранним утром. Речь на нем шла об угрозе с юга. Сил для встречного боя не было. Оставалось ждать прихода Всадников, а пока их нет, еще раз проверить оборону стен.

— Но мы не должны оставлять внешние оборонительные линии, — сказал Денетор. — Раммас недешево обошелся нам, было бы только справедливо, чтобы и Враг дорого заплатил за переправу через Реку. На севере, у Кеир Андроса, болота, там ему не пройти, южнее Лебеннина Андуйн слишком широк, потребуется целый флот лодок. Если Враг решится переходить

Реку, то только у Осгилиата. Так бывало и раньше, когда броды защищал Боромир.

Фарамир, глядя прямо в глаза отцу, ответил:

— Раньше — да. Но при таких огромных силах Враг может позволить себе потерять у переправы целое войско, а для нас недопустима потеря даже небольшого отряда... Если он все-таки перейдет Реку, защитникам Осгилиата уже не пробиться к Городу.

— Обороняя Осгилиат, надо удерживать и Кеир Андрос, — поддержал Фарамира Имрахиль. — Нельзя оставить без прикрытия левый фланг обороны. Рохирримы ведь могут и не прийти. А Фарамир доложил, что к Черным Воротам стягиваются огромные силы. Враг может ударить одновременно в разных местах.

— Войны без риска не бывает, — проворчал Денетор. — На Кеир Андросе хватит небольшого гарнизона. Но я не отдам без боя ни Пеленнор, ни Осгилиат, если только найдется кто-то, способный выполнить мою волю.

Фарамир встал.

— Боромира нет, отец. Если таков твой приказ, то вместо него пойду я.

— Да, это приказ, — подчеркнуто сухо ответил Денетор.

— Прощайте, — произнес Фарамир. — Если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше, отец.

— Это зависит от того, как ты вернешься, — резко сказал Денетор.

Последним, перед самым отъездом, с Фарамиром говорил Гэндальф.

— Береги себя, — посоветовал маг напоследок. — Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воин. А отец тебя любит, это я тебе говорю. И он еще вспомнит об этом. Ну, прощай!

Так и получилось, что Фарамир ушел с небольшим отрядом. Воины со стен тщетно пытались разглядеть, что происходит в развалинах Осгилиата. Другие, в ожидании Всадников Теодена, не отрывали взгляда от севера. Придут ли? Вспомнят ли старый союз?

— Придут! — успокаивал Гэндальф. — Придут обязательно, разве что немного запоздают. Теоден получил Красную Стрелу дня два назад, а путь от Эдораса неблизкий.

Уже под вечер со стороны Андуйна примчался гонец. Нерадостные вести привез он. Из Минас Моргула выступило большое войско, оно приближается к Остигиату. К нему примкнули отряды харадримов.

— Ведет войско Король-Призрак, — в глазах гонца бился страх. — Ужас переправился через Реку раньше, чем его войска.

Этими словами закончился для Пиппина третий день пребывания в Городе. Мало кто спал в Минас Тирите в эту ночь. Надежда оставляла сердца. Люди понимали, что даже Фарамиру не удастся долго удерживать броды.

Следующий день начался хуже, чем кончился предыдущий. Гонцы сообщили, что войска Врага перешли Реку и Фарамир отступает к стенам Пеленнора перед силами, вдесятеро превосходящими его отряд.

— Враги идут по пятам, — сказал вестник, — они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы надеялись. У них были готовы плоты и лодки, и они шли, как туча. Но страшнее всего — Король-Призрак. При его приближении мало кто устоит. Даже собственные воины стонут под его рукой, но, выполняя приказ, готовы загрызть друг друга.

— Значит, пришло мое время, — сказал Гэндальф и тут же ускакал на восток. Пиппин всю ночь простоял на стене, кутаясь в плащ и не сводя глаз с темного горизонта.

Колокола едва начали вызванивать утро (хотя тьма оставалась такой же непроглядной), когда со стороны Пеленнора послышался глухой рокот и стали видны багровые вспышки. Тревожный сигнал трубы призвал воинов Города к оружию.

— Стена взята! — кричали где-то. — Они идут!

С горстью всадников появился Гэндальф. Он сопровождал целую вереницу повозок с ранеными. Маг сразу же поднялся к Денетору в верхнюю комнату Белой Башни. С Правителем был

только Пиппин. Денетор всматривался сквозь тусклые окна то на север, то на юг, то на восток, как будто пытаясь проникнуть взором сквозь роковую тьму, окутавшую его Город. Но конечно, основное внимание Правителя было обращено на север; глаза не помогали, и он напрягал слух, словно благодаря какому-нибудь древнему искусству мог слышать топот копыт на дальних равнинах.

— Фарамир вернулся? — вместо приветствия спросил Денетор.

— Нет, — ответил маг, — но он жив. Во всяком случае, был жив, когда мы расстались. Он сдерживает людей, чтобы отступление не превратилось в бегство. Это не просто, потому что пришел тот, кого я боялся.

— Враг? — вскричал Пиппин, забывший от страха свое место.

Денетор громко рассмеялся:

— Нет еще, добрый Перегрин. Враг появится только в миг последней победы. До тех пор он воюет руками других. Так делают все великие правители, если они мудры. Вот и я сижу в своей башне, думаю, наблюдаю и не щажу даже своих сыновей, хотя сила еще не покинула Правителя Гондора.

Он выпрямился, откинув черный плащ — под ним была кольчуга, опоясанная длинным мечом в черных с серебром ножнах.

— Долгие годы не снимаю я боевой одежды даже во сне, — промолвил он. — Нельзя позволять телу разнеживаться.

— Однако самый грозный вождь из тех, что служит Черной Крепости, уже взял ваши дальние укрепления, — сказал Гэндальф, внимательно глядя на Денетора. — Это бывший король Ангмара, великий чародей, ныне — предводитель назгулов и меч ужаса в руке Саурона.

— Вот достойный противник для тебя, Митрандир, — слабо усмехнулся Денетор. — Я давно знал, кто ведет войска. И это все, что ты принес оттуда? — насмешливо спросил он.

Пиппину стало страшно. Он никогда не видел Гэндальфа в гневе, и ему казалось, что момент для этого настал. Но он ошибся. Голос мага звучал так же ровно.

— Еще не время испытывать нашу силу, — говорил Гэндальф. — Если правдиво старинное предсказание, то этот вождь найдет гибель не от руки воина. Даже мудрейший из Мудрых не знает, что его ждет. Впрочем, этот верховный назгул пока не рвется вперед. Видно, и он владеет мудростью, о которой ты только что говорил. А теперь к делу. Я прибыл с ранеными, которых еще можно исцелить. Стены Пеленнора разбиты, к ним подходят полчища Мордора. Но я прибыл не за тем. В полях скоро грянет битва. Я хотел предложить тебе использовать Всадников. У Врага нет конницы, значит, можно надеяться хоть на короткий успех.

— У нас тоже не так много конных, — недовольно отозвался Денетор. — Рохирримы были бы сейчас очень кстати.

— Сначала появятся другие, — сказал Гэндальф. — Пал Кеир Андрос, беженцы оттуда стекаются к Городу. Из Мораннона вышло еще одно войско, оно переходит сейчас Реку на северо-востоке.

— Говорят, Митрандир, что тебе приятно приносить дурные вести. Но для меня и это — не новость. Я знаю то, что знаю. Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

Время шло. Дозорные со стен видели отступающие отряды. Маленькие группы усталых, зачастую раненых людей отступали в беспорядке; кое-кто просто бежал, словно спасаясь от преследования. Далеко на востоке появились огоньки, теперь они медленно расползались по равнине. Горели дома и амбары. Потом из разных мест ручейки красного пламени потекли сквозь мрак, направляясь к широкой дороге, ведущей от Ворот Города к Осгилиату.

— Враг идет, — глухо переговаривались люди, — стена пала. Вон они, лезут через бреши! И похоже, с факелами. Где же наши-то?

По времени был вечер, но в тусклом сумраке даже зоркие воины Цитадели не могли разглядеть, как обстоят дела на равнине. Пожарищ становилось все больше. Ручейки факелов сливались в реки. Между ними и Городом остался лишь один отряд.

Он тоже отступал, но при этом сохранял порядок, воины держали строй и, кажется, даже не очень торопились. Дозорные затаили дыхание.

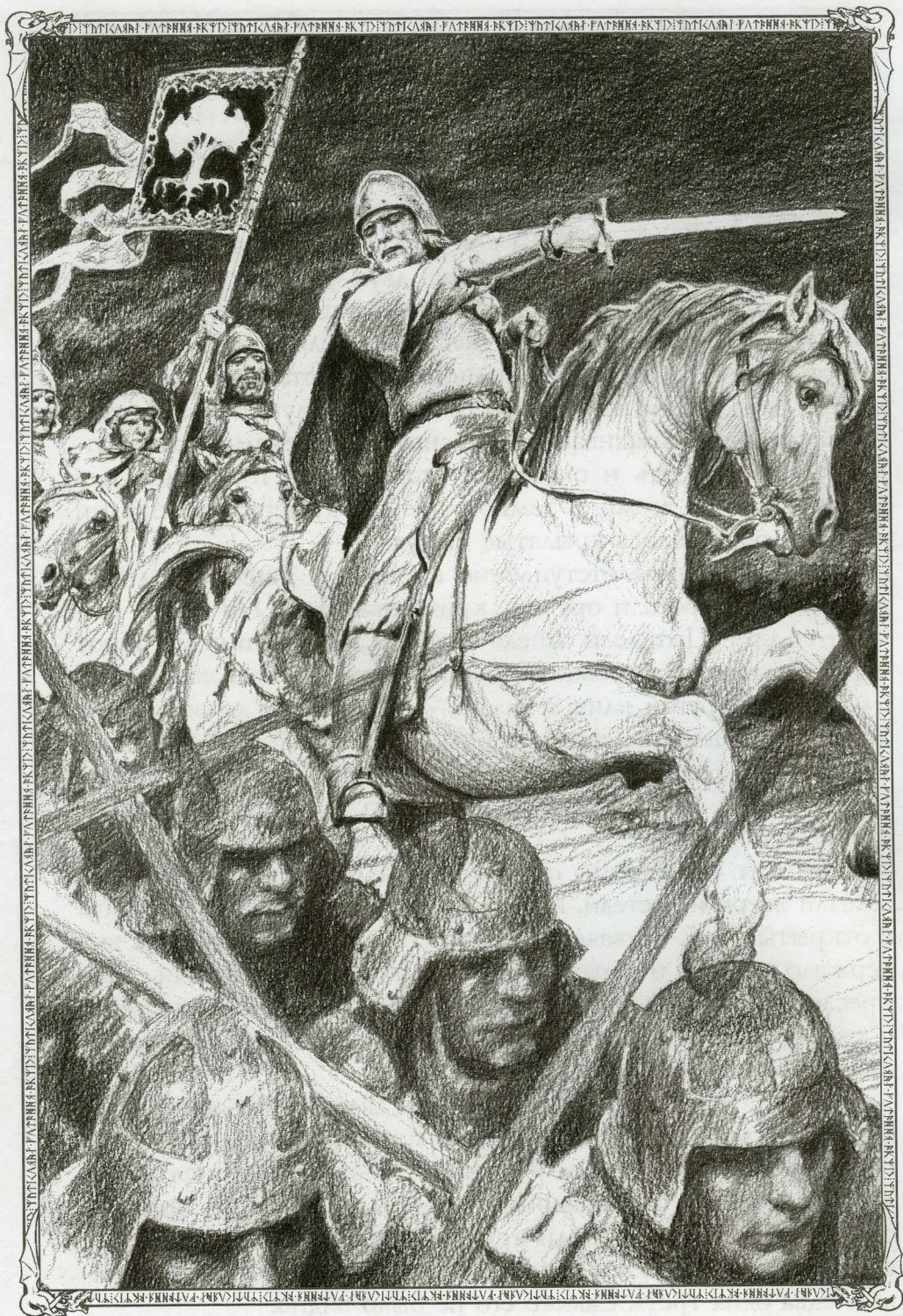
— Это, должно быть, Фарамир, — говорили они. — Он может приказывать и людям, и коням. Он еще пытается...

До Ворот оставалось не больше двух фарлонгов, когда отступавших нагнал арьергард, сдерживавший врага. Всего несколько всадников! Вот они снова развернулись, встречая преследователей. Перед ними волновалось настоящее огненное море! Ряд за рядом шли орки с факелами, оглушительно орали дикие южане, размахивавшие красными знаменами. Враги вот-вот могли отрезать и окружить отступавших гондорцев, и в довершение ко всему, с темного неба с душераздирающими воплями обрушились крылатые назгулы.

Организованное отступление сменилось паническим бегством. Люди бросали оружие, крича от страха. Но в этот момент со стен Цитадели запела труба, и вылетевший из Ворот отряд всадников с громким кличем атаковал врагов. Со стен им ответил другой клич, а потом — радостные крики. В бой вступили рыцари Дол Амрота, предводительствуемые Имрахилем. Но впереди всех стремительно летел белый сияющий всадник. Луч ослепительного света порой вырывался из его воздетой руки.

Назгулы с воплями, похожими на обиженное карканье, взмыли вверх и улетели. Их предводитель не спешил вступать в открытый бой. Захваченное врасплох войско Моргула не выдержало натиска и обратилось в бегство. Преследователи стали преследуемыми. Рыцари рубили и кололи с ожесточением, и скоро поле покрылось трупами орков и людей, а факелы шипели и гасли в крови.

Но Денетор не позволил им зайти далеко. Хоть враг и был отброшен, но с востока подходили новые полчища. Снова запела труба. Всадники Дол Амрота остановились и перестроились, прикрывая отступавшие отряды. Так, в боевом порядке, они и вошли в Город. Люди приветствовали их, но крики сами собой стихли, когда все увидели, что от отряда Фарамира осталась едва одна треть. самого его не было видно.

Вслед за Всадниками ехал Имрахиль. Он прижимал к груди безжизненное тело своего родича Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

— Фарамир! Фарамир! — горестно восклицали люди, но он не отвечал, и его несли все выше по извилистой дороге, в Цитадель, к отцу. В тот миг, когда назгул отвернул в сторону перед Белым Всадником, случайное копье сразило Фарамира, сдерживавшего неистовых харадримов. Только удар рыцарей Дол Амрота спас его от мечей, готовых изрубить славного воина.

Имрахиль принес Фарамира в Белую Башню и положил к ногам Денетора.

— Ваш сын вернулся, Правитель, — негромко сказал он, — вернулся, покрыв себя славой.

Денетор встал и долго всматривался в бледное лицо, обрамленное мягкими кудрями. Потом он приказал устроить ложе здесь же и уложить на него Фарамира, а сам поднялся в верхнюю комнату Башни. Многие видели, что в эту ночь в окнах ее долго мелькали бледные огни, потом погасли. Когда Денетор спустился и сел у изголовья ложа, лицо его было столь же мертвенно бледным, как у раненого.

Вокруг Города сомкнулось кольцо осады. Раммас был разрушен, и весь Пеленнор захвачен врагом. Последними в Город вошли уцелевшие воины северного гарнизона, охранявшие перевалы на анориенской дороге. Привел их Ингольд, тот самый, который говорил с Гэндальфом и Пиппином всего пять дней назад — когда еще светило солнце, а утро дарило надежду.

— Рохирримов все нет, — сказал он, — и теперь уже, наверное, не будет. Если они и придут, нам это вряд ли поможет. Их опередит другое войско. Говорят, оно уже переправляется через реку возле Андроса. Там тьма мордорских орков и бесчисленные рати людей. Таких мы еще не видели. Они коренастые, бородатые, как гномы, и с топорами. Наверное, это восточные дикари. Они захватили северную дорогу и вошли в Анориен. Теперь рохирримам не пройти.

Ворота были закрыты. Всю ночь караульные на стенах слушали гул вражеских толп, бурлящих снаружи, видели горящие поля и деревни. В темноте не понять было, сколько врагов перешли Реку, но поутру, когда мрак немного посерел, подтвердились самые худшие опасения. Равнина была черна от марширующих отрядов, и повсюду, как поганые грибы, вырастали черные и багровые шатры.

Орки, словно муравьи, суетливо рыли щели, огромным кольцом окружая Город на расстоянии полета стрелы. Готовые щели немедленно заполнялись текучим огнем — питался он не иначе, как вражьими колдовскими кознями. Воины на стенах могли только бессильно наблюдать за этими зловещими приготовлениями. Как только отрывалась очередная щель, возле нее устанавливали катапульту. Защитники ничем не могли помешать этой работе. Поначалу в Минас Тирите орочью суету не принимали всерьез. Стены Города вздымались на огромную высоту. Их возводили в давние времена, до того, как угасло древнее мастерство нуменорцев. Со стороны равнины стены были неуязвимы ни для железа, ни для огня. Казалось, они будут стоять, пока цела земля, держащая их.

— Да нет, — успокаивали себя люди, — даже Неназываемому не войти в Город, пока мы живы, — и тут же спрашивали себя: — а сколько мы еще продержимся? Ведь у него есть оружие, перед которым от начала мира пало много крепостей. Это оружие — голод. Дороги перекрыты. Рохан не сможет нам помочь.

Но катапульты и не пытались сокрушить непобедимые стены. План нападения на Город разрабатывал не какой-нибудь орк или дикарь с востока. Над ним потрудился мощный и злобный разум. С громкими воплями, под протяжный скрип блоков, орки стали посылать снаряды непривычно высоко в небо. Снаряды падали в нижних ярусах Города. Многие взрывались, и из них во все стороны летел огонь. Начались пожары. Но не огонь был самым страшным. Следом из катапульт полетели головы воинов, павших у Осгилиата и у стен Пеленнора. Все они были заклеены нечистым знаком Ока, многие изу-

родованы, лица искажены предсмертными муками. Город наполнился плачем. Люди проклинали гнусных врагов, тщательно сжимая кулаки.

Но осаждавшие были глухи к проклятиям, они не знали даже Всеобщего языка, обходясь своим грубым, не то лающим, не то каркающим наречием.

А у Темного Властелина было и еще более страшное, а главное, более действенное оружие, чем голод, — отчаяние. Над осажденной крепостью снова закружились назгулы. Их вопли заставляли самых отважных падать наземь. Если же кому удавалось устоять, то руки их не держали оружие, мысли путались, и желали они только бегства и смерти.

Весь этот страшный день Фарамир лежал в тех покоях Белой Башни, куда его принесли. Он весь горел, бредил, и видно было, что жить ему осталось недолго. Денетор молча сидел рядом и смотрел на сына, словно никакой осады не было и Городу не угрожала смертельная опасность.

Даже в плену у орков Пиппину не приходилось так круто. Правитель не отпускал его, и Пиппин, подавляя страх, видел, как час за часом менялось, старея, лицо Денетора. Что-то сломало его гордую волю, и Пиппин не мог сказать, что терзает его сильнее: скорбь или раскаяние.

Когда на глазах Денетора выступили слезы, Пиппин не выдержал.

— Не плачьте, повелитель, — прошептал он, запинаясь. — Может быть, он еще поднимется. Надо посоветоваться с Гэндальфом.

— Я не хочу больше слышать о колдунах, — мрачно ответил Денетор. — Наша безумная надежда обманула нас, она попала к Врагу и умножила его силу. Ему ведомы наши помыслы; что бы мы ни предпринимали, все оборачивается против нас. Посмотри, вот я послал сына без слов прощания, без напутствия навстречу гибели, и вот он передо мной. С ним угасает мой род. Как бы ни закончилась война, кровь Денетора иссякла, и это конец всему.

В это время из-за дверей слышались голоса, звавшие Правителя. Денетор встал и громко сказал:

— Оставьте меня. Я должен быть здесь, рядом с сыном. Может, перед смертью он скажет что-нибудь. Пусть обороной руководит кто-нибудь другой. Хотя бы этот Серый Безумец с его безумной надеждой. Я останусь здесь.

Так во главе защитников Города встал Гэндальф. Там, где он появлялся, к людям возвращалась надежда, страх перед крылатыми тенями исчезал. Он появлялся и у Цитадели, и у Ворот, и на стенах. Его повсюду сопровождал Имрахиль в сверкающей кольчуге. Видя рыцарей Дол Амрота, люди говорили: «Да, старые истории похожи на правду; в жилах этого народа течет эльфийская кровь, ведь здесь жили когда-то родичи Нимродели». И кто-нибудь принимался напевать строфы из баллады о Нимродель или из другой песни давно ушедших лет.

Но едва проходили рыцари, как тени снова смыкались над людьми, сердца холодели, и доблесть Гондора обращалась в дым. Город медленно тонул во тьме подступающего ночного отчаяния. Пожары теперь бесновались, никем не сдерживаемые, в первом круге уже никто не тушил огонь. Кое-где воины на внешней стене оказались отрезанными от подкреплений. Немногие на постах остались верны присяге, большинство укрылось за вторыми воротами.

Захватив равнину, Враг быстро навел мосты через Реку, весь день по ним переправлялись войска, а в середине ночи начался штурм. Орды нападающих миновали заполненные огнем щели по специально оставленным перемычкам и быстро двинулись вперед, не обращая внимания на редкие стрелы со стен. Для знаменитых гондорских лучников вполне доставало света, да и в целях недостатка не ощущалось. Но стрелков явно не хватало, чтобы нанести врагу серьезный урон. И тогда, решив, что доблесть защитников Города уже сломлена, по незримому знаку вперед медленно двинулись огромные осадные башни, спешно построенные в Оспиате.

К дверям Правителя снова пришли гонцы. Они были так настойчивы, что Пиппину пришлось впустить их. Денетор молча повернулся к ним.

Один из воинов выступил вперед и сказал:

— Мы ждем ваших приказаний, Правитель. Нижний ярус Города в огне. Люди покидают стены, не все хотят повиноваться Митрандиру.

— Каких приказаний вы ждете от меня? — медленно проговорил Денетор. — Не все ли равно, где сгореть? Возвращайтесь в свой костер, а у меня впереди — свой. У Денетора и его сына не будет могил, их заменит огонь. Так было до того, как с Запада пришел первый корабль, так будет и теперь, когда Запад гибнет. Возвращайтесь в костер!

Воины вышли без поклона и нахмурившись.

Денетор отпустил руку Фарамира, встал и долго смотрел на сына. Пиппин с трудом разобрал его слова:

— Он горит! Он уже горит! Рушится дом его души!

Потом он подошел к хоббиту и, положив руку на плечо, взглянул в глаза.

— Прощай! — произнес он размеренно. — Прощай, Перегрин, сын Паладина. Недолго служил ты мне, сегодня твоя служба кончилась. Ступай и умри как хочешь. Можешь идти к своему неразумному приятелю, это он привел тебя к гибели. Пришли сюда моих слуг. Прощай!

Пиппин склонил колено.

— А я не прощаюсь с вами, повелитель! — дерзко сказал он, потом вскочил на ноги и посмотрел прямо в глаза Денетору. — Вы правы, мне нужно повидать Гэндальфа. Напрасно вы считаете его неразумным. Разума ему хватит на весь этот Город и еще останется. И пока он не потерял надежды, я тоже не буду думать о смерти. Хотя вы и освобождаете меня от службы, я-то не хочу быть свободным от своей клятвы. Если врагам суждено ворваться в Цитадель, я надеюсь быть рядом с вами до конца и заслужить оружие, полученное из ваших рук.

В начале его слов в глазах Денетора мелькнуло легкое удивление, но тут же погасло и сменилось усталым равнодушием.

— Поступай как хочешь, Перегрин, — тихо ответил он. — Моя жизнь окончена. Иди теперь и позови слуг, — он слабо махнул рукой и снова сел у ложа Фарамира.

В покои вошли шестеро рослых слуг. Денетор удивил их, кротким голосом попросив укрыть Фарамира и поднять его вместе с ложем. Они безмолвно повиновались и, стараясь как можно меньше беспокоить метавшегося в бреду больного, осторожно понесли его. Тяжко опираясь на посох, сильно сутулясь, вышел за ними Денетор. Последним пристроился Пиппин.

Медленно, как на похоронах, они покинули Белую Башню и окунулись во мрак, озаряемый багровыми отсветами пожаров; медленно пересекли двор и постояли перед засохшим деревом. Тихо было здесь. Едва доносились со стен звуки сражения, да печально капала вода с засохших ветвей в темное озерко. Скорбная процессия миновала ворота Цитадели и, провожаемая изумленными и испуганными взглядами часовых, повернула на запад. В стене шестого яруса темнела запертая дверь. Ее открывали только во время погребений. Никто, кроме Правителя и служителей Дома Мертвых, не пользовался ею. От двери неширокая дорога вела к усыпальницам Королей и Правителей Гондора. От Города скорбное место отделялось ущельем.

Из маленького домика у дороги навстречу им выбежал испуганный служитель с фонарем. Денетор приказал отпереть дверь, и она бесшумно распахнулась. Теперь процессия поднималась по дороге между древних стен. В мечущемся свете фонаря из мрака выступали ряды колонн. Медленные шаги слуг гулко отдавались под сводами. Улица-туннель, где стены сплошь покрывали барельефы давно умерших людей, привела к Дому Предков, и здесь слуги опустили свой груз.

Пиппин с беспокойством осматривал просторный сводчатый зал. Слабый свет фонаря не достигал стен, освещая лишь ряды невысоких мраморных постаментов. На каждом из них покоилась фигура со сложенными на груди руками. Ближайший ко входу постамент был пуст. На него по знаку Правителя слуги опустили Фарамира. Денетор лег рядом с сыном. Слуги на-

крыли их одним покрывалом и склонили головы, как перед смертным ложем.

— Здесь мы будем ждать, — тихо прошепел голос Правителя. — Бальзамирования не будет. Вот мой последний приказ: принесите побольше сухих дров и сложите вокруг. Это все. Прощайте.

Пиппин не мог больше выносить этого ужасного зрелища и выбежал из обители смерти.

— Бедный Фарамир! — твердил он. — Его лечить нужно, а не оплакивать. Бедный Фарамир! — Внезапно он остановился и хлопнул себя по лбу. — Нечего причитать! — прикрикнул он сам на себя. — Надо найти Гэндальфа.

Пиппин обернулся к слугам, закрывавшим двери.

— Слушайте, — торопливо сказал он, — не спешите выполнять приказы Правителя. Он не в себе. Пока Фарамир жив, не делайте ничего. Подождите Гэндальфа.

— Разве в Минас Тирите приказывает не Правитель Денетор, а Серый Странник? — угрюмо спросил старший из слуг.

— Или Серый Странник, или никто! — отрезал Пиппин и помчался в Город, назад, вверх по извилистой дороге, мимо изумленного привратника, через дверь и дальше, к воротам Цитадели.

— Куда спешишь, любезный Перегрин? — окликнул его страж, и Пиппин скорее по голосу узнал Берегонда.

— Митрандира ишу, — ответил хоббит.

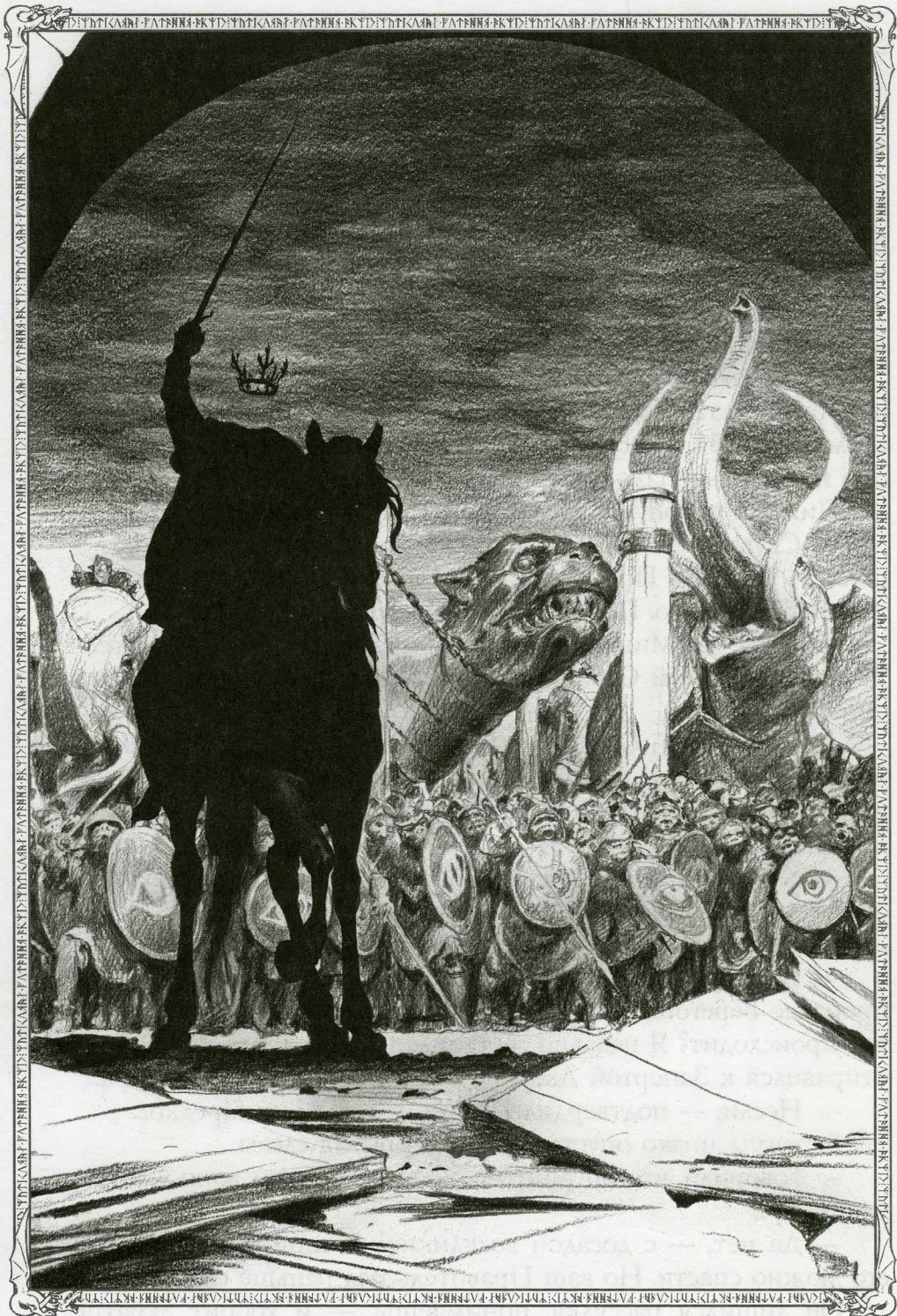
— Раз Правитель послал, дело спешное, — уважительно произнес Берегонд, — но ты все-таки скажи мне быстренько: что происходит? Я недавно заступил, а мне говорят: Правитель отправился к Запертой Двери, а перед ним несли Фарамира.

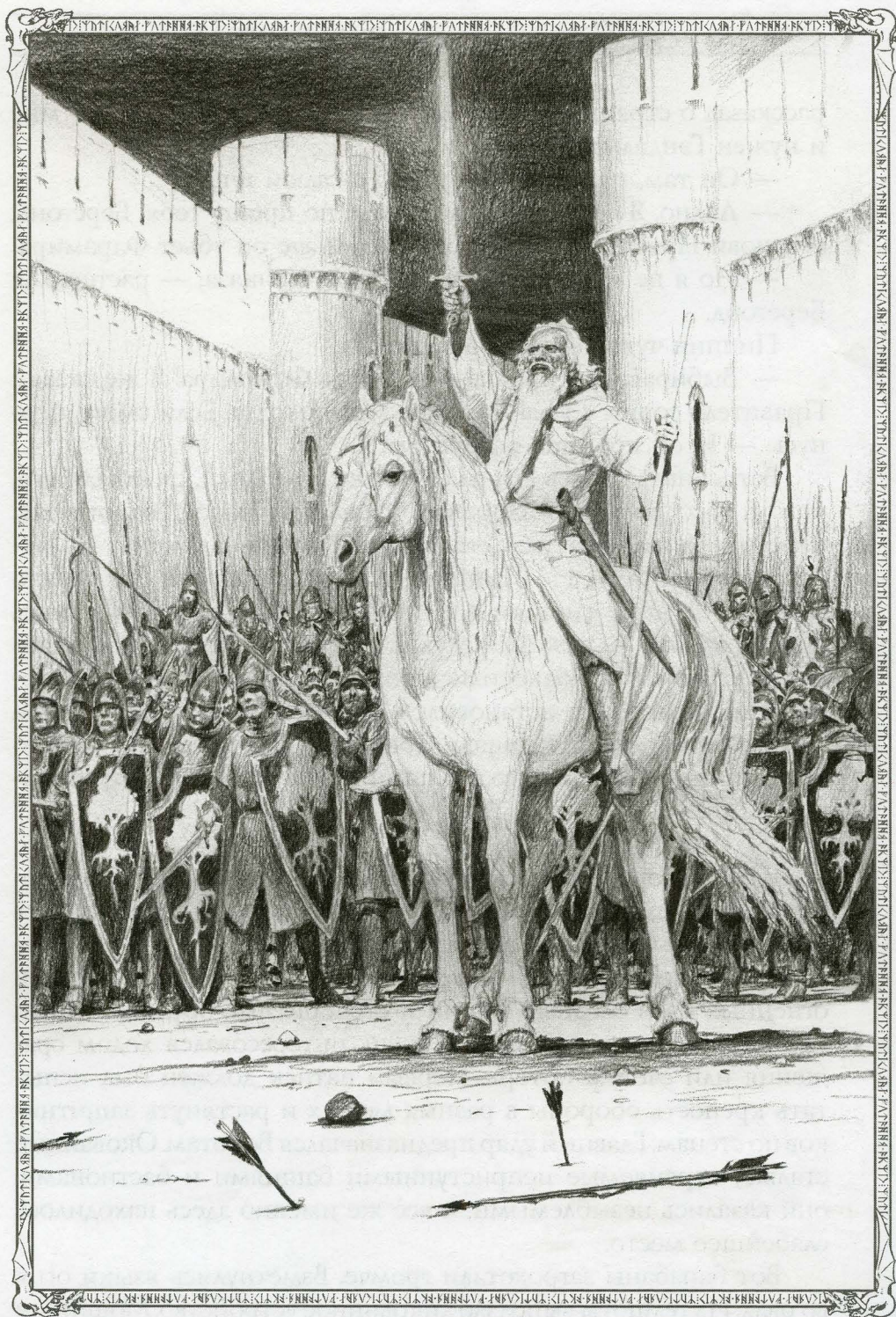
— Несли, — подтвердил Пиппин, — к Дому Предков.

Берегонд низко опустил голову, скрывая слезы.

— Говорили, что он умирает, — пробормотал воин, — а он уже умер..

— Да нет, — с досадой воскликнул Пиппин, — он жив и его можно спасти. Но ваш Правитель пал раньше своего города. Он лишился рассудка, понимаешь? — и хоббит вкратце

рассказал о странных словах и поступках Денетора. — Вот мне и нужен Гэндальф. Как найти его?

— Он там, на стенах. Ищи его в самой гуще.

— Ладно. Я сейчас побегу за ним, но прошу тебя, Берегонд, останови Правителя, если можешь. Иначе он убьет Фарамира.

— Но я не могу покинуть пост без приказа, — растерялся Берегонд.

Пиппин чуть не плюнул с досады.

— Выбирай: или приказ, или жизнь Фарамира! Я же сказал: Правитель сошел с ума! Я ухожу, мне некогда. Если смогу, вернусь. — И он побежал к Воротам.

Встречные, увидев его плащ воина Цитадели, окликали его, чтобы расспросить о здоровье Фарамира, но он, не отвечая, пробежал мимо. Вот уже стали видны языки пламени, пылавшего за Воротами. Но Пиппина поразила тишина. Все словно замерло. В этой тишине вдруг послышался ужасный вопль, и вслед за ним — тяжелый глухой удар. От страха и неожиданности у Пиппина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол и тут остановился как вкопанный. Перед ним лежала привратная площадь. Гэндальф был здесь, но вместо того, чтобы окликнуть его, Пиппин молча отступил и притаился в тени.

Штурм Города продолжался. Гремели барабаны. Из темноты появлялась орда за ордой. Все больше врагов скапливалось под стенами. Огромные звери, словно движущиеся дома в красном неровном свете, — мумаки из Харада — волокли среди огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Но тот, кто направлял их, похоже, не очень интересовался ходом сражения или счетом потерь. Первый натиск должен был испытать крепость обороны в разных местах и растянуть защитников по стенам. Главный удар предназначался Воротам. Окованные сталью, охраняемые неприступными башнями и бастионами, они казались незыблемыми, и все же именно здесь находилось слабейшее место.

Вот барабаны загрохотали громче. Взметнулись языки огня во рвах. Из темноты выползло диковинное устройство. Мощными

цепями к нему был подвешен огромный таран, размером со стофутовое дерево. Долго ковался он в кузницах Мордора. Передний торец из вороненой стали в форме головы скалящегося волка был заговорен рушительными чарами. В память о Молоте Преисподней стародавних времен, таран назывался Гронд. Его волокло целое стадо мумаков, вокруг сновали орки, а позади шагали горные тролли.

Но к Воротам подойти было непросто. Их обороняли рыцари Дол Амрота и лучшие воины Города. Там воздух свистел от стрел и копий, осадные башни рушились или внезапно вспыхивали, землю покрывали обломки вперемешку с трупами дикарей и орков. А неслышимые приказы гнали к Воротам все новые и новые орды.

Гронд полз вперед. Огонь не брал его. То один, то другой из мумаков, обезумев от боли, причиняемой стрелами, начинал метаться, давя суетившихся вокруг орков, но на место затоптанных тут же вставали другие.

Гронд полз вперед. Дико гремели барабаны, и вот на поле боя показалась новая ужасная фигура: высокий всадник в черном, с капюшоном, надвинутым на лицо. Медленно ехал он прямо по трупам, не обращая внимания на стрелы. Вот он остановился, и над головой его тускло блеснул длинный меч. Волна ужаса накрыла и нападавших, и защитников. Руки людей безвольно опустились. На миг все стихло. Снова грохнули барабаны. Гронд рывком двинулся. Огромные руки троллей качнули его, и на Ворота обрушился первый удар. Казалось, содрогнулся весь Город, но дерево и сталь выдержали.

Черный Предводитель привстал на стременах, и над равниной троекратно прозвучало древнее заклинание. Ни камни, ни люди не в силах были противостоять ему. Трижды ударил в Ворота таран; пространство между землей и небом пронизала молния, и с третьим ударом Ворота рухнули грудой обломков.

Король-Призрак двинулся вперед — бескрайняя черная злоба среди зажженного им пожара. Король-Призрак миновал арку ворот и вошел в город, никогда не видевший врага за своими стенами, и все живое бежало от него.

Посреди площади Короля-Призрака ждал Гэндальф. Сполах под ним был похож на мраморное изваяние.

— Тебе не дано войти сюда, — сказал Гэндальф, и неторопливо ехавший Черный Всадник остановился. — Возвращайся в бездну, откуда пришел. У тебя и твоего хозяина нет будущего в этом мире. Уходи!

Черный Всадник откинул капюшон плаща. Багровые отсветы заиграли на его стальной короне. Но корона венчала пустоту! Невидимый рот разразился мертвым смехом.

— Старый глупец! — раздался вслед за тем низкий голос. — Это *мой* час! Ты не узнаешь смерть, даже когда она перед тобой. Ты умрешь напрасно! — Всадник взмахнул мечом; по лезвию клинка струились волны холодного пламени.

Однако Гэндальф не шевельнулся. В этот самый миг где-то далеко, в центре Города, звонким и ясным голосом запел петух. Для него не существовало ни войны, ни древней магии; он чувствовал там, высоко в небесах, утро, встающее над тенью смерти.

Крик его не успел замереть в воздухе, как издали ему стройно и грозно отозвались боевые рога, и темные склоны Миндоллуина эхом отразили их звуки. Рохан все-таки пришел.

Глава V ПОХОД ТЕОДЕНА

Мерри лежал, завернувшись в одеяло, и тщетно вглядывался в темноту. Ночь была тихой, безветренной, только деревья чуть слышно вздыхали вокруг. Он поднял голову и снова услышал настороживший его звук. Где-то вдали глухо били барабаны. Замолкая в одном месте, удары тут же возникали в другом. Интересно, слышат ли их часовые?

Невидимые в темноте, расположились на отдых войска рохирримов. Пахло лошадыми. Мерри слышал, как они пофыркивают и мягко переступают копытами по усыпанной хвоей земле. На ночь Теоден остановился в глухом сосновом бору у подножия сигнального холма Эленах, поднимавшегося высоко над вершинами Друаданского Леса.

От усталости Мерри не мог заснуть. Шли пятые сутки похода. Мрак, становившийся все плотнее, приводил воинов в уныние. Мерри уже не понимал, зачем так рвался в этот поход, ведь ясный приказ короля позволял ему остаться. Хоббит уже не раз принимался гадать, знает ли король о его самоуправстве. А если знает, то что думает? Наверное, Дернхельм как-то договорился с Эльфхельмом, командиром их «йоред» (так Всадники называли отряды). Во всяком случае, воины старались не замечать лишнего новобранца. С ним никто не заговаривал, а если смотрели, то как на лишнюю переметную суму за спиной Дернхельма. Да и сам молодой Всадник за всю дорогу не проронил ни слова. Тут поневоле начнешь ощущать себя никому не нужной обузой.

Войска Теодена все ближе подходили к опасным местам. До внешних укреплений Минас Тирита оставалось меньше дня пути. Разведчики, которым удалось вернуться, доложили, что дорога впереди захвачена врагом. В трех милях западнее Амон Дина стоит целая орда, а большой отряд орков идет навстречу. Они уже в трех-четырех лигах от Друаданского Леса.

Король и Йомер собрали ночной совет. Мерри с удовольствием перемолвился бы словом хоть с кем-нибудь. Он вспомнил Пиппина и еще больше расстроился. Любезный друг Пиппин, тоже один, брошен где-то там, в каменном городе, на произвол судьбы... Мерри отчаянно захотелось стать большим и сильным Всадником, таким как Йомер, например, чтобы трубить в рог и, не разбирая дороги, мчаться кому-нибудь на выручку. Он снова прислушался. Барабаны били теперь намного ближе. Внезапно послышались негромкие голоса, и меж деревьев замелькали затененные фонари. Мерри встревоженно привстал, и в ту же секунду об него споткнулись. Голос Эльфхельма проклял древесные корни. Это было уже слишком!

— Я не корень, — всхлипнул Мерри. — Я — хоббит Мериадок. Что случилось?

— Да в такой тьме все может случиться, — отозвался Эльфхельм. — Приготовься, мы ждем приказа выступить немедленно.

— Враги? — ахнул Мерри. — Я слышал барабаны...

— Враги не решатся покинуть дорогу, а барабаны — это речь лесных людей из Леса Друадан. Их немного, они осторожны, а прятаться умеют, как никто. Стрелки хоть куда, стреляют отравленными стрелами. Я рад, что они нам не враги, хотя и союзниками никому никогда не были. Но они боятся пришедшей тьмы и сейчас предложили правителю союз и помощь. Они вон там, где фонари, — он махнул рукой и исчез.

Сообщение о Лесных Людях с отравленными стрелами отнюдь не обрадовало Мерри. Наоборот, прежние страхи лишь усилились. Дальше ждать в неведении было невыносимо, поэтому он вскочил и направился вслед за мелькавшими между деревьями фонарями. Шел он осторожно, по-хоббитски, и вскоре достиг поляны.

На ветке большого дерева висел фонарь. Под ним было по-светлее. Мерри увидел сидящих рядом Правителя и Йомера, а перед ними — странное существо, больше всего походившее на корявый пенёк. Короткие узловатые руки и ноги, клочковатая борода, а может, просто сухой мох, травяная юбка. Чем-то его вид показался Мерри знакомым, и вдруг ему припомнились идолы из Дунхарга. Было в лесном человеке что-то от оживших древних изваяний. Вполне возможно, что он приходился потомком тем, кого изобразили безвестные мастера на каменной дороге. Этот лешак говорил низким гортанным голосом, но, к изумлению Мерри, говорил на Всеобщем языке, хоть и с трудом подбирая слова и временами сбиваясь на родное наречие.

— Нет, Отец Конных Людей, — объяснял он Теодену, — мы не воюем. Мы только охотимся. Убиваем горганов в лесах, ненавидим орочий народ. Вам они тоже враги, и мы вам поможем. У Людей Леса длинные уши, а глаза видят далеко. Мы знаем здесь все тропы. Это наша земля. Она была нашей еще до Каменных Домов, еще до прихода из-за Вод Высоких Людей.

— Но нам нужна помощь в бою, — настаивал Йомер. — Чем вы можете помочь?

— Принесем вести, — быстро сказал дикарь. — Мы глядим с холмов. Каменный Город закрыт. Там снаружи пожары, а теперь и внутри. Вы хотите туда попасть? Тогда вам надо спешить.

Но горганы и люди издалека, — он махнул короткой узловатой рукой на восток, — ждут на конной дороге. Очень много их, больше, чем Конных Людей.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Йомер. Плоское лицо и темные глаза старика остались бесстрастными, но в голосе прозвучала обида.

— Я назвал мой народ Лесными Людьями, а не детьми. Я — великий вождь Гхан-бури-Гхан. Я могу сосчитать звезды в небе, листья на деревьях, людей в темноте. У вас — двадцать двадцаток, считанных десять раз и еще пять. У них больше. И еще много бродит вокруг стен Каменного Города.

— Он говорит истинную правду, — вздохнул Теоден. — Наши разведчики видели рвы на дороге и воткнутые колья. Такое препятствие не одолеешь с налету.

— Но мы же должны спешить! — воскликнул Йомер. — Город горит!

— Выслушайте Гхан-бури-Гхана, — напомнил о себе дикарь. — Он знает не одну дорогу. Он проведет вас там, где нет никаких ям, где не ходят горганы — только Лесной Народ и звери. Много дорог проложил здесь некогда Народ Каменных Домов. Они резали холмы, как охотник режет дичь. Лесной Народ думал, что они едят камень. Они ходили через Друадан к Риммону с огромными повозками. Они не ходят больше. Дорога забыта, но Лесной Народ помнит. Там, за холмом, под травой и деревьями, она идет от Риммона вниз, к Дину, а потом к старой конной дороге. Лесные Люди покажут. Вы убьете горганов и разгоните плохую тьму ярким железом, и Лесные Люди смогут спокойно спать в своих лесах.

Король посоветовался с Йомером и обратился к дикарю:

— Мы принимаем твоё предложение. Правда, у нас за спиной останется вражья рать, но если падет Каменный Город, нам незачем возвращаться. А если Минас Тирит выстоит, орки сами окажутся отрезанными. Если ты верен нам, Гхан-бури-Гхан, мы щедро вознаградим тебя и заключим союз на вечные времена.

— Мертвые не дружат с живыми и не подносят им даров, — сказал дикарь. — Если ты переживешь Тьму, оставь

Лесных Людей в покое в их лесах и больше не трави, как зверей. Гхан-бури-Гхан сам пойдет с Отцом Конных Людей. Ты убьешь его, если попадешь в ловушку.

— Быть по сему! — решил Теоден.

— Сколько времени мы потратим на обход? — спросил Йомер. — Дорога, наверное, узкая, верхом не пройдешь?

— Лесной Народ ходит быстро, — ответил Гхан, — а там, в долине, по дороге пройдут четыре лошади в ряд, она только в начале и в конце узкая. Лесные Люди добираются отсюда до Дина между восходом и полуднем.

— Семь часов... — задумчиво промолвил Йомер, — это для передовых отрядов, и часов десять для остальных. Когда войска растянутся цепью, ими трудно управлять. Мало ли что может случиться... Который час?

— Кто знает? — ответил Теоден. — Теперь есть только ночь.

— Когда темно, не всегда ночь, — поправил Гхан. — Лесные Люди чувствуют солнце даже во мраке. Оно уже поднялось над точными горами. В небесных полях начинается день.

— Тогда надо выступать немедленно! — воскликнул Йомер. — Иначе нам не успеть сегодня на помощь Гондору.

Мерри предпочел убраться незамеченным. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к выступлению. Теперь от сражения их отделял один переход. Хоббиту пришлось собрать все свое мужество да вдобавок вспомнить о Пиппине там, в осажденном пылающем Городе, чтобы страх отпустил его.

В этот день все обошлось благополучно. Враги не показывались. Лесной Народ разослал своих разведчиков следить за орками. Надо было обеспечить полную скрытность продвижения войск. Ближе к осажденному Городу мрак густел, и Всадники шли друг за другом вплотную. Каждый отряд вел проводник; старый Гхан широко шагал рядом с королем. Поначалу Всадники замешкались, путаясь в густом кустарнике, и только далеко за полдень первые отряды вышли на восточные склоны Амон Дина к устью потаенной долины. По ней проходил заброшен-

ный тракт, сливавшийся с конным путем из Города через Анориен. Но уже многие поколения гондорцев не подозревали о его существовании. Деревья, травы и кустарник надежно скрывали древнюю мостовую. Но заросли давали Всадникам возможность пройти незамеченными до самой равнины Андуина.

Передовой отряд остановился. Пока остальные подтягивались, король призвал военачальников на совет. Йомер хотел было послать к дороге разведчиков, но старый Гхан покачал головой.

— Не надо посылать Конных Людей, — сказал он. — Лесные Люди уже увидели все, что можно увидеть в темноте. Они скоро вернутся и расскажут.

Действительно, вскоре Мерри заметил нескольких «идолов», промелькнувших во мраке. Они переговаривали с Гханом, и старый лесовик повернулся к королю.

— Лесные Люди много всего говорят, — сказал он. — Впереди опасность. По эту сторону Дина, в часе ходьбы стоят лагерем много людей, — он махнул рукой на запад, в сторону сигнального холма. — Но отсюда до самых новых стен Каменного Народа никого нет. Все заняты: стены рушат. У горганов земные грома и дубины из черного железа. Они так увлеклись, что не глядят вокруг! Они все думают, что орки стерегут дороги! — тут старый Гхан издал чудной булькающий звук — надо полагать, смеялся.

— Прекрасно! — вскричал Йомер. — Даже в этом мраке снова блеснула надежда. Хитрости Врага иногда и нам на руку. Пока они разносят стены, которые могли бы нам помешать, мы в темноте подойдем поближе.

— Благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан, — молвил Теоден. — Да пребудет с тобой удача за добрые вести и за твое водительство!

— Убейте горганов! Убейте орочий народ! Вот что нужно Лесным Людям, — ответил Гхан. — Прогоните плохой воздух и темноту ярким железом!

— Затем мы и пришли, — сказал король, — к этому и стремимся. А чего добьемся — покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан припал к земле и коснулся ее лбом в знак прощания, потом поднялся, собираясь уйти. И вдруг замер, принюхиваясь, точно встревоженный лесной зверь, учуявший подозрительный запах. Глаза его заблестели.

— Ветер меняется! — воскликнул он, и с этими словами мгновенно исчез во мраке вместе со своими родичами, и ни один из Всадников Рохана не встречал его больше. Вскоре далеко с востока снова донесся слабый барабанный бой. Никому из Всадников в голову не пришло усомниться в искренности Лесных Людей, хоть их повадки показались рохирримам странными и непонятными.

— Дальше нам не понадобятся проводники, — сказал Эльфхельм. — Среди нас есть воины, бывавшие в Городе. Да я и сам туда ездил. Когда выйдем к дороге, они возьмут к югу, а там уже предместья, и до стены — семь лиг. По обеим сторонам дороги почти всегда густая трава. Гондорские гонцы считают этот кусок пути самым легким. Мы сможем ехать быстро и без особого шума.

— Тогда неплохо бы сейчас отдохнуть перед жестокой битвой, — предложил Йомер. — Ночью двинемся дальше и к рассвету вырвемся в луга.

На том и порешили. Военачальники разошлись, но Эльфхельм вскоре вернулся.

— Все спокойно, повелитель, — сказал он королю, — но разведчики обнаружили на краю леса трупы двух людей и мертвых коней. Это — гондорские гонцы. Один, надо думать, Хиргон. В руке у него все еще зажата Красная Стрела, а голова отрублена. Похоже, они были убиты, когда скакали на запад. Я думаю, на обратной дороге они наткнулись на врага у внешних стен и повернули назад, так и не добравшись до Города.

— Худо! — нахмурился Теоден. — Значит, Денетор не знает о нашем походе.

— «Нужда не терпит, но лучше поздно, чем никогда», — проговорил Йомер. — Кажется, сейчас эта старая пословица как нельзя кстати.

Ночью войска снова двинулись. Дорога обогнула отрог Миндоллуина и повернула к югу. Вдали затрепетали красные сполохи.

Йоред Эльфхельма шел вслед за правителем и его свитой. Мерри с удивлением заметил, что Дернхельм старается незаметно продвинуться вперед, пока, наконец, они не оказались среди воинов передового отряда, и для всех это осталось незамеченным.

Потом вышла задержка. Мерри услышал впереди приглушенные голоса. Разведчики, вернувшиеся почти от самой стены, говорили с королем.

— Там огромные пожары, повелитель, — докладывал один. — Город окружен пламенем, а на равнине полно врагов. Они наступают. У внешней стены почти никого нет. Даже дозоры не выставлены.

— Помнишь слова дикаря, повелитель? — спросил другой. — Я жил в степях в мирные дни, меня звать Видраф, и я тоже умею читать в воздухе. Ветер меняется. Потягивает с юга, слегка морем пахнет. Утром над этой темнотищей будет рассвет.

— За добрую весть я желаю тебе дожить до мирных дней, Видраф, — сказал Теоден. Потом повернулся к своим приближенным и в полный голос обратился к Всадникам. — Час настал, Всадники Рохана, сыны Йорла! Впереди — враг и огонь, позади — наши дома. Нас ждет бой на чужих полях, но слава навек останется с вами! Вы клялись королю, земле и союзу дружбы! Время исполнить клятвы!

Воины ударили копьями в щиты.

— Йомер, сын мой! Ты поведешь первый йоред, — повелел Теоден, — и пойдешь в центре, за королевским знаменем. Эльфхельм, возьми вправо сразу за стеной, а Гримбольт поведет своих левее. Остальным — поддерживать головные йореды. Других планов не будет. Вперед же, не страшась мрака!

Кони почти с места взяли в галоп. Дернхельм, держась в последних рядах головного отряда, горячил коня. Мерри из всех сил ухватился за воина левой рукой, а правой старался достать клинок из ножен. Ему отчетливо вспомнились слова Теодена о том, что для хоббита не найдется дела в этой битве,

кроме гибели. «Действительно, — подумал он, — что я буду делать? Что я могу? Мешать Всаднику и надеяться, что не слечу с седла под копыта коней?»

Они домчались до стены быстрее, чем хотелось бы Мерри. Несколько возгласов, лязг оружия — и от небольшого отряда орков не осталось ничего. Всадники просто смели заслон.

Уже за стеной правитель остановил отряд. Мерри повертел головой и увидел, что люди Эльфхельма идут далеко справа, а они с Дернхельмом вроде бы влились в отряд Теодена. Милых в десяти впереди разливалось зарево большого пожара, но еще ближе, не далее, чем в лиге, виднелись пылающие узкие линии огня. Равнина тонула в темноте. Не было заметно ни малейших признаков рассвета или перемены ветра.

Теперь войска двигались медленно и бесшумно. Так вода просачивается через щели плотины, которую считают целой. Но разум и воля Черного Вождя в этот час полностью сосредоточились на гибнущем Городе. Враг и не подозревал, что в его планы уже вкралась ошибка.

Король Рохана приближался к первой линии осады. Их все еще не обнаружили, и Теоден медлил подавать сигнал к бою. Через некоторое время по знаку повелителя Всадники остановились. До Города было рукой подать. В воздухе пахло гарью. Кони беспокойно переступали ногами.

Теоден неподвижно сидел в седле, глядя на гибнущий Город. Казалось, бремя бедствий согнуло его гордую спину и заставило поникнуть плечи. Мерри, с безотчетной тревогой наблюдавший за ним, вдруг и сам почувствовал страшную тоску. Неясные сомнения и предчувствия неотвратимой беды, невозможность любого действия захлестнули хоббита, и он перестал осознавать себя. Время словно застыло на месте. Все поздно, все тщетно! Казалось, сейчас Теоден горестно покачает головой и повернет обратно к холмам...

Но вдруг что-то изменилось вокруг. Поднимался ветер! Едва заметно просветлело. Далеко на юге, над горизонтом, стали видны нависшие тучи, а за ними занималось утро!

В тот же миг над Городом сверкнула пронзительная молния, соединившая небо и землю. Белая Башня Звездной Цитадели выступила из тьмы, словно мрак отпрянул от нее. В воздухе пророкотал раскат грома, и всем воинам показалось, что исчезла давящая на плечи тяжесть. Тьма над Городом сомкнулась вновь, но Теоден уже сбросил оцепенение, выпрямился, и над войсками пролетел боевой клич Рохана:

*Вставайте все! Беда! Беда!
Огонь и смерть! Щиты крепите!
Вздыхайте копья! День меча,
Кровавый день — во имя света!
Летите вскачь! Вас Гондор ждет!*

Правитель выхватил у оруженосца большой рог и протрубил с такой силой, что рог лопнул. На звук дружно и грозно откликнулись другие рога.

Летите вскачь! Вас Гондор ждет!

Теоден что-то крикнул своему коню, и он с места рванулся вперед. Позади билось на ветру знамя — белый конь мчался по зеленому полю. За ним лавиной двинулся передовой отряд. Но король Рохана летел впереди всех, его никто не мог догнать. Словно древнее божество, словно сам Великий Оромэ в битве Валаров на заре мира, неудержимо мчался король Рохана. Он поднял щит, сверкнувший золотом в первых лучах солнца; трава под копытами его коня вспыхнула изумрудным ковром, потому что настало утро! Ветер с далекого Моря и солнце взяли верх, тьма отступила, полчища Мордора дрогнули в ужасе перед лавиной Всадников, катящейся на них, и побежали! А Всадники Рохана пели боевую песнь, пели и убивали врагов. И эта песнь, прекрасная и грозная, была слышна за стенами Минас Тирита.

Глава VI ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА

А такой на Гондор руководил не простой предводитель орков. Тьма исчезла слишком рано, до срока, назначенного Темным Владыкой. Удача изменила Предводителю в тот самый миг, когда он уже протянул за ней руку. Но рука была длинной и сильной. Под его началом собралось огромное войско. Это был Король, Слуга Кольца, Верховный Назгул. Да, он покинул Ворота, исчез, но для него это не было поражением, а для защитников — победой.

Теоден свернул к Городу, от которого его отделяло не больше мили, и придержал коня. Рыцари собирались позади него, с ними был и юный Дернхельм. Впереди, ближе к стенам Города, отряд Эльфхельма

громил осадные машины и истреблял врагов, загоняя их в огненные ямы. Вся северная часть Пеленнора была захвачена Всадниками, шатры орков пылали, а сами они бежали, спасаясь, к Реке. Но осада еще не была снята, Ворота не освобождены и в южной части поля стояли свежие силы врага. По ту сторону дороги собрались войска харадримов. Их предводитель заметил Теодена, вырвавшегося далеко вперед с несколькими воинами; он поднял знамя с черным змеем на красном поле и кинулся на правителя Рохана.

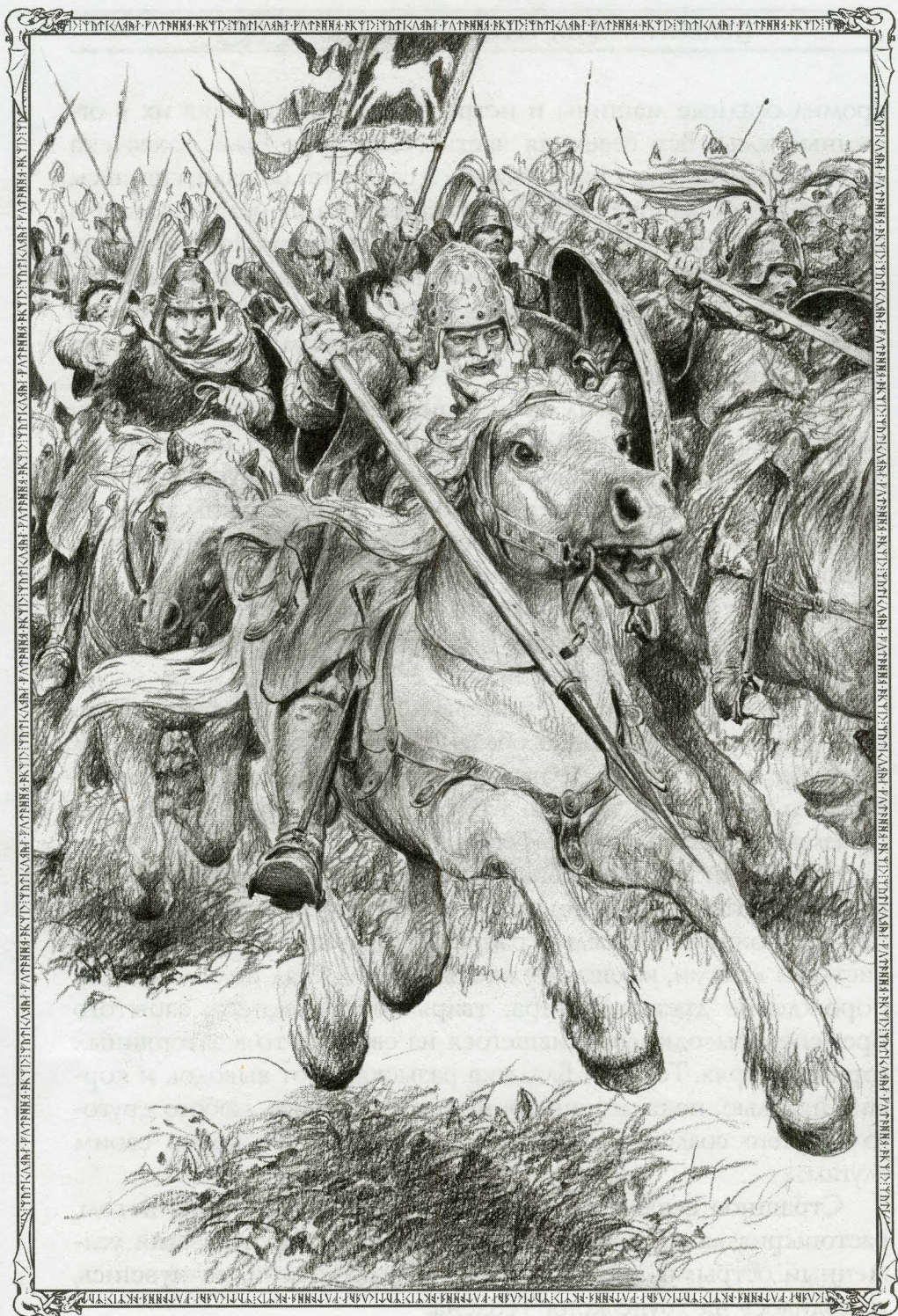
Теоден тоже заметил его и рванулся навстречу. Северные и южные всадники сшиблись в яростной схватке, но северяне, хоть и не столь многочисленные, были более искусны в битве и быстро уничтожили отряд из Харада, а Теоден одним взмахом меча рассек их предводителя и его змеиное знамя. Уцелевшие южане повернули вспять и бежали.

Но вдруг блеск золотого щита Теодена потускнел. Небо померкло, на землю упала тень. Кони начали храпеть и взвизгивать на дыбы, сбрасывая всадников.

— Ко мне! Ко мне! — вскричал Теоден — Не бойтесь тени! — Но его конь, словно обезумев, поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами и, захрапев, грянулся оземь: в груди благородного животного торчало тяжелое черное копье. Падая, он с размаху придавил собою Теодена.

Огромная тень, подобная туче, опускалась на землю. Это было крылатое чудовище, похожее на исполинскую птицу без перьев. Кожистые крылья, растянутые между длинными когтистыми лапами, издавали ужасный смрад. Над полем нависло порождение древнего мира, тварь из последнего, забытого Временем выводка, появившегося на свет где-то в затерянных горных дебрях. Темный Владыка разыскал этот выводок и кормил падалью, пока детеныши не стали крупнее любого другого летучего создания. Потом он дал их вместо коней своим слугам.

Страшное существо спускалось кругами все ниже, потом, растопырив лапы, выгнув длинную голую шею и разевая усаженный острыми зубами клюв, чудовище село и, качнувшись, угнездились на трупке коня Теодена.

На спине монстра сидел всадник, огромный и грозный, закутанный в черный плащ. Железная корона венчала его, но между короной и плащом были только мрак и мертвенный блеск призрачных глаз. Это был Предводитель назгулов. Исчезнув от Ворот, он вернулся по воздуху, а теперь спустился, неся гибель, превращая надежду в отчаяние, победу в смерть. В руке он держал железную палицу.

Все рыцари, сопровождавшие Теодена, были либо убиты, либо унесены обезумевшими конями. Только Дερнхельм, чья верность превышала страх, остался на месте. Все это время Мерри безопасно сидел позади него, но когда на землю пала тень, конь сбросил обоих и умчался в ужасе. Мерри упал и быстро отполз на карачках в сторону, оглушенный и ослепленный страхом.

— Встань! Встань! — твердил он себе. — Ты же должен быть при Теодене. «Как отец будете вы для меня», — ты же сам это сказал.

Но воля была бессильна. Он не осмеливался даже открыть глаза и оглядеться.

Потом ему послышался голос Дερнхельма, странно похожий на другой, тоже очень знакомый.

— Прочь, нечистый сын мрака, пожиратель падали! Оставь мертвых в покое!

И другой голос, полный холодной злобы ответил:

— Не становись между назгулом и его добычей. Он не станет убивать тебя. Он унесет тебя в обитель скорби, дальше любой тьмы, где твою плоть сожрут, а трепещущую душу отдадут во власть Бессонного Ока.

Лязгнул меч, выхваченный из ножен.

— Что ж, попробуй, если сможешь! А я, если смогу, помешаю тебе!

— Помешаешь? Мне? Глупец! Ни один воин не может помешать мне!

И тут Дερнхельм засмеялся, и в его голосе был звон стали:

— Но я не воин. Перед тобой женщина! Я Йовин, дочь Йомунда. Не становись между мной и моим родичем и повелителем! Будь ты живой или только оживший, прикоснись к нему — и погибнешь.

Крылатое чудовище неожиданно тонким и противным голосом закричало на нее, но Черный Всадник молчал, охваченный внезапным сомнением. От изумления Мерри забыл страх и открыл глаза. В нескольких шагах от него сидело чудовище, распространяя вокруг себя мрак, над ним грозной тенью высился назгул. Немного левее, обратясь лицом к нему, стоял тот, которого Мерри звал Дернхельмом, но теперь шлем упал с головы воина, освободив золото волос, рассыпанных по плечам. Серые как море глаза смотрели твердо и гневно. В одной руке воин сжимал меч, в другой — щит, которым заслонялся от взгляда страшного врага.

Да, это была Йовин. Мерри вспомнил взгляд молодого воина, когда они покидали Дунхарг, — взгляд без надежды, взгляд человека, готового встретить гибель. Сердце хоббита наполнилось жалостью и восхищением, и в нем проснулась медленно разгоравшаяся отвага его племени. Он приподнялся и, стиснув руки, прошептал:

— Она не умрет! Такая прекрасная, такая печальная... По крайней мере она умрет не одна!

Черный Всадник не замечал его, а Мерри все не решался двинуться, боясь привлечь к себе губительный взгляд. Потом, очень медленно, начал отползать в сторону. Но Вождь-Призрак все думал о женщине, стоявшей перед ним, и о древнем предсказании.

Вдруг крылатое чудовище взмахнуло своими зловонными крыльями, прыгнуло в воздух и ринулось на Йовин, крича и стараясь ударить ее клювом.

Йовин не дрогнула: она была истинной дочерью Рохана, тонкой, как стальной клинок, и такой же гибкой. Ее удар был молниеносным и смертельным: он обрушился на вытянутую шею, и голова упала, как камень. Йовин отскочила назад, и обезглавленное чудовище, растянув огромные крылья, рухнуло на землю. В тот же миг мрак исчез и волосы Йовин заблестели на солнце.

Но Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, нестерпимым для слуха, он нанес удар палицей. Щит Йовин разлетелся, рука, державшая его,

переломилась, а сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней как туча и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар...

Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы, не повредив Йовин, обрушился на землю. Это Мерри вонзил в него сзади свой клинок из Упокоища, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Йовин, привстав, последним усилием вонзила меч в пустоту между плащом и короной. Меч разлетелся вдребезги. Корона покати-лась со звоном. Йовин упала на поверженного врага. Но плащ и панцирь были пусты и лежали на земле, смятые и бесфор-менные, а в воздухе пронесся, замирая, бесплотный жалобный голос и навеки затих в поднебесье.

Мерри стоял среди тел, мигая как сова днем, слезы ослепля-ли его. Словно в тумане видел он золотые волосы Йовин, рас-простертой неподвижно, и лицо Теодена, погибшего в час сво-ей славы. Хоббит наклонился и взял его руку, чтобы поцеловать. Глаза Теодена открылись.

— Прощай, мой добрый Мериадок, — с трудом произнес старый Правитель. — Я весь разбит. Иду к предкам. Но даже среди них, могучих, мне теперь можно не стыдиться. Я убил змею. Утро было мрачное, день будет радостным, а вечер — золотым.

Мерри не мог говорить и только плакал.

— Простите меня, повелитель, — всхлипнул он наконец. — Я ослушался вас, и вся моя служба была в том, что я плакал, прощаясь с вами.

Теоден слабо улыбнулся.

— Не печалься! Я простил тебя. Нельзя запретить доблесть. Живи, и будь счастлив, и не забывай меня. Никогда уже не придется мне сидеть с кубком и слушать твои рассказы, — он закрыл глаза и умолк, потом заговорил снова: — Где Йомер? Мне хотелось бы видеть его, пока зрение не угасло. Он будет правителем после меня. И пусть известит Йовин. Она не хоте-ла отпускать меня, и я никогда больше не увижу ее.

— Но, повелитель... — запинаясь, проговорил Мерри, — она... — Только тут он услышал кругом шум, возгласы и звуки

рогов. Оглядевшись, он вспомнил, что находится на поле битвы. Ему казалось, что с тех пор, как Теоден упал, прошло много времени, хотя в действительности это было всего несколько минут назад. На них, как волна прибоя, надвигалась новая схватка, и она вот-вот должна была захлестнуть их. Новые вражьи орды спешили от Реки. От стен поворачивали рати Моргула, а с юга подходили воины Харада. Пеших прикрывала конница, а позади качались огромные спины мумаков с башенками наверху.

Йомер быстро перестраивал рохирримов, посматривая в сторону Ворот. Там реял серебряный лебедь Дол Амрота, и рыцари Имрахия теснили врага от большого пролома.

На мгновение у Мерри мелькнула мысль: «Где Гэндальф? Разве он не с ними? Может, он спасет короля и Йовин?» Всадники были уже рядом. Сам Йомер первым подскочил сюда, увидел убитое чудовище и поверженного Теодена. Соскочив с коня, он скорбно остановился над Правителем. Один из его рыцарей взял знамя Рохана из рук убитого знаменосца и поднял его. Теоден медленно открыл глаза, увидел знамя и жестом попросил приподнять себя.

— Ты — мой преемник, — сказал он. — Веди войска к победе! И простись за меня с Йовин. — Он закрыл глаза и умер, так и не узнав, что Йовин была рядом с ним до конца. Всадники заплакали о Теодене. Все они любили его.

Тогда повысил голос Йомер:

*Горе умерьте! Велик был погибший,
Умер в сраженье. Его над курганом
Жены оплачут. Битва зовет нас! —*

но и у него самого лились слезы, пока он говорил.

— Унесем тело с поля битвы, чтобы кони не затоптали его. Тела рыцарей тоже надо унести. — Он оглядел убитых, называя их по именам, и вдруг узнал среди них сестру. Пошатнувшись, словно ему в сердце вонзилась стрела, он побледнел от гнева и скорби, а глаза вспыхнули яростью. — Йовин! — вскричал он. — Как ты оказалась здесь? Безумие или колдовство тому виной?

Смерть, смерть всем им! — и он затрубил в рог, и снова закричал своим воинам:

— Смерть! Бейте врагов! Пусть ни один из них не уйдет отсюда! Крик его подхватили отряды. «Смерть, смерть!» — грозно прокатилось по рядам, и воины помчались за предводителем. Они не пели больше, но ударили на врага с такой яростью, что сразу смяли и расстроили его порядки.

Мерри стоял в стороне и плакал; никто его не замечал. Потом он вытер слезы и, подобрав щит, который дала ему Йовин, забросил его за спину. Потом начал искать свой меч. В тот миг, когда он нанес удар Королю-Призраку, правая рука его отнялась и оружие выпало, теперь он мог действовать только левой. Вскоре он увидел меч, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, он съежился, истлел и исчез.

Так ушло оружие из Упокоищ, созданное руками мастеров Северного Княжества. Тот, кто неторопливо ковал его много веков назад, остался бы доволен судьбой меча. Ведь в ту пору главным врагом молодого Арнора был Король-Чародей из Ангмара. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке, не смог бы нанести вождю назгулов смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой.

Воины подняли тело правителя и на носилках из копий и плащей понесли в Город. Другие на таких же носилках несли Йовин. Тела рыцарей из свиты Теодена сложили подальше от убитого чудовища и обнесли оградой из копий. Когда бой окончился, чудовище сожгли, а коня Теодена похоронили там, где он пал, и воздвигли на могиле камень с эпитафией на языках Гондора и Рохана.

На этой могиле трава всегда была зеленой и пышной, а место, где сожгли чудовище, всегда оставалось черным и безжизненным.

В глубокой печали шел Мерри рядом с носилками, не думая больше о войне. Он устал, все тело болело, и его бил озноб. Ветер с моря принес тучу с дождем, и казалось, что само небо оплакивает смерть Теодена Роханского и отважной Йовин.

Как в тумане Мерри видел движущийся навстречу отряд из Города. Его вел Имрахиль. Приблизившись, он спросил:

— Какую ношу несут воины Рохана?

— Короля Теодена, — был ответ. — Он мертв. Король Йомер ныне ведет Всадников в битву.

Имрахиль спешил и, преклонив колено, почтил павшего вождя. Поднимаясь, он заметил Йовин и проговорил изумленно:

— Откуда здесь женщины? Выходит, и жены рохирримов пришли к нам на вырубку?

— Она — единственная, — ответили ему. — Это — госпожа Йовин, сестра нового короля. Никто не знал, что она ушла в поход. Мы скорбим о ней.

Князь снова взглянул на Йовин и был поражен ее красотой. Он прикоснулся к маленькой, но твердой руке, взгляделся в лицо и спросил:

— Есть ли лецителы в Городе? Она ранена, быть может, смертельно, но еще жива, — с этими словами он поднес к губам Йовин свою блестящую латную рукавицу, и полированный металл чуть затуманился от слабого дыхания.

Яростная битва снова разгорелась на полях Пеленнора. Лязг оружия, крики людей, конское ржание перекрывали звуки рогов и грохот барабанов, звенели колокольцами мумаки, подстрекаемые к бою. Под южной стеной пехота Гондора отражала натиск моргульских легионов. Хурин Высокий, Страж Ключей, и правитель Лоссарнаха, Хирлуин с Зеленых Холмов, и князь Имрахиль со своими витязями пробивались на восток, к Йомеру.

Не сразу смогли они прийти на помощь рохирримам. Удача отвернулась от Йомера, гнев подвел его. Первым ударом Всадники опрокинули врага и огромным клином врубились в ряды южан. Но когда появились мумаки, кони начали храпеть

и пятиться, а громадные гороподобные чудовища словно крепости высились на поле, и харадримы скапливались вокруг них. Если в начале боя на каждого Всадника приходилось по три харадрима, то вскоре положение ухудшилось: к южанам от Осгилиата подошло подкрепление. Моргульский военачальник Готмог гнал в бой народ с топорами из восточных провинций, варайгов из Кханда, южан, одетых в алое, и черных полулюдей-полутроллей, белоглазых и с красными языками, из Дальнего Харада. Теперь они обходили рохирримов, а часть сдерживала войска Гондора, не давая соединиться с Роханом.

Казалось, ход боя складывался не в пользу Гондора. Вспыхнувшая было надежда начала гаснуть. А тут еще со стен Города донесся новый крик. Время близилось к полудню, поднялся ветер, дождевые тучи отнесло на север, и теперь с ясного неба сияло солнце. В чистом воздухе дозорные издалека разглядели устрашающую картину, покончившую со всеми надеждами.

Немного ниже Города Андуин делал два изгиба, и с городских стен русло Реки просматривалось на несколько лиг. Все увидели, как с юга, подгоняемый ветром и веслами, приближается большой флот под черными парусами.

— Умбарские пираты! — кричали на стенах. — Умбарские пираты идут! Значит, Белфалас взят, и Дельта тоже, и Лебеннин пал. Это конец!

В Городе кто-то ударил в колокол, трубы стали призывать воинов к возвращению, потому что новая грозная опасность пришла со стороны Реки. Но зов не был услышан, ветер, надувавший паруса кораблей, относил звуки.

Впрочем, Всадники не хуже дозорных на стенах видели черные паруса. Йомер в пылу боя увел их слишком далеко от Города к пристаням Харлона. Йомер увидел армаду и проклял тот самый ветер, который благословлял утром. А рати Мордора воспряли духом и с новой яростью ринулись в атаку.

Йомер не колебался больше. Зазвучали рога, собирая всех, кто мог пробиться под королевское знамя. Он принял решение стоять насмерть и совершить на полях Пеленнора подвиг, достойный песен, даже если на всем Западе не останется ни

одного певца, чтобы спеть о последнем короле Рохана. Он поднялся на зеленый холм, и Белый Конь взвился у него над головой.

*Без сомнений, без печали,
в полыхающем рассвете
Я скакал навстречу Солнцу
с песней звонкой на устах;
Но погибшая надежда
и надорванное сердце
Пробудили гнев священный,
дух сражений и смертей!*

Смеясь, произнес он эти слова. Азарт битвы снова наполнил сердце Йомера. До сих пор он не получил ни одной раны. Он был молод, новый король Рохана, и он правил отважным народом воинов. Он смеялся, глядя на черные корабли, и грозил им мечом. Но это был смех отчаяния.

И вдруг ликующий крик вырвался у него из груди. Он высоко подбросил меч, поймал его и запел. На переднем корабле развевалось большое знамя с Белым Древом — знаком Гондора, но его венчали семь звезд и корона — герб Элэндила, бесчисленные годы не появлявшийся в Среднеземье. Звезды вспыхнули на солнце, ибо драгоценными камнями выложила их на стяге Арвен, дочь Элронда, а венец, вышитый мифрилом и золотом, ослепительно блистал в утреннем свете.

Так возвращался в мир живых Арагорн Элессар, Наследник Исидура, прошедший Тропами Мертвых. Ветер с моря пригнал в Гондор его корабли. Всадники узнали его, ликующие возгласы прокатились над равниной, а в Городе им вторили трубы и колокола. Войска Мордора, напротив, сковали изумление и ужас. Судьба обернулась против них, обрекая на верную гибель.

Гондорцы ударили на восток, тесня троллей и орков, Йомер — на юг, а встречу ему в бой вступили войска, пришедшие на кораблях и только что высадившиеся на берег. Здесь были воины из южных областей Гондора, из Ламедона, из

Лебеннина, Леголас и Гимли, Элладан и Элрохир, и Следопыты. Их вел Арагорн, в руке у него сверкал нестерпимо Андрил, а на челе горела Звезда Элендила.

Прошло немного времени, и Йомер с Арагорном встретились посреди битвы. Опершись на мечи, они взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Вот мы и встретились снова, хотя все силы Мордора разделяли нас, — сказал Арагорн. — Не так ли говорил я в Хорне?

— Так, — ответил Йомер, — но тогда я еще не знал всей вашей силы. Дважды благословенна помощь, которой не ждали, и никогда еще друг не радовался так, встретив друга. — Их руки сомкнулись в крепком пожатии. — Вы пришли вовремя, мой друг. Великие беды обрушились на нас сегодня!

— Так отомстим за них! — воскликнул Арагорн, и они плечом к плечу бросились в самую гущу боя.

Битва продолжалась до вечера. Южане были сильными воинами, закаленными в боях, они не просили и не давали пощады; харадримы были отважны и свирепы и пользовались каждой передышкой и каждым укрытием, чтобы собирать силы и снова кидаться в атаку.

Но солнце наконец зашло, и небо окрасилось закатным пурпуром: холмы и горы казались окровавленными, Река пылала, и трава на Пеленнорской равнине стала красной от крови. Великая Пеленнорская битва кончилась. В Мордор ушли единицы, а в Харад вернулись только рассказы о гневе и ярости Гондора.

Трое вождей — Арагорн, Йомер и Имрахиль — шли к Городу, от усталости не ощущая ни скорби, ни радости. Никто из них не был ранен, может быть, их хранила судьба, может, воинское искусство или сила оружия. Но многие другие получили тяжкие раны, увечья или пали в бою. Удар топора сразил Форлонга, бывшего в пешем строю; Дуилин из Мортонна вместе с братом подвели своих лучников вплотную к мумакам, приказав стрелять по глазам чудовищ, и были затоптаны обезумевшими зверями. Не вернулся домой прекрасный Хирлуин,

пали Гримбольт и Хальбарад, суровый Следопыт-северянин. Рядовые и вожди, в славе или среди прочих, без числа и счета пали в великой Пеленнорской битве. Роханский менестрель сложил песню о курганах под Минас Тиритом.

*Так было. Пропели тревожные горны,
И пламя клинков полыхнуло на юге,
И кони промчались, как утренний ветер,
К неведомой смерти. Война пробудилась.
Там Теоден пал, повелитель могучий;
Отныне пусты золотые чертоги,
И в северных землях на пастбищах щедрых
Его никогда не увидят отныне.
И Хардинг, и Гутлаф, и доблестный Гримбольт,
Эрфара и Деорвин, Дунхир и Фастред
И Эрубранд пали в жестоком сраженье;
Их ложе — в высоких священных курганах,
Где об руку спят боевые собратья.
Ни Хирлуин Светлый со восхолмий приморских,
Ни Форлонг из края цветущей долины
В родные края не вернулись с победой...
И меткие лучники Мортонда — Дерфин
И Дуилин — большие вовеки не ступят
На берег озер, что у горных подножий...
И воин простой, и высокий властитель
Покоятся вместе под вечным покровом;
На ранней заре и под сенью заката
Им Андуин пел погребальные песни.
Кипящую ало-кровавую пену
Несли его воды, в лучах пламенья,
И горькие ало-красавые росы
Ложились на землю великих сражений...*

Глава VII КОСТЕР ДЕНЕТОРА

Король-Призрак исчез, а Гэндальф все еще стоял неподвижно перед Воротами. Пиппин поднялся на ноги, словно с него спала огромная тяжесть, и стоял, слушая звуки рогов. Ему казалось, что сердце сейчас разорвется от радости.

Никогда больше до конца своих дней он не мог слышать дальнего пения рога без слез.

Но вдруг он вспомнил о своем деле и кинулся к магу, уже тронувшему коня.

— Гэндальф! Гэндальф! — закричал он, и белый конь остановился.

— Что ты здесь делаешь? — сурово спросил Гэндальф. — Разве ты не знаешь, что воинам Цитадели нельзя покидать крепость без разрешения Правителя?

— Он разрешил, — ответил Пиппин. — Он отослал меня. Но я боюсь. Там может случиться что-то страшное. Кажется, мой Правитель лишился рассудка. Я боюсь, что он убьет и себя и Фарамира. Гэндальф! Сделай что-нибудь.

Маг взглянул в зияющий проем Ворот, прислушался к шуму битвы на равнине.

— Мое место там, — сказал он. — Черный Всадник на свободе, мне некогда.

— Но Фарамир! — вскричал Пиппин, чуть не плача. — Он же еще жив, а они сожгут его. Надо остановить их!

— Сожгут? — переспросил Гэндальф. — В чем дело? Говори скорее!

— Денетор ушел к усыпальницам, — зачастил Пиппин, — и забрал Фарамира. Он сказал: мы все сгорим, и он не намерен ждать. Они готовят погребальный костер для Правителя и Фарамира. Денетор послал слуг за дровами и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, он не осмелится бросить пост. Да и что может сделать простой воин стражи? — закончил он, дотрагиваясь дрожащей рукой до колена Гэндальфа. — Спаси Фарамира!

— Может быть, я и мог бы спасти его, — ответил маг, — но боюсь, тогда погибнут другие. Хорошо, — вдруг решил он, — я пойду. Другого спасения для него нет. Я вижу — даже в сердце этой крепости Враг сумел посеять смуту. Я чувствую здесь его волю. — Он подхватил Пиппина, посадил впереди себя, и они помчались по крутым улицам Минас Тирита к Цитадели. Повсюду они видели воинов, стряхнувших с себя страх и отчаяние, разбавивших оружие, строившихся в ряды. Военачальники вели к Воротам все новые отряды.

Им встретился Имрахиль, окликнувший их:

— Куда вы, Митрандир? Рохирримы вступили в бой, нам нужно собрать все силы.

— Собирайте всех, кого найдете! — крикнул на скаку Гэндальф. — И поскорее. Я приду, как только смогу, но сейчас спешу по делу Денетора. Принимайте командование, пока его нет!

Ветер дул им в лицо. Высоко в небе занимался слабый отблеск утра. Но теперь и это не внушало надежды. Подступило новое горе, и было страшно опоздать.

— Тьма уходит, — сказал Гэндальф. — Но над Городом она еще держится.

У ворот Цитадели никого не было.

— Значит, Берегонд все-таки ушел, — с надеждой проговорил Пиппин.

Они повернули обратно и поспешили ко входу в усыпальницу. Обычно он был закрыт, но сейчас дверь оказалась распахнутой настежь, и на пороге лежал мертвый привратник. Ключей у него на поясе не было.

— Дело рук Врага, — сокрушенно произнес Гэндальф. — Он любит, когда друг восстает на друга, когда верность сменяется предательством.

Маг спешился, помог сойти Пиппину и попросил Сполоха вернуться на конюшню.

— Наше с тобой место на поле битвы, — сказал он коню, — но мне предстоят здесь другие дела. Жди меня и поспеши, когда я позову.

Они вышли и стали спускаться по длинному извилистому коридору. Мрак рассеивался, по сторонам, как серые призраки, проступали высокие колонны и каменные изваяния. И вдруг впереди послышались возгласы и лязг мечей: таких звуков не слышали здесь от века. Они ускорили шаги, почти бегом достигли усыпальницы, купол которой черной тенью возвышался в сумерках.

— Стойте! — вскричал Гэндальф, взбегаая по ступенькам. — Остановитесь, безумцы!

На пороге перед дверью Берегонд бился со слугами Денетора. Двое уже пали, обгабив ступени кровью, но остальные, с мечами и факелами в руках, теснили его и проклинали, называя предателем и отступником. А изнутри, из-за двери усыпальницы, раздавался голос Денетора:

— Скорее! Делайте, как я велю! Убейте этого изменника! Неужели и это я должен делать сам!

Дверь, которую Берегонд держал левой рукой, распахнулась, и за спиной у него возник Правитель Города с мечом в руке. Глаза его горели диким огнем.

Но Гэндальф был уже на ступенях. Слуги попятились от него, закрывая глаза руками, потому что в гневе маг был похож на белую молнию. Он поднял руку, и занесенный меч вырвался у Денетора и упал куда-то назад, во тьму, а сам Правитель невольно отступил перед магом.

— Что это значит, повелитель? — грозно спросил Гэндальф. — Обитель мертвых — не место для живых. И почему твои люди бьются здесь, когда враги подступают к Воротам Города? Или Враг уже в ограде успокоения?

— С каких пор Правитель Города должен отчитываться перед тобой? — злобно возразил Денетор. — Разве я не могу приказывать собственным слугам?

— Можешь, но другие могут не признавать твоей воли, если она обратилась к безумию и злу. Где твой сын?

— Он там, внутри, — сказал Денетор. — Он горит, уже горит! Огонь в его теле. Скоро сгорит все. Запад пал. Он весь сгорит, и останется только пепел, а пепел развеет ветер!

Видя, что он безумен, Гэндальф отстранил его и бросился внутрь, за ним — Пиппин и Берегонд. Они увидели Фарамира, лежащего в забытьи на каменном пьедестале, вокруг были навалены дрова, пропитанные маслом, так же, как одежда и покрывало Фарамира, но огня еще не было. И тут Гэндальф показал, что под белым плащом его скрыта не только сила знания. Он легко взбежал на груду дров, как ребенка поднял раненого на руки и понес к дверям. Фарамир застонал и сквозь забытие позвал отца.

Денетор вздрогнул, словно пробуждаясь. Пламя в его глазах погасло, он со слезами взмолился:

— Не забирай моего сына! Он зовет меня!

— Да, зовет, — ответил Гэндальф, — но ты не подойдешь к нему. Пока не поздно, его нужно лечить. А твой долг, Правитель, вести войска и защищать Город, хотя бы и ценой собственной жизни! Не мне напоминать тебе об этом!

— Он не проснется больше! — застонал Денетор. — Все напрасно. Зачем нам жить! Зачем ты разлучаешь нас перед смертью?

— Ни тебе, ни кому другому не дано приблизить час своей смерти, — сурово ответил Гэндальф. — Только побежденные силой Мрака в гордости и отчаянии убивали себя. — С этими словами он вынес Фарамира из усыпальницы и опустил на те самые носилки, на которых раненого принесли сюда. Денетор, не сводя глаз с лица своего сына, шел за ним, но перед порогом остановился. — Идем! — обернулся к нему Гэндальф. — Тебя ждут великие дела!

Но Денетор вдруг засмеялся, отступил к столу и выхватил что-то из-под подушки, на которой недавно покоилась его голова. Вернувшись к порогу, он поднял этот предмет — шар темного хрусталя с красным огнем внутри. Палантир в руке Правителя запылал, озаряя его лицо красным светом. Оно казалось высеченным из гранита — жесткое, гордое и страшное.

— Гордость и отчаяние! — вскричал Денетор. — Не думаешь ли ты, что Белая Башня ослепла? Нет, Серый Безумец, я видел больше, чем тебе кажется! Твоя надежда — от неведения! Ступай исцелять кого хочешь, бейся с кем хочешь — все будет напрасно. Вы можете даже победить на Пеленнорских полях, но Силу, которая поднялась ныне, победить нельзя. К этому Городу протянулась только одна ее рука, а надежда уже оставляет нас. Даже ветер твоей надежды обманул тебя. Он гонит по Андуину армаду под черными парусами! Запад пал, и нам пора уйти, если мы не хотим стать рабами!

— Такие речи на пользу Врагу! — воскликнул Гэндальф.

Денетор в ответ гневно рассмеялся:

— Разве я не видел, чего ты добивался, Митрандир? Ты хотел править вместо меня, править на севере, на юге и на западе. Разве не ты приказал этому полурослику молчать или говорить, когда нужно? Разве не ты подослал его ко мне? Но я знаю, о чем ты думаешь. Одной рукой ты держишь меня, как щит против Мордора, а другой ведешь на мое место Бродягу с Севера. Но знай, хитроумный Митрандир, я не буду твоим орудием! Я — Наместник Дома Анариона! Не

жди, ты не увидишь меня выжившим из ума камердинером у этого выскочки. Можешь не трудиться, доказывая его права, я знаю, что он из рода Исидура. Но я не склонюсь перед ним, последышем нищего Дома, давно утратившего и власть, и величие.

— А как бы ты поступил? — сдержанно спросил Гэндальф, словно не замечая упреков.

— Я бы оставил все, как было всегда. Я правил бы Гондором и передал бы власть сыну. Он стал бы Правителем, а не учеником чародея. Но судьба решила иначе, и теперь я не хочу ничего: ни жизни, ни любви, ни чести.

— Ни честь, ни любовь не страдают, если Наместник возвращает данные ему права, — возразил Гэндальф. — А что до твоего сына — дай ему возможность выбрать самому.

При этих словах глаза Денетора снова вспыхнули. Он сжал Камень одной рукой, а другой выхватил из-за пояса кинжал и бросился к носилкам, но Берегонд успел заслонить их собою.

— Вот как! — воскликнул Денетор. — Ты похитил у меня любовь сына, а теперь похищаешь верность моих воинов? Но одного ты не похитишь у меня: права распоряжаться своей судьбой. — И, обратясь к своим слугам, он крикнул: — Сюда, если вы еще верны мне!

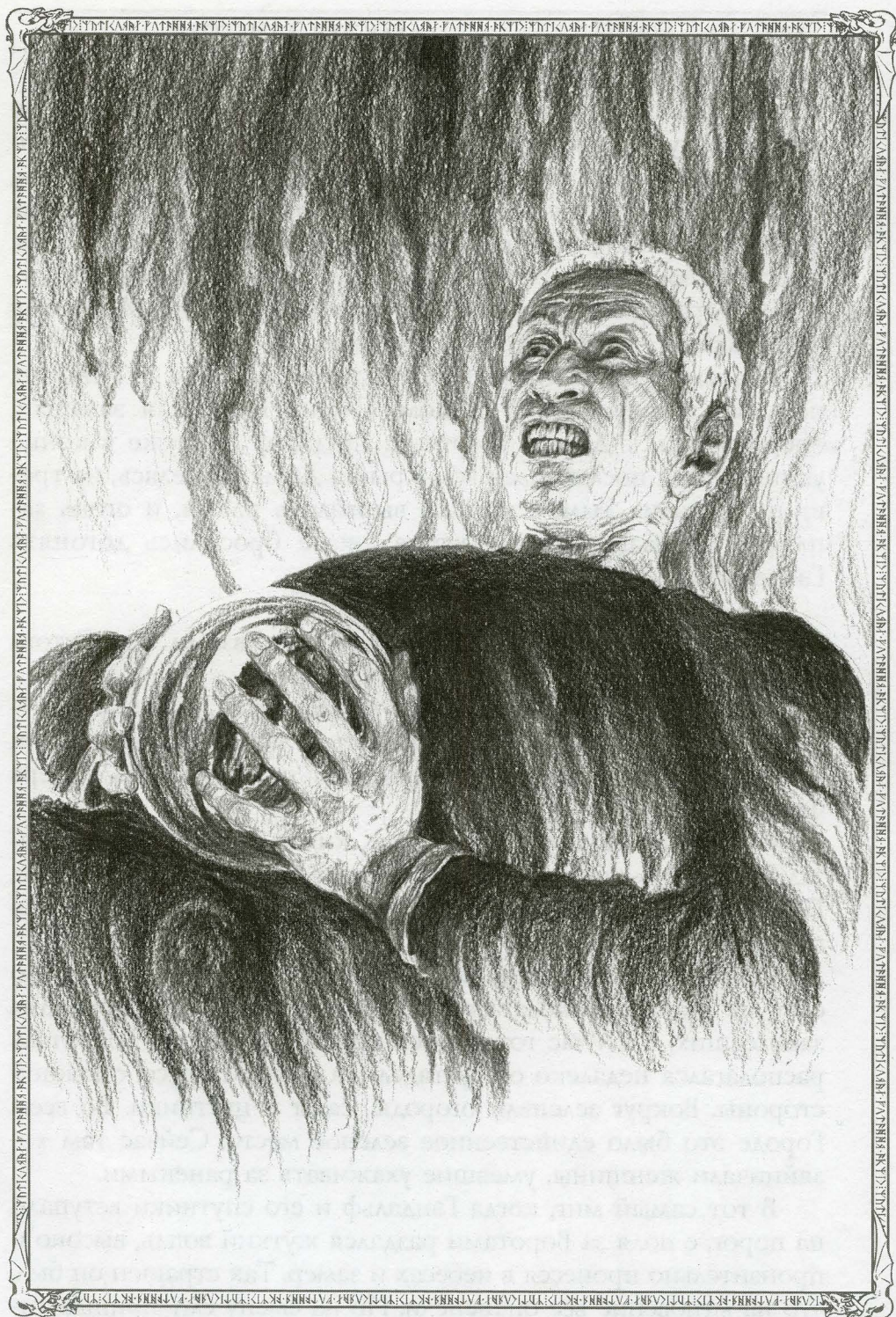
Двое из них подбежали к нему. Он схватил факел из рук ближайшего и кинулся к костру. Не успел Гэндальф помешать ему, как он ткнул факел в сухие дрова, и они мгновенно вспыхнули.

Тогда Денетор вскочил на стол, схватил лежащий там жезл Правителя и, сломав о колено, бросил в огонь. Потом он прижал Палантир к груди обеими руками и лег.

Говорят, что с тех пор всякий, взглянувший в этот Камень, если его воля недостаточна, чтобы направить взгляд к другой цели, видел в нем только две старческие обугленные руки.

Скорбно отвернулся Гэндальф и закрыл дверь. Некоторое время оттуда слышался только треск и шум огня, потом раздался громкий вопль, и все смолкло.

— Вот конец Денетора, сына Эктелиона, — произнес Гэндальф. — И это конец прежнего Гондора. Злые дела совер-

пились здесь. Забудь о междоусобной вражде, — обратился он к Берегонду, — она рождена Врагом, и все вы попали в его сети. А вы... — Он тяжело взглянул на слуг Правителя. — Вы, слепые в своем повиновении, запомните, что только «измена» Берегонда спасла жизнь Фарамиру, Стражу Белой Башни. Унесите своих павших товарищей, им не место здесь. Мы отнесем Фарамира. Отныне он — Правитель Гондора. Жить ему или умереть — это уже не нам решать.

Вдвоем с Берегондом они подняли носилки, а Пиппин, понутив голову, пошел следом. Слуги Правителя замерли, обернувшись к Домам Мертвых. Гэндальф был уже в конце улицы, когда слышался гул. Крыша Дома расселась, из трещины повалил дым, с шумом вырвалось пламя, и огонь заплясал на развалинах. Слуги в ужасе бросились догонять Гэндальфа.

У распахнутой двери Берегонд бросил взгляд на убитого привратника.

— Вот в чем я всю жизнь буду раскаиваться, — сказал он. — Но я спешил, а он не хотел слушать и обнажил меч... — Он закрыл и запер дверь. — Эти ключи нужно отдать теперь Фарамиру.

— Сейчас командует Имрахиль, князь Дол Амрота, — сказал Гэндальф, — но его нет здесь. Придется распорядиться мне. Пусть ключи остаются у тебя, пока в Городе не установится порядок.

Они были уже в верхних ярусах и шли к госпиталю. Его светлые здания располагались поодаль и предназначались для заболевших, а сейчас готовились принять раненых. Госпиталь располагался недалеко от Цитадели, в шестом ярусе, с южной стороны. Вокруг зеленели огороды, сады и цветники. Во всем Городе это было единственное зеленое место. Сейчас там хозяйничали женщины, умевшие ухаживать за ранеными.

В тот самый миг, когда Гэндальф и его спутники вступали на порог, с поля за Воротами раздался жуткий вопль, высоко и пронзительно пронесся в небесах и замер. Так страшен он был, что на мгновение все оцепенели. Но на смену ему пришла ти-

шина, принеся такую радость и надежду, каких они не помнили со дня прихода Мрака с востока, и им показалось, что вокруг стало светлее и солнце выглянуло из-за туч.

Печаль и тревога не оставили Гэндальфа. Поручив Берегонду и Пиппину устраивать Фарамира, он поднялся на стену. Глазами мага он увидел и понял, что произошло в поле; и когда Йомер выехал вперед и остановился перед павшими, он вздохнул и, закутавшись в плащ, спустился со стены. Когда Берегонд с Пиппином вышли из госпиталя, Гэндальф уже ждал их у дверей. После долгого молчания голос мага прозвучал глухо и показался Пиппину старческим:

— Друзья мои, великие и печальные дела свершились сейчас. Плакать нам или радоваться? Короля-Призрака больше нет. Вы слышали его предсмертный вопль. Но эта победа оплачена дорогой ценой. Я не допустил бы этого, но безумие Денетора отвлекло меня. Вот как далеко протянулась Вражья рука!

И теперь я понимаю, как это могло случиться. Правители Города считали, что тайна эта известна только им, но я давно подозревал, что в Белой Башне хранится по крайней мере один из семи Видящих Камней. Когда-то Денетор славился мудростью. Он не подходил к Камню и не тщился бросать вызов Саурону, зная пределы своей силы. Но когда над княжеством нависла опасность, он заглянул в Камень и тут же был обманут, а после отъезда Боромира он уже не мог не смотреть в него. Денетор был достаточно силен, чтобы не подчиниться воле Саурана, но Темный Владыка позволял ему видеть только то, что ослабляло волю и подтачивало отвагу.

— Теперь я понимаю, — вздрогнув, проговорил Пиппин. — Правитель вышел из комнаты, в которой лежал Фарамир, а когда вернулся, я поразился перемене: он как-то сразу постарел и выглядел совсем разбитым.

— В тот самый час, когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в ее окнах, — сказал Берегонд. — Но так бывало и раньше. В Городе давно уже говорили, что наш Правитель силой мысли борется с Врагом.

Гэндальф покачал головой.

— Значит, я прав, — произнес он. — Вот каким путем воля Саурона проникла в Город, и вот почему я должен был задержаться здесь. А теперь придется задержаться еще, потому что скоро не только Фарамиру понадобится моя забота. Я иду встречать воинов. Я видел сражение, и сердце мое скорбит, но не было бы худшей беды. Идем со мной, Пиппин! А ты, Берегонд, возвращайся в Цитадель и доложи обо всем Начальнику Стражи. Боюсь, Стражем теперь тебе уже не быть, но передай ему мой совет: пусть направит тебя в госпиталь. Ты спас Фарамира от огня, служи ему и дальше. Охраняй его и будь при нем, когда он очнется, если только очнется когда-нибудь, — вздохнул маг. — Ступай! Я скоро вернусь.

С этими словами он повернулся и вместе с Пиппином отправился в нижние ярусы Города. Пока они шли, ветер принес тучу с дождем, огни погасли, и от пожарниц поднялся густой дым.

Глава VIII В ГОСПИТАЛЕ

Когда печальная процессия входила в разрушенные Ворота Города, Мерри от слез и усталости ничего не видел вокруг. Воздух был наполнен дымом и чадом: много осадных машин было сожжено и сброшено в огненные ямы, повсюду валялись трупы орков, троллей и южных чудовищ. Дождь перестал, сквозь тучи проглянуло солнце, но Нижний Город тонул в едком дыму.

Люди уже трудились, убирая обломки. Появились носилки. На одни бережно уложили Йовин, на других, под тяжелым золотым покрывалом, покоилось тело Короля. Рядом шагали рохирримы с факелами. Бледное при солнечном свете пламя билось и трепетало на ветру.

Так вошли в Город Теоден и Йовин.

Все встречные склоняли головы в скорбном поклоне. Шествие медленно поднималось по каменным улицам. Мерри казалось, что этому пути, как в кошмарном сне, не будет конца.

Постепенно огни факелов то ли исчезали, то ли гасли, стало темно, и он вдруг подумал: «Мы идем к могиле и, наверное, останемся там навсегда». Но тут сквозь бред до него дошел живой голос:

— А, Мерри! Ну наконец-то я нашел тебя!

Он с трудом огляделся, и туман перед глазами немного рассеялся. Справа в узком переулке стоял Пиппин. Вокруг больше никого не было.

Мерри протер глаза.

— Где король? — спросил он. — Где Йовин? — Но тут же пошатнулся, сел на камень и заплакал.

— Они уже в Цитадели, — с тревогой ответил Пиппин. — Ты, верно, заснул на ходу и свернул не туда, куда нужно. Когда мы увидели, что тебя нет, Гэндальф сразу послал меня за тобой. Бедняга Мерри! Но до чего же я рад, что снова вижу тебя! Ты, конечно, устал, а я мучаю тебя разговорами. Скажи только: ты не ранен?

— Нет, — ответил Мерри, — то есть мне кажется, что нет. Но правая рука у меня не действует, отнялась, когда я ударил его. А мой меч сгорел, как деревянный.

Пиппин решил, что он бредит, и еще больше встревожился.

— Идем, идем-ка со мной. Я бы понес тебя, да не сдюжу. Что же это они оставили тебя? Но ты уж извини их. Знаешь, в Городе было так страшно, такое творилось, что не мудрено было потерять одного бедного хоббита, идущего с поля боя.

— Это не так уж плохо, когда тебя не замечают, — отозвался Мерри, едва ворочая языком. — Вот недавно меня тоже не заметили и... Нет, не могу говорить об этом. Помогите мне, Пиппин! Опять темно и холодно...

— Обопрись на меня, друг Мерри. Идем. Давай-ка, раз, два. Здесь недалеко.

— Ты ведешь меня, чтобы похоронить? — покорно спросил Мерри.

— Да что ты! Нет, конечно! — ужаснувшись, воскликнул Пиппин. Сердце у него сжалось от страха и жалости. — Нет, мы с тобой идем в госпиталь.

Они вышли из переуллка на главную улицу, ведущую к Цитадели, и теперь медленно поднимались по ней. Мерри шатался и бормотал что-то в бреду.

«Так мне никогда не довести его, — подумал Пиппин. — И помочь некому! Не могу же я бросить его здесь!» Но тут их догнал какой-то мальчик, и Пиппин очень обрадовался, узнав Бергиля, сына Берегонда.

— Бергиль! — воскликнул он. — Рад видеть тебя живым! Куда ты?

— Бегу с поручением от целителей, — ответил Бергиль. — Прости, но мне некогда!

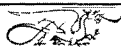
— Беги, беги, только передай, что тут со мной раненый полурослик и что он не может сам идти. Скажи о нем Гэндальфу, он обрадуется.

Бергиль убежал. «Подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно уложил Мерри на землю, сел и взял голову друга к себе на колени. Правая рука Мерри была холодна как лед.

Через несколько минут их нашел Гэндальф. Он склонился к Мерри, погладил его по лбу и бережно поднял на руки.

— Его нужно было бы внести в Город с почестями, — сказал он. — Этот малыш полностью оправдал мои надежды. Не уступи тогда Элронд и не отпусти он вас с отрядом, этот день мог бы стать куда печальнее. — Он вздохнул. — Идем, у меня еще много дел, а исход битвы до сих пор не решен.

Так Фарамир, Йовин и Мериадок оказались в госпитале. Уход за ними был очень хорошим. Хотя немало знаний со времен расцвета Гондора было потеряно, все же здешние целители хорошо справлялись со многими ранами и болезнями, которым были подвержены смертные к востоку от Моря. Только от старости они не знали средства. Люди в Гондоре жили не намного дольше остальных, и мало кому удавалось миновать

столетний рубеж, сохранив силы. Но сейчас ни искусство целителей, ни их знания не помогали, ибо людей поражала болезнь, от которой не было исцеления. Ее называли порождением мрака, потому что причиной этой болезни были назгулы. Те, кого она поражала, впадали во все более глубокий сон, их сковывало молчание и смертный холод, и они умирали. Целители сразу поняли, что полурослика и воительницу из Рохана тяжело поразила именно эта болезнь. Сначала они еще пытались разговаривать, что-то шептали сквозь сон, и целители прислушивались к их словам, надеясь отыскать в них ключ к болезни. Но больные все дальше уходили во тьму беспамятства, и, когда солнце начало клониться к закату, лица Мерри и Йовин стали землистого цвета. Фарамира же, напротив, снедал лихорадочный жар, и его ничем нельзя было унять.

Гэндальф озабоченно переходил от одного к другому, а целители рассказывали ему все, что слышали. День уходил, великая битва продолжалась с переменным успехом, а маг все выжидал и не мог покинуть больных. Когда в небе разлились краски заката, стоявшим рядом показалось, что лица больных порозовели. Можно было подумать, что болезнь отпускает, но это была обманчивая надежда.

Тогда Иорет, старшая из служительниц госпиталя, со слезами посмотрела на Фарамира и сказала:

— Горе, если он умрет. Когда-то в Гондоре были Короли, о которых сказано в Книгах Знаний: «Руки Короля — руки целителя». Так ведь и узнавали настоящего Короля...

Гэндальф прервал ее:

— Люди надолго запомнят твои слова, Иорет. В них есть надежда. Может быть, такой вождь уже здесь, в Гондоре. Разве ты не слышала, что говорят в Городе?

— Мне было не до слухов, — сварливо ответила Иорет. — Для меня самое важное, чтобы больных не тревожили.

Гэндальф поспешно вышел. Закат угасал, и серый, как зола, вечер спускался на холмы и равнины.

В это время Арагорн, Йомер и Имрахиль в окружении своих воинов приближались к Городу. У Ворот Арагорн сказал:

— Посмотрите, как полыхает закат! В эти дни все обретает особый смысл. Старое уходит, приходит новое. Может быть, мы стоим на рубеже двух Эпох. Страной и Городом долго и славно правили мудрые и сильные люди, и, хотя мои права вам известны, я не хочу входить непрошеным. Война не кончена, нельзя давать повод смутам. Я отказываюсь предъявлять какие бы то ни было права до победы. Если Правитель захочет видеть меня, мой шатер будет стоять здесь.

Йомер пылко возразил ему:

— Вы уже подняли знамя древних вождей. Все видели Звезду Исилдура. Вас ждут. Неужели вы хотите обидеть людей пренебрежением?

— Нет, — ответил Арагорн. — Но я считаю, что время еще не пришло, и не хочу ссориться ни с кем, кроме Врага и его слуг.

Имрахиль согласился с ним.

— Ваши слова разумны. Правитель Денетор мой родич. Мне хорошо знакомы его упорство и гордость, а после потери сына характер у него стал еще тяжелее. Но все же мне не хотелось бы оставлять вас перед дверью как просителя.

— Ну какой я проситель? — улыбнулся Арагорн. — Я веду отряд Следопытов. Они не привыкли к городам и каменным домам. — С этими словами он приказал свернуть знамя, снял со шлема Звезду Северного Княжества и передал сыновьям Элронда.

Имрахиль и Йомер отправились в Цитадель к Правителю. Но в тронном зале его не было. Там на возвышении покоился Теоден, король Рохана. Двенадцать факелов горели вокруг, двенадцать роханских и гондорских рыцарей несли почетный караул. Справа от короля, укрытого по грудь золотым покрывалом, лежал на бело-зеленом ложе меч, в ногах — щит. Отблески света плясали на сединах короля, лицо было молодо и прекрасно. Казалось, он спит.

Отдав низкий поклон памяти правителя, Имрахиль спросил:

— Где же Денетор? И где Митрандир?

Тогда вперед выступил один из стражей:

— Правитель Гондора находится в госпитале.

Йомер растерянно оглядел зал:

— А где Йовин? Она должна покоиться вместе с королем, и с не меньшими почестями. Где ее положили?

Имрахиль участливо опустил руку ему на плечо.

— Прекрасная Йовин была еще жива, когда ее принесли сюда. Разве вы не знали этого?

Глаза Йомера вспыхнули надеждой. Он не сказал больше ни слова, быстро повернулся и вышел. Имрахиль последовал за ним.

На улице стемнело. Когда они подходили к госпиталю, в небе появились звезды. У дверей им встретился Гэндальф. Рядом с ним стоял кто-то в сером плаще.

— Митрандир, — обратился Имрахиль к магу, — мы ищем Правителя. Нам сказали, что он здесь. Но почему? Разве он ранен? И что случилось с прекрасной Йовин? Где она?

— Здесь, — ответил Гэндальф, — она еще жива, но смерть стоит рядом. Правителем Гондора стал Фарамир, Денетор погиб в пламени. — Он коротко рассказал им о недавних событиях. — Фарамир ранен, судя по всему, отравленной стрелой, — озабоченно добавил маг, — он тоже здесь, и его сжигает лихорадка.

— Дорого обошлась наша победа, — произнес Имрахиль. — В один день и Гондор и Рохан лишились своих правителей. Но если у рохирримов есть Йомер, то кто же будет править Гондором? А между тем властитель здесь, у Ворот. Надо призвать Арагорна, — твердо закончил он.

Тогда человек в плаще откинул капюшон и вышел в свет фонаря над дверью.

— Я здесь, — сказал он.

Это был Арагорн. Кольчугу его прикрывал эльфийский плащ, скрепленный на шее зеленым камнем, тем самым, что подарила ему Галадриэль.

— Я пришел по просьбе Гэндальфа, — продолжал он, — и не как правитель, а как простой воин. Городом до выздоровления Фарамира должен править вождь Дол Амрота. Но я хочу, чтобы

в битве с Врагом все наши силы подчинялись одному начальнику. В этой войне одной воинской доблести недостаточно. Нужна еще и мудрость. Поэтому пусть Гэндальф руководит нами.

Имрахиль и Йомер согласились с ним. Тогда Гэндальф взял их под руки.

— Идемте, время дорого. Единственная надежда тех, кто лежит здесь, — это Арагорн. В словах целительницы из этого дома мне открылось предназначение. «Руки Короля — руки целителя, — сказала она, — вот так и узнают настоящего Короля».

Арагорн вошел первым, за ним — остальные. У двери они увидели двоих воинов в форме защитников Цитадели: один был рослый, другой по виду совсем подросток. Как только открылась дверь, он вскрикнул от радости:

— Колоброд! Вот здорово! Знаешь, я первым угадал, что на черных кораблях идешь ты. Но все кругом кричали о пиратах, и никто не хотел меня слушать. Как же это так получилось?

Арагорн засмеялся и взял хоббита за руку.

— Вот добрая встреча! — сказал он. — Но сейчас не время для рассказов.

Имрахиль шепнул Йомеру:

— Подобаает ли так обращаться к Королю? Может, он примет корону под каким-нибудь другим именем?

Арагорн расслышал его слова и обернулся.

— Вполне возможно. У меня есть из чего выбирать. На древнем высоком наречии я зовусь Эллесар Эльфинит. — Он приподнял висевший у него на груди зеленый камень. — Есть и другое имя — Энвиниатар, Возрождающий. А свое ширское имя я оставляю как титул моего дома, если он когда-нибудь будет основан. На высоком наречии слово «Колоброд» звучит не так уж плохо: «Телконтар» — так будут звать меня и моих наследников.

Они пошли дальше, и по пути Гэндальф поведал им о подвигах Йовин и Мериадока.

— Я слежу за ними уже много часов, — сказал он. — Сначала они еще говорили, но сейчас уходят во мрак смерти все дальше и дальше.

Арагорн подошел сначала к Фарамиру, потом к Йовин, а напоследок к Мерри. Он взгляделся в их лица и вздохнул.

— Всех моих сил и способностей может оказаться недостаточно, — проговорил он. — Ах, если бы здесь был Элронд! Он самый старший из нас, у него куда больше сил. Но я сделаю все, что смогу.

Йомер предложил сначала отдохнуть и подкрепиться, но Следопыт отказался.

— Для этих троих, — сказал он, — особенно для Фарамира, время истекает, я должен спешить.

Он велел позвать Иорет и спросил, есть ли в доме целебные травы.

— Да, господин, — охотно пустилась она в объяснения, — но, по моим подсчетам, запасов не хватит. А где взять, я и не знаю. В эти жуткие дни все горит, все рушится, послать некого, да и куда посылать-то? Все дороги перекрыты. Я уже и не упомяну, когда на рынок в последний раз приходили торговцы из Лоссарнаха! Но мы пока обходимся, чем можем, а дальше, может быть, господин решит, что делать...

— Об этом поговорим после, — остановил ее Арагорн. — Сейчас не до разговоров. Дорога каждая минута. Есть у вас *ацелас*?

— Что-то я про такое и не слыхала, господин, — призналась Иорет. — Я, конечно, могу пойти спросить травника, но, может, вы знаете другое название?

— В народе эту траву называют Королевским Листом, — нетерпеливо сказал Арагорн.

— А, эта! — пренебрежительно махнула рукой Иорет. — Ну если бы ваша светлость так сразу и сказали, я бы сразу и ответила: нету у нас такой, это точно. Да что в ней проку? Я и се-страм своим, когда мы в лесу на нее натыкались, говорила: вот чудное название! Да какой же король на такое польстится? Запах, правда, если растереть, духовитый. Но ведь запах — это больше для удовольствия, верно ведь?

— Верно, верно, — Арагорн жестом запретил Иорет продолжать. — А теперь, сударыня, если тебе дорог Фарамир, хорошо бы твоим ногам поучиться прыти у языка и добыть

мне хотя бы три-четыре королевских листочка, если они найдутся в Городе.

— А если не найдутся, — добавил Гэндальф, — придется нам с этой почтенной дамой прогуляться в леса Лоссарнаха. А Сполох покажет ей, что значит спешить.

Когда Иорет ушла, Арагорн велел женщинам согреть воды. Потом взял Фарамира за руку и прикоснулся ко лбу. Фарамир не шевельнулся. Похоже, он едва дышал.

— Совсем обессилел, — повернулся Арагорн к Гэндальфу. — Но это не от раны. Добрый знак! Если бы его поразила стрела назгула, он был бы уже мертв. Я думаю, его ранили южане. Кто вытащил стрелу? Она сохранилась?

— Вытащил я, — выступил вперед Имрахиль, — но не сохранил. Там было не до этого. Но помнится, это была не стрела, а дротик, и он действительно походил на те, которыми пользуются южане. Рана неглубокая, и меня удивило, что у Фарамира от нее такая лихорадка. Поэтому я и подумал про крылатый ужас. Какова же, по-вашему, причина?

— Причин много, — покачал головой Арагорн. — Это и усталость, и огорчение, нанесенное отцом, и рана, а самое главное — Дыхание Мрака. Он человек сильной воли, но еще до битвы долго пробыл под Тенью. Мрак медленно овладевал им, но пока его не ранили, он держался. Мне нужно было прийти раньше!

В это время появился травник.

— Ваша светлость спрашивали о Королевском Листе, так его простолюдины называют, — важно сказал он. — На благородном наречии имя сему растению ацелас, или если кто по-валинорски понимает...

— Я, например, — оборвал его Арагорн. — И мне все равно, будешь ли ты говорить «асае аранион» или «Королевский Лист», лишь бы он у тебя был.

— Примите мои извинения, — поклонился травник. — Я вижу, вы сведущи в древнем знании. Но увы, сударь, мы не держим такого в госпитале, ведь здесь у нас только тяжелоболь-

ные. Насколько мне известно, в ацеласе нет особых лечебных свойств, разве что запах свежий, ну, усталость снимает... Может, правда, вы заинтересовались старинным стишком, его иногда повторяют, не понимая...

*Когдадохнетслепаятьма
Иснееусмертьпридетсама,
Истаетлуч,нахлынетболь —
Явись,Король!
ЯвисьКороль!
Верниушедшеедыханье
Своейцелительноюдланью!*

Так старухи запомнили, ни складу, ни ладу... Настой из этой травы принимают от головной боли.

— Тогда, именем Короля, найдите старуху, у которой поменьше знаний, зато побольше мудрости и у которой в доме найдется то, чего нет у тебя! — воскликнул Гэндальф.

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, снова положил ему руку на лоб и застыл. Так прошло несколько минут. Воздух над ложем словно накалился и звенел. Все почувствовали, как Следопыт, напрягая волю, борется с чем-то; лицо у него осунулось, глаза запали. Время от времени он повторял имя Фарамира, но с каждым разом все тише и слабее, как будто и сам он уходил все дальше, окликая затерявшегося во мраке.

В этот момент в залу вбежал Бергиль. Он принес шесть листьев, завернутых в чистую тряпицу.

— Я нашел ацелас! Правда, он немного подвял: его сорвали недели две назад. Годится? — Мальчик взглянул на Фарамира и неожиданно заплакал.

Но Арагорн встал и улыбнулся.

— Годится, — сказал он. — Самое плохое уже позади. Успокойся! — Он взял два листка травы, подышал на них, потом размял в пальцах. Комната тотчас же наполнилась таким свежим ароматом, словно воздух проснулся и заискрился радостью. Потом он бросил листья в чашу с кипящей во-

дой, и сердца тех, кто был в зале, возрадовались, когда они вдохнули запах: каждому припомнилось росистое утро в стране его юности. Арагорн выпрямился, словно ощутив прилив новых сил, и, когда он поднес чашу к лицу Фарамира, глаза его улыбались.

— Ну кто бы мог подумать! — сказала Иорет стоявшей подле нее женщине. — Травы-то, пожалуй, лучше, чем я думала. Она напомнила мне розы Имлот Мелуи, когда я была девушкой...

Прошло еще несколько мгновений, и Фарамир шевельнулся, открыл глаза и увидел Арагорна. Взгляд у него просиял, и он сказал едва слышно:

— Вы звали меня, и я пришел. Приказывайте мне!

— Вот мой приказ, — ответил Арагорн. — Вернись из страны теней, пробудись к жизни! Сейчас ты устал. Отдыхай, пей, ешь и жди меня.

— Я буду готов, повелитель, — сказал Фарамир. — Кто же будет лежать праздно, когда вернулся подлинный вождь?

— Пока прощай, — промолвил Арагорн. — Я нужен другим. — И он вышел из комнаты, сопровождаемый Гэндальфом, Имрахилем, Йомером и Пиппином.

Берегонд с сыном остались у ложа Правителя. Уже закрывая дверь, Пиппин услышал восклицание Иорет:

— Король! Вы слышали, я же говорила: руки целителя! — И вскоре все в госпитале узнали, что явился Король, дарующий исцеление. И эта весть распространилась по всему Городу.

Арагорн осмотрел Йовин и сказал:

— Вот кто принял тяжелый удар! Сломанная рука — не беда, она срастется, если жизнь возьмет свое. А вот с правой рукой куда хуже. Через нее прошло такое зло, что хотя она и цела, но жизни в ней нет.

Девушка подняла меч на такого врага, который не по силам многим витязям. Нужно быть тверже стали, чтобы выстоять в таком поединке. Злая судьба скрестила их пути. Могучий род вождей взрастил это прекрасное юное деревце для жизни и счастья, а ей выпала другая доля. Глядя на нее, я вспомнил цве-

ты, выкованные древними эльфийскими мастерами. Они были прекрасны, но это был металл. Какой-то холод остановил движение токов жизни в этом чудесном создании. Ее болезнь началась задолго до этого дня, верно, Йомер?

Йомер поднял на него страдальческий взор.

— Что спрашивать меня? Вы и сами все знаете. До встречи с вами сестра была полна жизни. У нее были и страхи и тревоги, она делила их со мной, пока Червослов был советником короля, но не здесь причина ее печали.

— Друг мой, — участливо вступил Гэндальф, — у вас есть кони, боевые подвиги, вольные поля, а ее дух, отвагой равный вашему, заключен в теле женщины. Она любила правителя, как отца, и ухаживала за ним, страдая от того, что морок и дряхлость на глазах одолевали его. Она была чем-то вроде посоха, на который он опирался. А у Червослова яду хватало не только для ушей Теодена. «Старый дурак! Весь дом Йорла — просто большая конюшня, крытая соломой, где разбойники пьянствуют среди вонючих и объедков, а их отродья валяются на полу вместе с собаками!» Вы не слышали раньше таких слов? Так говорил Саруман, наставник Червослова. Хотя, не сомневаюсь, дома Червослов находил слова помягче. Дорогой мой! Ваша сестра старалась не внимать хуле, но кто знает, о чем говорила она, оставаясь по ночам наедине с собой, когда вся ее жизнь сжималась в маленький комочек, а стены дома смыкались вокруг, словно ловушка?

Все молчали, молчал и Йомер, глядя на сестру, словно заново обдумывая прошлое.

Тишину нарушил Арагорн.

— Нет на свете печальнее безответной любви прекрасной и отважной девы. С тех пор как я простился с ней в Дунхарге и вступил на Тропы Мертвых, у меня не было большего страха, чем за судьбу Йовин. Но вот что скажу я, Йомер. Вас она любит и знает, а во мне любит только свою мечту о славе и подвигах, мечту о новых незнакомых странах. — Арагорн говорил, а глаза его темнели; видно было, что он собирает силы для борьбы со смертью. — Я могу исцелить ее тело и вернуть из страны теней. Но если, проснувшись, она не сможет преодолеть своего

отчаяния, то умрет, разве что найдется другое лекарство, от меня не зависящее... Подвиги ее равны делам славнейших вождей, нельзя отдавать ее смерти.

Арагорн наклонился и долго вглядывался в белое, как лилия, но застывшее, как могильный камень, лицо. Он поцеловал ее в лоб и негромко позвал:

— Йовин, дочь Йомунда, проснись! Твоего врага нет больше.

Она не пошевелилась, но стала дышать спокойнее и глубже. Арагорн размял в пальцах еще два листка ацеласа и бросил их в кипящую воду. Этой водой он омыл ей лоб и правую руку, холодную и безжизненную, недвижно лежавшую на одеяле.

И тогда — потому ли, что Арагорн действительно обладал забытыми силами Нуменора, или то было действие его слов — всем присутствующим показалось, что в окно ворвался свежий и юный ветер, такой, каким он рождается на вершинах гор, высоко под звездами, или на побережье, над серебряной пеной моря.

— Проснись, Йовин! — повторил Арагорн и взял ее правую руку. — Проснись! Тень исчезла, мрак ушел! — Он вложил ее руку в ладонь Йомера и отступил. — Позовите ее, — посоветовал он и тихонько вышел из комнаты.

— Йовин, Йовин! — вскричал со слезами Йомер.

Внезапно девушка открыла глаза и промолвила:

— Йомер! О, какая радость! А они говорили мне, что ты убит. Нет. Это были темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

— Нет, сестра, не долго. Не думай больше об этом.

— Как я устала, — медленно проговорила она, — мне нужно отдохнуть. Скажи только, что с Правителем?

Йомер опустил глаза.

— Хорошо, не говори. Я знаю сама. Он умер, как и почувствовал.

— Он умер, — подтвердил Йомер, — но перед смертью завещал мне проститься с тобой. Он любил тебя больше, чем дочь. Теперь его тело с почестями покоится в Цитадели Города.

— Как горько... — произнесла Йовин, — но это и лучше. Теперь все видят, что честь королевского дома Рохана не погибла. А что с оруженосцем Теодена, с полуросликом? — встрепенулась она. — Вот кто настоящий рыцарь, брат! Немного найдется людей отважнее его.

— Мериадок здесь, в госпитале, — поспешил ответить Гэндальф. — Выздоравливайте, я буду возле него. Я счастлив, что столь доблестная воительница возвращается к жизни.

— К жизни? — повторила Йовин. — Может быть. По крайней мере пока я нужна здесь... Но потом...

Гэндальф и Пиппин вошли в комнату к Мерри и увидели склонившегося над ним Арагорна.

— Мерри! Бедный мой друг! — воскликнул Пиппин, бросаясь к нему. Мерри был настолько неподвижен, что Пиппин испугался.

— Не бойся, — успокоил его Арагорн. — Здесь я успел вовремя и уже позвал его. Сейчас он слишком устал. Трудная работа у него позади. Вдвоем с Йовин они изгнали из мира страшную тень. Но как бы ни был ужасен этот бой, дух его остался веселым и сильным, хотя и скорбь теперь не забудется. Но она не омрачит его сердце, а только научит мудрости.

Он положил руку на голову Мерри и, проведя по темным кудрям, прикоснулся к векам и снова позвал по имени. Снова запах ацеласа разлился по комнате, как аромат цветущих садов и ульев, полных меда. Мерри открыл глаза и внятно произнес:

— Хочу есть. Который час?

— Ужин уже прошел, — растерялся Пиппин, — но я принесу тебе чего-нибудь, если мне позволят.

— Конечно, позволят, — подбодрил его Гэндальф. — Позволят все, чего будет угодно пожелать отважному Всаднику, все, что только найдется в Минас Тирите, где его имя окружено почетом.

— Ладно, — согласился Мерри. — Тогда, значит, поужинать и трубочку... — Тут лицо у него затуманилось. — Нет, не надо трубки. Кажется, я никогда не буду больше курить.

— Почему? — недоуменно спросил Пиппин.

— Видишь ли, — медленно произнес Мерри, — мой господин умер. А курево напомнит мне о нем. Он сказал, что никогда не придется ему сидеть и слушать мои рассказы о травах. Это были его почти что последние слова. Я никогда больше не смогу курить, не вспомнив о нем и о нашей встрече в Изенгарде. И о том, как он погиб...

— Так дыми и вспоминай! — воскликнул Арагорн. — Он был великим вождем и всегда держал слово. Он сумел подняться из тени к последнему своему яркому утру. Хотя ты недолго служил ему, но, думаю, более почетной службы у тебя больше не будет. Вспоминай о нем с радостью.

Мерри улыбнулся:

— Согласен. Если Колоброд достанет мой табачок с трубкой, я, пожалуй, покурю, подумаю. Там у меня в сумке была заначка из Сарумановых запасов, но что с ней случилось в бою — честное слово, не знаю.

— Ну, Мериадок! — притворно рассердился Арагорн. — Если ты думаешь, что я прошел через горы и реки с огнем и мечом только для того, чтобы вернуть нерадивому воину потерянную сумку, то ошибаешься. Совет могу дать. Если не отыщешь сумку, пошли за здешним травником. Он сообщит тебе, что, по его мнению, табачный лист — вещь бесполезная, но называется он в просторечии «травой людей Запада», а благородному — «галенас», и сообщит еще много других названий на различных ученых языках, а потом добавит несколько полузабытых строчек, которых сам не понимает, а потом, наконец, сообщит, что травы такой, к сожалению, в доме нет, и оставит тебя размышлять об истории Среднеземья и населяющих его народов. И я сделаю сейчас то же самое. Я не спал в такой постели, как твоя, с тех пор, как выехал из Дунхарга, а не ел со вчерашнего вечера.

Мерри поймал его руку и поцеловал.

— Прости меня, — сказал он, — иди, конечно; с тех пор, помнишь, в Брыле, мы только мешаем тебе. Но что с нами поделаешь! Когда приходит высокая минута, как вот сейчас, мы говорим пустяки, потому что боимся сказать слишком много, а то и вовсе не находим нужных слов.

— Да знаю я вас, знаю, — отмахнулся Арагорн. — Пусть Шир никогда не изведает Тени! — С этими словами он поцеловал Мерри в лоб и вышел, а Гэндальф последовал за ним.

Пиппин остался со своим другом.

— Ну что? Где найдешь другого такого, как наш Колоброд? — спросил он. — Кроме Гэндальфа, конечно. Ты знаешь, по-моему, они в родстве. Кстати, дорогой ты мой ослик, твоя сумка лежит возле кровати, а когда я тебя встретил, была у тебя за спиной. Колоброд ее, конечно, видел. Да что там! У меня ведь тоже есть запасец. Тот самый «Лист Долгой Долины». Вот, возьми, а я побегу, поищу тебе чего-нибудь поесть. А потом уж мы с тобой отдохнем. Мы, хоббиты, такой народ, что не можем долго оставаться на вершинах.

— Да, — подтвердил Мерри, — я вот не могу. По крайней мере сейчас. Но мы можем, Пиппин, хотя бы видеть и чтить их. Конечно, мы любим свою землю, но, наверное, есть что-то еще повыше этого. А если бы не так, то ни один садовник не смог бы мирно трудиться в своем садике. Все равно — знаем мы об этом высшем или нет. Я рад, что теперь хотя бы догадываюсь о нем. Что это вдруг на меня нашло? — помолчав, спросил он сам себя. — Достань-ка мою трубочку из сумки. Не сломалась ли?

Арагорн с Гэндальфом нашли смотрителя госпиталя и дали ему указания относительно Фарамира и Йовин.

— Йовин должна пролежать еще дней десять, — сказал ему Арагорн. — Не позволяйте ей вставать, даже если она захочет.

А Гэндальф добавил, что Фарамиру можно сообщить о смерти Денетора, но нельзя ни слова говорить о поразившем Правителя безумии.

— Проследите, чтобы и Берегонд с хоббитом молчали, они тоже были при этом, — сказал он.

Смотритель спросил, что делать с Мерри, если он захочет встать, и Арагорн ответил, что это можно.

— Он может даже погулять с друзьями, когда захочет, — добавил он.

— Замечательный народ! — сказал смотритель, покачав головой. — Хрупкий с виду, но внутри — очень крепкий.

У дверей госпиталя собралась целая толпа. Все хотели видеть Арагорна, чтобы он исцелил их родичей и друзей, больных или раненых или пораженных Дыханием Мрака. Арагорн послал за сыновьями Элронда, и втроем они трудились до глубокой ночи. И все в Городе говорили: «Вот пришел подлинный Король», и называли его Эльфинитом — из-за зеленого камня на груди. Так имя, предреченное ему при рождении, было повторено его народом.

К утру Следопыт почувствовал, что силы покидают его. Тогда он закутался в серый плащ и выскользнул из Города, вернувшись к себе в шатер. А утром перед Цитаделью развевалось знамя Дол Амрота с белым кораблем-лебедem на голубых волнах. Люди смотрели на него и гадали, не приснилось ли им возвращение Короля.

Глава IX СОВЕТ ПЕРЕД ПОХОДОМ

После битвы настало свежее и ясное утро. Ветер заходил с запада, по небу бежали легкие облачка. Леголас и Гимли с зарей были на ногах и просили разрешения пойти в Город; им хотелось повидать Мерри и Пиппина.

— Приятно узнать, что они живы, — сказал Гимли. — Это же скольких трудов они нам стоили! Вот было бы обидно, окажись все хлопоты напрасными.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, с любопытством озираясь по сторонам и не обращая внимания на удивленные взгляды встречных.

— Здесь неплохая каменная кладка, — степенно говорил Гимли, оглаживая бороду, — но не везде, а вот улицы можно

бы устроить и получше. Если Арагорн станет править здесь, я предложу ему пригласить наших лучших мастеров, и мы сделаем Город таким, что им будут гордиться.

— И хорошо бы побольше садов, — мечтательно добавил Леголас. — Дома здесь мертвы; мало зелени — мало радости. Если Арагорн станет правителем, то сумеречные эльфы пришлют ему певчих птиц, цветов и вечнозеленых деревьев.

Они повстречали Имрахилья, и Леголас, признав в нем родича эльфов, низко поклонился.

— Приветствую великого вождя! — сказал он. — Народ Нимродели давно покинул лориенские леса, но, как я вижу, не все избрали путь на Запад через Великие Воды.

— Память об этом жива в преданиях моего народа, — кивнул князь. — Но как же давно Дивный народ посещал наши земли в последний раз! Я не ждал встретить эльфа здесь, среди войны и горя. Что привело вас сюда?

— Я — один из Девяти, ушедших с Митрандиром из Имладриса, — ответил Леголас, — а сюда мы с моим другом гномом пришли вместе с Королем Арагорном. Вот, собрались навестить наших товарищей по походу, Мериадока и Перегрину. Нам сказали, что они на вашем попечении.

— Вы найдете их в госпитале. Позвольте, я провожу вас, — учтиво предложил Имрахиль.

— О, нам бы вполне хватило простого провожатого, князь, — с поклоном ответил Леголас. — А вас и Йомера Роханского Арагорн просит пожаловать в его шатер на совет. Он просил передать, что не считает для себя возможным войти сейчас в Город и останется под стеной. Митрандир уже там, — добавил он.

— Мы скоро придем, — заверил Имрахиль и любезно простился с ними.

— Достойный правитель и великий вождь, — глядя ему вслед, сказал Леголас. — Если и в дни заката в Гондоре можно встретить таких Людей, каков же был расцвет великого княжества!

— И каменная кладка здесь лучше всего старая, — гнул свое гном. — У Людей, между прочим, всегда так, то им весенний

заморозок помешает, то летняя засуха, глядь — обещали много, а построили мало.

— Но семена, посеянные ими, сколько бы ни лежали во прахе или каменистой почве, однажды обязательно прорастут, даже когда их и не ждут уже. Деяния Людей, Гимли, переживут наши с тобой.

— А все-таки, я думаю, так ничем и не кончатся, — упрямо сказал Гимли.

— Про то эльфам неведомо, — задумчиво отозвался Леголас.

Вскоре пришел слуга и проводил их до госпиталя. Там, в саду, они нашли друзей; встреча была радостной. Хороша была эта короткая минута покоя и отдыха, но Мерри быстро устал. Тогда они сели отдохнуть на стене. Позади был сад, а далеко впереди — сверкающий на солнце Андуин. Даже зоркие глаза эльфа не видели далекого устья, затерянного среди зеленотравных равнин Лебеннина и Южного Итилиена.

Они беспечно болтали, как вдруг Леголас умолк, разглядывая против солнца большую стаю белых морских птиц, летевших со стороны Дельты.

— Глядите! — воскликнул он. — Чайки! Далеко же они летают. Вот чудо для глаз и печаль для сердца, я ведь никогда не видел их, пока не побывал в Пеларгире. Под их крики неслись мы во весь опор на корабли пиратов у причала. Я тогда, помню, остановился, и вся война разом вылетела у меня из головы. В их плачущих голосах слышалось Море. Море! Увы! Мне так и не довелось увидеть его. В сердцах нашего народа тоска по Морю живет всегда, лучше ее не трогать. Ах, эти чайки! Теперь не будет мне покоя ни под букром, ни под вязом.

— Не говори так! — остановил друга Гимли. — Неужто в Среднеземье не на что больше посмотреть и не над чем потрудиться? Конечно, если однажды весь Дивный Народ уйдет в Гавани, для оставшихся мир станет скучнее...

— Это точно, — поддержал его Мерри. — Не уходи в Гавани, Леголас. Всегда найдется народец, большой или маленький, а то и какие-нибудь разумные гномы вроде Гимли, которым ты

будешь нужен, уверяю тебя. Правда, худшее в этой войне еще впереди, наверное, но мне так хочется, чтобы все кончилось, и кончилось хорошо!

— Тьфу на вас! Экие вы мрачные сегодня, — вскричал Пиппин. — Посмотрите: солнышко светит, мы опять вместе собрались хоть на пару деньков, и никто еще толком не рассказал ничего. Ну-ка, давай, начинай, Гимли! Вы с Леголасом только за сегодняшнее утро уже раз десять помянули про ваши с Колобродом странствия, а мне толком до сих пор ничего не рассказали!

— Да, солнышко-то светит, — побряхтел Гимли, — при нем мне тем более не хочется вспоминать весь этот мрак и ужас. Знай я, куда мы идем, да никакая дружба не заманила бы меня на проклятые Тропы Мертвых!

— Тропы Мертвых? — вздрогнув, переспросил Пиппин. — Да, помню, Арагорн говорил так, а я все не мог понять, про что это он толкует. Расскажи, а, Гимли?

— Нет уж, уволь, — замотал бородой гном. — Мне есть чего стыдиться. Гимли, сын Глоина, считал себя куда крепче любого человека, а уж под землей мне и вовсе бояться нечего, не то что эльфу, например, и вот, поди ж ты, перетрусил самым отчаянным образом. Если бы не Арагорн, не его воля, я бы не выдержал.

— Не только его воля, но и любовь к нему, — добавил эльф. — Кто его узнал, тот и полюбил, каждый по-своему, конечно. Даже эта холодная дева из Рохана. Мы уехали из Дунхарга днем раньше, чем туда прибыли Всадники и наш Мерри, и нагнали на всех такого страху, что проводить нас вышла только Йовин. Грустное это было расставание, мне не хочется вспоминать о нем.

— А меня и вовсе на рассказы не тянет, — буркнул Гимли, и больше хоббитам не удалось вытянуть из него ни словечка. Наконец Леголас поддался на их уговоры.

— Ладно, расскажу по порядку. Я-то не чувствую никакого ужаса и не боюсь призраков. По мне — силы в них никакой!

И он кратко и деловито рассказал хоббитам о дороге, по которой ходят призрачные войска, и о мрачном свидании возле Камня Эреха.

— Четыре дня и три ночи скакали мы от Черного Камня, — говорил он. — И вот на пятый день — поверите ли? — несмотря на мрак, во мне снова затеплилась надежда, ибо чем дальше мы продвигались по затемненным землям, тем сильнее и грознее выглядела Армия Теней у нас за спиной. Я видел, что под знаменами Короля мертвых идут и всадники, и пешие, но и те и другие двигались с одинаковой быстротой, в полном молчании, и глаза их горели мрачным огнем битвы. На скалах Ламедона они было обогнали нас, но по команде Арагорна снова заняли свое место. Даже тени были послушны его воле.

В один из дней мы так и не дождались рассвета, и в мглистых сумерках миновали Кирил, потом Рингло и, наконец, прибыли к устью Джилрейна. Местный гарнизон из последних сил удерживал переправу от натиска умбарских пиратов и харадримов, поднимавшихся по Реке. С нашим приходом сражение окончилось, потому что и защитники, и нападавшие побросали оружие и бежали, завывая от страха, перед войском Короля мертвых. Только у Энгбора, правителя Ламедона, достало мужества встретить нас. Арагорн приказал ему собрать свой народ, пропустить призраков и следовать за ними. «В Пеларгире вы можете понадобится Наследнику Исилдура», — сказал Арагорн, и Энгбор только молча поклонился, безоговорочно признав его власть.

За Джилрейном мы немного отдохнули, но Арагорн торопился, потому что Минас Тирит был в осаде. Ночь еще не миновала, а мы уже мчались по равнинам Лебеннина.

Леголас помолчал, потом вздохнул, глядя на юг, и тихонько запел:

*Прозрачны, светлы серебристые воды
В изумрудных полях Лебеннина!
Густы и высоки зеленые травы;
Там ласковый ветер цветами колышет,
И слышится звон золотых колокольцев
В зеленых полях Лебеннина,
В ласковом ветре Моря!*

— Зелеными звал в песнях мой народ эти поля, а теперь они темны и угрюмы... Враги бежали перед нами, — продолжил он рассказ, — и у них на плечах мы вырвались наконец, к Великой Реке.

В первый момент, при виде бескрайних вод, под пронзительные крики чаек я подумал, что мы вышли к Морю. Ах, этот чаячий плач! Не зря, видно, предостерегала меня Владычица. Теперь мне его не забыть...

— А я на него и внимания не обратил, — проворчал Гимли и, не выдержав, пустился в объяснения. — Мы как раз добрались наконец-то до настоящего боя. Здесь, в Пеларгире, стоял основной флот Умбара — пятьдесят больших кораблей и бесчисленное число лодок и баркасов. Вместе с толпами бегущих в гавань ворвался страх. Несколько кораблей успели уйти вниз по Реке или к другому берегу, но это не спасло их. Корабли и лодки горели! Харадримы, прижатые к воде, приготовились к обороне. Они все еще представляли собой сильное, хорошо обученное войско.

Но Арагорн вскричал: «Вперед, клятвопреступники! Черным Камнем заклинаю вас, вперед, в бой!», и призраки серыми волнами хлынули в гавань. Глухой ропот голосов заполнил берег, словно из-под земли звучали боевые рога. Над Рекой будто восстали из прошлого звуки какого-то забытого сражения Темных Времен. Повсюду мерцали бледные клинки, но надежнее мечей врагов разил слепой ужас. Никто и ничто не могло остановить войска Мертвых.

Они прошли по всем кораблям, стоявшим у причалов, и по тем, которые успели отплыть, — вода не остановила призрачных воинов. Пираты на кораблях сходили с ума и бросались за борт. Остались только прикованные к веслам рабы. Мы проскакали через весь Пеларгир, и враги вокруг падали, словно листья с деревьев. К концу дня не осталось никого, кто мог бы сопротивляться. Одни были убиты, другие утонули, третьи бежали на юг. На каждый из захваченных кораблей Арагорн послал человека из отряда Следопытов. Они освободили пленников и расковали рабов.

Я еще подумал тогда, как странно, что слуги Мордора оказались побеждены силами мрака и смерти — собственным оружием Темного Владыки.

— Странно и символично, — задумчиво сказал эльф. — Помню, я взглянул на нашего Колоброта и вздрогнул. Каким великим и ужасным властителем мог бы он стать с помощью Кольца! Мордор страшится не напрасно. Но благородство духа Арагорна выше разума Саурона. Темному Владыке никогда не понять потомка Лучиэнь из Дориата. А роду ее не дано иссякнуть, пока существует Время.

— Глаза гномов так далеко не видят, — вступил Гимли, — но в тот день я смотрел на Арагорна Могучего. Ты бы, друг Мерри, и глазом моргнуть не успел, а уже весь черный флот был у него в руках. Арагорн поднялся на палубу самого большого корабля. Запели трубы, отнятые у врага. Призрачное войско, безмолвное и почти невидимое, выстроилось на берегу. Только изредка в глазах воинов багрово вспыхивали отсветы пламени: то догорали на воде несколько пиратских кораблей.

«Слушайте Наследника Исилдура! — громко произнес Арагорн. — Ваша клятва исполнена. Вы свободны. Уходите и не тревожьте больше живых. Я даю вам вечный покой».

Тогда вперед выступил Король Мертвых. Он переломил свое копьё, и обломки упали на землю, тут же вспыхнув бледными огоньками. Потом он низко поклонился и пошел прочь, а за ним — все его воинство. Они исчезли, как ночной туман под порывом утреннего ветра. Их не стало, и люди будто очнулись ото сна.

В ту ночь в порту кипела работа. Среди рабов было множество гондорцев, людей из Лебеннина, жителей Дельты Андуйна. Вместе с отрядом Энгбора набралось большое войско. Узнав, что Арагорн идет освобождать Минас Тирит, все они просили взять их с собой. Имя Наследника Исилдура стало для них маяком во мраке ночи. Корабли за ночь подготовили к походу, и утром мы отплыли на север.

Мы покинули Дунхарг всего шесть дней назад, хотя многим из нас казалось, что мы уже месяц в пути. Но Арагорн не дал нам потерять и минуты.

«От Пеларгира до гаваней Харлонда сорок две лиги, — повторял он, — но мы должны во что бы то ни стало оказаться там завтра, иначе идти будет незачем».

За веслами сидели теперь свободные люди, они выбивались из сил, но ветер и течение были против нас. Хоть мы и победили, радости я не ощущал. И тут вдруг Леголас засмеялся. «Выше бороду, сын Глоина! — сказал он. — Не зря говорят: надежда часто рождается, когда ее уже не ждешь». Но какую надежду он высмотрел — так и не сказал. Настала ночь, мрак сделался еще непроглядней, и тогда на севере проступило зарево. Арагорн сказал: «Это горит Минас Тирит». Но в полночь и правда родилась надежда. Моряки с Дельты сказали, что ветер меняется. Он в самом деле стал попутным, мы смогли поднять паруса, и к утру знамя Арагорна уже реяло на Пеленнорской равнине над нашими войсками, идущими в бой.

Это был великий день и великий час, что бы ни приготовила мне судьба в оставшейся жизни.

— Как бы ни менялся мир, подвиг — пройти Тропами мертвых, подвигом он и останется, пусть даже во всем Гондоре некому будет спеть о нем.

— Может ведь и такое случиться, — вздохнул Гимли. — Уж очень Арагорн с Гэндальфом мрачные ходят. Хотел бы я знать, о чем они там совещаются. Конечно, я, как и все, хочу, чтобы мы победили и чтобы война кончилась. Но, ради чести всего народа Дарина, и я хотел бы приложить к этому руку.

— И я готов сражаться за честь моего народа, — поддержал друга Леголас, — и... за Короля под Белым Древом.

Оба задумались и замолчали, а внизу, под стеной, военачальники никак не могли прийти к общему решению.

Едва расставшись с Леголасом и Гимли, Имрахиль послал за Йомером, и они вместе вошли в шатер Арагорна. Там уже были Гэндальф и сыновья Элронда.

— Знаете, что сказал перед смертью Правитель Города? — спросил Гэндальф. — Он сказал: «Вы можете даже победить на Пеленнорских полях, но Силу, которая поднимается ныне, по-

бедить нельзя». Правитель Денетор отчаялся. Не будем следовать его примеру, но в его словах есть над чем подумать.

Палантиры не лгут. Даже владыка Барад Дура не может заставить их показать то, чего нет. Возможно, ему удастся отобрать для слабодушного, смотрящего в Камень, именно такие картины, увидев которые, легко ошибиться или впасть в отчаяние. Но бессчетные полчища Мордора, готовые обрушиться на Гондор страшный удар, Денетору не привиделись, они есть на самом деле.

Мы с трудом и дорогой ценой отразили первые атаки. Следующие будут куда сильнее. В такой войне, как и предвидел Денетор, нет надежды на победу. Силой оружия с Врагом не совладать, и не важно, будем ли мы сидеть за городскими стенами или выступим навстречу и потерпим поражение за Рекой. Выбирать предстоит всего лишь из двух зол. Благоразумие подсказывает заняться укреплением стен и ждать нового штурма или осады. Так можно отсрочить падение.

— Значит, ты предлагаешь отступить в Минас Тирит, или в Дол Амрот, или в Дунхарт и укрыться там, как дети прячутся в песочных замках от надвигающегося прилива? — спросил Имрахиль.

— Ты считаешь это новым предложением? — поднял бровь Гэндальф. — А разве не этим занимались вы при Денеторе? Я ведь сказал: благоразумие подсказывает. Но я не призывал вас внимать его подсказкам. Я также не убеждал вас, что победы не может быть. Наоборот, я надеюсь на победу, но не военную, ибо в центре этой войны стоит Кольцо Всевластия — опора Черной Крепости и надежда Саурона. Если оно вернется к нему, то вся наша доблесть будет напрасной, Враг победит — быстро и навсегда. Но если оно будет уничтожено, то он падет, падет тоже навсегда, падет так низко, что вряд ли поднимется снова. С потерей Кольца он лишится большей части той силы, которой владел изначально, а все созданное или начатое Врагом с помощью Кольца будет разрушено, и он станет развоплощенной тенью до конца этого мира.

Только так можно избыть величайшее из зол. Конечно, есть и другие злые силы, ведь и сам Саурон — всего лишь прислуж-

ник другого, давнего Врага. Но мы не в ответе за все Эпохи, мы призваны защитить нашу Эпоху, наши годы, без усталы выкорчевывая знакомые нам злые побеги на знакомых полях, дабы оставить идущим за нами добрую пажить для сева. А будет ли орошать ее ласковый дождик или сечь суровый град — решать не нам.

Саурон знает, что его драгоценность нашлась, не знает только, где она. Из-за этого он пребывает в сомнениях. Если Кольцо у нас, он знает — здесь найдутся такие, кому по силам совладать с ним.

— Арагорн, Враг и в самом деле видел тебя в Палантире Ортханка? — неожиданно спросил маг.

— Да, перед самым выходом из Хорне, — ответил Арагорн. — Я решил, что Палантир пришел ко мне именно для этого. Десять день прошло после Рэроса. Десять дней Хранитель был в пути. Я хотел отвлечь Око от его собственной страны. Правда, я никак не предполагал, что Саурон ответит на мой вызов так быстро и сильно. Мне едва хватило времени, чтобы успеть сюда.

— Я не понимаю, — заговорил Йомер, — значит, если Враг получит Кольцо — все погибло. Но если он считает, что Кольцо у нас, то как он надеется победить?

— В том-то и дело, что он не знает наверняка, — досадливо поморщился Гэндальф, — и хочет проверить свои догадки. Он обязательно должен напасть, чтобы заставить нас обнаружить силу Кольца. Он нападет и будет внимательно следить, кто из нас присвоит Кольцо и уберет остальных претендентов.

А сейчас он выжидает. Он видит и слышит многое. Назгулы все еще здесь. Сегодня перед восходом они появились над полем, правда, люди спали, и почти никто этого не заметил. Он все примечает: вот снова явился меч, слишком памятный ему; вот удача оказалась к нам благосклонна, и первый натиск закончился для него плачевно, а Король-Призрак, его правая рука, ушел в небытие.

Он сомневается. Его Око приковано к Минас Тириту, оно равнодушно ко всему остальному. Надо и дальше не давать Врагу отвести от нас взор. В этом вся наша надежда. Вот что я

предлагаю. Кольца у нас нет. Мудро это было или глупо, но его отослали прочь. Теперь либо оно будет уничтожено, либо мы. Без Кольца силой Врага не одолеть, но мы должны любой ценой отвлечь Око от главной опасности. И вот тут сила может пригодиться, надо дать Хранителю возможность использовать свой шанс, каким бы ничтожным он ни был.

Арагорн начал, мы продолжим. Попробуем вынудить Саурона нанести решительный удар. Пусть он бросит в бой все свои силы, пусть уведет их из Мордора. Мы должны выступить немедленно, сейчас же. Я предлагаю стать приманкой, в которую Саурон вцепится мертвой хваткой, потому что будет искать среди нас нового обладателя Кольца. Может статься, всем нам суждена гибель в этой битве, может статься, никто из нас не узнает, чем кончилось дело: уничтожено ли Кольцо, пал ли Саурон, но, по-моему, именно в этом наш долг. Лучше уж погибнуть на этом пути, чем погибнуть все равно и знать, что никакой новой Эпохи не будет.

Все долго молчали. Наконец заговорил Арагорн:

— Я начал, мне и продолжать. Мы стоим на самом краю, здесь все смешалось — и надежда, и отчаяние. Колебание — гибель. Я прошу вас внять совету Гэндальфа, пришло время узнать, чем завершатся его труды. Если бы не Гэндальф, Среднеземье давно уже лежало бы во Мраке. Но я не могу приказывать, я могу лишь просить вас сделать выбор.

Тогда заговорил Элрохир:

— Мы за тем и пришли с Севера. То же самое советует отец наш Элронд. Мы не намерены отступить.

— Я мало смысла в этих сложных материях, — честно признался Йомер, — да мне это и не нужно. С меня вполне хватает того, что мой друг Арагорн пришел на помощь мне и моему народу, и я должен помочь ему, когда он позовет. Я иду.

— Что до меня, — промолвил Имрахиль, — я считаю себя вассалом Короля Арагорна, требует он того или нет. Его воля для меня приказ, поэтому я иду. Но на мне лежат сейчас обязанности Наместника Гондора, и я должен позаботиться

о народе страны. Надо подготовиться к любым неожиданностям, худым или добрым. А вдруг мы победим? Пока существует надежда, Гондор необходимо защищать. Я не хочу, чтобы мы вернулись с победой к руинам Города, в разграбленный край. Вот рохирримы сообщают о новых ратях Врага у нас на фланге...

— Я вовсе не призываю бросать Город на произвол судьбы, — ответил Гэндальф. — Мы не собираемся действительно штурмовать Мордор, но наших сил должно хватить, чтобы завязать бой. И времени — в обрез. Мне нужно знать, какие силы можно собрать и двинуть вперед в ближайшие два дня. Но учтите, я не собираюсь скрывать от воинов, что их ждет.

— Все устали, очень много раненых, — задумчиво проговорил Йомер. — Погибло много коней, а их недостачу тяжело восполнить. Если предстоит выступить немедленно, то я не наберу и двух тысяч, а еще столько же придется оставить для обороны Города.

— Из южных областей скоро подойдут подкрепления, — сказал Арагорн. — Побережья теперь свободны. Два дня назад я отправил из Пеларгира через Лоссарнах четыре тысячи; ведет их Энгбор Бесстрашный. Они как раз успеют подойти. Многие отправились вслед за мной по Реке, с таким ветром и они скоро придут. Первые корабли уже в Харлонде. Полагаю, семь тысяч конных и пеших мы соберем, и при этом Город будет защищен лучше, чем до начала штурма.

— В Городе нет ворот, — напомнил Ибрахиль. — Где найти мастеров, чтобы отстроить и укрепить их заново?

— В Эреборе, в Доме Даина, — не задумываясь, ответил Арагорн. — И если надежды наши не иссякнут, я попрошу Гимли, сына Глоина, пригласить в Гондор Подгорных мастеров. А пока... Люди крепче любых ворот, никакие ворота не защитят от Врага, если дрогнут люди.

На этом совет закончился. Выступить решили послезавтра с семью тысячами войска. Большую его часть составят пешие воины. Арагорн поведет две тысячи из тех, кто пришел с ним по Реке; Ибрахиль обещал выставить около трех с половиной

тысяч; а Йомер — пять сотен пеших рохирримов, потерявших коней, и пять сотен лучших своих Всадников. Будет и еще один конный отряд в пять сотен вместе с сыновьями Элронда, дунаданами и рыцарями Дол Амрота: всего шесть тысяч пеших и тысяча конных. А основные силы рохирримов — около трех тысяч под командованием Эльфхельма — перекроют западную дорогу из Анориена.

Сразу после совета разослали разведчиков на север и на восток, через Оспилят, к дороге на Минас Моргул.

Когда наконец силы были подсчитаны и намечен предстоящий путь, Имрахиль вдруг расхохотался.

— Да уж, — воскликнул он, — большей шутки я не припомню за всю историю Гондора! Мы двинемся с семитысячной армией — это меньше, чем его передовые отряды, — на штурм Черной Страны! Вроде как мальчишка прицелился из ивового лука с веревочной тетивой и стрелой из тростинки в рыцаря, облаченного в полный доспех. Если Черный Владыка действительно знает так много, как ты говоришь, Митрандир, то не посмеется ли он над нами, вместо того чтобы пугаться, и не придавит ли нас одним мизинцем, как пчелу, что пытается ужалить его?

— Нет. Он попытается поймать пчелу и выдернуть жало, — без улыбки ответил Гэндальф. — Одни имена некоторых наших воинов стоят тысячи ратников. Нет. Ему будет не до смеха.

— Впрочем, и нам тоже, — вздохнул Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая. Нет, это наш последний, отчаянный ход, и чем бы он ни кончился — после него игре конец.

Потом он вытащил Андрил и поймал лезвием солнце.

— До конца последней битвы я больше не вложу тебя в ножны, — поклялся он.

Глава X ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫЛИСЬ

Через два дня войска собрались на Пеленнорской равнине, готовые выступить. Орды орков и вастаков надвигались из Анориена, но рохирримы измотали и рассеяли противника, вынудив бежать к Кеир Андросу. С уничтожением этой угрозы и приходом подкреплений с юга город оставался под надежной защитой. Разведка докладывала, что дороги на восток свободны до самого Перекрестка Павших Королей. Все было готово к последнему походу.

Леголас и Гимли должны были идти в отряде Арагорна, вместе с дунаданами, Гэндальфом и сыновьями Элронда. Мерри, к его великому огорчению, пришлось остаться в Городе.

— Пойми, — увещевал его Арагорн, — тебе рано отправляться в такой поход. Не горюй. Даже если до конца войны, каким бы он ни был, ты не сделаешь больше ни шагу, славу ты заслужил великую. А Шир в походе будет представлять Перегрин. Надо дать ему возможность сравняться с тобой в подвигах. А что до опасности, то она одинакова и для тех, кто идет в Мордор, и для тех, кто остается здесь. Прощай!

Итак, Мерри уныло стоял на стене и смотрел, как собираются войска. Рядом с ним сидел печальный Бергиль: его отец не был больше воином Цитадели и теперь уходил в поход с войсками вождей Запада в одном отряде с Пиппином. Маленький рост не мешал хоббиту держаться с достоинством среди рослых людей Минас Тирита.

Под звуки труб войска двинулись. Мерри провожал их взглядом, пока они не скрылись вдали. Последний раз блеснуло утреннее солнце на копьях и шлемах, а он все стоял, склонив голову, чувствуя себя одиноким и покинутым. Все, кого он любил, уходили навстречу Мраку, вряд ли придется свидеться с ними еще раз.

То ли оттого, что он очень переживал, то ли по какой другой причине, боль в руке усилилась. Мерри ощутил слабость, и свет у него перед глазами померк. Но тут Бергиль осторожно тронул его за плечо.

— Пойдемте, добрый друг, — сказал он. — Вам опять плохо. Давайте я провожу вас до Цитадели. Не грустите! Они вернутся. Людей из Минас Тирита одолеть очень трудно. А с ними идут сейчас и доблестный Арагорн, и мой отец, и ваш друг.

К полудню войска достигли Оспилята. Там уже всюду шли работы по наведению паромов и понтонных мостов. Построены они были врагом и в панике бегства только повреждены наспех, но не уничтожены. Собирали припасы для марша, сносили недавно построенные оборонительные сооружения, повернутые против Города. Перейдя Андуйн, войска двинулись по широкой прямой дороге, некогда соединявшей Крепость Заходящего солнца с Крепостью Восходящей Луны — теперь

это был Минас Моргул. Первую стоянку объявили милях в пяти за Осгилиатом.

Всадники же продолжали идти вперед и еще до вечера достигли Перекрестка. Вокруг все словно вымерло, и гнетущая тишина лежала под деревьями-великанами. Ни одна стрела не вылетела из чащи, но с каждым шагом напряжение нарастало. Деревья и камни, травы и листья — все словно затаилось и прислушивалось. Вдали за Андуином садилось солнце, и белые вершины гор розовели в лазури неба, но в Хмурых Горах клубилась тьма.

Арагорн выслал трубачей на каждую из четырех дорог, в тишине чисто протрубили трубы, и герольды возгласили на все стороны света о возвращении этих земель Правителю Гондора. По приказу Арагорна уродливую одноглазую голову сбросили с плеч каменного стража и разбили на части, а оплетенную белыми и желтыми цветами водрузили на место, предварительно стерев с нее злобные руны. Среди гондорцев раздались голоса, призывавшие разрушить Минас Моргул и через него ворваться в Страну Мрака.

— Может быть, — размышлял Имрахиль, — напасть на Черного Властелина легче через здешний перевал, чем через северные ворота?

Но Гэндальф остудил горячие головы. По его словам, в этой долине обитает незримое зло, наполняющее души живых людей безумием и ужасом.

— Кроме того, — напомнил он, — Фарамир говорил, что Хранитель выбрал именно эту дорогу, значит, к ней ни в коем случае нельзя привлекать внимание Черной Крепости.

Когда на следующий день на Перекрестке собрались все войска, решено было оставить здесь небольшой заслон на случай, если подойдут войска из Моргула или с юга. Состоял он в основном из лучников, хорошо знавших итилийские тропы. Они словно растворились в лесах и на склонах вокруг Перекрестка. Гэндальф и Арагорн с передовым отрядом прошли вперед к Моргульской долине и теперь стояли молча, глядя на злобный город.

Крепость была темна и безжизненна: орков истребили, назгулы улетели. Но самый воздух долины дышал страхом и зло-

бой. Имрахиль приказал разрушить мост через отравленный ручей и выжечь ядовитые луга по берегам. Войска двинулись дальше.

Весь следующий день, третий после выхода из Минас Тирита, войска двигались по дороге на север. От Перекрестка до Мораннона было около двух сотен миль, и никто не мог предугадать, что ждет их на этом пути... Шли открыто, но осторожно, выдвинув далеко вперед авангард конных разведчиков. Фланги прикрывали усиленные линии пехоты. Погода благоприятствовала кампании, с запада дул ровный ветер, но тоскливые туманы ему сопротивлялись. Какая-то противная хмарь повисла над предгорьями Хмурых Гор. За их близкими отрогами порой вставали огромные дымы и долго клубились в воздухе, не разлетаясь по ветру.

Время от времени по знаку Гэндальфа звучали трубы и герольды возглашали:

— Слушайте правителей Гондора! Слушайте и покоряйтесь! Непокорные должны покинуть страну!

Имрахиль посоветовал изменить слова и вместо «правителей» говорить «Король Элессар».

— Это на самом деле так, — объяснил он, — а имя «Элессар» заставит Врага задуматься. — И с этого момента трижды в день герольды возглашали имя Короля Элессара. Но никто не отвечал им.

Вроде бы все вокруг было спокойно, но тревога не уходила. Все, даже самые храбрые, испытывали подавленность, и с каждой пройденной на север милей предчувствие опасности становилось все сильнее. Кончался второй день пути от Перекрестка, когда случилась первая стычка.

Большая ватага орков и вастаков попыталась устроить засаду в том самом месте, где Фарамир разбил харадримов. Но разведчики, искусные воины с Хеннет Аннун, которых вел Маблунг, оказались начеку, и нападавшие сами попали в ловушку. Всадники обогнули их с запада и, опрокинув одновременной атакой с фланга и с тыла, заставили искать спасения на скалах.

Но маленький успех никого не обманул.

— Это ложный выпад, — сказал Арагорн. — Нас заманивают подалее, прикидываясь неготовыми к бою.

С этого вечера снова появились назгулы и уже не оставляли войска, внимательно наблюдая за всеми маневрами. Они были высоко, разглядеть их удавалось только Леголасу, зато присутствие их ощущали все. Глубже становились тени, солнце тускло. Призраки Кольца пока не подавали голоса, но липкий страх, вызванный их постоянным кружением в небе, никак не удавалось стряхнуть.

Время шло, и неспешно подвигался к концу безнадежный поход. На четвертый день пути от Перекрестка (и на шестой — от Минас Тирита) обжитые земли кончились. Дальше, до самого ущелья, ведущего к перевалу Кирит Горгор, простиралась пустыня. На северо-западе легли болота. Местность была так безотраднa, такая тоска брала за душу, что многие воины, для которых Мордор раньше был только страшной сказкой, не смогли идти дальше. Труднее всех приходилось молодым рохиримам из дальнего Вестфолда и мирным земледельцам Лоссарнаха. Один вид Страны Мрака, раскинувшейся перед ними, наполнял неопытные сердца трепетом.

Арагорн глядел на них скорее с жалостью, чем с гневом.

— Возвращайтесь, — сказал он им, — но сохраняйте честь и достоинство воинов. Не бегите! И, чтобы не стыдно было перед самими собой, попытайтесь отбить у врага и удержать Кеир Андрос. Этим вы защитите и Рохан, и Гондор.

Кое-кто сумел преодолеть страх и отважился продолжать поход, но многие ушли, радуясь, что могут принести посильную пользу. После их ухода, не считая отряда, оставленного у Перекрестка, войска насчитывали едва ли шесть тысяч человек. Слишком мало, чтобы бросить вызов Черным Воротам и всей мощи Мордора.

Отсутствие врагов настораживало. Арагорн неспешным маршем вел войска вперед, следя, чтобы отдельные отряды не отставали. На исходе пятого дня пути от долины Моргула они

разбили лагерь, окружив стоянку кострами. Но мало кому удалось заснуть в эту ночь. Повсюду чудились какие-то блуждающие тени. Во мраке завывали волки. Ветер утих, воздух стал абсолютно неподвижным. Молодой месяц на ясном небе временами окутывал не то туман, не то дым, сочащийся из ям и трещин в земле.

К утру резко похолодало. Поднялся северный ветер. Его порывы постепенно усиливались. Ночные призраки исчезли, местность совсем опустела. К северу тянулись опаленные холмы и дымящиеся провалы; с юга, и теперь уже совсем близко, высились Черные Ворота с высокими темными башнями по сторонам. На последнем переходе войска Запада, покинув старую дорогу, свернули на восток и теперь приближались к Мораннону с северо-запада, как когда-то приближался и Фродо.

Огромные створы Черных Ворот были плотно закрыты. На бастионах — никакого движения. Кругом царило выжидающее молчание. Люди понимали, что достигли конца своего отчаянного пути. Отряды, стоявшие в холодном предрассветном сумраке перед огромными стенами и башнями Мораннона, казались особенно жалкими и одинокими. Все ясно видели, что воинам Запада никогда не взять эти стены и башни, даже если бы они привели с собой могучие осадные машины, а у Врага не было бы других войск, кроме охранявших Ворота. А другие войска у него, конечно же, были. В холмах и скалах вокруг Мораннона ощущалась затаившаяся злоба, темное ущелье дышало ненавистью. В довершение ко всему над башнями, словно коршуны, поднялись и собрались в стаю назгулы. Недостигаемые для стрел, с высоты они внимательно следили за всем, что происходило внизу. Враг все еще выжидал.

Оставалось довести задуманное до конца. Арагорн расположил войска на двух больших холмах, между ними и Моранноном тянулось обширное зловонное болото. Потом вожди Запада выехали к Воротам. С ними были знаменосцы, трубачи и герольды. Впереди ехал Гэндальф, за ним Арагорн с сыновьями Элронда, Йомер и Имрахиль. Их сопровождали Леголас, Гимли

и Перегрин. Маг хотел, чтобы у Ворот собрались представители всех врагов Мордора.

Они приблизились к Мораннону на расстояние голоса. Знамена развернулись, затрубили трубы, а когда они смолкли, вперед выступили герольды.

— Выходите! — вскричали они. — Пусть Темный Властелин выйдет к нам. Мы призываем его к ответу! Он незаконно шел войной на Гондор и занял его земли. Король Гондора требует, чтобы он исправил содеянное им зло и ушел навсегда. Пусть он выйдет!

Но крепость никак не отвечала на эти призывы. Саурон хотел сначала поиграть со своей добычей и только потом нанести смертельный удар. Всадники уже решили повернуть обратно, но в этот миг раздался рокот барабанов, оглушительно взревели трубы. Средние створы Ворот распахнулись и выпустили посольство Черной Крепости.

Впереди выступал черный конь (да конь ли в самом деле?), огромный и страшный, с мордой, походившей скорее на оскаленный череп, еще и огнедышащий в придачу. Под стать коню был и всадник, с головы до ног одетый в черное. Но это был не Призрак Кольца, а вполне живой человек. Давний Наместник Барад Дура забыл даже свое имя и сам себя называл Голосом Саурона. Рассказывали, что родом он был из Нуменора, из тех Людей, что возлюбили темное знание и добровольно подчинились Саурону. Жестокостью он превосходил любого орка.

Его сопровождал небольшой отряд воинов под черным знаменем с изображением Багрового Ока. Не доезжая нескольких шагов до всадников, предводитель остановился, окинул их презрительным взглядом и рассмеялся.

— Ну, кто тут из вас достаточно знатен, чтобы говорить со мной? — спросил он. — Или хотя бы достаточно умен, чтобы понять меня? Уж не ты, конечно! — насмешливо кивнул он на Арагорна. — Чтобы стать настоящим вождем, мало куска эльфийского стекла, а такой сброд вместо войска способен набрать любой бродяга!

Арагорн не сказал ни слова, но поймал его взгляд и некоторое время удерживал. Прошла минута, Арагорн не шевель-

нулся и не притронулся к оружию, но посланец Мордора вдруг вскрикнул и отшатнулся, словно от удара.

— Я глашатай и посол, на меня нельзя нападать! — закричал он.

— Там, где этот закон соблюдается, — медленно проговорил Гэндальф, — послы не ведут себя так нагло. Но никто не угрожает тебе. Делай свое дело и не бойся нас. Однако, если твой господин не стал умнее, то тебе, как и всем его рабам, грозит большая опасность.

— Ах, вот оно что! — воскликнул посланец. — Значит, говорить будешь ты, старик? Мы и раньше слыхали о тебе, знаем, что ты бродишь вокруг и строишь козни. Но на этот раз ты сунул нос слишком далеко, почтенный Гэндальф, и сейчас увидишь, что бывает с теми, кто плетет интриги против Саурона Великого. У меня есть кое-что показать вам, особенно тебе, раз ты посмел явиться. — Он кивнул одному из воинов, и тот подал ему какой-то сверток из черной ткани.

Посланец Мордора сдернул ткань и показал им сначала короткий Сэмов меч, потом серый плащ с эльфийской пряжкой и, наконец, кольчугу из мифрила. При виде этих предметов у многих, стоявших перед Воротами, потемнело в глазах, и последний луч надежды погас. Пиппин, до сих пор прятавшийся за спиной Имрахилия, отчаянно вскрикнул и рванулся вперед.

— Молчи! — сурово приказал Гэндальф, отгаскивая его, но черный посланец громко рассмеялся.

— Так у вас есть и еще один такой! — вскричал он. — Не знаю, зачем они вам, но послать их шпионами в Мордор мог только безумец. Ну хоть на одно он сгодился. Теперь ясно, что все это он видел и раньше, так что теперь не отвертитесь. Вам эти вещи тоже знакомы.

— Конечно, — спокойно произнес Гэндальф, — я-то знаю их историю, а вот ты, я вижу, с ней не знаком. Зачем ты принес их сюда?

— Кольчуга гномов, эльфийский плащ, меч павшего Запада и шпион из ничтожного Шира... Ага, вздрогнули! — мы хорошо знаем их, — вот признаки заговора! Может, вам и не нужна та маленькая тварь, которой принадлежат эти вещи, а может,

наоборот, она дорога вам? Если так, поразмыслите, коли способны на это! Саурон не любит шпионов, и судьба этой твари будет зависеть от вашего выбора.

Ему никто не ответил, но бледность лиц и ужас в глазах были красноречивей слов. Снова послышался его скрежещущий смех.

— Так, так! А малыш был вам дорог, как я вижу. Да и дело у него было серьезное, а? Но сорвалось. Теперь его ждут годы медленных мучений. Мы уж постараемся, чтобы они не скоро кончились. Вы его больше не увидите, разве что его сломают и переделают, а тогда уж я не забуду отправить его к вам. И это обязательно будет, если вы не примете условий моего Повелителя.

— Назови условия, — голос у Гэндальфа был твердый, но стоявшие поблизости видели в глазах мага тревогу и вдруг заметили, что он стар, потрясен и разбит. Они не сомневались: маг согласится, что бы ему ни предложили.

А условия были тяжелыми. Войскам Гондора и его союзникам предлагалось немедленно отойти за Андуин, предварительно поклявшись не выступать против Саурона ни явно, ни тайно. Весь Итилиен навсегда отходил к Саурону, а все страны западнее Реки до Мглистых Гор и до Гривы Роухана обязывались сложить оружие и платить Мордору тяжелую дань. Они обязывались восстановить также разрушенный Изенгард.

— Он станет владениями наместника Саурона, — сказал посланец, — но это будет не Саруман — он оказался недостойным, — а другой, кому Владыка доверяет больше. — И все поняли, что этим наместником будет он сам. И они поняли также, что условия Саурона означают рабство для Запада на вечные времена. В этот момент неожиданно прозвучал ответ мага:

— Слишком много вы хотите в обмен на одного пленника! Столько твой господин мог бы получить только ценою долгой войны. Или на полях Гондора он потерял надежду на победу? А если ценить этого пленника так высоко, то где залог, что Саурон, великий обманщик и предатель, выполнит свои обязательства? Где пленник? Приведи его и отдай нам, тогда и обсудим условия.

И тут Гэндальфу, не сводившему глаз с посланца, показалось, что на одно мгновение тот растерялся и смехом попытался скрыть это.

— Остерегайся говорить дерзко с Голосом Саурана! — вскричал он. — Ты требуешь залога? Саурон не дает их. Если ты ищешь его милостей, выполняй его требования. Условия вам известны. Поступайте теперь как хотите!

— Вот как мы поступим, — произнес вдруг Гэндальф. Он распахнул плащ, и яркая белизна одежд сверкнула в этом мрачном месте подобно обнаженному мечу. От его воздетой руки посланец попятился, а маг подошел и просто отобрал у него кольчугу, меч и плащ. — Это мы возьмем в память о нашем друге, — просто сказал он. — А ваши условия отвергаем бесповоротно. Уходи, твое посольство окончено, и смерть теперь ближе к тебе, чем когда-либо. Мы пришли сюда не для того, чтобы пререкаться с подлым Сауроном, а тем более — с его рабами. Уходи!

Посланец Мордора не смеялся больше. От гнева и изумления лицо его исказилось и стало похоже на морду дикого зверя, у которого из-под носа увели добычу. От ярости он издавал странные сдавленные звуки. Но страх в нем был сильнее гнева. Вскрикнув, он повернул коня и помчался обратно. Его воины тоже повернули коней и затрубили условный сигнал. Они еще не достигли Ворот, а ловушка Саурана уже захлопнулась.

Оглушительный грохот барабанов обрушился на равнину. Ворота Мораннона распахнулись настежь, исторгнув огромное войско, хлынувшее волной. Вожди Запада поспешно вернулись к войскам. Пыль тучей поднялась в воздух, когда с востока кинулись толпы, до этого скрывавшиеся в тени Пепельных Гор. Со склонов по обе стороны Мораннона стекали бесчисленные потоки орков. Армия Запада оказалась окруженной, враги превосходили их численностью в десятки раз. Саурон схватил приманку мертвой хваткой.

Арагорн едва успевал отдавать приказы. Он стоял с Гэндальфом на одном из холмов, и над ними развевалось знамя с Древом и Звездами, на другом холме рядом плескались зна-

мена Рохана и Дол Амрота: Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый из холмов оцетинился во все стороны мечами и копьями. Впереди, лицом к Мораннону, стояли сыновья Элронда, слева от них — дунаданы Арагорна, а справа — Имрахиль со своими воинами.

Подул ветер, и звуки труб слились со свистом стрел. Солнце окуталось дымом и покраснело, словно перед закатом, а из мрака вверх слетали, злобно рыча, назгулы, и гибельные взмахи их крыльев гасили последнюю надежду в сердцах.

Когда Гэндальф отверг условия Мордора и тем самым обрек Фродо на несказанные муки, Пиппин содрогнулся от ужаса, но потом овладел собой и теперь, стоя рядом с Берегондом в первом ряду воинов Гондора, хотел только умереть, раз уж все погибло.

— Хорошо бы Мерри был здесь, — бормотал он, глядя, как на них надвигаются вражеские полчища. — Теперь я понимаю несчастного Денетора. Мы с Мерри могли бы умереть вместе. Но раз нет, значит, нет. Надеюсь, что его смерть будет легче. А я сделаю, что смогу, пусть даже это будет и не так много.

Он обнажил меч и всмотрелся в красные с золотом руны, начертанные на клинке. «Эх, — подумалось ему, — вот для кого он выкован — для этой образины, что похвалялась тут. Кабы я мог убить его, тогда, глядишь, и сравнялся бы с Мерри. Ну что ж... видно, не судьба мне прославиться. Не пропадать же даром такому клинку. Хоть пару этих вражин я свалю. Хотелось бы мне еще разок увидеть солнышко и травку в Шире!»

В этот миг на них обрушилась первая волна атакующих. Правда, передовые орки приостановились, влетев в болото перед холмами, и только осыпали осажденных градом стрел. Но за ними спешили, рыча как звери, горные тролли — огромные, покрытые твердой чешуйчатой шкурой, — они держали в руках круглые черные щиты и тяжелые молоты. Болото не задержало их. Как буря налетели они на воинов Гондора и схватились с ними врукопашную. Берегонд от страшного удара зашатался и упал, а тролль, сваливший его, наклонился, протягивая жадные лапы. У этих гнусных созданий в обычае было перегрызать горло поверженным врагам.

Пиппин завизжал и изо всех сил ударил тролля мечом снизу вверх. Украшенный нуменорскими рунами клинок неожиданно легко пронзил грубую шкуру и глубоко вошел в огромное тело, отворив целый фонтан черной крови. Троль покачнулся и рухнул, как утес, прямо на Берегонда и Пиппина. Мрак и боль захлестнули хоббита, и он ощутил, что проваливается в бездонную тьму.

«Значит, это и есть конец?» — успел подумать он и засмеялся, радуясь, что страхи и тревоги кончились. Но перед тем как окончательно кануть в забвенье, он еще услышал, словно из далекого прошлого, чей-то знакомый голос, кричавший: «Орлы! Орлы летят!»

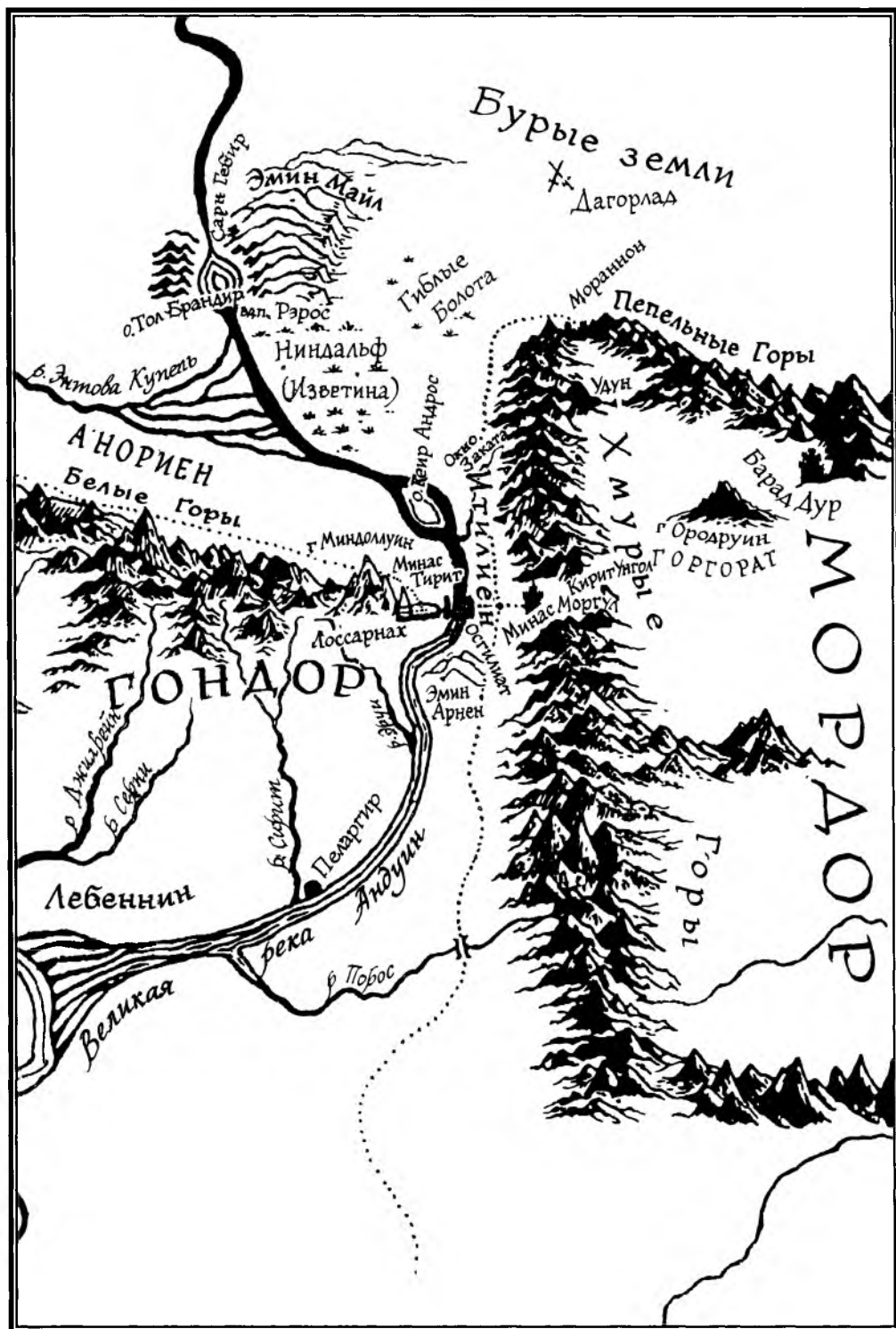
На мгновение Пиппин словно задержался на пороге безпамятства. «Бильбо! — мелькнула мысль. — Это из его сказки. Хотя нет, из моей. И она кончилась. Прощайте все!» И мир для него исчез.

КНИГА VI

Глава I КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ

Сэм с трудом поднялся. В первую минуту он не мог вспомнить, где находится, а потом весь ужас и отчаяние разом нахлынули на него. Прямо перед ним в глубокой тени виселись закрытые ворота крепости орков. Он помнил, как в отчаянии и ярости бросился на них, но что было дальше и сколько он пролежал здесь? Дрожа от холода, он подполз к воротам и приник к ним ухом.

Где-то за стенами ему слышались голоса орков, но вскоре они отдалились или стихли. Преодолевая головную боль и радужные искры в глазах, Сэм заставил себя успокоиться и подумать. Не было времени ждать, пока ворота снова откроются. Надо спасти друга, даже если для этого придется погибнуть.

— Погибнуть — это скорее всего, да и легче гораздо, — мрачно сказал он себе, вкладывая в ножны Шершень. Медленно, почти ощупью, он вернулся в подземный ход, не решаясь достать подарок Галадриэли. Он шел и пытался обдумать все то, что произошло с ним после Перекрестка. Интересно, какое время дня сейчас?.. И какой день? Скорее всего завтра уже наступило, а может, и послезавтра... Он потерял счет дням в Стране Мрака, где время течет иначе, а всякий, переступивший ее границы, перестает существовать для оставшихся в мире.

— Интересно, что у них там делается? — Он неопределенно махнул рукой перед собой. Но здесь, в подземельях Шелоб, он стоял теперь лицом на юг, а не на запад.

На западе же, в широком мире, приближался к полудню четырнадцатый день марта. Там Арагорн вел черный флот от Пеларгира, Мерри скакал по древней дороге с рохирримами, в Минас Тирите вздымалось пламя, и Пиппин видел растущее безумие в глазах Денетора. Но среди всех этих тревог мысли друзей непрестанно обращались к Фродо и Сэму. О них не забывали, но друзья были слишком далеко, и мысли их не могли помочь Сэму. Он был совсем один.

Медленно вернулся он к каменной двери орочьего туннеля, так и не найдя запоров, снова перелез через нее и спрыгнул на землю, а потом доплелся до устья пещеры, где все еще шевелились и развевались под холодным ветром лохмотья страшной паутины Шелоб. После душного мрака, оставшегося позади, Сэма прохватила дрожь, но дыхание ветра было живительным. Хоббит осторожно выполз наружу. Кругом стояла зловещая тишина. Сумеречный свет ненастного дня приглушали тучи, летевшие из Мордора на запад.

Сэм смотрел на крепость. Внезапный огонь, промелькнувший в окнах башни, сделал их похожими на страшные красные глаза. Может быть, это был сигнал... Недавнее возбуждение спало, и вернулся страх перед орками. Но сколько ни раздумывай, путь был один-единственный: надо искать вход в ужасную башню. Ноги у хоббита подкашивались, но все же, настороженно прислушиваясь и вглядываясь в густые тени утесов у тропы, он

миновал место, где упал Фродо и еще чувствовался мерзкий запах Шелоб, и там, где ему повстречался отряд Шаграта и пришлось надеть Кольцо, остановился и сел. Казалось, двигаться дальше нет сил. За перевалом начиналась земля Мордора, и Сэм чувствовал, что оттуда уже не будет возврата.

Бездумно он достал Кольцо и снова надел его. Оно было тяжелым, и все сильнее и настойчивей чувствовал Сэм злобный взгляд. Око Мордора искало его, силясь проникнуть сквозь мглу, созданную для своей же защиты, а сейчас ставшую помехой, источником тревог и сомнений.

Как и прежде, слух мгновенно обострился, но мир словно выцвел и подернулся дымкой. Издали доносились стенания раненой Шелоб, но их заглушали крики и лязг металла. Сэм вскочил на ноги и прижался к утесу у края тропы. Ему показалось, что на подходе еще один отряд орков, но слух, усиленный Кольцом, обманул его: крики доносились из башни, левый зубец которой был теперь прямо у него над головой. Там творилось что-то недоброе. Может быть, несмотря на приказ, жестокость орков взяла верх, и они мучают Фродо или даже рвут его на части! Но чем дальше он вслушивался, тем сильнее разгоралась в нем искра надежды. В башне, несомненно, шла драка, орки ссорились между собой. Видно, отряды Шаграта и Горбага что-то не поделили. Сэм больше не колебался и с криком «Я иду, Фродо!» побежал к вершине перевала. Тропа сразу же свернула влево и пошла круто вниз. Сэм вступил на землю Мордора.

Ощущая смутную опасность, он снял Кольцо.

— Лучше уж видеть, пусть хоть самое худшее, чем спотыкаться в тумане, — пробормотал он.

Суровая, мрачная и безотрадная страна простиралась перед ним. У самых ног хоббита гребень Хмурых Гор круто обрывался в темное ущелье, по другую его сторону вставал хребет Моргэй, страшное внутреннее кольцо, ограждающее страну, — хребет, скалящийся черными утесами на фоне багровых отсветов. Далеко впереди, за обширным озером мрака, словно пылал гигантский костер. Над ним стояли столбы дыма, тускло-красные у основания и угольно-черные вверху, там, где они

сливались с клубящимся покровом, нависшим над всей проклятой страной. Это был Ородруин, Огненная Гора. По временам пламя в глубинах ее пепельного конуса разгоралось ярче, и из трещин в склонах выплескивались огненные реки. Горящие потоки текли к Барад Дуру, извивались по каменной равнине, застывая, становились похожими на огромных скрюченных драконов, извергнутых измученной землей.

Роковая Гора трудилась вовсю. Огонь, рвавшийся из земных недр, окрашивал угольно-черные скалы в цвет запекшейся крови.

В этих угрюмых сполохах Сэм стоял, окаменев от ужаса, потому что только теперь охватил взглядом всю могучую крепость КириТ Унгол. Рог, возвышавшийся над перевалом, был только самой высокой из ее башен. С востока крепость вздымалась тремя большими террасами, с запада приникала к огромному утесу, облепив его ярусами бастионов. Футах в двухстах внизу зубчатая стена окружала темное пространство. Юго-восточные ворота выходили на широкую дорогу. Она петлями спускалась вниз по краю пропасти, а потом сворачивала на юг и соединялась с дорогой на Моргульский перевал. Потом, через ущелье Моргэй, уходила к Горгоратской равнине и дальше к крепости Барад Дур. Тропа, на которой стоял Сэм, крутыми уступами падала вниз, к хмурым воротам крепости.

Сэм разглядывал грозную крепость и неожиданно понял, что она не столько преграждает дорогу в Мордор, сколько закрывает выход оттуда. Он вспомнил, что это одно из древних гондорских укреплений, восточный форпост обороны Итилиена времен Последнего Союза, когда Люди Запада стерегли страну Саурона, не давая злу вырваться в мир. Но внимание стражей ослабело, и Темный Властелин коварством овладел крепостью. Когда Саурон снова обосновался в Мордоре, крепость понадобилась ему, чтобы не дать своим рабам вырваться на свободу. Она же вставала на пути тех, кому удалось бы ускользнуть от бдительности Ока и алчных лап Шелоб.

Сэм ясно понимал, как мало у него шансов миновать ворота. А если даже он и пройдет, дорога внизу наверняка охра-

няется; черные тени утесов не скроют от орков, видящих в темноте. Но как ни страшна дорога, его задача еще страшнее — не избежать ворот, а войти в них, да еще одному.

Кольцо не помогало, а только усиливало тревогу. На виду у Ородруина, возле великого пламени, в котором Оно родилось, сила и власть Кольца росли. Только могучая воля могла укротить Его. Чувствуя тяжесть на шее, Сэм ощущал себя словно одетым в собственную огромную искаженную тень, зловещей угрозой нависшую над Мордором. Либо терпеть Кольцо, как бы Оно ни терзало его, либо объявить своим и бросить вызов силе в мрачной крепости по ту сторону долины теней. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэмиус Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад Дур, вот уже разошлись тучи, засияло солнце, и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами. Надо только надеть Кольцо, объявить себя Его хозяином, и все сбудется!

В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Среднеземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они оказались не только приманкой Врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство — вот что ему нужно. Ему достаточно своих рук, он не привык полагаться на других.

— Эти мечты — один обман, — ворчал он. — Если я надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он увидит и прикончит меня. Не стоит и пробовать. Может, и хорошо быть невидимым, да только уж лучше так... Хватит рассуждать, идти надо, — прикрикнул он на себя, передернул плечами, словно стряхивая искушавшие его видения и тени, и медленно пошел вниз. С каждым шагом он словно становился меньше, и уже через несколько минут на тропе остался просто испуганный маленький хоббит. Теперь и без помощи Кольца он слышал за стеной крепости крики и шум сражения.

Сэм был уже на полпути между тропой и воротами крепости, когда оттуда выскочили два орка. Даже не взглянув по сторонам, они бросились к главной дороге, но, не сделав и десяти шагов, споткнулись, упали и остались лежать неподвижно. Сэм не видел стрел, но понял, что они могли вылететь только из ворот крепости. В тени стены он не особенно боялся, что его заметят, его смущало другое. В каменной кладке, поднимавшейся перед ним футами в тридцати, не было видно ни трещинки, ни выступа. Нечего было и думать перелезть через нее. К тому же заканчивалась она выступающим широким карнизом. Оставались только ворота.

Потихоньку приближаясь к ним, Сэм прикидывал, сколько же орков может быть в крепости. В отряде Шаграта было около сорока, вдвое меньше, чем у Горбага. Но отряд Шаграта была частью гарнизона. Непонятно, из-за чего они могли сцепиться между собой. Как ни гнал Сэм от себя эту мысль, но никакой другой причины, кроме имущества своего хозяина и самого Фродо, он придумать не мог. Сэм стал вспоминать, что у Фродо было с собой, и вдруг его прошиб холодный пот. «Да ведь на Фродо кольчуга из мифрила!» — вспомнил он. А уж это ли не ценность для орков! Конечно, кто-то из них попытался завладеть ею, а другим это не понравилось. Перед таким искушением эти лиходеи забудут даже приказы Черной крепости, а они одни только и охраняли жизнь Фродо до сих пор.

— Ну же, не трусь! — прикрикнул на себя Сэм. — Давай, надо идти. — С этими словами он выхватил из ножен Шершень и кинулся к открытым воротам. Но, миновав высокую арку, он с размаху натолкнулся на невидимое препятствие. Что-то, куда сильнее его, преграждало путь. Сэм беспомощно оглянулся по сторонам и только тут заметил в тени ворот Стражей. Это были огромные каменные истуканы: три сросшихся тела, три головы с лицами, обращенными на дорогу, внутрь крепости и на ворота. Стражи сидели на каменных тронах, их когтистые руки были сложены на коленях, каменные лица, напоминавшие хищных птиц, были озарены внутренней жизнью злобного бдительного духа. Стражи знали, кто их враг. Зримый или незримый, он не смог бы ни войти, ни выйти.

Сэм собрал все силы и рванулся вперед, но не продвинулся ни на дюйм. Тогда с мрачным отчаянием он медленно достал из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его вверх. Жемчужно-белый свет засиял, разгоняя тени под сводами, и ярко осветил уродливые лица и фигуры Стражей. Сэм успел уловить в их глазах злобное выражение и похолодел от страха, но тут же почувствовал, что злая воля, преграждавшая путь, тает и обращается в ничто. И тогда он снова ринулся вперед.

Миновав ворота и спрятав чудесный дар Владычицы Лориена на груди, он сразу почувствовал выросшую за спиной незримую стену. В тот же миг изваяния испустили короткий пронзительный вопль, эхом отдавшийся в каменных стенах. В ответ, высоко вверх, прозвучал одинокий дребезжащий удар колокола. Сэм был внутри крепости Кирит Унгол.

— Ну вот, — проворчал он, — я и позвонил у дверей. Эй вы, там! — закричал он, с трудом заставляя голос не дрожать. — Скажите Шаграту, что явился великий воин, эльф с волшебным мечом!

Но ему не ответили. Сэм шагнул вперед, сжимая в руке полыхавший синим огнем Шершень, и споткнулся обо что-то мягкое. Свету было мало, и он не сразу заметил, что весь внутренний двор крепости усеян трупами орков. Возле самых его ног валялись двое орков-стрелков, в спинах у обоих торчали ножи. Дальше лежали кто в одиночку, там, где свалил его меч или стрела, кто по двое, еще вцепившись друг в друга... Все погибли в яростной схватке, до последнего вздоха рубя, душа, кусая. Камни были скользкими от черной крови.

Сэм заметил, что орки были одеты по-разному: у одних на одежде был знак Багрового Ока, у других — Лунного Лица, но он не стал останавливаться и присматриваться. По ту сторону двора, у подножия башни, была большая полуоткрытая дверь, оттуда исходило красноватое свечение. На пороге валялся мертвый орк. Сэм перешагнул через него и вошел, растерянно оглядываясь.

Широкий гулкий коридор вел от двери внутрь. Он был тускло освещен факелами, горевшими в канделябрах по стенам,

но дальний конец коридора тонул во мраке. По обеим сторонам располагалось множество дверей и проемов, но, кроме двух-трех валявшихся на полу трупов, там было пусто. Из того, что Сэм подслушал в разговоре предводителей отрядов, он знал, что Фродо, живого или мертвого, нужно искать где-то на самом верху башни, но где именно?

— Наверное, ближе к задней стене, — пробормотал Сэм. — Вся крепость карабкается чем дальше от входа, тем выше. И, уж во всяком случае, надо придерживаться факелов.

Он двинулся по коридору. Шаги гулко отдавались в тишине, напоминая шлепанье огромных ладоней по камню. Одиночество, трупы, сырые черные стены, словно окровавленные в отсветах факелов, страх подстерегающей в тени или за дверью смерти, а в глубине души — ощущение зоркой злобы, поджидающей у ворот, — это было слишком для Сэмовых сил. Он предпочел бы открытую схватку, лишь бы врагов было не очень много сразу. Он заставил себя думать о Фродо, лежащем где-то здесь, о Фродо, связанном, раненом или мертвом. Миновав освещенное факелами пространство, он приблизился к большой сводчатой двери в конце коридора — как он правильно догадался, это была внутренняя сторона нижних ворот, — и тут вдруг наверху раздался ужасающий хриплый вопль. Сэм так и застыл на месте. Потом он услышал приближающиеся шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице сверху.

Воля Сэма не смогла остановить его руку, потянувшуюся к цепочке Кольца. Но он не успел надеть Его: в тот самый миг, когда пальцы охватили цепь, по лестнице с лязгом и стуком скатился орк. Выскочив из темной ниши справа, он бежал прямо на Сэма и заметил его, только когда был шагах в шести. Не маленького испуганного хоббита увидел он перед собой, а высокую, темную, безмолвную тень со сверкающим длинным мечом в одной руке; в другой, прижатой к груди, скрывалась могучая и страшная угроза, для которой не было названия.

Орк, согнувшись от ужаса, с пронзительным воплем повернулся и бросился обратно. Сэм, донельзя обрадованный своей неожиданной победой, заорал и погнался за врагом.

— Ага! Что, видели эльфа-воина! — кричал он. — Я иду! А ну, покажи мне дорогу наверх, или я изрублю тебя в куски!

Но орк был у себя дома, сытый и бодрый, а Сэм, голодный и утомленный, едва добрался сюда. Крутая лестница вислась нескончаемо, и Сэм начал задыхаться. Орк исчез из виду, лишь слабый топот слышался все дальше и дальше. Орк вопил от страха, и стены отзывались эхом. Но постепенно все звуки затихли.

Сэм не останавливался. Он чувствовал, что идет верным путем, и это очень его подбадривало. Спрятав Кольцо и затянув пояс, он сказал себе:

— Ну-ну, если они все так боятся нас с Шершнем, то дело-то, может, еще и выгорит. Сдается мне, что Шаграт и Горбаг сделали за меня почти всю работу. Кроме этой испуганной крысы, никого живого не видеть.

И тут он резко остановился, словно стукнувшись о каменную стену. До него дошел смысл собственных слов: никого живого! Чей же это вопль он слышал?

— Фродо! Фродо, друг мой! — вскричал Сэм, почти рыдая. — Если тебя убили, что я буду делать? Я здесь, я пришел наконец! — И он бросился наверх, как на крыльях.

Лестница все поднималась и поднималась. Было темно, только изредка на повороте или на площадке встречались одинокие факелы. Сэм пытался считать ступеньки, но после двухсотой сбился. Теперь он шел тихо; ему казалось, что он слышит голоса где-то выше. Видно, в живых осталась не одна крыса. И вдруг, когда силы уже совсем покидали его, лестница кончилась. Он остановился. Голоса раздавались теперь близко и отчетливо. Сэм огляделся. Он стоял на плоской крыше третьего, самого высокого яруса башни. Это была открытая площадка ярдов двадцати в диаметре, обнесенная низким парапетом. Лестница оканчивалась в маленькой сводчатой камере с низкими дверями на восток и на запад. На востоке Сэм увидел темную равнину Мордора и огненную Гору вдали. Из ее мрачных недр снова изливались багровые реки, пылавшие столь ярко, что даже на таком расстоянии по стенам башни трепетали блики.

Вид на запад закрывало основание башни, вершина которой поднималась над гребнями окружающих гор. В узкое окошко проникал свет. В десяти ярдах от себя Сэм увидел другую дверь, поменьше. Именно оттуда и доносились голоса. Но Сэм не сразу их услышал, пораженный зрелищем, которое открылось внизу. Весь двор был усеян трупами орков, отрубленными головами, руками, ногами. Запах смерти стоял в воздухе. Яростное рычание, удары и крики заставили Сэма снова отскочить в укрытие. Раздался гневный голос, который он узнал сразу: это мог быть только Шаграт, начальник крепости.

— Так ты говоришь, что больше не пойдешь туда, а? Будь ты проклят, Снага, гнусный червяк! Ты думаешь, раз я ранен, можно меня не слушать? Так ты ошибаешься! Подойди, я тебе глаза вырву, как сейчас Радбугу. А когда придет смена, уж я с тобой посчитаюсь. Отправляю к Шелоб, так и знай!

— Смена не придет, а если придет, то ты ее не дождешься, — огрызнулся Снага. — Я же говорил тебе, что Горбаговы скоты подошли первыми к воротам, а из наших никто не успел выйти. Выбежали только Лагдуф и Музгаш, и их застрелили. Я видел из окна.

— Значит, теперь твоя очередь, а я останусь, потому что ранен. Погибель на этого гнусного изменника Горбага! — Шаграт забормотал сплошные проклятия. — Я угостил его лучше, чем он меня, но, пока я душил его, он успел ударить кинжалом, скотина! Иди! Иди, или я тебя съем! Нужно немедленно дать знать в Лагбур, иначе мы оба попадем в Черную Яму. Да, да, и ты тоже. Не надейся отсидеться здесь!

— Я не пойду вниз! — прорычал Снага. — Мне плевать — начальник ты или нет! А ну, брось кинжал, а то получишь стрелу в бок! Тебе недолго осталось командовать. Как только Они услышат обо всем, что здесь случилось, тебе конец. Я защищал башню от этих моргульских крыс, а вы, двое начальников, все испортили, подравшись из-за добычи!

— Хватит! — резко оборвал его Шаграт. — У меня был приказ. Начал Горбаг, когда хотел стащить эту красивую рубашку.

— Да. А ты свалил его! Хотя ты и сильнее, а он был умнее тебя. Он же говорил тебе, что самый опасный из них еще на свободе, а ты не хотел слушать. И сейчас не хочешь. Горбаг был прав, говорю тебе! Тут, в крепости, могучий воин, один из этих кровожадных эльфов, а может, даже — *тарк**. Он здесь, говорю тебе! Ты слышал колокол? Он прошел мимо Стражей, а кто, кроме тарка, мог это сделать? Сейчас он на лестнице. И пока он не уйдет, я не спущусь, будь ты хоть назгулом!

— А, вот ты как! — зашелся от гнева Шаграт. — Это ты будешь делать, а то — нет? А когда он придет, сбежишь и бросишь меня? Ну уж нет!

Из двери башни выскочил давешний орк. За ним гнался Шаграт, огромный, с такими длинными руками, что на бегу они задевали пол. Но одна рука висела бессильно, из нее текла кровь; другой он прижимал к себе большой сверток. В красном свете Сэм, притаившийся за дверью, на мгновение увидел его свирепое лицо: оно было изодрано, словно острыми когтями, и вымазано кровью. С торчащих клыков капала пена, и он рычал, как дикий зверь. Сэм наблюдал, как Шаграт гонялся за Снагой по всему дворику, пока тот не кинулся обратно в башню и не скрылся там. Тогда Шаграт остановился. Сэм хорошо видел, как он стоит у парапета, тяжело дыша, сжимая и разжимая раненую лапу. Он положил свой сверток на пол, вытащил длинный кинжал и зачем-то поплевал на него. Потом перегнулся через парапет и дважды крикнул, но ответа не было.

И вдруг, пока Шаграт смотрел вниз, повернувшись спиной к площадке, Сэм с изумлением увидел, как одно из распростертых тел пошевелилось, а потом поползло. Оно протянуло когтистую лапу и вцепилось в сверток; шатаясь, поднялось. В другой руке у него был обломок копья с широким лезвием. Орк замахнулся для удара. Но в этот миг у него сквозь сжатые зубы вырвалось шипение не то от боли, не то от злобы. Шаграт мгновенно, как змея, отпрыгнул, обернулся и всадил кинжал в горло врагу.

— Вот тебе, Горбаг! — вскричал он. — Ты живой еще, да? Ну, я тебя прикончу!

* См. Приложение VI.

Горбаг рухнул как подкошенный. Удостоверившись, что тот мертв, Шаграт запрокинул голову и разразился хриплым, торжествующим воплем. Потом облизал кинжал, взял его в зубы и, подхватив сверток, заковылял к ближайшей двери на лестницу вниз.

У Сэма не оставалось времени на раздумья. С этим орком нельзя было долго играть в прятки, и Сэм совершил, наверное, самый удачный поступок в жизни: закричал и прыгнул навстречу Шаграту. Кольцо, пусть даже не надетое, ужасало всех рабов Мордора, в руке Сэм сжимал меч, поражавший орков нестерпимым блеском: так блестят безжалостные звезды в ужасной стране эльфов — сама мысль о них была кошмаром для всего проклятого племени. У Шаграта оставалась лишь одна рука и для защиты, и чтобы охранять свое сокровище. Он остановился и зарычал, оскалив клыки, потом, отскочив в сторону, как всегда делают орки, он сильно ткнул хоббита в лицо свертком, используя его и как щит, и как оружие. Сэм зашатался. Он еще не успел восстановить равновесие, а Шаграт уже метнулся мимо и поскакал вниз по лестнице.

Вскрикнув, Сэм кинулся было в погоню, но мысль о Фродо остановила его. Он вспомнил, что другой орк убежал в башню. Снова приходилось выбирать, а времени не было. Если Шаграт бежал, он вскоре вернется с подмогой. Но если гнаться за ним, другой орк может совершить в башне жуткое дело. К тому же Шаграта уже не догнать. Сэм повернулся и побежал наверх.

— Опять не так, наверное, — сказал он себе. — Но уж пусть я сначала поднимусь на самый верх, а там — будь что будет!

Далеко внизу Шаграт загремел, сбегая по лестнице, выбежал во двор и кинулся к воротам, не выпуская своей драгоценной добычи. Если бы Сэм знал, сколько горя принесет это бегство, он бы заплакал. Но он мог думать только о цели своих поисков. Осторожно приблизившись к дверям, он шагнул через порог. Внутри было темно, но справа мерцал тусклый свет. Это светилось окно, выходящее на другую лестницу, такую же темную и узкую; она поднималась спиралью, и где-то наверху горел огонь.

Сэм осторожно начал подниматься. Он достиг капающего

смолой факела, укрепленного над дверью напротив узкого окна на запад; это и был один из тех красных глаз, которые они с Фродо видели снизу, от начала подземного хода. Сэм быстро миновал дверь и поспешил на второй ярус, все время боясь, что сзади кто-нибудь накинется. Но вот лестница кончилась. Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон здесь было по низкой двери, но обе — запертые. И нигде ни звука!

— Карабкался, карабкался, — пробормотал Сэм, — и забрался в тупик. Но это — не вершина башни. Что-то же должно быть дальше?

Он спустился на один ярус и попробовал дверь. Она не поддавалась. Тогда он снова взбежал наверх, весь в поту. Минуты уходили одна за другой, а он ничего не мог сделать. Сэм не думал больше ни о Шаграте, ни о Снаге. Ему нужен был только Фродо: хоть один его взгляд или прикосновение.

Наконец, усталый, окончательно обескураженный, он сел на ступеньку и уронил голову на руки. Было тихо, странно тихо. Факел затрепетал и погас. Сэм почувствовал, что волны тьмы накрывают его с головой.

И тут, после всех напрасных поисков, во мраке отчаяния, Сэм, к собственному удивлению, начал тихонько петь. Голос у него был тонкий и дрожащий — голос одинокого, усталого, отчаявшегося хоббита, который ни один случайный орк не спутал бы с пением эльфийского воина. Он мурлыкал старые детские песенки, отрывки из песен, сочиненных Бильбо, мелькавшие у него в мыслях, как мимолетные видения родной страны. А потом в нем вдруг пробудились какие-то новые силы, голос окреп, и неожиданно родились свои собственные слова, слившиеся с незатейливой мелодией.

*Быть может, в Западной Стране
Теперь цветет весна,
Поют ручьи, и в вышине
Трель зяблика слышна.
А ночь роняет звездный звон,
И чистый небосклон
Алмазной россыпью вплетен*

В убор полночных крон...

*Мой путь угас в Стране Теней,
Но знаю: с давних пор
Превыше черных крепостей,
Превыше черных гор
Лучится свет; бессмертен край,
Цветущий по весне,
И я не говорю «прощай»
Ни солнцу, ни звезде.*

Ему почудился чей-то слабый ответный голос. Он прислушался. Все стихло. Нет, что-то слышно опять, но это не голос, это приближающиеся шаги.

Скрипнув, открылась дверь в коридоре наверху. Сэм затаился. Дверь закрылась, глухо стукнув, а потом раздался визгливый голос орка.

— Эй ты! Заткнись, грязная крыса! Брось пищать, а то я поднимусь и покажу тебе! Понятно?

Ответа не было.

— Ладно, — продолжал Снага (а это был несомненно он), — все равно я поднимусь поглядеть, что ты там делаешь.

Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю комнату вел люк в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее и, поднявшись, исчез из виду. Сэм слышал стук отдвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять:

— Лежи смирно, иначе наплачешься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно. А чтобы ты не очень скучал, вот тебе задаток! — Послышался звук, похожий на удар бича.

Сэма охватила бешеная ярость. Он мигом подбежал к лестнице, как кошка, вскарабкался наверх и оказался посреди большой круглой камеры. С потолка свисала красная лампа; проем выходившего на запад окна был высоким и темным. На полу под окном кто-то лежал, над ним нависла черная фигура орка. Бич поднялся снова, но удара не последовало.

Сэм с криком прыгнул вперед и взмахнул Шершнем. Орк быстро обернулся, но не успел и двинуться, как Сэм отрубил ему лапу с бичом. Взвыв от боли и страха, орк стремглав кинулся на него. Второй удар Сэма не достиг цели и, потеряв равновесие, он упал вместе с налетевшим на него орком. Еще не успев подняться, он услышал вопль и глухой стук: орк зацепился за выступающий конец лестницы и рухнул в открытый люк. Сэм тут же забыл о нем. Он бросился к лежащему под окном. Это был Фродо.

Он был без сознания. Голый, на груди грязного тряпья, рука прикрывала голову, а на боку виднелся красный рубец от удара бичом.

— Фродо! Фродо, милый друг! — вскричал Сэм, обливаясь слезами. — Это я, Сэм! Я пришел! — Он приподнял тело и прижал к груди. Фродо открыл глаза.

— Опять сон? — чуть слышно пробормотал он. — Но другие сны были страшные...

— Нет, не сон! — всхлипывал Сэм. — Это я, настоящий. Я пришел!

— Мне не верится, — прошептал Фродо, крепко ухватившись за него. — Только что был орк с бичом, а вдруг он превратился в Сэма... Значит, мне не приснилось, когда я слышал твоё пение внизу и хотел ответить? Это был ты?

— Конечно, я. Я уже потерял надежду. Я никак не мог найти вход сюда.

— Ну вот теперь нашел, Сэм, милый, — произнес Фродо и улегся поудобнее в заботливых объятиях Сэма, закрыв глаза, как ребенок, ночные страхи которого развеяны любимым голосом или прикосновением.

Сэм чувствовал, что может так сидеть бесконечно, в полном блаженстве, но это было невозможно. Найти друга мало, нужно еще спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Очнитесь, Фродо! — прошептал он, стараясь говорить так же весело, как бывало на Сумкиной Горке, когда он распахивал окно летним утром.

Фродо вздохнул, открыл глаза и сел.

— Где мы? Как я попал сюда?

— Некогда рассказывать, надо уходить скорее, — волнуясь, сказал Сэм. — Мы на вершине башни, той самой, которую видели от подземного хода. Потом орки схватили вас... Я не знаю когда. Может, вчера, а может, позавчера...

— Вчера? — переспросил Фродо. — А мне кажется, прошли уже недели. Что-то ранило меня, верно? И я спал, и видел страшные сны, а потом проснулся, а действительность еще страшнее. Везде орки. Кажется, они лили мне в горло какое-то отвратительное питье. Я был слабый, и было больно... Они раздели меня, а потом два огромных страшных стали допрашивать, и допрашивали, пока я не почувствовал, что схожу с ума. Они стояли надо мной и рычали, и хватались за кинжалы. Никогда не забуду их когтей!

— Не забудете, если будете вспоминать, — сказал Сэм. — Но если мы не хотим снова увидеться с ними, надо уходить. Можете вы идти?

— Да, могу, — ответил Фродо, медленно вставая. — Я не ранен, Сэм. Только очень устал, и вот здесь больно. — Он прикоснулся к шее сзади, у левого плеча. Сэму показалось, что Фродо одет в пламя: лампа, свисавшая сверху, заливала его обнаженное тело алым светом.

— Вот так лучше, — сказал Фродо, неуверенно пройдясь по камере. — Я боялся двигаться, пока был один. А потом начались крики, драка. Кажется, они перессорились из-за меня и моих вещей. Я испугался и лежал совсем тихо. А когда все кончилось, стало еще страшнее.

— Да, похоже, они передрались; их было здесь сотни две, этих мерзких тварей. Пожалуй, многовато для меня одного! Но они сами управились. Это, конечно, хорошо, но уходить все-таки надо, и побыстрее. Только не нагишом же вам идти...

— Они все отняли у меня, Сэм, — с отчаянием произнес Фродо. — Все, ты понимаешь? Все! — Он снова опустился на пол, поникнув, словно только сейчас понял всю глубину постигшего его несчастья. — Мы разбиты, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда, нам не спастись. Да и незачем спасаться. Может, эльфам еще удастся уйти за Море...

— Нет, Фродо, нет, мы еще не разбиты! Я взял Его у вас, простите меня. Но я Его сберег. Вот Оно, здесь, на шее, и Оно ужасно тяжелое. — Сэм нащупал на груди цепочку Кольца. — Но теперь, я думаю, вы возьмете Его обратно.

— Оно у тебя?! — вскричал Фродо. — У тебя, здесь? Сэм, ты — чудо! — Но вдруг его тон мгновенно и страшно изменился. — Отдай! — крикнул он, вскочив, и протянул дрожащую руку. — Отдай сейчас же! Тебе нельзя Его трогать!

— Хорошо, Фродо, — ответил удивленный и испуганный Сэм. — Вот Оно. — Он медленно достал Кольцо и снял с шеи цепочку. — Мы теперь в Мордоре. Когда вы выйдете отсюда, то увидите — Ородруин совсем близко. Кольцо стало трижды опасным и очень тяжелым. Если вам будет слишком трудно с Ним, может, я помогу... то есть я ведь могу... если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Нет, нет! — вскричал Фродо, выхватывая у Сэма из рук Кольцо. — Нельзя! Ты — вор! — Он задыхался, не сводя с Сэма испуганных и злобных глаз. Потом вдруг стиснул Кольцо в кулаке и побледнел. Взгляд у него прояснился, и он провел рукой по лбу. Опять он принял страшное видение за действительность: у него на глазах Сэм превратился в орка, в гнусное существо с алчным взглядом и истекающим пеной ртом, протягивающее лапы к его сокровищу. Но видение тут же исчезло. Перед ним на коленях стоял Сэм с глазами, полными слез, с такой мукой на лице, словно его смертельно ранили.

— О, Сэм! Что я сказал? Что я сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это Кольцо! Оно виновато! Лучше бы Его никто никогда не находил! Ладно, не бойся за меня, Сэм! Я должен нести свое бремя до конца, мне нельзя делить его ни с кем. Не надо становиться между мной и моей судьбой.

— Хорошо, Фродо, — всхлипнул Сэм, утирая глаза рукавом. — Я понимаю, но ведь я все-таки могу помочь, правда? Могу вывести вас отсюда... прямо сейчас же. Только сначала нужно достать одежду, оружие и еду. С одеждой — это просто. Раз мы в Мордоре, то и одеваться должны по-мордорски, все равно другого выбора нет. Боюсь, вам придется переодеться

орком. Да и мне тоже. Если мы пойдем вместе, то и выглядеть должны одинаково. А пока наденьте вот это.

Он расстегнул свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом снял сумку и положил на пол, достал из ножен Шершень: лезвие по краям слабо отсвечивало.

— Я и забыл, Фродо. Нет, они не все отняли у вас. Вот и Шершень, вы сами мне его отдали, если помните, и склянка из Лориена. Но пусть побудут у меня еще некоторое время. Я пойду поищу, что смогу. А вы оставайтесь здесь. Походите немного, чтобы размяться. Я скоро вернусь.

— Ты поосторожнее, Сэм, — заботливо предупредил Фродо, — и недолго. Здесь могут быть еще и живые орки...

— Придется рискнуть, — ответил Сэм. Он шагнул к открытой двери и мигом спустился по лестнице. Однако через минуту его голова появилась снова, и он бросил на пол длинный кинжал.

— Пригодится, — сказал он. — Это того орка, что ударил вас; он сломал себе шею. И вот что, втащите-ка лестницу наверх и не опускайте, пока не услышите моего пароля «Элберет». Ни одному орку такого не выговорить.

Некоторое время Фродо сидел, дрожа, и в душе у него одни страхи сменялись другими. Потом он встал, закутался в эльфийский плащ и начал расхаживать взад и вперед по своей темнице.

Прошло немного времени, хотя Фродо показалось — не меньше часа, и голос Сэма тихонько окликнул снизу:

— Элберет!

Фродо спустил лестницу, и Сэм, отдуваясь, поднялся наверх, неся на голове тяжелый тюк.

— Теперь быстро, Фродо, — произнес он. — Это должно подойти нам. Я не встретил никого живого, но мне что-то беспокоит. Такое чувство, что за этим местом следят. Не могу объяснить вам, ну вроде как тут летает один из этих Черных Всадников, высоко летает, нам его не видеть, а все-таки он тут.

Сэм развернул тюк. Фродо посмотрел на вещи с отвраще-

нием, но выбора не было: либо одеваться, либо оставаться голым. Он надел лохматые штаны из какого-то грязного меха и грязную кожаную рубашку, поверх натянул плотную кольчугу и подпоясал ее поясом с коротким широким мечом. Сэм принес несколько шлемов, и Фродо выбрал один — черный колпак с железным, обшитым кожей ободком. На клювоподобном забрале был изображен знак Ока.

— У моргульских орков, которые с Горбагом пришли, одежда и сшита лучше, и сидит удобнее, — заметил Сэм, — но кажется, их знаки в Мордоре не годятся, особенно после здешней стычки. Ну вот, Фродо, прекрасный невысокий орк из вас получился! Если бы еще закрыть лицо и вытянуть руки подлиннее, да ходить на кривых ногах — было бы совсем хорошо. Вот это прикроет недостатки. — Он накинул Фродо на плечи длинный черный плащ. — Готово! А щиты возьмем, когда выйдем отсюда.

— А ты, Сэм? — спросил Фродо. — Мы же должны выглядеть одинаково.

— Хорошо бы, коли так, — отозвался Сэм. — Но мне лучше не оставлять здесь ничего из своих вещей, а как их уничтожишь? Орочью кольчугу поверх всей моей одежды не надеть. Остается только прикрыть ее.

Он опустил на колени и тщательно свернул свой серый плащ. Получился на удивление маленький сверток, который он спрятал в сумку. Поднявшись, он надел шлем, а на плечи накинул другой черный плащ.

— Вот так! Теперь мы с вами достаточно похожи. Можно идти.

— Только знаешь, Сэм, не очень быстро, хорошо? — слабо улыбнулся Фродо. — Неплохо бы еще разузнать насчет попутных трактиров. Ты, видно, забыл, но есть-пить изредка надо, верно?

— Да, признаться, забыл! — Сэм огорченно вздохнул. — Честное слово, Фродо, с тех пор как вы исчезли, у меня во рту маковой росинки не было. Я забыл обо всем, пока вас искал. Но дайте подумать! Когда я смотрел в последний раз, от припасов Фарамира оставалось еще кое-что. При экономном рас-

ходе с неделю продержаться можно. А вот воды у меня во фляжке на глоток, не больше. На двоих не хватит, конечно. Да что, разве орки не едят, не пьют? Или они питаются только дымом да ядом?

— Нет, Сэм, и едят, и пьют. Мрак, из которого они вышли, не может создать ничего поистине нового. Он не породил орков, он только изуродовал тела и души. Если они живут, то и питаться должны, как всякие живые твари. Они не откажутся от гнилой пищи и тухлой воды, но дым все-таки не едят. Они ведь кормили меня. Здесь где-то должна найтись и вода, и пища.

— Но искать их некогда, — торопился Сэм.

— Ладно, сейчас идем. Пока тебя не было, мне тоже повезло кое в чем. Они действительно взяли не все. Я нашел свою сумку с провизией. Они, конечно, рылись в ней, но, видно, эльфийские лепешки понравились им еще меньше, чем Горлуму. Они только расшвыряли их, но пропало не так уж много. А вот фляжку пробили и припасы Фарамира забрали.

— Ну, так и говорить не о чем. Пока нам хватит, вот только с водой трудно придется. Идемте, Фродо! Уйдем отсюда, иначе и целое озеро нам не понадобится.

— Пока ты не съешь хоть кусочек, Сэм, — твердо сказал Фродо, — я не сделаю ни шагу. Вот, съешь эту лепешку и допей все из своей фляжки. Наши дела так плохи, что нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне, он, может, и вовсе не наступит.

Наконец они собрались в путь. Лестницу Сэм убрал и положил в коридоре рядом с трупом орка. На ступенях в башне было темно, но, выйдя на плоскую крышу, они могли еще видеть отсвет Горы, хотя и сильно потускневший. На площадке крыши беглецы выбрали себе по щиту и двинулись дальше.

Они спустились по большой лестнице. Оставшаяся позади камера в башне казалась им почти уютной. Теперь скрыться было негде, а стены вокруг дышали ужасом. Быть может, в крепости Кирит Унгол и не было больше никого живого, но и сама она была воплощенное зло.

Достигнув двери, ведущей во внешний дворик, они остановились. Здесь уже ощущалась злобная воля безмолвных Стражей ворот. Беглецы пробирались между трупами орков, и каждый шаг давался им со все большим трудом. Пришлось остановиться, не доходя до ворот. Продвинуться дальше хоть на дюйм было свыше всяких сил.

Фродо слишком ослабел для подобной борьбы. Он сел.

— Я не могу больше, Сэм. Мне очень плохо. Не знаю, что со мной.

— Зато я знаю, Фродо. Вставайте. Это ворота, а на них — злые чары. Но я вошел, значит, и выйти можно. Хуже, чем было, не будет. Ну, идемте!

Сэм снова достал звездный фиал. Словно воздавая честь его отваге, светильник увенчал своим великолепием верную загорелую руку, совершившую столько подвигов. Яркий небесный свет разлился по двору. Все вокруг стало четким и ясным, как при свете затянувшейся молнии.

— *А Элберет Гилтониэль!* — вскричал Сэм, неожиданно вспомнив встреченных еще в Шире эльфов, отогнавших тогда Черных Всадников.

— *Айа эленион анклима!* — воскликнул и Фродо, шаг в шаг идя за Сэмом.

Воля Стражей исчезла на этот раз так внезапно, словно лопнула струна, и Фродо с Сэмом чуть не повалились на землю. Потом они стремглав ринулись в ворота мимо огромных сидящих изваяний со сверкающими глазами. Раздался треск. Верхний замковый камень свода обрушился им почти на пятки, и стена рухнула, рассыпаясь обломками. Они чудом ускользнули от гибели. Зазвонил колокол, и Стражи разразились пронзительным, жалобным криком. Высоко вверху из мрака послышался ответный крик. С черного неба как молния упала крылатая тень, разрывая тучи леденящим душу воплем.

Глава II В СТРАНЕ МРАКА

Выбежав из крепости, Сэм снова спрятал склянку у себя на груди.

— Бегом, Фродо! — крикнул он. — Нет, не туда, там обрыв. Сюда, за мной!

Они бежали по дороге, спускавшейся от ворот. Шагов через пятьдесят она круто свернула за один из бастаионов, заслонив их от крепости. На время они были спасены. Прислонившись к каменной стене, они переводили дыхание, и вдруг оба схватились за сердце: на развалинах ворот, словно огромный гриф, сидел назгул. Его вопль повторило эхо.

Беглецы в ужасе поспешили дальше. Вскоре дорога снова круто свернула к востоку, и на один страшный миг опять стала видна крепость. Метнувшись в сторону,

они успели увидеть на стенах огромную черную тень, потом спрыгнули между утесов на тропинку, круто спускавшуюся к Моргульской дороге. Орков не было видно, никто не отвечал на крики назгула; но, конечно, тишина не могла длиться долго и погони было не миновать.

— Так не годится, Сэм, — задыхаясь, сказал Фродо. — Будь мы настоящими орками, нам нужно было бы спешить в крепость, а не прочь от нее. Первый же встречный опознает нас. Нужно уходить с этой дороги.

— Но мы не можем, — чуть не плача отозвался Сэм. — У нас ведь нет крыльев.

Восточные склоны Хмурых Гор обрывались отвесными утесами в темную лощину между хребтами. Недалеко от слияния дорог, после нового крутого спуска, путь преградила пропасть. Через нее перекинулась каменная арка моста. За ним дорога уходила в сплошной лабиринт утесов и пропастей. Из последних сил Фродо и Сэм кинулись к мосту, но не успели перебежать его, как позади раздались крики и шум. Крепость была уже далеко, ее тускло светившиеся окна чуть виднелись. Там снова ударил хриплый колокол и раскатился оглушительным трезвоном. Затрубили рога. Далеко за мостом им ответили крики. В темной лощине, отрезанные от гаснущих огней Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели впереди, но уже слышали топот железных башмаков, а по дороге дробно щелкали подковы.

— Живо, Сэм, прыгаем! — крикнул Фродо.

Они вскочили на низкий парапет моста. Темнота мешала определить глубину.

— Была не была! — крикнул Сэм. — Прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо тут же прыгнул за ним. Еще во время прыжка они слышали топот всадников по мосту и бегущих за ними орков. Приземлившись, Сэм едва не расхохотался. Хоббиты прыгали в бездонную пропасть, полную острых камней на дне, но, пролетев не больше десяти футов, угодили в то, чего никак не могли ожидать: в густой колючий кустарник. Сэм боялся шевельнуться и сидел тихо, зализывая исцарапанную руку.

Когда шум наверху смолк, он отважился на шепот:

— Честное слово, Фродо, я и не знал, что в Мордоре что-нибудь растет. Но уж если что и должно расти, то именно такая гадость. Это не колючки, а копыя, они прокололи насквозь и плащ и куртку! Жалко, что я без кольчуги!

— Кольчуга тоже не спасает, — пожаловался Фродо, — и кожаная рубашка...

С большим трудом они выдрались из зарослей. Колючки и ветви были крепкими, как проволока, и цепкими, как когти. Беглецы изодрали плащи, пока освободились.

— Теперь вниз, Сэм, — прошептал Фродо. — Скорее вниз, в долину, а там свернем на север, как только сможем.

Во внешнем мире снова начинался день, и далеко за пределами Мордора на востоке восходило солнце, но здесь было по-прежнему темно, как ночью. Гора погасла. Восточный ветер, дувший с тех пор, как они покинули Итилиен, утих. Медленно, на ощупь, они спускались среди камней и кустов, в крошечной тьме, все ниже и ниже, пока усталость не заставила их остановиться. Тогда они сели рядом, прислонившись спиной к большой каменной глыбе. Сэм вытер пот и сказал:

— Если бы сам Шаграт принес мне стакан воды, я пожал бы ему лапу.

— Не говори так, — остановил его Фродо, — от этого только хуже. — У него закружилась от усталости голова, он лег и некоторое время молчал. Потом с трудом приподнялся и с изумлением увидел, что Сэм спит.

— Проснись, Сэм, — позвал он, — вставай! Нам нужно сделать еще одно усилие.

Сэм с трудом поднялся.

— Ну вот, — пробормотал он, — я, кажется, задремал. Давно уже не спал по-настоящему, вот глаза и закрываются сами собою.

Теперь Фродо шел впереди, пробираясь среди камней и валунов, густо усеивавших дно долины, и пытался не потерять направление на север. Но вдруг он остановился.

— Это бесполезно, Сэм, — произнес он, с трудом переводя дух. — Я не выдержу. Эта кольчуга меня доконает. Даже моя, из мифрила, казалась тяжелой, когда я уставал. А эта гораздо тяжелее. И какая от нее польза? С боем мы к цели не прорвемся.

— С боем или без боя, — возразил Сэм, — но есть еще кинжалы и случайные стрелы. И Горлум еще жив. Нельзя, чтобы между вами и ударом из темноты не было ничего, кроме кожаной рубашки.

— Послушай, Сэм, милый, — сказал Фродо, — я устал и больше ни на что не надеюсь. Но все равно буду идти к Горе, пока могу двигаться. С меня хватит одного Кольца. Лишний груз меня доконает. Я знаю, чего тебе стоило найти для меня кольчугу и все остальное, но я не могу больше...

— Ладно, Фродо, не надо. Я бы понес вас... Ладно, бросим эту тяжесть.

Фродо снял плащ, потом кольчугу и отбросил ее подальше. Он дрожал.

— Хорошо бы что-нибудь теплое... Становится холодно, или меня знобит.

— Возьмите мой плащ, Фродо, — предложил Сэм. Он развязал сумку и достал оттуда серый эльфийский плащ.

— Подойдет? — спросил он. — А снаружи можно что-нибудь орочье надеть и поясом прихватить. Вполне сойдет. Не совсем по здешней моде, но вам потеплее будет, да и надежнее, ну, от вреда всякого — это ж от самой Владычицы плащ.

Фродо оделся.

— Вот это лучше! Теперь я могу идти. Но этот мрак проникает мне в самое сердце! Когда я лежал в темнице, Сэм, то пытался вспомнить Брендибуин, и Залесье, и Водью возле мельницы в Хоббитоне. Но сейчас я их не вижу!

— Ну вот, Фродо, теперь и вы заговорили о воде, — грустно улыбнулся Сэм. — Если бы Галадриэль могла нас слышать, я бы сказал: «С Вашего позволения, нам нужны только свет и вода, они лучше всяких драгоценностей». Но до Лориена далеко. — Он вздохнул и махнул рукой в сторону Хмурых Гор, чьи вершины едва угадывались на стилой черноте небес.

Они снова двинулись в путь, но не успели пройти и нескольких шагов, как Фродо остановился.

— Над нами Черный Всадник, — прошептал он. — Я его чувствую. Лучше переждать.

Притаившись за большим камнем, они настороженно поглядывали на запад. Потом Фродо облегченно вздохнул:

— Улетел!

Они встали и ахнули. Далеко на юге небо серело, черные вершины горного хребта начали проступать все явственнее. Там, позади, разгорался свет, растекаясь к северу. Было похоже, что где-то высоко в небесах шло сражение. Клубящиеся тучи Мордора отступали, их края лохматились и рвались, и ветер из живого мира гнал их назад к мрачному логову. Из-под складок темного полога в Мордор проник слабый свет, словно бледное утро сквозь пыльное окошко тюрьмы.

— Смотрите, Фродо, — вскричал Сэм, — смотрите! Ветер переменился. Что-то происходит! Не все идет так, как Ему хочется! Его мрак отступает. Хотел бы я знать, в чем тут дело!

Это было утро пятнадцатого дня марта. Над долиной Андуина вставало солнце, дул юго-западный ветер. На Пеленнорской равнине умирал Теоден.

Пока Фродо и Сэм смотрели, светлая полоса распространилась вдоль всех Хмурых Гор, и на ее фоне они увидели черную точку, быстро приближавшуюся с запада. Она росла, как молния, влетела под мрачный полог туч и пронеслась высоко у них над головами. В небе раздался пронзительный крик назгула. Но этот крик уже не внушал ужаса: в нем были скорбь и отчаяние. Предводитель Рабов Кольца встретил свою судьбу.

— Не говорил ли я? Там что-то происходит, — встревожено пробормотал Сэм. — «Война идет хорошо», — говорил Шаграт, но Горбаг сомневался. И пожалуй, был прав. По-моему, все не так уж плохо, а, Фродо? Может быть, надежда все-таки есть...

— Вряд ли, Сэм, — вздохнул Фродо. — Это за горами, далеко. К тому же мы идем на восток, а не на запад. Я устал, я так устал! И Кольцо все тяжелее, Сэм. Я все время вижу Его мысленно, Оно как огромное огненное колесо.

Оживление Сэма пропало. Он обеспокоенно взглянул на друга и взял его за руку.

— Смелее, Фродо! — сказал он. — Я вот уже получил, что хотел: немного света. Этого довольно, чтобы помочь нам, вот только не было бы это опасно! Давайте пройдем еще немного, а потом устроим привал. Но сейчас съешьте хоть что-нибудь, ну хоть кусочек лепешки, это вас подкрепит.

Поделив лепешку и стараясь помедленнее жевать ее, они пошли дальше. Хотя света было не больше, чем в серые сумерки, его все же хватало, чтобы видеть глубокую лощину, по которой они брели. Она отлого поднималась к северу, и ее дно было руслом высохшего потока. За ним виднелась тропа, извивавшаяся вдоль подножия западных утесов. Знай они про нее, давно могли бы идти по ровной земле. Отделившись от главной моргульской дороги у западного края моста, тропа длинной лестницей спускалась ко дну ущелья. Дозорные и гонцы пользовались этим удобным путем, проходя от лагерей Кирит Унгол до Изенмоута, железных челюстей Карах Ангрена.

Для хоббитов тропа была опасна, но выбора не было. Нужно было спешить, а Фродо чувствовал, что не сможет больше карабкаться между каменными глыбами по бездорожью. Он считал, что именно в северном направлении преследователи меньше всего будут искать их. На дороге к востоку, на равнине или на перевале, на западе — вот где их будут искать. Только уйдя далеко на север от крепости, он рассчитывал свернуть и искать дорогу на восток, к последнему страшному этапу пути. Итак, они перешли каменистое русло, вышли на тропу и некоторое время шли по ней. Утесы слева нависали у них над головой, прикрывая от взгляда сверху, но тропа делала множество поворотов, и за каждым могла поджидать опасность.

Света не прибавлялось, потому что Ородруин продолжал извергать тучи дыма. Уносимый ветрами, дым поднимался все выше, пока не достигал спокойного воздуха и не растекался огромным шатром. Они брели уже больше часа, когда услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятно, но где-то рядом журчала вода! Из расщелины слева текла струйка — по-

следние остатки какого-то сладостного дождя, рожденного озаренными солнцем морями, но обреченного пролиться над Черной Страной и теперь бесплодно стекающего в придорожную пыль. Вода сочилась из скалы, пересекала тропу и быстро исчезала среди мертвых камней.

Сэм кинулся к ней.

— Если я увижу Галадриэль снова, я скажу ей! — вскричал он. — Свет, а теперь и вода! — Тут он остановился. — Дайте мне попить первому, Фродо.

— Пей. Но ведь здесь хватит обоим...

— Да я не о том, — возразил Сэм. — Я думал, если она ядовитая или еще что-нибудь такое, то лучше пусть буду я, если вы понимаете, про что я говорю.

— Понимаю, — как-то задумчиво кивнул Фродо. — Но знаешь, Сэм, по-моему, нам вполне можно положиться на удачу или благословение.

Вода была холодная, но не ледяная, и вкус у нее был неприятный, горький и маслянистый одновременно. Сэм обязательно так и сказал бы, будь он дома. Но здесь это была прекрасная вода. Они напились вдоволь, и Сэм еще наполнил фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько миль, пока дорога не стала шире. По краям появилась грубая ограда, значит, неподалеку была еще одна крепость.

— Вот здесь мы свернем, Сэм, — сказал Фродо, — и свернем на восток. — Он вздохнул, глядя на мрачный гребень по ту сторону долины. — Я очень устал. Надо поискать укрытие.

Ручей был теперь ниже тропы. Переходя его, они с удивлением увидели множество мелких прудов, питаемых откуда-то сверху. По внешнему краю, вдоль западных гор, Мордор был умирающей страной, но он еще не умер. Здесь попадались даже кое-какие растения, жесткие, искривленные, горькие, отчаянно борющиеся за жизнь. На склонах Моргэй, по ту сторону долины, цеплялись за камни низкорослые, похожие на кустарник деревья, между камней пробивались пучки жесткой травы, по камням стлался толстый мох, и повсюду, где только можно, извивались колючие спутанные лозы. Одни были воору-

жены длинными острыми колючками, другие — зазубренными шипами, резавшими как ножи. На них висели выцветшие сморщенные прошлогодние листья, изъеденные гусеницами почки только-только раскрывались. Жужжали и кусались мухи, бурые, серые и черные. У них было красное, наподобие глаза, пятно на крыльях, как на плащах у орков. Над зарослями колючек висели тучи голодных комаров.

— Одежды орков мало, — ворчал, отмахиваясь, Сэм. — Лучше бы у меня была их шкура.

Наконец Фродо остановился, так и не дойдя до седловины хребта.

— Мне надо отдохнуть, Сэм, — еле выговорил он, — и поспать, если смогу. — Он огляделся, но никакой зверь не посмел бы забраться в эту унылую местность. Усталые донельзя, они заползли под куст колючих лоз, свисавших с выступа камня, словно циновка.

Надо было поесть. Сберегая драгоценные лепешки на черный день, они съели половину оставшихся фарамировых припасов: несколько сушеных плодов и кусочек вяленого мяса, и выпили немного воды. По пути они пили из черных луж в долине, но сейчас жажда опять мучила их. В воздухе Мордора стояла какая-то горечь, она иссушала рот. Сэму даже думать о воде было страшно, потому что впереди их ждала еще ужасная Горгоратская равнина.

— Спите вы, Фродо, — сказал он. — Темнеет опять. Кажется, день уже кончается.

Фродо вздохнул и уснул, едва дослушав эти слова. Сэм с трудом боролся с усталостью. Он взял Фродо за руку и тихо сидел так до глубокой темноты, а тогда, чтобы не уснуть, выполз из укрытия и огляделся.

Вокруг что-то трещало, шуршало и шелестело, но ни голосов, ни шагов не было слышно. Далеко на западе над Хмурыми Горами ночное небо казалось тусклым и бледным. Потом в разрыве туч над темной горной цепью Сэм увидел мерцающую белую звезду. Ее красота пронзила его, и в этой проклятой стране он почувствовал крепнущую в сердце надежду. Ибо подобно молнии сверкнула в нем мысль о том, что Мрак, в конце

концов, не вечен и что есть в мире свет и красота, до которых никакому Мраку не добраться. В крепости он пел от отчаяния, потому что думал о себе, а в этот миг собственная судьба и даже судьба Фродо перестали его тревожить. Он заполз обратно в укрытие, улегся рядом со своим другом и, забыв о ночных страхах, погрузился в глубокий сон.

Они проснулись вместе, держась за руки. Сэм чувствовал себя бодрым и готовым к новому дню, но Фродо был печален. Спал он беспокойно, сном, полным огненных видений, и пробуждение не радовало его, но все же Фродо чувствовал себя сильнее и мог дальше нести свое бремя. Они не знали, сколько времени проспали и где сейчас солнце, но, подкрепившись и выпив воды, полезли вверх по склону. Вскоре он кончился каменной осыпью. Тут последние живые создания отказались бороться, вершины вокруг были бесплодными и сухими, как черепица.

После долгих блужданий и поисков они отыскали путь наверх и последнюю сотню футов ползли на четвереньках. Пройдя по расщелине меж двух черных утесов, они оказались на самом краю последней ограды Мордора. Внизу, у подножия обрыва, метрах в полтора-два, широко раскинулась Горгоратская равнина, терявшаяся в сумрачной дали. Ветер теперь дул с запада и нес тучи на восток. По земле стлался дым, скапливался во впадинах, курился из трещин в почве.

Еще дальше, милях в сорока, вздымался Ородруин — с подножием, утонувшим в пепле, с вершиной, окутанной тучами. Страшная Гора дремала, грозная и опасная, как спящее чудовище. Позади нее клубилась злоедающая тень, и в этой тени укрылся Барад Дур, вросший в отрог Пепельных Гор. Темная Сила глубоко задумалась, и ее Око обратилось вовнутрь, созерцая видения, гнетущие сомнениями и страхом. Ей виделся сверкающий меч и суровый царственный лик, все остальное на некоторое время стало неважным. Твердыня Зла со всеми своими башнями и воротами окуталась угрюмым сумраком.

Фродо и Сэм смотрели на эту проклятую страну со смешанным чувством ненависти и удивления. Между ними и дымя-

щейся Горой простиралась выжженная голая пустыня. Было совершенно непонятно, как Владыка этой страны кормит и одевает свои войска и рабов. А войска у него были. Насколько хватало глаз, по склонам и дальше к югу виднелись лагеря, то палаточные, то похожие на маленькие крепости. Один из самых крупных был прямо под ними — огромный муравейник с прямыми рядами хижин и длинных низких унылых домов. Лагерь и его окрестности кишели народом; широкая дорога отходила на юго-восток, сливаясь с дорогой на Моргул, и по ней сновало множество крошечных черных фигурок.

— Мне этот вид совсем не нравится, — проворчал Сэм. — Довольно безнадежно, если не считать, что там, где так много народу, должна быть и вода, не говоря уже о пище. И это все люди, а не орки, если меня глаза не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали об обширных, возделываемых рабами полях на юге страны, за пределами дымов Ородруина, у темных, печальных вод озера Нурнон, не знали они и о больших дорогах, идущих на восток и на юг, в подчиненные страны. По этим дорогам воины гнали длинные караваны с припасами, добычей и новыми рабами. Здесь, в северных областях, были рудники и кузницы, здесь скапливались запасы для давно задуманной войны, и здесь Темный Владыка, двигая свои армии, как пешки на доске, собирал и стягивал их для предстоящих ударов. Его первые ходы, первые пробы его мощи были отбиты на западной границе, сейчас он созывал новые силы, стягивая их к крепости Кирит Горгор для нового удара. Если бы ему даже пришла на ум мысль защищать Гору от кого бы то ни было, едва ли он смог бы сделать больше.

— Ну вот, — продолжал Сэм, — если у них там и есть запасы, вряд ли они с нами поделятся. Спуска здесь нет, насколько я вижу. Да и зачем спускаться? Все равно нам не перейти равнину, разве что по головам этих татей.

— Попытаться все-таки нужно, — ответил Фродо. — Это не самое худшее. Я никогда не надеялся, что мне удастся пересечь равнину, не вижу никакой надежды и сейчас, но сделаю все, что смогу. Главное — не дать больше захватить себя. Пойдем

дальше на север, посмотрим, не сужается ли равнина где-нибудь.

— Я догадываюсь, на что это будет похоже, — заметил Сэм. — Где она поуже, там и людей и орков будет еще больше. Вот увидите!

— Увижу, если доберусь туда, — ответил Фродо и отвернулся.

Идти по самому гребню было невозможно. Им пришлось спуститься и искать путь понизу. Через некоторое время в котловине открылся лагерь орков: стена и несколько каменных сараев, а рядом — пещера. Не было заметно никакого движения, но хоббиты пробирались осторожно, укрываясь в колючем кустарнике, густо разросшемся здесь по берегам сухого потока.

Они прошли так еще три или четыре мили, и лагерь уже скрылся из вида, но не успели они вздохнуть свободнее, как услышали громкие резкие голоса. Беглецы быстро нырнули за бурый раскоряченный куст и притаились там. Голоса приблизились, и хоббиты увидели двух орков. Один был одет в коричневые лохмотья и вооружен луком; он был мал ростом, темнокож, с широкими, шумно дышащими ноздрями, наверное, из проводников-разведчиков. Другой — огромный воин вроде тех, какие были в отряде Шаграта. На шлеме он носил знак Красного Ока, за плечами тоже имел лук, в руке — короткое копье с широким лезвием. Как обычно, орки ссорились. Будучи разноплеменными, они говорили на Всеобщем языке, каждый со своим акцентом.

Не доходя шагов двадцати до спрятавшихся хоббитов, меньший из орков остановился.

— Апп, — прорычал он. — Я иду домой. Хватит обдирать нос о камни. Никаких следов не осталось. Говорю тебе, они ушли в холмы, а не в долину.

— Никакой пользы от вас, ищеек, — сказал большой орк. — Я больше поверю своим глазам, чем твоему грязному носу.

— Ну и много ты ими увидел? — проворчал первый. — Гарр! Ты даже не знаешь, что искать!

— А кто виноват? Только не я. Так мне сказали сверху. Сначала сказали, что это великий эльф в блестящих доспехах, потом — что какой-то маленький человечек, потом скажут, что стадо бешеных урук-хайев, а может, все вместе.

— Аррр! — насмешливо фыркнул следопыт. — Они там потеряли головы, вот что! А кое-кто может поплатиться своей шкурой, если верить слухам: крепость разгромлена, сотни ваших перебиты, а пленник бежал. Если так идут дела у вас, воинов, то неудивительно, что о битвах приходят дурные вести.

— Кто сказал «дурные вести»? — возмутился воин.

— Аррр! А кто сказал, что нет?

— Твои слова — подлая измена, я тебя задушу, если ты не закроешь пасть, понял?

— Ладно, ладно. Я не скажу больше ни слова, но думать-то ты мне не запретишь. Слушай, а при чем тут эта черная тварь, этот болтун с длинными руками?

— Почему я знаю? Может, и ни при чем. От него одна морока, только разнохивает везде, чтоб он сдох! Когда он крутился здесь, то только мешал всем, а как пропал — сразу понадобился, живым и срочно.

— Я бы с ним расправился по-своему, — проворчал разведчик. — Он только запутал следы и истоптал всю землю кругом, когда нашел кольчугу. Я пришел уже после.

— Кольчуга спасла ему жизнь, — заметил воин. — Я еще не знал, что его ищут, и пустил в него стрелу с полусотни шагов, прямо в спину, но он убежал.

— Гарр! Промахнулся! — обидно ощерился маленький. — Сначала ты стреляешь не туда, потом бежишь слишком медленно, а потом посылаешь за нами. Надоел ты мне! — Он заковылял в сторону лагеря.

— А ну вернись! — крикнул воин. — Вернись, или я донесу на тебя!

— Кому? Твоему драгоценному Шаграту? Он больше не начальник.

— Я сообщу твое имя и номер назгулу! — прошипел воин. — Начальником в крепости сейчас один из них.

Маленький орк остановился, в голосе у него слышались страх и злоба.

— У, проклятый разбойник! — вскричал он. — Сам толком ничего не умеешь и еще грозишься! Убирайся к своим грязным крикунам, и пусть они сдерут тебе мясо с костей, если только враги не расправятся раньше с ними! С главным-то они уже покончили, как я слышал. Надеюсь, что это правда!

Огромный орк прыгнул к нему, замахнувшись копьем. Но разведчик, припав на колено, пустил стрелу ему прямо в глаз, и воин с шумом рухнул. Стрелок кинулся бежать и вскоре исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Потом Сэм шевельнулся.

— Ну, что хорошо, то хорошо, — сказал он. — Если бы такие мир да любовь были по всему Мордору, почитай, полдела сделано.

— Тише, Сэм, — прошептал Фродо. — Тут могут быть и другие. Мы едва ускользнули, видно, за нами гонятся усерднее, чем я думал. Да, Сэм, таков дух Мордора и, думаю, таков он везде. Говорят, что орки всегда грызутся между собой. Но надеяться только на это нечего. Нас они ненавидят гораздо сильнее, чем друг друга. Если бы эти двое увидели нас, то сразу поладили бы.

Они помолчали. Потом Сэм прошептал:

— Вы слышали, что они говорили об «этом болтуне»? Помните, я говорил вам, что Горлум жив?

— Да, помню. Мне кажется, нам лучше не двигаться отсюда, пока хорошенько не стемнеет. Расскажи-ка, с чего ты взял, что Горлум жив? Только говори, пожалуйста, потише.

— Попробую, — сказал Сэм, — но когда я думаю об этой вонючке, мне трудно не кричать.

Хоббиты просидели под колючим кустом, пока бледный свет Мордора медленно тускнел и превращался в темную беззвездную ночь, и Сэм рассказывал своему другу на ухо все, что мог уложить в слова: о предательстве Горлума, об ужасной Шелоб, о своих приключениях среди орков. Когда он кончил,

Фродо только молча взял его руку и крепко пожал. Потом он расправил затекшие ноги.

— Кажется, теперь можно идти дальше, — сказал он. — Интересно, далеко ли мы убредем, пока нас поймают по-настоящему и все наши труды и мучения пойдут прахом? — Он встал. — Уже темно. Я уж тебя попрошу, Сэм, побереги для меня подарок Галадриэль и дальше, а то мне и положить-то его некуда, не в руках же держать. А вот Шершень я дарю тебе. У меня есть орковский меч, но он вряд ли мне понадобится.

Это был трудный и опасный путь, во тьме и без дороги, но час за часом оба хоббита медленно, спотыкаясь, брели по каменной лощине к северу. Когда над западными вершинами забрезжил серый свет, уже после того как во всем мире наступил день, они снова нашли укрытие и поспали по очереди. В часы дежурства Сэма мучила мысль о еде. Наконец, когда и Фродо, проснувшись, заговорил о том же, Сэм не выдержал:

— Далеко нам еще, Фродо?

— Понятия не имею, Сэм. Я смотрел карту Мордора перед выходом из Дольна, но она была составлена еще до возвращения Врага, да к тому же я ее плохо помню. Где-то на севере есть место, где отроги смыкаются. Это примерно лигах в двадцати от моста у крепости. Но когда мы туда попадем, то будем от Горы дальше, чем сейчас, милях в шестидесяти, я думаю. От моста мы прошли лиг двенадцать. Если так пойдет дальше, к Ородруину мы доберемся через неделю. Кольцо становится все тяжелее, боюсь, у самой Горы я буду еле ползти.

Сэм вздохнул:

— Неделя... Этого я и боялся. Не говоря уж о воде, нам придется или есть меньше, или двигаться побыстрее. Еще один привал — и останутся только эльфийские лепешки.

— Я постараюсь побыстрее, Сэм, — проникновенно сказал Фродо. — Ну вставай, пойдем.

Было еще не совсем темно. Они побрели дальше. Много часов они шли, спотыкаясь, с несколькими короткими передышками. Когда на краю мрачного небосвода появились пер-

вые признаки рассвета, они снова забрались в темную впадину под выступом утеса.

Светлело, и светлело не в пример предыдущим дням быстро. Сильный западный ветер высоко вверх разгонял мордорские тучи. Вскоре хоббиты уже могли видеть местность на несколько миль вперед.

Лощина все время сужалась, пока не превратилась в выступ вдоль крутого склона Хмурых Гор, но к востоку она обрывалась к Горгоратской равнине все так же отвесно. Ручеек пропадал спереди среди каменных уступов: здесь от главного хребта отходил каменистый гребень, тянувшийся на восток как стена. От туманно-серого северного хребта Пепельных Гор навстречу ему выходил другой, длинный и зубчатый, а между их концами оставался узкий промежуток — теснина Карах Ангрен, за которой лежала глубокая долина Удун. В этой впадине за Моранноном находились подземные ходы и глубокие арсеналы, устроенные слугами Мордора для обороны Черных Ворот, и здесь теперь их Владыка поспешно собирал крупные силы для отражения удара Вождей Запада. На горных отрогах высились угрюмые башни и горели сигнальные огни, а теснину перегораживал высокий земляной вал с единственным узким проходом.

В нескольких милях севернее, там, где от главного хребта отходил западный отрог, стоял старинный замок Дуртанг, ныне одна из множества крепостей орков вокруг Удунской долины. От него уже ясно видимая дорога сворачивала к востоку и по карнизу на склоне отрога спускалась на равнину к Изенмоуту.

Чем яснее виделись окрестности хоббитам, тем быстрее угасала надежда в их сердцах. Все усилия были напрасны. Мрачная и дымная равнина казалась безжизненной, но вся она находилась под неослабным наблюдением крепостей Карах Ангрена.

— Это тупик, Сэм, — прошептал Фродо. — Ты видишь, дорога к крепости единственная. И обойти ее никак нельзя.

— Значит, пойдем по дороге, — просто ответил Сэм. — Попробуем счастья, если только оно водится в Мордоре. Вы же сами говорили, сударь, все равно — сдадимся ли мы сейчас, или

побродим еще немного, или и вовсе вернемся обратно. Припасов-то нам, все одно, не хватит. Значит, придется их добывать.

— Хорошо, Сэм, — с трудом произнес Фродо. — Если у тебя еще осталась надежда, веди меня. Я больше не могу. Буду плестись вслед за тобою.

— Прежде чем плестись, вам нужно поесть и отдохнуть, пока можно.

Сэм дал другу одну эльфийскую лепешку и воды, а потом подложил ему под голову свернутый плащ. Фродо тут же уснул. Сэм не стал говорить, что вода была последней, он просто сидел, прислушиваясь к дыханию спящего. У него прихватило горло от жалости — так исхудал Фродо. Во сне недавно появившиеся морщины разгладились, лицо стало спокойным и мужественным.

— Вы уж простите, сударь, — прошептал Сэм, — но мне придется уйти. Без воды нам с вами здесь делать и вовсе нечего.

С необычайной даже для хоббита осторожностью переползая от камня к камню, он спустился к сухому руслу и некоторое время шел по нему вверх, пока не достиг каменистых уступов, где некогда ручей сбегал маленьким водопадом. Теперь все было высохшим и безмолвным, но Сэм не хотел сдаваться. Он припал к земле, прислушался и с восторгом уловил журчащий звук. Поднявшись еще выше, он разыскал тонкую струйку темной воды: вытекая между камней, она наполняла небольшую впадинку, переливалась через край и вскоре снова исчезала среди каменной осыпи.

Сэм попробовал воду, она оказалась хорошей. Тогда он напился вволю, наполнил фляжку и начал было обратный путь, но тут же замер. Между камней, в той стороне, где было их убежище, он уловил мелькнувшую черную тень. Хотя движение он заметил только так, краем глаза, у него уже не оставалось сомнений. Он слишком хорошо знал эту воровскую повадку.

— Мне пока еще везет, — пробормотал Сэм, — но не так, чтобы очень. Мало нам тысяч орков, так тут еще шныряет эта подлая тварь. А я-то надеялся, что его пристукнули.

Остаток дня он просидел рядом с Фродо, не смея задремать даже на минуту. Только почувствовав, что глаза у него совсем слипаются, он осторожно разбудил друга.

— Горлум опять здесь, Фродо, — сказал он. — А если не Горлум, так значит их двое. Я уходил искать воду и увидел, как он шныряет тут. Нам нельзя спать вдвоем, но у меня уже глаза не открываются.

— Спасибо, Сэм, — ответил Фродо, — ложись и спи. Но по-моему, уж лучше Горлум, чем орки. Во всяком случае, он нас не выдаст; не выдаст, пока его не поймают.

— Но он и сам умеет убивать и грабить, — проворчал Сэм. — Надо быть осторожным. Фляжка полна. Пейте, не надо жалеть, по дороге еще наберем. — С этими словами Сэм уснул.

Когда он проснулся, день угасал. Фродо сидел, прислонившись спиной к утесу, и спал. Фляжка была пуста. Горлума и духу не было.

В мордорских сумерках сторожевые посты на горах пылали ярким красным пламенем. Для хоббитов началась самая опасная часть пути. Они достигли источника, а потом, осторожно пробравшись наверх, подошли к дороге там, где она сворачивала на восток к Изенмоуту. До него оставалось миль двадцать. Дорога была неширокая, и чем дальше, тем глубже становился обрыв у ее края. Хоббиты прислушались, не слышали ничего подозрительного и направились на восток.

Пройдя миль двенадцать, они остановились. Незадолго до этого места дорога сделала небольшой изгиб, и пройденный ими участок уже скрылся из виду. Это оказалось роковым. После нескольких минут отдыха они двинулись дальше, но почти тотчас же слышали звук, который все время боялись услышать: топот множества шаркающих ног. Он был еще довольно далеко, но, обернувшись, они увидели за поворотом отблеск факелов — движущихся слишком быстро, чтобы убежать от них вперед по дороге.

— Я этого и боялся, Сэм, — сказал Фродо. — Мы доверились удаче, и она обманула нас. Мы сами залезли в ловушку. —

Он с отчаянием взглянул на отвесную стену, обтесанную древними строителями до высоты в тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть. — Это конец, — выдохнул он и, опустившись наземь возле скалистой стены, поник головой.

— Похоже на то, — отозвался Сэм. — Ну что ж, пожием — увидим, как говаривал мой старик. — С этими словами он сел на землю рядом с Фродо.

Ждать пришлось недолго. Орки шли быстро. В передних рядах несли факелы. Сэм тоже наклонил голову, надеясь скрыть лицо, когда факелы поравняются с ними, а щиты поставил перед коленями, прикрывая ноги.

«Хорошо бы они спешили и оставили двух усталых воинов в покое, да и шли бы себе дальше», — подумал он. Какое-то время казалось, что им повезет и на этот раз. Передние ряды прошли мимо, спотыкаясь, тяжело дыша, не поднимая голов. Это были низкорослые племена, против воли согнанные в войска Владыки; они хотели только одного — закончить переход и не попасть под бич. Вдоль колонны сновали два огромных свирепых урука, щелкая бичами и криком подгоняя отряд. Ряд за рядом проходила колонна, и зловещие факелы ушли уже далеко вперед. Сэм затаил дыхание. Уже больше половины колонны прошло. Но тут один из надсмотрщиков заметил две тени у края дороги. Он щелкнул бичом и крикнул им: «Эй вы, встать!» Они не ответили, и он приказал отряду остановиться.

— Эй вы, трусы, сюда! — взвизгнул он. — Что, спрятаться решили? — Он шагнул к ним и даже в темноте разглядел знаки у них на щитах.

— А-а, сбегать задумали? — прорычал он. — Вы знаете приказ? Все должны быть в Удуне завтра до ночи. Встать в строй!

Хоббитам ничего не оставалось делать. Они с трудом поднялись на ноги и, ссутулившись, хромая, как утомленные пехотинцы, заковыляли к хвосту колонны.

— Не туда! — загремел надсмотрщик. — В четвертый ряд от конца! И оставайтесь там, а то пожалеете, когда я буду делать обход! — Он щелкнул у них над головами своим длинным би-

чом, а потом резким возгласом снова пустил отряд быстрым шагом по дороге.

Идти оказалось трудно даже бедному Сэму, хотя он просто устал, но для Фродо это стало пыткой, а потом кошмаром. Он стиснул зубы и попытался двигаться совершенно бездумно. Смрад от потных орков душил его, а вскоре он начал задыхаться и от жажды. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы дышать и не давать ногам остановиться. Он гнал мысль о том, к какому страшному концу стремится с таким трудом и мукой. Отстать было невозможно. Надсмотрщик то и дело подбегал к ним и издевался.

— Ну вот вам! — смеялся он и слегка подхлестывал их по ногам. — Где бич, там и лад, трусы. Держитесь! Сейчас я вас только подбадриваю, а вот придем в лагерь, там вас выдерут так, что шкура затрещит. Так вам и надо! Сейчас война, и отсидеться никому не удастся!

Они прошли еще несколько миль, и дорога уже стала спускаться отлого к равнине, когда силы окончательно оставили Фродо. Он зашатался. Сэм в отчаянии попытался помочь хозяину и поддержать его, но почувствовал, что и сам едва успевает за остальными. Теперь он знал, что конец может наступить каждую минуту: его друг потеряет сознание и упадет, все откроется, и все их отчаянные усилия окажутся тщетными. «Ну, я хоть посчитаюсь с этим скотом-надсмотрщиком!» — подумал он, нащупывая рукоять меча.

Но именно в этот момент пришло неожиданное спасение. Они были уже на равнине и приближались к Удунскому проходу. Немного впереди, перед воротами, дорога с запада сливалась с другими, идущими с юга и из Барад Дура. По всем этим дорогам шли войска. Вожди Запада наступали, и Темный Владыка стягивал свои силы к северу. Так получилось, что к перекрестку подошли сразу несколько отрядов, и это произошло в темноте, куда не достигал свет костров со стен. Тотчас же началась суматоха и перебранка, ибо каждый отряд хотел первым пройти в ворота и отдохнуть наконец. Надсмотрщики кричали, свистели бичи, но свалка быстро увеличивалась, кое-где уже засверкали мечи. Врезавшийся в колонну отряд тяже-

до вооруженных уруков из Барад Дура превратил неразбериху в полный хаос.

Как ни был Сэм оглушен болью и усталостью, он сумел оценить положение и бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки спотыкались о них и падали, рыча и ругаясь. Хоббиты на четвереньках незаметно выползли из свалки и скрылись на другой стороне дороги. Там был высокий вал, по которому начальники отрядов находили дорогу в темноте или в тумане, он возвышался над равниной на несколько футов.

Некоторое время они лежали ни живы ни мертвы. В темноте искать укрытие было бесполезно, но Сэм понимал, что нужно отойти хотя бы подальше от дороги и от света факелов.

— Держитесь, Фродо, — шепнул он, — проползем еще немного, а тогда отдохнем.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся и прополз еще ярдов двадцать. Потом он скатился в какую-то неглубокую ямку и лежал там, не шевелясь.

Глава III ОГНЕННАЯ ГОРА

Сэм подложил под голову своему другу сумку, лег рядом и накрылся эльфийским плащом. Мысли его тут же обратились к благословенной стране, и он от души понадеялся, что чудесная ткань укроет их в этом страшном месте.

Он слышал, как стихают крики и шум по мере того, как войска проходили через Изенмуот. До сих пор в толкотне разноплеменных отрядов их бегство не обнаружилось.

Отпив глоток воды, Сэм напоил Фродо, а потом даже уговорил его съесть целую лепешку. Усталость превозмогла страх, и они уснули. Но спали недолго и беспокойно. Было холодно, жесткие камни впились в тело, и никак не удавалось устро-

иться поудобнее. С севера, от Черных Ворот, через Кирит Горгор потягивал знобкий ветерок.

Утренний рассвет заменяла унылая серая хмарь. В высокогорьях воздух был относительно свежим, а здесь, за оградой Черной Страны, где не чувствовалось ни единого дуновения, лежала стылая затхлость.

Сэм из-за бровки лощины оглядывал мрачный, плоский и бесцветный пейзаж. Дороги опустели; правда, всего в одном фарлонге на север тянулась стена Изенмуута, а на ней могли стоять часовые... На юго-востоке мрачным темным контуром вставала гора. Вершина скрывалась в клубах дыма, дымный столб упирался в низкие тучи, дым растекался по равнине у подножия. В нескольких милях к северо-востоку из дыма угрюмыми серыми призраками проступали кряжи Пепельных Гор, а за ними едва виднелись туманные северные отроги, почти сливавшиеся с северным небом.

Сэм прикинул на глаз расстояние.

— Миль пятьдесят, не меньше, — мрачно пробормотал он, не сводя взгляда с грозной Горы. — Дорога неделю займет, а Фродо-то — хорошо, коли на день хватит. — Он горестно покачал головой. Надежда никогда не оставляла надолго его отважное сердце, и до сих пор он умел возвращать ее. Однако сейчас, как ни крути, становилось ясно: припасов достанет в лучшем случае только на дорогу туда. Если даже им удастся выполнить задуманное, они останутся посреди ужасной равнины, одинокие, без пищи и крова.

«Значит, обратной дороги не будет, — подумал он. — Ну что ж, примерно так я себе и представлял с самого начала: помогу Фродо дойти, а потом умру с ним вместе. Если это моя дорога, надо ее пройти. Ужасно хотелось бы еще разок повидать Уводье, и Розы, дочку Недоселков, и моего старика с тетушкой Лютик, да и всех прочих. Стоп, — остановил он грустные мысли. — А все-таки, кажется, не стал бы Гэндальф посылать Фродо на вовсе уж безнадежное дело. Не такой это был волшебник. Эх, кабы не погибнуть ему в этой треклятой Мории, глядишь, и выкрутились бы».

Казалось, надежда уже умерла в его душе, ан нет, она вдруг возгорелась с новой неожиданной силой. Лицо Сэма стало строгим, почти суровым, воля окрепла, а по телу пробежала дрожь, словно он превращался сейчас в какое-то существо из стали и камня, неподвластное ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным дорогам.

С новым чувством ответственности он оторвал взгляд от Горы и огляделся, обдумывая следующий шаг. Когда стало чуть светлее, он увидел бесчисленные трещины и рытвины на казавшейся ровной гладью земле. И впрямь, вся Горгоратская равнина была усеяна большими и малыми воронками. Самые крупные из них были окружены валами щебня, от них во все стороны разбегались широкие трещины. С такими укрытиями даже самым зорким глазам не просто будет их обнаружить. Вот только удастся ли победить голод и усталость?

Обдумав все это, Сэм повернулся к другу. Фродо лежал навзничь с открытыми глазами, глядя в облачное небо.

— Значит, сударь, — преувеличенно бодро сказал Сэм, — я тут осмотрелся и скажу, что не так уж все плохо. На дорогах никого, да только лучше бы убраться отсюда подобру-поздорову. Сможете вы идти?

— Смогу, — равнодушно ответил Фродо, — должен.

Снова потянулись мучительные часы. Переползая из воронки в воронку, используя всякое укрытие, они медленно продвигались к холмам на севере. При этом восточная дорога все время шла рядом с ними, потом начала отдаляться и, наконец, ушла в черную тень далеко впереди. На ней не было видно ни людей, ни орков, ибо Темный Властелин уже заканчивал передвижение армий. Даже в собственной стране Саурон предпочитал покров ночи, боясь ветров внешнего мира. В последнее время они вели с ним словно самостоятельную войну, разрывая мрак, где бы он ни начинал сгущаться. Тревожила его и мысль о двух отчаянных лазутчиках, до сих пор не обнаруженных его разведчиками.

Хоббиты с трудом прошли несколько миль и остановились. Фродо совсем обессилел. Он то медленно ковылял, то кидался вперед спотыкающимся шагом.

— Вернемся на дорогу, Фродо, пока светло, — предложил Сэм. — Доверимся снова удаче! В последний раз она едва нам не изменила, ну так не изменила же! Быстро пройдем еще несколько миль, а там — привал.

Конечно, они рисковали. Но Фродо был слишком занят своим бременем и внутренней борьбой, чтобы спорить, и слишком отчаялся, чтобы бороться. Они взобрались на насыпь и пошли по жесткой, безжалостно открытой дороге, ведущей прямо к Черной Крепости. Счастье было на их стороне, и до конца дня они не встретили никого живого, а наступившая ночь надежно укрывала их мраком. Вся страна нахмурилась, словно перед великой бурей: Вожди Запада уже миновали Перекресток и в этот момент предавали огню мертвые луга Моргульской долины. Отчаянный поход продолжался; Кольцо двигалось на юг, а знамена Вождей — на север. Силы хоббитов таяли, каждая новая миля давалась труднее, чем предыдущая. Днем окрестности были пустынные, зато по ночам они часто слышали крики и топот множества ног. Но это было не страшно. Другая, куда более весомая угроза становилась все ощутимее. Сосредоточенная злобная сила, бессонное коварство чудовищных замыслов рождались во мраке впереди. И чем ближе они подходили, тем чернее становилась стена мрака, словно наступила последняя ночь мира.

Вечер этого дня казался наихудшим. Именно в этот час армия Запада приблизилась к границам живых стран, а бедные путники дошли до полного изнеможения. Четыре дня назад они ускользнули от орков: эти дни были сплошным кошмаром. Фродо не говорил ни слова. Он шел, сторбившись, часто спотыкаясь, как будто не видел земли перед собой. Сэм догадывался, что сильнее всего донимает друга растущий гнет Кольца. Он с беспокойством наблюдал, как часто поднимается левая рука Фродо, словно для того, чтобы отвести удар или заслонить глаза от страшного взгляда Ока, сияющего разглядеть их. Иногда, непроизвольно, правая рука начинала тянуться к груди, зажимала в кулак ткань плаща и медленно разжималась, когда воля Хранителя крепла.

Сейчас, в густом вечернем сумраке, Фродо сидел, свесив голову почти до колен, устало уронив руки со слабо поддержи-

вающимися пальцами. Сэм с болью смотрел на друга, пока тьма не разделила их. Нечего было сказать и нечем было подбодрить его, и постепенно сознание Сэма заполнили мрачные мысли. Усталость и постоянный страх отступили. Зато с новой силой вернулись мысли о еде. Лепешки не утоляли голода, только поддерживали силы. Но была у них и еще одна особенность, которая проявлялась тем ярче, чем меньше оставалось другой пищи. Они укрепляли волю, давали силы терпеть.

Нужно было принимать новое решение. Дорога, которая так выручала их, шла дальше на восток, уходя в великую тень. Гора же вздымалась теперь справа, почти прямо на юге, и нужно было поворачивать к ней. Отныне и до конца — никаких дорог, только голая, покрытая дымящимся шлаком равнина.

— Воды бы, — пробормотал Сэм. Он давно запрещал себе пить. Пересохший язык распух и теперь едва шевелился. Воды оставалось не больше половины фляги — и это на несколько дней пути. Их мучения давно бы прекратила смерть от жажды, но, по счастью, они выбрали орочью дорогу, а на ней через каждые несколько миль были устроены колодцы для отрядов, проходивших безводными местами. В одном из них Сэм и нашел немного затхлой и мутной воды, но в их положении привередничать не приходилось. Правда, воду они нашли позавчера, и Сэм понимал, что впереди может не встретиться ни капли.

Наконец, устав от этих тревог, он задремал. Во сне ему виделись огни, похожие на горящие глаза, и слышались странные звуки: не то дальние отчаянные вопли, не то близкие опасные шорохи. Несколько раз он вскакивал, но вокруг была только непроглядная темень. Под утро, когда он в очередной раз вскочил, тревожно озираясь, ему почудились какие-то бледные огни поодаль, похожие на глаза, но вскоре они мигнули и погасли.

Страшная ночь уходила медленно и неохотно. Здесь, вблизи Горы, и воздух был какой-то мутный. От Черной Крепости напоздали облака мрака, который Саурон ткал вокруг себя. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэм долго стоял над ним в раздумье. Он понимал, что должен побудить волю друга к новому усилию. Наконец, наклонившись, он погладил Фродо по голове.

— Проснитесь, друг мой, — шепнул он ему на ухо. — Пора идти.

Фродо вскочил, прежде всего поглядел на юг, но увидел Гору и сник.

— Я не могу, Сэм, — прошептал он. — Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм вздохнул. То, что он собирался сказать, наверное, ни к чему не приведет, а то и хуже будет, но другого выхода не находилось.

— Дайте я понесу Его, — сказал он. — Я могу, пока силы есть, даже с радостью...

Глаза Фродо дико блеснули.

— Прочь! Не трогай меня! — закричал он. — Оно мое, мое! Прочь! — Его рука потянулась к рукоятке меча. Но тут же голос изменился. — Нет, нет, Сэм, — как-то безнадежно произнес он, — пойми! Это мое бремя, я никому не могу его доверить. Поздно, Сэм, милый, мне уже не помочь. Оно меня держит. Я не могу отдать Его, а если ты попытаешься отнять, сойду с ума.

Сэм кивнул.

— Понимаю. — И после некоторого молчания словно вспомнил: — Слушайте, сударь, а не выбросить ли нам кое-что? — Он посмотрел в сторону Горы. — Незачем тащить туда ненужные вещи.

Фродо тоже поглядел на Гору.

— Да, — проговорил он, — на этом пути нам не много понадобится. А в конце — и вовсе ничего.

Он отстегнул и бросил сначала щит, потом шлем. Снял тяжелый пояс вместе с мечом в ножнах, черный плащ изорвал в клочья и разбросал по ветру.

— Вот! Больше не буду орком! — вскричал он. — И не возьму никакого оружия, ни светлого, ни темного. Пусть они берут меня, если хотят!

Сэм тоже снял доспехи, потом вынул кое-что из своей сумки. Каждый предмет был ему дорог хотя бы потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. До слез жаль было расставаться с кастрюлями и сковородками.

— Помните кролика, сударь? — спросил он. — А нашу встречу с Фарамиром в тот день, когда я слона увидел?

— Нет, — покачал головой Фродо. — Я конечно, знаю, что все это было, но как-то не так. У меня не осталось ничего — ни вкуса пищи, ни памяти о деревьях и траве, ни воспоминаний о луне и звездах. Я словно голый оказался, Сэм. И между мной и этим огненным колесом ничего нет. Я начинаю видеть его даже наяву, а все остальное гаснет.

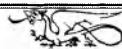
Сэм взял его руку, крепко сжал и приложил к груди.

— Тогда, чем скорее мы избавимся от него, тем скорее отдохнем, — не найдя ничего лучшего, сказал он. — То есть я хочу сказать... Эх, слова все равно не помогут, — махнул он рукой и начал собирать раскиданные вещи. Ему не хотелось оставлять все это на виду. — Даже если эта тварь нашла кольчугу, — рассуждал он, — то уж меч-то ему совсем ни к чему. Руки у него и без того не слабые, даже когда пустые. И незачем ему трогать мои кастрюли! — С этими словами он снес все вещи к одной из зияющих трещин и сбросил их туда. Лязг драгоценных кастрюль, падающих во мрак, прозвучал для хоббита похоронным звоном.

Он вернулся к Фродо, подпоясал его куском эльфийской веревки, а остаток свернул и убрал в сумку. Только сумка теперь и осталась у Сэма, да еще фляга, да Шершень на поясе, а в кармане куртки на груди — светящийся фиал и коробочка, которую Галадриэль подарила ему самому.

И вот наконец от Горы их отделяло только расстояние, которое надо пройти. Путники не думали больше об укрытиях, одна мысль владела ими — дойти. В мглистом сумраке тусклого дня не было никого, кто мог бы увидеть их, разве что столкнувшись нос к носу. Некому было предупредить Саурона, что прямо к сердцу его страны неуклонно пробираются маленькие воины. Только назгулы могли бы заметить их. Но они были далеко. Их черные крылья сеяли мрак на пути войск Запада, туда же обращены были мысли Черной Крепости.

В этот день Фродо словно обрел новые силы, и дело здесь было не только в облегчении поклажи. Местность была суровая

и трудная, но они ушли далеко, и Гора все приближалась. Однако уже к вечеру Фродо снова сторбился и стал спотыкаться. Сэм с тревогой подумал, что это напряжение стоило ему слишком дорого.

На последнем привале Фродо не сел, а просто упал, и только через некоторое время с трудом проговорил:

— Я хочу пить, Сэм, — и тут же умолк.

Сэм дал ему глоток воды, во фляге оставался еще один. Сам он не пил ни капли, и теперь, когда непроглядная темь Мордора снова окутала их, мог думать только о воде. Перед его мысленным взглядом струились и журчали все ручейки, когда-либо виденные в жизни. Солнечный свет дробился на маленьких волнах, и сверкающие блики мучили глаза даже под закрытыми веками. Сэм ощутил чудесный прохладный ил под босыми ногами, как в детстве, на зеленых отмелях Уводья, где они шлепали вместе с Джолли, Томом, Нибсом и их сестричкой Розы. Он не мог уснуть, продолжая спорить сам с собой.

— Что ж, дело идет лучше, чем я ожидал, — упрямо говорил Сэм. — Ну хоть началось лучше. Полпути мы уже прошли, еще один такой день — и готово, — тут он запнулся.

«Не будь дураком, Сэм Гэмджи, — ответил ему противный внутренний голос. — Он не может больше идти так быстро. Скоро он вообще не сможет идти. Ты и сам долго не протянешь, если будешь все время отдавать свою воду».

— Неправда, — возразил Сэм, — я смогу идти и пойду.

«Куда?»

— К Горе.

«А что потом, Сэм Гэмджи, что потом? Ну доберетесь вы туда, и что ты там делать будешь? Он-то уже ни на что не способен».

Сэм растерялся. До сих пор они с Фродо как-то не говорили о том, что нужно сделать, придя к Ородруину. Сэм слышал когда-то — он уже не помнил где и когда, — что Кольцо надо бросить в огонь.

— Должна быть какая-то Роковая Щель, — бормотал он, с трудом вспоминая где-то слышанное название. — Но если Фродо и знает, где ее искать, то я — нет.

«Ну вот видишь! — немедленно встрял голос. — Зря все это. Он ведь и сам так говорил. Только ты один и надеешься еще. Вы уж давно могли бы отдохнуть, кабы не ваше упрямство. Все равно же умрете, если не хуже. Почему бы вот прямо сейчас и не остановиться? Все равно до вершины вам не добраться».

— Нет, я дойду, — не соглашался Сэм, — дойду, пусть от меня, кроме собственных костей, ничего не останется. И Фродо понесу, пока сердце не лопнет или спина не сломается. Так что заткнись, хватит споров!

В тот момент он почувствовал, что земля под ним закачалась, и услышал глубокий отдаленный гул, словно рокот подземного грома. Красный отблеск мелькнул за тучами и погас. Гора тоже спала беспокойно.

Сэм даже не мог представить, каким мучительным будет последний день пути к Ородруину. У него болело все, а рот так пересох, что, будь у них даже еда, он не смог бы проглотить ни кусочка.

Похоже, собиралась гроза; далеко на юго-востоке в черном небе вспыхивали молнии. Но больше всего донимал дым от Горы. Он не давал дышать, в висках ломило, голова кружилась, заставляя спотыкаться и падать. И все-таки они шли.

Гора подползала все ближе; теперь она заслоняла полнеба и вздымалась над ними, огромная и страшная: вершина ее острым конусом поднималась из груды пепла, шлака и обожженных камней. К ночи они уже доползли до самого подножия.

Задыхаясь, Фродо упал на землю, Сэм сразу сел возле него, с удивлением ощущая, как усталость сменилась какой-то странной легкостью, голова прояснилась. Никакие споры больше не смущали его. Он принял решение, и теперь только смерть заставила бы его отступить. Осталась только одна мысль: завтра они или победят или погибнут. Но когда оно настанет, это завтра?

Ночь тянулась и тянулась без конца. Сэм стал думать, что опять пришла тьма и рассвета больше не будет. Взяв Фродо за руку, он почувствовал, что Хранителя бьет холодный озноб.

— Эх, зря мы выбросили одеяла, — пожалел он. Обняв Фродо и пытаясь согреть его своим телом, Сэм незаметно уснул.

Рассвет последнего дня их странствий нашел хоббитов лежащими, тесно прижавшись друг к другу. Ветер переменился. Теперь он все сильнее дул с севера.

— Пора, — приказал сам себе Сэм. — Еще одно усилие! — Он с трудом встал. Фродо тоже было поднялся со стоном, но тут же снова упал на колени. Потом он долго смотрел на темные склоны Ородруина и наконец пополз вперед на четвереньках. Сердце у Сэма облилось кровью при виде этого зрелища, но на воспаленных глазах не появилось ни слезинки.

— Я говорил, что понесу его, пусть хоть спина сломается, — пробормотал он, — и понесу! Послушайте, Фродо! — воскликнул он. — Пусть мне нельзя нести Его вместо вас, ну так я понесу Его вместе с вами. Вставайте! Залезайте-ка мне на плечи. Только скажите, куда идти.

Фродо с трудом забрался ему на спину. Сэм крепко прихватил его ноги локтями и тяжело поднялся, но тут же с изумлением почувствовал, как легка его ноша. Он боялся, что не сможет даже поднять тело друга, и приготовился ощутить гнет проклятого Кольца. Но ничего этого не было. То ли из-за того, что Фродо так исхудал, то ли потому, что Сэму была дарована некая новая сила — но только он поднял Фродо так легко, словно нес, играя, на закорках хоббитенка где-нибудь в полях Ши́ра. Он глубоко перевел дух и двинулся вперед.

Они подошли к Горе с севера и взяли чуть правее, к положим, сильно разрушенным склонам. Фродо молчал, и Сэму ничего не оставалось, как просто подниматься и подниматься. Он карабкался все выше, сначала выбирая более удобный путь, а под конец уже не разбирая дороги. Только когда ноги подломились, он остановился и осторожно опустил своего друга на землю.

Фродо открыл глаза. Они уже поднялись над дымом, который так мучил их внизу. Дышать стало легче.

— Спасибо, Сэм, — хрипло прошептал он. — Далеко нам еще?

— Понятия не имею, — ответил Сэм. — Я же не знаю, куда мы идем.

Он обернулся назад и поразился, как далеко увело его последнее усилие. Снизу Гора казалось куда выше, чем была в действительности. Уж во всяком случае, не выше перевалов Хмурых Гор, а ведь они с Фродо прошли там. Сильно изрезанные склоны поднимались над равниной тысячи на три футов, а над ними, примерно на половину этой высоты, возносился узкий центральный конус, как огромная дымовая труба, заканчиваясь иззубренными краями кратера. Теперь хоббиты были примерно на половине Горы, и Горгоратская равнина лежала далеко внизу, окутанная дымом и теньями. Едва взглянув вверх, Сэм ясно различил среди каменных глыб и обрывов тропу. Она круто поднималась с запада и петлями охватывала Гору. Они просто не попали на нее, но теперь, стоит лишь обогнуть вот этот выступ, и они будут там. Надежда возвращалась. На Гору все-таки можно взойти.

— Она словно нарочно тут появилась, — пробормотал Сэм. — Не будь ее — не видать бы нам вершины.

Конечно, тропу проложили не для них. Сэм и не подозревал, что смотрит на Сауранову дорогу из Барад Дура к Саммат Наур, Роковой Щели. От самых западных ворот Черной Крепости, через равнину, по мосту через пропасть, меж двух дымящихся провалов и дальше по склонам она поднималась высоко и уходила в темное отверстие, обращенное на восток, прямо против окна в окутанной мраком твердыне Саурана, откуда смотрело его Око. Огненные бури в недрах Горы часто засыпали или разрушали дорогу, но руками несчетного множества орков она всегда поддерживалась в порядке.

Дорога была, но до нее еще предстояло добраться. Сэм понимал, что нужен отдых. Он опустился рядом с Фродо, и некоторое время оба лежали молча. Заметно светлело. Вдруг Сэма охватило неведомое дотоле чувство, настойчивый зов словно окликнул его: «Скорее, скорее, не то будет поздно!» Он превозмог себя и встал. Фродо как будто тоже услышал зов и с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — произнес он, задыхаясь.

Фут за футом, как маленькие серые букашки, они достигли тропы. То, что снизу казалось тропой, на деле было широ-

кой, вымощенной плотно утрамбованным щебнем и пеплом дорогой. Фродо выбрался на нее, а потом, словно подчиняясь какому-то приказу, медленно обратился лицом на восток. Вдали плотной завесой висел мрак, но в этот миг порыв ветра из внешнего мира раздвинул тучи, и Фродо увидел черные — чернее мордорской ночи — острые шпили и железный венец самой верхней из башен Барад Дура. Только на мгновение показалась она, а потом, словно из какого-то окна в неизмеримой вышине, ударила на север красная молния — блеск всевидящего Ока. Тучи снова сомкнулись, и страшное видение исчезло. Око смотрело на север, где стояли, выжидая, Вожди Запада. Туда обратилась вся злоба Темного Властелина, там Сила намеревалась нанести последний удар. Ужасный взгляд заставил Фродо рухнуть на дорогу. Рука его сама потянулась к цепочке на шее.

Сэм опустился перед ним на колени. Он услышал слабый, почти беззвучный шепот Фродо:

— Помоги, Сэм! Помоги! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял его руки, сложил их ладонь к ладони и поцеловал, потом ласково сжал между своими. Ему в голову вдруг пришла мысль: «Если Он нас заметил — все кончено!»

Он снова поднял Фродо на спину, стараясь прижать его руку к своей груди, потом нагнул голову и пошел вверх по дороге. Это было не так легко. К счастью, извержение, которое Сэм видел с Кирит Унгола, пришлось в основном на западные и южные склоны, и с этой стороны камни почти не падали, зато во многих местах на дороге зияли широкие трещины. Она поднималась, поднималась, а потом резко сворачивала на запад. Задыхаясь под своей ношей, Сэм как раз собирался миновать поворот, когда его глаза уловили какое-то движение вверх.

В тот же миг что-то тяжелое обрушилось на него, и он упал ничком, ободрав тыльные стороны рук. Только услышав ненавистный голос, он понял, что произошло.

— Зззлой хоззззйин! Ззлой, он лжжет нам, лжжет Ссмеагорлу, горлум, горлум! Нельзззз так! Нельзззз обижжжжать Сссокровищщщще! Отдай его Ссмеагорлу, отдай нам. Пусстть он отдасст!

Одним движением Сэм вскочил и выхватил меч, но сделать ничего не мог. Горлум и Фродо тесно сцепились. Горлум рвал плащ на груди у Фродо, сиюсь завладеть цепочкой и Кольцом. Наверное, только это и могло разбудить гаснущую волю и отвагу Фродо: нападение, попытка силой отнять у него Кольцо. Ни Сэм, ни тем более Горлум не ждали от него такого яростного сопротивления. Да и Горлум был уже не тот. Какими бы ужасными путями одиночества, голода и жажды он ни шел, гонимый алчным желанием и беспощадным страхом, — пути эти оставили на нем тяжелый след. Он превратился в тощее, высохшее существо, почти в скелет, туго обтянутый потемневшей кожей. Дикое пламя еще пылало у него в глазах, но прежняя цепкая и злобная сила изменила ему. Фродо отшвырнул его и выпрямился, весь дрожа.

— Прочь, прочь! — произнес он, тяжело дыша, ощупывая Кольцо сквозь кожаную рубашку. — Прочь, ползучая тварь, уйди с моего пути! Твое время кончилось. Ты уже не можешь ни предать, ни убить меня.

И тут вдруг, как раньше на Эмин Майл, Сэм увидел обоих соперников другим зрением. Во прахе лежало нечто, едва ли большее, чем тень живого существа, нечто побежденное, разбитое, но еще исполненное алчности и бешенства; а над ним высилась суровая, недоступная больше для жалости фигура, облаченная в белое, с огромным огненным колесом на груди. И из этого огня звучал властный голос:

— Уходи и не смущай меня больше! Если ты еще раз коснешься меня, то будешь брошен в Огненную Пропасть!

Распростертое существо съежилось, в его пылающих глазах был ужас, но было и неутолимое желание.

Тут видение исчезло, и Сэм увидел обычного Фродо, стоявшего, задыхаясь, с прижатой к груди рукой, а у его ног — Горлума, упавшего на колени.

— Берегитесь! — закричал Сэм. — Он прыгнет! — Подняв меч, он шагнул вперед. — Скорее, Фродо! — крикнул он. — Я задержу его. Не теряйте времени! Идите!

Фродо взглянул на него словно издалека.

— Да, я должен идти, — произнес он отчужденным голосом. — Прощай, Сэм. Это — конец. Пусть на Гору Рока падет рок. Прощай! — Он повернулся и пошел по дороге, медленно, но не сгибаясь.

— Ну вот! — сказал Сэм. — Наконец-то я могу посчитаться с тобой за все. — Он шагнул вперед, сжимая в руке меч. Но Горлум не прыгнул. Он рухнул Сэму в ноги и заскулил.

— Не убивай нас! Не делай нам больно острой сталью! Мы хотим жить, да, дай нам пожить еще немного! Пропало! Мы пропали! Без Сокровища мы умрем, да, мы обратимся в прах! — Он скреб плак на дороге длинными костлявыми пальцами. — В праххх, — прошипел он еще раз.

Рука у Сэма дрогнула. В душе его klokотал гнев. Было бы только справедливо убить это злобное, коварное существо, это казалось единственно верным поступком. Но он уже не мог ударить. То, что лежало перед ним в пыли, раздавленное, потерявшее все, вызывало лишь сострадание. Он сам, хотя и недолго, был обладателем Кольца и теперь догадывался о муках иссохшего тела и черной души Горлума, поработанного Кольцом, неспособного больше найти покой в жизни.

Вряд ли Сэм смог бы выразить свои чувства, он только плюнул в сердцах.

— Ох, будь ты проклят, вонючая тварь! — сказал он. — Убирайся! Прочь отсюда! Я тебе не доверяю, так что уходи, а не то я обязательно сделаю тебе больно вот этой острой сталью!

Горлум поднялся на четвереньки, попятился, повернулся и, не успев Сэм дать ему пинка напоследок, ускакал по дороге вниз. Сэм не стал больше думать о нем. Он вдруг вспомнил о Фродо. Впереди его не было видно. Тогда изо всех сил Сэм заковылял вверх. Если бы он посмотрел назад, то мог бы увидеть, что Горлум повернул обратно и с безумным блеском в глазах крадется за ним следом.

Дорога все шла вверх. Вскоре, за очередным поворотом, открылся прямой как стрела отрезок ее, упиравшийся в темное отверстие в склоне Горы, — вход в Огненную Пещеру Саммат

Наур. Поднималось тускло-красное солнце, но вокруг Горы все было мертво. Мордор замер, ожидая рокового удара.

Сэм подошел к зияющему устью и заглянул внутрь. Там было темно, жарко, и воздух сотрясаясь от какого-то глухого рокота.

— Фродо, Фродо! — позвал Сэм. Ответа не было. Некоторое время он стоял, и сердце у него колотилось от безумного страха, потом кинулся внутрь. За ним бесшумно, как тень, проскользнул Горлум.

Сначала Сэм ничего не увидел. Тогда он торопливо извлек звездный фиал, но и он был бледен и холоден, и ничуть не осветил душного мрака. Здесь, в самом сердце владений Саурона, у истоков его древней мощи, все другие силы подчинялись ему. Сэм неуверенно сделал в темноте несколько шагов, и тут вдруг впереди вспыхнуло красное пламя, взметнулось вверх и лизнуло высокий темный свод.

Тогда Сэм увидел, что стоит в длинной пещере, уходящей глубоко в дымящийся конус Горы. Неподалеку от входа стены и пол пересекала глубокая трещина, из которой исходил багровый свет. Снизу все время слышались рокот и пыхтение, словно там работали огромные мехи.

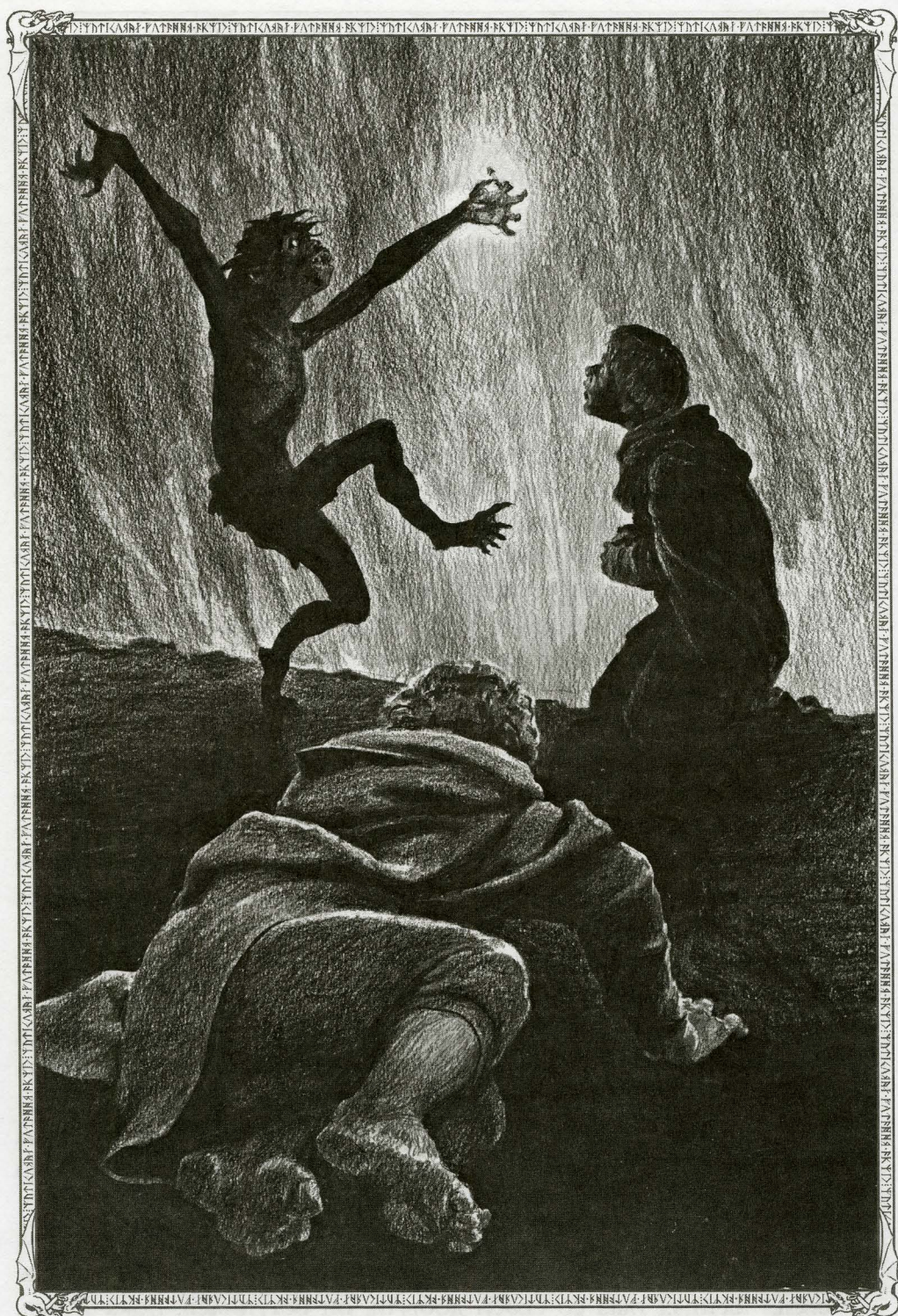
Свет снова усилился, и на краю трещины, у самой Пропasti Рока, Сэм увидел Фродо — черный силуэт на красном фоне, — неподвижного, словно окаменевшего.

— Фродо! — крикнул Сэм.

Фродо пошевелился и вдруг заговорил. Такого звучного и мощного голоса Сэм никак не ожидал от него услышать. Этот голос легко заглушал рокот Горы и отразился эхом от стен и сводов.

— Я пришел, — произнес он. — Но теперь я передумал. Кольцо мое! — Он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм ахнул, но не успел и двинуться, как одновременно случилось сразу множество событий.

Что-то сильно толкнуло Сэма в спину, и он отлетел в сторону, ударившись головой о каменную стену так, что потемнело в глазах. Но все же успел заметить метнувшуюся мимо тень.

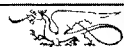
А далеко отсюда, в тот момент, когда Фродо надел Кольцо и объявил себя его властелином, Темный Владыка в Барад Дуре вздрогнул, и вместе с ним вздрогнула от основания до вершин своих башен Черная Крепость. Око Врага, пронзая мрак, узрело случившееся в Огненной Пещере. Саурон в одной мгновенной вспышке наития понял все: и план врагов, и свою собственную роковую оплошность. Гнев и страх в равной мере овладели им. Ибо он увидел, какая смертельная опасность грозит ему и сколь тонка нить, удерживающая его судьбу.

Все хитрости, все паутины измен и коварства, все замыслы и планы — все это вдруг рухнуло в его черном сознании. По всему темному царству прошел трепет, его рабы дрогнули, войска остановились, а их предводители, вдруг лишенные разума и воли, заколебались и пришли в смятение. Враг забыл о них. Разум и воля Силы, управлявшей ими, всей своей мощью обратились теперь к Горе. Прозвучал немой приказ, и нагулы, Рабы Кольца, стремительно понеслись на юг, к Роковой Горе.

Сэм встал. Его слегка оглушило, и кровь из ссадины на голове заливала глаза. Он с трудом шагнул вперед и увидел странное и страшное зрелище. На краю бездны Горлум бешено боролся с невидимым соперником, он качался взад и вперед, чуть не падая в пропасть, отступал, падал на колени, поднимался и снова падал. И он все время шипел, но без слов.

Огонь снизу теперь ревел, вся пещера наполнилась блеском и жаром. Сэм видел, как Горлум вдруг подпрыгнул, блеснули и лязгнули острые зубы, и сразу вслед за тем раздался крик Фродо. Этот крик словно выбросил его из невидимости, он упал на колени на краю пропасти. А Горлум плясал, как сумасшедший, высоко держа Кольцо с торчащим в нем откушенным пальцем. Кольцо сияло, словно действительно было выковано из живого огня.

— Сокровище, Сокровище, Сокровище! — выкрикивал Горлум. — Мое Сокровище! О, мое Сокровище! — И тут, не сводя алчных глаз со своей добычи, он оступился, покачнулся,

на мгновение застыл на краю пропасти и с воплем рухнул вниз. Из глубины навстречу ему взметнулся огромный язык пламени, еще раз долетел жалобный крик «Сокровище!» — и замер.

Долгий грохот родился в недрах Горы. Пламя вымахнуло из расселины и лизнуло своды. Грохот перешел в рев, Гора содрогнулась. Сэм подбежал к Фродо, поднял его и вынес наружу. И тут, на пороге Саммат Наур, высоко над равнинами Мордора, его сковало такое изумление, что он стоял, позабыв обо всем на свете, и только смотрел, чувствуя, что каменеет от страха. Его глазам открылась гигантская бурлящая туча. В ее недрах проглядывали невиданные башни и бастионы, высокие, как горы над бездонными пропастями, глухие темницы подземелий, огромные стальные ворота — все это разом исчезло. Башни рухнули, и горы обвалились, стены распались, огромные столбы дыма и пара росли все выше и выше, их вершины изогнулись как гребень колоссальной волны, этот гребень вскипел и пал на равнину. Все покрыли оглушительные раскаты грома: земля вздрогнула, равнина всколыхнулась и растрескалась, Ородруин бешено встряхнуло. Из его разверзшейся вершины ударило пламя. Небеса взорвались в громе, иссеченном молниями. Из туч исполинскими бичами хлестали потоки черного ливня. И в самое сердце страшной грозы с заунывными воплями неслись назгулы. Они были подобны молниям, впивающимся в пучину и гаснущим в ней.

— Ну вот и конец, Сэм, — произнес чей-то ясный голос рядом с ним. Это был Фродо, бледный, измученный, но снова ставший самим собой. В глазах его больше не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха, только мир. Бремя спало. Это был прежний любимый друг, как в давние, казавшиеся невероятными, мирные дни.

— Фродо! — вскричал Сэм, падая на колени. В этот час крушения мира его захлестнула радость, великая радость освобождения. Гнет исчез, его друг спасен; он опять стал самим собой, он опять свободен. И тут Сэм заметил его искаленную руку.

— Бедная рука! — всхлипнул он. — А мне даже нечем перевязать ее, нечем успокоить боль. Лучше бы он откусил руку мне, пусть бы хоть целиком съел. Но его нет, он исчез, наконец навсегда исчез!

— Да, — ответил Фродо. — Ты помнишь, как Гэндальф сказал тогда: «Роль свою он сыграл не до конца». Так оно и получилось. Сэм, я ведь не уничтожил бы Кольцо. Наши труды в последнюю минуту едва не стали напрасными. Так что простим ему. Задача выполнена, и все завершено. Я рад, что ты здесь, со мной. Вдвоем не страшно, даже в конце.

Глава IV КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ

Вокруг холмов кишели полчища Мордора. Их надвигающееся море готово было поглотить войска Запада. Солнце покраснело. Крылья назгулов отбрасывали на землю черную тень смерти. Арагорн стоял у знамени, безмолвный и суровый; казалось, мысли его сосредоточены на давнем или дальнем, но глаза сверкали, как звезды, сияющие тем ярче, чем темнее ночь. На вершине холма застыл Гэндальф, холодный и белый. Тени не касались его. Полчища Мордора кидались на обреченные холмы, как волны. Их гомон поднимался, как шум прилива, над стуком и лязгом оружия.

Вдруг Гэндальф обернулся и взглянул на север, где небеса были бледными

и чистыми. Потом он воздел руки и вскричал громовым голосом:

— Орлы летят!

Этот крик покрыл шум битвы, и множество голосов подхватили:

— Орлы! Орлы летят!

Войска Мордора взглянули вверх, недоумевая, что означает этот клич.

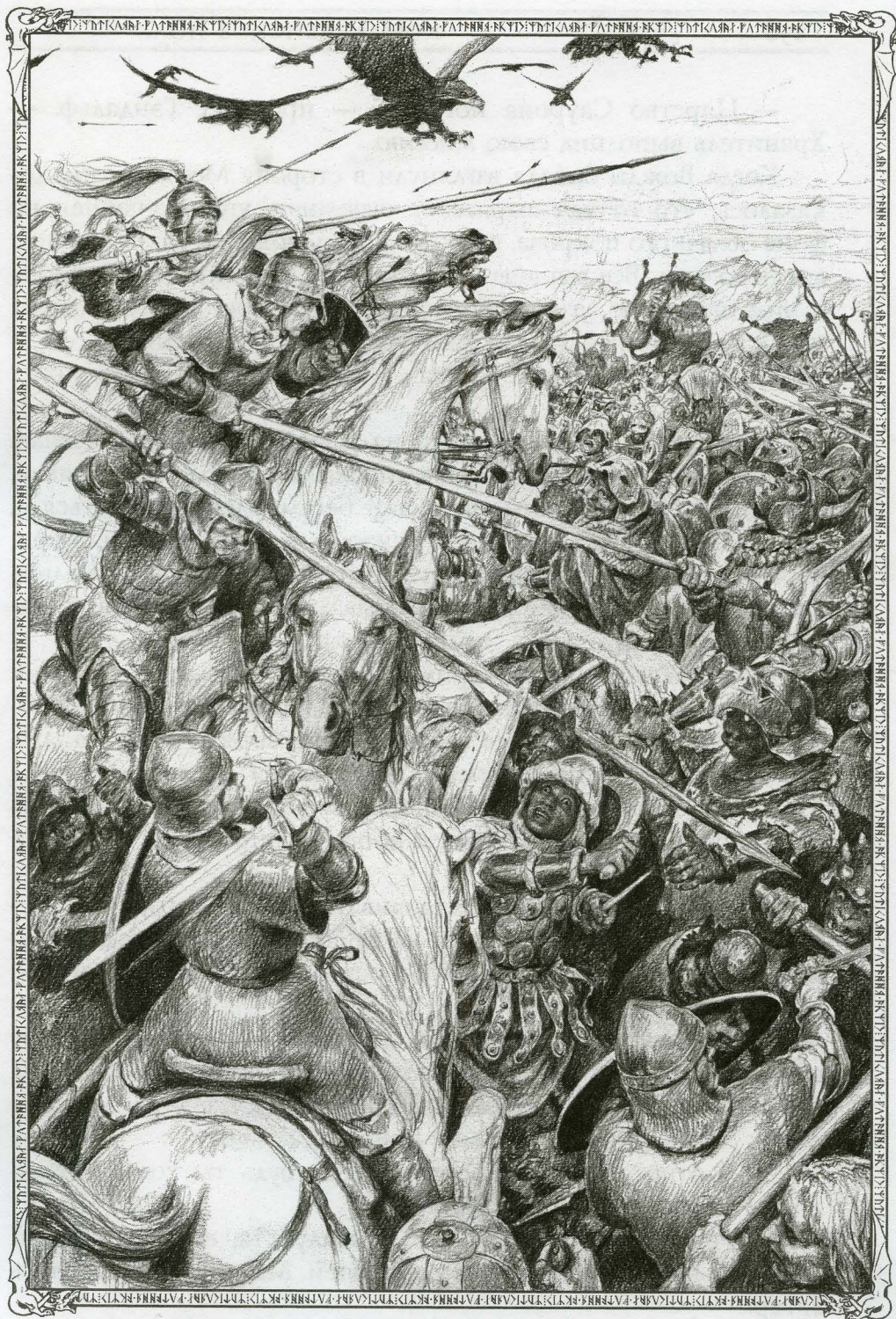
Высоко в небе несясь Гваихир, Повелитель Ветров, за ним спешил его брат Ландроваль — великие Орлы Севера, самые могучие из потомков старого Торондора, который строил гнезда на недосягаемых пиках Криссаэгримских Гор в пору молодости Среднеземья. Подгоняемые северным ветром, летели ровными рядами все их сородичи. Прямо на назгулов неслись они, круто спускаясь с высоты, и ветер смерчами завивался вокруг их могучих крыльев.

Но назгулы не приняли боя. Они повернули вспять и исчезли во мраке Мордора, услышав внезапный отчаянный призыв Черной Крепости. В тот же миг войска Мордора дрогнули, торжествующие крики смолкли, руки опустились, и ноги отказались служить. Сила, наполнявшая их ненавистью и яростью, оставила их; и вот, взглянув в глаза врагам, они прочли свой приговор и испугались.

Тогда раздался громкий клич Вождей Запада. Их сердца наполнились новой надеждой. С осажденных холмов двинулись тесными рядами рыцари Гондора, Всадники Рохана, дунаданы Севера, ударили на затрепетавших врагов, смяли их и обратили в бегство. Но Гэндальф поднял руку и снова громко крикнул:

— Стойте, Люди Запада! Остановитесь и ждите. Час настал!

Не успел он договорить, как земля содрогнулась у всех под ногами. Потом, далеко за Черными Воротами, высоко над горами в небо рванулся исполинский смерч, пронизанный молниями. Земля застонала и затряслась. Черные Ворота рухнули, а издали, то утихая, то нарастая, то поднимаясь до облаков, примчался рокочущий гул, грохот, длительный раскатистый гром разрушения.

— Царство Саурона погибло, — произнес Гэндальф. — Хранитель выполнил свою миссию.

Когда Вожди Запада взглянули в сторону Мордора, им показалось, что оттуда вырастает огромная, угольно-черная на фоне облачного покрова, увенчанная молниями и закрывающая все небо тень. Все выше возносилась она над миром, простирая к ним огромную, угрожающую руку, ужасную, но бессильную; ибо в то время, когда она уже опускалась над равниной, сильный ветер подхватил ее, развеял, и она исчезла. И стало тихо.

Тогда люди снова взглянули на равнину. Их враги бежали. Мощь Мордора таяла, как пыль, уносимая ветром. Как муравьи, лишённые своей царицы, начинают бессмысленно суетиться и, обессилев, умирают, так рабы Саурона — орки, тролли, звери, не чувствуя больше управляющей ими силы злых чар, носились в беспамятстве по равнине, набрасывались друг на друга, пытались укрыться в темных щелях и норах.

Иначе вели себя харадримы, вастаки и южане. Они так давно подпали под власть Тьмы, так пропитались черной злобой и так ненавидели все то, что олицетворяли силы Запада, что теперь даже крушение их Властелина не сломило этих гордых и сильных воинов. Многие все же бежали, но часть сумела организовать отчаянную оборону. Впрочем, и они были обречены.

Гэндальф, предоставив заканчивать битву Арагорну и другим вождям, быстро поднялся на вершину холма и издал призывный клич. Очень скоро к нему осторожно подлетел могучий Повелитель Ветров.

— Дважды ты выручал меня, друг мой, — обратился к нему маг, — не откажи и в третий раз, надеюсь, в последний. Ноша будет не тяжелее, чем в нашу последнюю встречу на вершине Зирак Зигилия, где сторела моя прежняя жизнь.

— Я отнесу тебя, куда пожелаешь, будь ты хоть из камня, — промолвил в ответ Гваихир.

— Тогда — в путь! Только, пожалуйста, возьми с собой двоих самых быстрых своих сородичей. Мы должны обогнать ветер.

Орел повернул голову, немигающими глазами долго смотрел в сторону гибнущей Страны Мрака, а потом сказал:

— Ветер с севера, но мы обгоним его.

Он поднял Гэндальфа и направился на юг, а за ним летели Ландроваль и молодой Менельдор. Под их крыльями проплыли Удун, потом Горгорат, сплошь в развалинах, заполненные обезумевшими, мечущимися толпами орков, а впереди ярилась, изрыгая огонь, Роковая Гора.

— Я рад, что все-таки в конце всего мы вместе с тобой, — сказал Фродо Сэму.

— Конечно, вместе, сударь, — ответил Сэм, нежно прижимая к груди раненую руку Фродо. — И путешествие наше кончилось. Но столько тащиться ради того, чтобы сгинуть здесь, как-то мне не хочется. Ну не по мне это, если вы понимаете, про что я говорю.

— Понимаю, — вздохнул Фродо. — Но так уж мир устроен. Надежды умирают, и приходит конец. Нам недолго осталось ждать. Этот мир гибнет, а мы — в самом сердце его, и нам не спастись.

— Но хоть убраться-то подальше мы можем? Чего торчать у этой Роковой Дыры, или как ее там зовут... Идемте, Фродо, хоть по тропе спустимся.

— Хорошо, Сэм, пойдем, если хочешь, — покорно произнес Фродо.

Они встали и начали медленно спускаться к подножию Горы. Вдруг с громовым ударом из Саммат Наур вырвались дым и огонь, одна из сторон конуса расселась, и яростная, слепящая лава, выплеснувшись на восточный склон, с грохотом поползла вниз.

Последние силы быстро покидали хоббитов. Идти было некуда. Они добрались до невысокого шлакового холма у подножия и оказались словно на острове, охваченном гибелью, посреди стремительно плавящейся земли. Ородруин хрипел. Вокруг Горы земля лопалась трещинами и целыми пропастями, в крутящихся клубах дыма мелькал огонь. Судорожно вздрагивала Гора, на склонах появились неожиданные прорехи. Вниз

устремилась медленные реки пламени. Несмотря на обманчивую неторопливость, очень скоро они достигнут равнины. Сверху непрестанно валили хлопья горячего пепла.

Сэм все еще бережно держал руку Фродо.

— Надо же, в какую мы с вами сказку попали! — с деланным оживлением начал он и вздохнул. — Хотелось бы мне послушать ее. Как вы думаете, сударь, скажут ли когда-нибудь: «Вот повесть о Фродо Девятипалом и о Кольце Всевластья»? И все примолкнут, как мы тогда, в Дольне, помните, когда слушали сказание о Берене и Сверкающем Камне... А еще мне интересно, что будет потом, после нас... — Он говорил, пытаясь словами прогнать страх, говорил и все поглядывал на север. Не хотел смотреть, а все-таки смотрел с мольбой и надеждой. С севера дул ветер. Он разогнал мрак и тучи, открыл холодное, ясное небо.

Зоркие глаза Гвайхира заметили две крошечные темные фигурки, окруженные со всех сторон лавой. Вот они упали от очередного подземного толчка, а от островка, приютившего их, откололся большой кусок. Вокруг содрогались и рушились скалы, из-под земли выплескивались все новые потоки огня. Презрев страшную опасность, птица-гигант ринулась вниз. За ним устремились Ландроваль и Менельдор. Ничего этого хоббиты не видели. Их маленький холмик трясся как в лихорадке, все вокруг плавилось от страшного жара. Они закрыли глаза руками, чтобы не видеть смерти.

Когда орлы подхватили их, они были без сознания. Птицам так было даже удобнее. Их ноша безвольно висела в громадных когтях, бережно державших маленькие тела. Орлы взмыли над огнем и дымом и скоро растаяли высоко в небе.

Очнувшись, Сэм обнаружил, что лежит на чем-то мягком. Над ним плавно покачивались ветки буков, их молоденькие листья просвечивали на солнце золотым и зеленым. В воздухе разливался нежный аромат весны. Он вспомнил: так пахло в Итилиене.

— Ох! — пробормотал он. — Интересно, долго ли я спал? — Запах перенес его к тем дням, когда он развел свой маленький костерок на солнечном берегу. Что было после? Он не помнил. —

Ох, — повторил он, — ну и сон мне снился! Как я рад, что проснулся. — Сэм сел и увидел рядом спокойно спящего Фродо. Одну руку он положил под голову, другая лежала на одеяле. Это была правая рука и на ней недоставало третьего пальца!

Воспоминания разом нахлынули на Сэма, и он вскричал:

— Так это был не сон? Где же мы?

Чей-то голос ласково произнес позади него:

— В Итилиене. Вы в гостях у Короля, и он ожидает вас.

Сэм обернулся, как ужаленный. Перед ним стоял Гэндальф, одетый в белое, с белоснежной бородой, сверкающей на солнце.

— Ну, Сэмиус, как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Сэм, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на мага, открыв рот. Наконец он сказал сиплым от волнения голосом:

— Гэндальф! Я думал — ты мертвый! Я думал — я и сам мертвый. Значит, все грустное, что было — это неправда? Гэндальф! Что такое с миром стало?

— Великий Мрак исчез, — ответил Гэндальф и засмеялся, и этот смех был как музыка, или как вода в знойный полдень. Сэм подумал, что очень давно не слышал смеха. В глазах его вспыхнула радость, но неожиданно для самого себя он заплакал. Впрочем, слезы высохли так же быстро, как появились, он счастливо рассмеялся и вскочил с ложа.

— Как я себя чувствую? — вскричал он. — Я даже не знаю, как сказать! Я чувствую... — Он взмахнул руками. — Чувствую, как весна после зимы, как солнце на листьях, как трубы и арфы, и все песни, какие только есть на свете! — Он спохватился и обернулся к другу. — Слушай, Гэндальф, посмотри, как досталось его руке! Ему столько пришлось вынести! Ну хоть в остальном-то он здоров?

— Да здоров я, здоров, — сказал Фродо, садясь на постели и тоже улыбаясь. — Я уснул, ожидая тебя, Сэм, лентяй ты эдакий! Проснулся-то я рано утром, а сейчас уже полдень.

— Полдень? — растерянно переспросил Сэм. — А какого дня?

— Сегодня четырнадцатый день Новой Эпохи, — ответил Гэндальф, — восьмое апреля по Ширскому счету, вы ведь в марте считаете тридцать дней. Но в Гондоре Новый Год теперь

всегда будет отмечаться двадцать пятого марта, в день падения Саурона, в день, когда вас вынесли из огня. Король исцелил вас и ждет теперь. На сегодня назначен большой пир. Когда вы будете готовы, мы пойдем к нему.

— Пойдем к Королю? — спросил Сэм. — А кто он?

— Король Гондора и Правитель Западных Стран, — важно ответил Гэндальф. — Под его рукой снова все исконные владения. Скоро он отправится на коронацию, он ждал только вас.

— А что же мы наденем? — забеспокоился Сэм. Рядом с постелями лежали только их старые изношенные одежды, в которых они проделали весь путь.

— То, в чем шли в Мордор, — ответил маг. — Даже ваши орочки лохмотья надо сохранить. Никакие шелка, ни полотно, ни доспехи, ни гербы не могут быть почетнее. А потом посмотрим.

Маг протянул им руки. Одна из них странно светилась.

— Что там? — вскрикнул Фродо. — Неужели?..

— Да, это ваши сокровища. Они были у Сэма, когда вас спасли. Дары Владычицы Галадриэль: твой фиал, Фродо, и твоя коробочка, Сэм. Все цело вам на радость.

Хоббиты умылись, оделись и, конечно, слегка перекусили, а тогда уж последовали за Гэндальфом. Из буковой рощицы они вышли на большой зеленый луг, окруженный высокими деревьями с пышной листвой и большими алыми цветами. Позади шумел водопад, а впереди, по краю луга, струился поток, весело журчал, пел и искрился на солнце.

На лугу собралось множество рыцарей в великолепных доспехах и статных воинов, одетых в черное с серебром. Все почтительно приветствовали хоббитов и кланялись. Пройдя под деревьями вдоль ручья, они вышли на обширное поле. Дальше в серебристой дымке текла широкая река и виднелся остров. Там стояли корабли. Все поле заполнили войска. Они выстроились блестящими рядами в строгом порядке. При приближении хоббитов над рядами взметнулись разом выхваченные из ножен мечи, прокатилась волна склоняемых копий, запели рог и трубы, а люди закричали на многих языках:

*Долгая жизнь полуросликам!
Славьтесь великою славою!
Куйо и Периайн ананн! Аглар ни Перианнат!
Славьтесь великою славой, Фродо и Сэмюс!
Даур а Бераэль, Конин эн Аннун! Эглеро!
Славьтесь!
Эглеро!
А лайта те, лайта те! Андаве лайтувалмет!
Славьтесь!
Кормаколиндор, а лайта тиерианна!
Славьтесь, Хранители, славьтесь великою славой!*

Позабыв себя от восторга и изумления, Фродо и Сэм прошли вперед и увидели три возвышения, сложенные из зеленого дерна посреди поля. Над правым из них развевалось знамя, на котором по зеленому полю мчался неоседланный белый конь, над левым было знамя с изображением серебристого корабля на синем фоне, разрезающего волны форштевнем в виде лебедя, а над средним, самым высоким из трех, реяло по ветру большое черное знамя с белым цветущим деревом, семью звездами и сияющим венцом. Под знаменем сидел человек с мечом, лежащим на коленях, в кольчуге, но без шлема. При их приближении он встал, высокий, статный, темноволосый и сероглазый. И тогда они узнали его, хоть он и сильно изменился.

Фродо бросился ему навстречу, Сэм — за ним по пятам.

— Ну вот, теперь еще и это! — кричал он. — Это же Колоброд, или я сплю!

— Я рад, что ты признал Колоброта, — ответил Арагорн. — Далековато отсюда до Брыля, где я так тебе не понравился. Долго пришлось идти к сегодняшнему дню, но ваш путь был самым мрачным.

И тут, к изумлению и крайнему смущению Сэма, Арагорн преклонил перед ними колени, затем взял обоих за руки, подвел к трону и посадил на него, а потом, повернувшись к войскам, крикнул громко:

— Славьте их, славьте героев!

А когда отзвучал радостный гул приветственных криков, то к окончательному и полному удовольствию Сэма, вперед вышел менестрель из Гондора и, поклонившись низко, попросил разрешения спеть.

— Вожди и рыцари, доблестные воины, короли и князья, славные Люди Гондора, и Всадники Рохана, сыновья Элронда и Дунаданы Севера, Эльф и Гном, великие герои Шира и весь свободный народ Запада! — обратился он к собравшимся. — Слушайте меня! Я спою вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Всевластия.

От этих слов Сэм счастливо рассмеялся, вскочил и воскликнул:

— Вот это да! Исполняются все мои желания! — И снова заплакал.

Смеялись многие, но кое-кто и плакал тоже, а светлый голос менестреля звучал как серебро, и все затихли, слушая. Он пел то на эльфийском, то на Всеобщем, и сердца слушателей переполнялись страданием высочайшего наслаждения; песня увела их за собой в страну, где горе и счастье сливаются вместе и где слезы скорби превращаются в чистое вино блаженства.

Песня кончилась. Арагорн, а вслед за ним и все остальные встали и перешли в приготовленные шатры, чтобы пить, есть и веселиться до конца дня.

Но Фродо с Сэмом задержались. Их отвели в палатку и переодели в чистое полотно. Прежние одежды аккуратно свернули и уложили с почетом. Пришел Гэндальф и, к удивлению Фродо, принес его меч, эльфийский плащ и кольчугу из мифрила, а для Сэма — вызолоченную кольчугу и серый лориенский плащ, вычищенный и аккуратно починенный. Потом маг положил перед ними два меча.

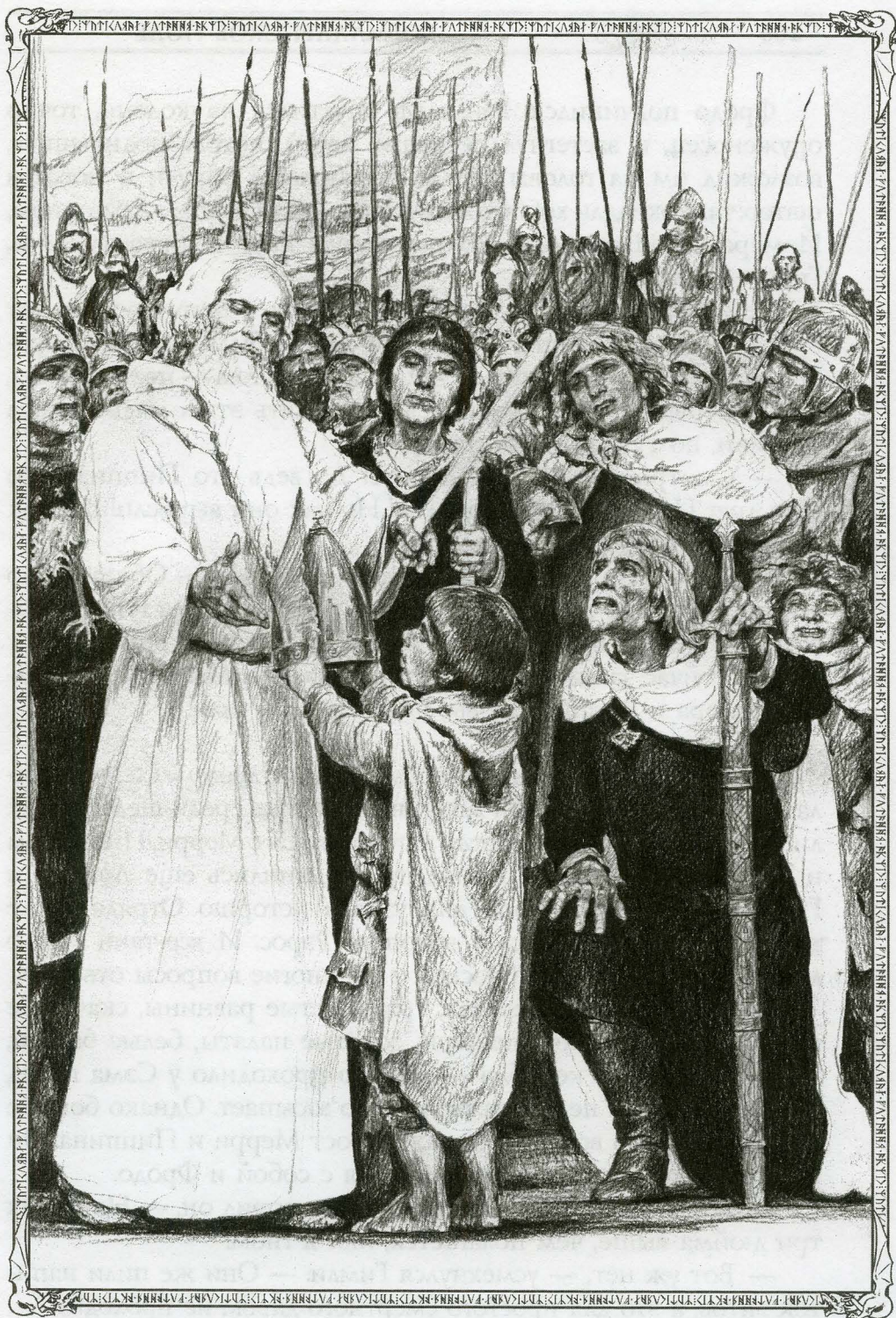
— Не надо никаких мечей, — помотал головой Фродо.

— Сегодня тебе придется взять хоть один, — мягко, но настойчиво проговорил Гэндальф.

Фродо выбрал тот, который поменьше, Сэмов.

— А Шершень я тебе отдал, Сэм.

— Нет уж, сударь! Бильбо вам его подарил вместе с кольчугой, ему не понравилось бы, попади он в другие руки.

Фродо подчинился. Гэндальф опустился на колени, точно оруженосец, и застегнул перевязи мечей, потом, поднявшись, возложил им на головы легкие серебряные обручи и повел в шатер; там ожидали хоббитов почетные места рядом с Арагорном, Йомером и Имрахилем. Вокруг сидели другие военачальники, Гимли и Леголас.

Когда пришло время наполнить кубки, в шатер вошли два оруженосца, как решил Фродо. На одном была черная с серебром одежда воинов Минас Тирита, а на другом — цвета Роухана. Сэм в первый момент удивился, что делать этим мальчишкам в армии, но тут же узнал их.

— Смотрите, Фродо, смотрите! Да ведь это Пиппин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок! Но как они выросли! Вот так история! Интересно бы послушать.

— А как же, — степенно ответил Пиппин. — Обязательно услышишь, сразу после пира. А пока вон Гэндальфа порасспросите. Он теперь важный стал, хоть и смеется все время. Мы с Мерри сейчас заняты, так вы уж подождите. Мы теперь рыцари Гондора и Роухана, как вы, надеюсь, заметили.

Пир кончился поздно вечером. Круглая луна медленно плыла над одевшимся в туман Андуином, мерцая среди шелестящих листьев. Фродо и Сэм не могли наговориться с Мерри, Пиппином и Гэндальфом, а потом к ним присоединились еще Леголас и Гимли. Постепенно герои дня узнали историю Отряда после того, как они расстались у водопада Рэрос. И все-таки еще о многом оставалось расспросить и на многие вопросы ответить.

Орки, говорящие деревья, травянистые равнины, скачущие всадники, мерцающие пещеры, золотые палаты, белые башни, битвы и большие корабли — все это проходило у Сэма перед глазами, пока он не почувствовал, что засыпает. Однако больше других чудес его все-таки поражал рост Мерри и Пиппина. Он несколько раз заставлял их меряться с собой и Фродо.

— Вот чего не могу понять, — проговорил он. — На целых три дюйма выше, чем полагается, или я гном!

— Вот уж нет, — усмехнулся Гимли. — Они же пили напиток энтов, а это для простого смертного даром не проходит.

— Напиток энтов? — переспросил Сэм. — Тогда расскажите мне о них еще раз. Я так и не понял, что они такое. Это ж сколько времени надо, чтобы во всем разобраться!

— Пару месяцев, не меньше, — отозвался Пиппин. — Надо бы нам запереть Фродо в какой-нибудь башне в Минас Тирите, пусть запишет все это. Иначе он забудет половину, и старый Бильбо будет очень огорчен.

Наконец Гэндальф встал.

— Арагорн — великий целитель, — сказал он, — но вы вернулись от самых дальних пределов смерти. И хотя вы спали потом долго и крепко, сейчас вам снова пора в постель.

— Это и к тебе относится, Пиппин, — напомнил Гимли. — Я люблю тебя хотя бы за те мытарства, которых ты мне стоил и которых я никогда не забуду. Но только я не забуду и другого: как нашел тебя на поле боя. Если бы не Гимли, ты бы так там и остался. Хорошо, я хоть знаю, как выглядят хоббичьи лапы, даже когда они торчат из-под груды тел. Когда я поднял твой так подросший труп, я был уверен, что ты мертвее мертвого. Я тогда чуть бороду себе не вырвал. — Он важно погладил свою ухоженную бороду. — А сегодня — первый день, как встал, и уже скачешь, как кузнечик. Ложись-ка давай. Я тоже лягу.

— А я, — мечтательно проговорил Леголас, — буду бродить по рошам этой прекрасной страны, это лучший отдых. Когда-нибудь кое-кто из нашего народа обязательно переселится сюда, и этот край на время станет благословенным. Может, на месяц, может, на жизнь, а может, на сто человеческих жизней. Но Андуйн близок, и Андуйн ведет к Морю. К Морю!

К Морю! К Морю! Там чайки печальные плачут!
Белопенные гребни играют и пляшут...
Ветер, яростный ветер — о чем ты просвищешь?
Серебристый корабль — ты слышишь ли,
слышишь? —

То зовут голоса на Последнем Причале...
Я покину леса, что меня осеняли,
Где прекрасные годы опали листвою...

*Одинокий, уйду я дорогой морскою
По высокой волне к Всеэльфийскому Дому,
Недоступному смертному взгляду земному...
О Эрессэ, край вековечно цветущий,
Бесконечно манящий, навечно зовущий...*

Так напевая, Леголас спускался с холма.

Остальные тоже разошлись. Фродо с Сэмом сразу уснули. А утром их снова ждал радостный мир Итилиена. Они провели здесь много дней. Кормалленское поле, где стояли войска, соседствовало с Хеннет Аннун, и река, звенящая на перекатах, делала легкими их сны. А по утрам они умывались в чистых водах, спешащих цветущими лугами к Андуйну. Хоббиты бродили то там, то здесь, навещая места, где побывали недавно, и Сэм все надеялся в каком-нибудь глухом уголке леса или на скрытой полянке встретить елѐфанта. А когда узнал, что при осаде Гондора их побывали великое множество, то сильно пожалел об этом.

— Ну нельзя же все сразу, — утешал он сам себя. — И все-таки я много потерял.

Войска готовились к возвращению в Минас Тирит. Усталые отдохнули, раненые выздоровели. Пришлось еще сражаться с недобитыми остатками армий Востока и Юга, но и они в конце концов покорились. Настал день, когда вернулись даже те, кто ходил разрушать крепости на севере Мордора.

Приближался май, когда вожди Запада тронулись в путь. Войска сели на корабли и спустились до Остилиата: там отдохнули день, а на следующий были уже на зеленых полях Пеленнора и снова увидели высокие белые башни под высоким Миндоллуином — последнюю память о Заокраинном Западе, Город Людей Гондора, сквозь мрак и огонь встающий к новой жизни.

В канун Майского дня на полях Пеленнора запестрели шатры. Назавтра с восходом солнца Король должен был вступить в Город.

Глава V КОРОЛЬ И ПРАВИТЕЛЬ

Весь Минас Тирит пребывал в страхе и сомнениях. Их не могли развеять ни хорошая погода, ни яркое весеннее солнце. Слишком мало надежды осталось у тех, кто от каждого нового утра ожидал удара судьбы. Их Правитель умер, даже его праха собрать не удалось; в Цитадели спал вечным сном государь Рохана, а долгожданный и неожиданно обретенный Король Гондора снова ушел, бросив вызов таким грозным силам, с которыми одной доблестью не справиться. И от него не было никаких вестей. С тех пор как войска миновали Моргульскую долину, в Городе не появлялся ни один гонец, никто не знал, что происходит на Востоке.

Спустя два дня после ухода войск Йовин обратилась к сиделкам госпиталя с просьбой вернуть ей одежду. Не слушая никаких уговоров, с рукой на перевязи, она отправилась к старшему Целителю.

— Это невыносимо, — обратилась к нему Йовин, — празднично лежать в постели в такое беспокойное время.

— Но вы еще не здоровы, сударыня. Мне поручено присматривать за вами с особым тщанием. Я прошу вас вернуться в палату и еще несколько дней побыть в покое.

— Я здорова, — досадливо отмахнулась Йовин, — во всяком случае, телом. Рука не слушается — это пустяк! Но от безделья я снова заболею. Мне никто ничего не говорит. Какие вести о войне?

— Никаких, — ответил Целитель. — Военачальники миновали Моргульскую долину. Командование принял северянин. О нем говорят, что это великий воитель и целитель в придачу. Странно, что рука врачующего еще и мечом владеет. В Гондоре давно нет таких, а раньше были, говорят. Я-то всю жизнь только и делал, что латал дыры, оставленные мечами. Можно подумать, что в мире без этих железяк мало болезней! — фыркнул он.

— Начать войну хватит и одного врага, — сверкнула глазами Йовин. — Те, кто не обзавелся своими мечами, падут под ударами чужих. По-твоему, народ Гондора должен был собирать лечебные травы, пока Темный Властелин собирает армии? Здоровое тело — это еще не все, а гибель на поле боя — не обязательно беда. Если бы у меня был выбор, в этот темный час я без колебаний выбрала бы последнее.

Старший Целитель с удивлением взглянул на девушку. Она стояла перед ним, прямая, как стрела; на побледневшем лице лихорадочно блестели серые глаза. Йовин порывисто повернулась и подошла к окну, выходившему на восток. Целитель вздохнул и покачал головой.

— Разве в Городе нечего делать? — спросила от окна Йовин. — Кто сейчас управляет всем?

— Я точно не знаю, — пожал плечами Целитель. — Меня эти вопросы мало касаются. Кажется, у рохирримов свой на-

чальник, а людьми Гондора управляет Хурин. Но законный-то Правитель — Фарамир...

— Где мне найти его?

— В этом же доме, сударыня. Он был ранен, а сейчас пошел уже на поправку. Вот только не знаю...

— Ни к чему гадать! — прервала его Йовин. — Проводите меня к нему, тогда и узнаете!

Правитель Фарамир задумчиво бродил по госпитальному саду, разбитому почти вровень со стеной. Солнышко пригревало, и он с удовольствием ощущал, как в тело возвращается бывшая сила, вот только на сердце лежала тяжесть. С высокой стены он то и дело почти непроизвольно поглядывал на восток. Засылав шаги, он обернулся и увидел старшего Целителя и незнакомую девушку. При виде ее руки на перевязи Фарамир испытал острую жалость, и тут же ему передалось снедающее юную воительницу беспокойство.

— Правитель, — обратился к нему лекарь, — вот Йовин из Рохана. В бою она была вместе с королем и приняла жестокий удар. Теперь находится на моем попечении, но не желает лечиться, а требует беседы с вами.

— Я не жалуюсь на лечение, — горячо заговорила Йовин, — оно прекрасно... для тех, кто хочет вылечиться. Но я не могу лежать взаперти, без дела. В битве я искала гибели, но осталась жива. Так ведь война не закончена...

Фарамир знаком отослал Целителя.

— Что же вы хотите от меня? — участливо спросил он. — Тем более что я и сам пленник этих мудрых врачей.

Говоря, Фарамир внимательно вглядывался в черты ее благородного лица, все больше проникаясь жалостью к этому прекрасному и печальному воину степей.

А Йовин смотрела на Правителя, теряясь от нежности в его глазах, совершенно несвойственной Всадникам Рохана, и вместе с тем прекрасно видела, что ни одному из рохирримов не выстоять в поединке с этим благородным рыцарем.

— Что же вы хотите от меня? — повторил Фарамир. — Скажите, и, если это в моей власти, я исполню ваше желание.

— Прикажите Целителю отпустить меня, — гордо произнесла Йовин, но в душе у нее уверенности не было. Пожалуй, впервые в жизни она усомнилась в себе. Она испугалась, как бы этот рослый воин, суровый и нежный одновременно, не счел ее просто капризной девицей, которая сама не знает, чего хочет.

— Я не могу приказывать Целителю, — улыбнулся Фарамир. — Да и правление Городом я еще не принял. Но даже обладай я всей полнотой власти Правителя, и тогда не стал бы перечить ему в делах, в которых сам понимаю мало.

— Но мне не нужно исцеление, — настаивала Йовин. — Я хочу идти с войсками, как мой брат Йомер, а еще лучше — как король Теоден. Он пал, обрета славу и покой.

— Даже будь у вас силы, поздно спешить вслед вождям. Гибель в битве — удел воина, не зависящий от его желания. Смерть подстерегает его везде, и, сдается мне, наш долг — встретить ее достойно, а пока — подчиняться Целителям и терпеливо копить силы.

Фарамир не услышал ответа и, взглянув в лицо девушки, почувствовал, как разжалась у нее внутри сжатая дотоле пружина. Так самые трескучие морозы отступают перед первым же слабым дыханием весны. Маленькая слезинка прочертила дорожку на бледной щеке. Чуть склонилась ее гордая голова. Тихо, скорее себе, чем Правителю, Йовин пожаловалась:

— Но Целители снова уложат меня в постель, а в моей комнате нет ни одного окна, выходящего на восток. — Теперь голос, произнесший эти слова, был обычным голосом совсем юной, печальной девушки.

Фарамир улыбнулся:

— А вот это поправимо. Такому горю я смогу помочь. Если вы останетесь в госпитале, то сможете гулять в саду и сколько угодно смотреть на восток. А я буду ждать вас здесь, тоже посматривая в ту сторону. Может быть, нам будет легче, если мы вместе будем думать и разговаривать о наших ушедших надеждах.

Йовин подняла голову и взглянула прямо в глаза Фарамиру. Щеки ее слегка порозовели.

— Едва ли вам будет легче со мной, Правитель. И о чем мне говорить с живыми?

— Хотели бы вы услышать прямой ответ? — пристально глядя на девушку, спросил Фарамир.

— Да, — с едва заметным колебанием ответила она.

— Тогда — вот он. Послушайте меня, Йовин из Рохана. В лугах Гондора немало прекрасных цветов, в селениях Гондора немало прекрасных девушек, но никогда еще не доводилось мне встретить цветок или девушку столь прекрасную и столь печальную, как вы. Может быть, светлому миру осталось жить всего несколько дней, но я надеюсь бестрепетно встретить приход Тьмы, а если при этом в последний солнечный день смогу видеть вас, то встречу любые беды с легким сердцем. Мы с вами далеко уходили под крылья Тьмы, и вернула нас из царства теней одна и та же рука.

— Увы, Правитель, эта рука вернула лишь мое тело. Напрасно ждать моего исцеления. Я — цитоносец Рохана, моя рука — рука воина, я не гожусь для нежных разговоров. Но признательна вам за разрешение покидать время от времени мою тюрьму. Я воспользуюсь предложением Правителя Гондора.

Учтиво попрощавшись, Йовин вернулась в дом. А Фарамир долго еще бродил по саду, только теперь взгляд его чаще обращался к окнам госпиталя, чем к восточным стенам.

Вернувшись в свою комнату, Фарамир вызвал Целителя и подробно расспросил о девушке из Рохана.

— Я думаю, Правитель, — заключил свой рассказ лекарь, — что знать о ней больше должен полурослик. Он тоже у нас на попечении. Это — оруженосец короля Рохана, он был с ним и с девушкой, как говорят, до самого конца.

Так Мерри предстал перед Фарамиром, и они проговорили весь день. Из разговора Правитель узнал намного больше, чем мог сообщить Мерри. Во всяком случае, он уяснил причины тоски и тревоги, мучивших прекрасную воительницу.

Следующим вечером Правитель и Мерри долго гуляли по саду, но Йовин не дождалась. Фарамир встретил ее лишь утром.

В белых одеждах, пронизанных солнцем, она стояла на стене и спустилась, когда Фарамир окликнул ее.

Весь этот день они провели вместе, то прогуливаясь по саду, то сидя на скамеечке под раскидистым деревом, то молча, то за разговором. А на завтра встретились снова. Старший Целитель смотрел на них из окна и радовался в душе — одной, нет, даже двумя заботами у него стало меньше. Среди страхов и дурных предчувствий, тяготивших жителей Города, эти двое расцветали на глазах и с каждым днем набирались сил.

На пятый день после знакомства с Правителем, Йовин снова стояла на стене рядом с ним. Вестей по-прежнему не было. Лица горожан стали совсем угрюмыми. И как нарочно, испортилась погода. Похолодало, а северный ветер с дождем заставил потускнеть весенние краски окрестных земель.

Фарамир и Йовин кутались в плащи, а на плечах девушки синела накидка цвета летнего вечера с серебряными звездами по краю. Когда-то ее носила Финдуилас из Амрота, мать Фарамира, и теперь Правителю казалось, что эта одежда удивительно подходит печальной красоте Йовин, придавая ее грусти величавый оттенок.

Но девушка зябко вздрагивала даже под этим звездным одеянием. Она неотрывно смотрела на север, туда, где небо было ясным и словно твердым, и откуда порывами налетал ветер.

— Что вы надеетесь увидеть там, Йовин? — спросил Фарамир.

— В той стороне Черные Ворота? Он ведь оттуда должен вернуться? Уже семь дней прошло...

— Семь дней, — задумчиво повторил Фарамир. — Конечно, велика наша тревога за ушедших, но мне эти дни даровали радость и боль, которых я не ждал совсем. Мне радостно видеть вас и больно от близости Тьмы, вот-вот грозящей оправдать своим приходом наши худшие опасения. Потому что именно теперь я, как никогда, боюсь конца этого мира, боюсь слишком скоро утратить то, что едва обрел.

— Что же вы обрели, Правитель? — девушка в упор взглянула на Фарамира, и он впервые заметил в ее глазах промелькнувшую затаенную нежность. — Что можно найти, находясь

все в тех же стенах, и о потере чего стоило бы сожалеть? Давайте уйдем отсюда. Мне холодно. Я только не знаю, откуда этот холод. Я словно снова стою на краю пропасти и, не смея обернуться, ожидаю решения своей судьбы.

— Все мы думаем сейчас о судьбе, — осторожно ответил Фарамир.

Им казалось, что ветер притих, а солнце в небе умерило свой блеск. словно ранние сумерки среди дня пришли в Город, и глуше стали звуки на улицах, и птицы замолчали в лугах, и молодая листва замерла на деревьях; не стало слышно даже их собственного дыхания, даже биения сердец, словно замерло время. Их руки встретились и сплелись, но они не заметили и этого, застыв в напряженном ожидании неведомо чего. Им казалось, что над гребнями далеких гор медленно вырастает и встает над миром змеящаяся молниями по верхнему краю волна Тьмы. Стены Города вдруг мелко задрожали, а земли вокруг словно вздохнули судорожно, и только тогда Йовин с Фарамиром снова почувствовали стук сердец в груди.

— Это напоминает мне Нуменор, — произнес Фарамир и подивился звукам собственного голоса.

— Нуменор? — как-то растерянно переспросила Йовин.

— Да, Нуменор, прекрасную Эленну, поглощенную морем. Огромная волна поднялась тогда над холмами и зелеными равнинами, а перед ней катилась Тьма, и не было спасения. Мне часто снится конец Нуменора, — объяснил он.

— Ты думаешь, Тьма наступает снова? Тьма, Которой не Избежать? — Йовин внезапно приникла к плечу Фарамира.

— Нет, ведь это лишь образ, пришедший из сновидений, — мягко сказал Фарамир, заглядывая ей в лицо. — Я не знаю, как будет. Рассудок кричит мне о великом бедствии, о том, что мы стоим у конца времен, а сердце твердит — нет, и тело верит сердцу, ему легко, в нем надежда и радость вопреки всяким доводам. Йовин, Йовин, белый цветок Рохана! В этот час я не верю, что придет Тьма!

Он наклонился и поцеловал ее. Снова поднялся ветер. Он взвихрил и переплел их волосы, черные кудри Фарамира с золотыми локонами Йовин. Никакой тени не было и в помине,

солнце сияло, освещая ясный мир и серебрясь в волнах Андуина. В домах люди запели от нечаянной радости, посетившей сердца, удивляясь самим себе и не находя причины.

После полудня с востока прилетел исполин-орел. Он принес наконец долгожданные вести. С неба неся громовой орлиный клекот.

*Пойте, о люди Анорской твердыни
Мир Саурона низвергнут навеки,
В прах обратилась Черная Башня!*

*Пойте же, люди Крепости — Стража,
Бдение ваше победе служило;
Сорваны, сломаны черные двери,
И воцарился на троне исконном
Победоносный Король!*

*Пойте, ликуйте, о Запада дети,
С вами Король ваш пребудет вовеки,
Мудрый, могучий и великодушный.*

*Мертвое дерево к жизни вернется,
И засияет возвышенным светом
Благословенный ваш край!*

Пойте, о люди!

И люди пели на всех городских улицах.

А потом настали золотые дни. Весна в веселии передавала лету гондорские поля. От Кеир Андроса прискакали гонцы, и Город готовился к встрече Короля.

Мерри, не только выздоровевший, но и изрядно поздоровевший, отбыл с обозом к Остилиату, а оттуда водой к Кеир Андросу. Фарамир принял правление; хотя и недолгим ожидалось оно, но Правитель должен был подготовить страну к приходу Короля.

Йовин осталась в городе, чем немало удивила брата, звавшего ее на Кормалленское поле. Она по-прежнему жила в госпитале, снова побледнела и, единственная во всем Городе, имела вид печальный и недужный. Здесь и отыскал ее Фарамир.

— Йовин! Почему ты не в Кормаллене? Ведь Йомер прислал за тобой!

— Разве ты не догадываешься? — тихо спросила она.

— По крайней мере две причины могу я назвать, но какая верна, не знаю. Тебя позвал только брат, а ты ждала другого приглашения — это раз; другая причина в том, что я не поехал в Кормаллен, и ты решила остаться вместе со мной. Впрочем, допускаю, что виновны обе причины, и ты сама не знаешь, какая важнее. Йовин, ты не любишь меня или не хочешь любить?

— Я хотела бы, чтобы меня любил другой, — тихо, но твердо ответила она, — а жалости мне не нужно.

— Знаю, — кивнул Фарамир, — ты хотела бы любви Арагорна. Он велик и знатен, а ты стремишься к славе и презираешь обычные земные дела. Ты в восторге от него, как новобранец от ветерана с маршальским жезлом. Да, он великий вождь, величайший из ныне живущих. Тебе достались от него понимание и жалость, и тогда ты в обиде отправилась искать смерть в бою. Теперь посмотри на меня, Йовин!

Она подняла взор и долго смотрела в глаза Правителю.

— Не презирай жалости, подаренной благородным сердцем, Йовин! — воскликнул Фарамир. — Я не о своей жалости говорю. Ты, отважная, знатная Всадница, уже заслужила великую славу, и ты прекрасна так, что даже эльфийский язык не в силах описать твою красоту. Я люблю тебя, Йовин. Да, сначала при виде твоей скорби жалость пронзила мне сердце, но теперь в нем только любовь. И будь ты хоть Королевой Гондора, моя любовь не стала бы слабее. Любишь ли ты меня, Йовин?

И тогда сердце гордой девушки-воина дрогнуло и сбросило сковывавший его льдистый панцирь, словно пригретое летним солнцем.

— Я по своей воле осталась в Минас Аноре, Крепости Солнца, — звонко произнесла она, — и вот Тьма отступает!

Я не хочу больше зваться щитоносцем Рохана и оспаривать боевую славу у великих Всадников. Я не хочу больше искать радости в боях и походах. Отныне я стану целительницей и буду любить все, что растет и плодоносит. — Она снова взглянула на Фарамира и тихо добавила: — И я не хочу быть Королевой Гондора.

Фарамир счастливо рассмеялся:

— Вот и прекрасно! Ведь я-то — не Король! Но думаю, это не помешает мне взять в жены прекрасную дочь Рохана, если она того пожелает. За рекой, на цветущих землях Итилиена разобьем мы наш сад, и под твоими руками станет он пышно цвести и плодоносить.

— Значит, мне оставить народ мой ради знатного гондорца? — В глазах Йовин промелькнуло прежнее гордое выражение. — А о тебе станут говорить: «Вот, бывший Правитель укротил строптивую степную воительницу, вместо того чтобы выбрать среди дочерей Гондора»?

— Пусть говорят, что хотят, — беспечно ответил Фарамир. Он обнял девушку и поцеловал, нимало не заботясь о том, что стоят они на городской стене, на глазах всего Города. Действительно, многие видели их и дивились свету их лиц, когда они спускались рука об руку со стены.

Войдя к старшему Целителю, Фарамир сказал:

— Вот Йовин из Рохана. Она здорова.

— Тогда она больше не нуждается в нашей заботе, — ответил Целитель. — Я передаю ее на ваше попечение и желаю никогда не знать ран и болезней.

Но тут сама Йовин выступила вперед со словами:

— Теперь, когда мне можно уйти, я хотела бы остаться. В этом доме ко мне пришло счастье.

Она так и оставалась в госпитале до возвращения брата.

Город приготовился к торжеству. Отовсюду сходилась и съезжался народ, ибо весть о победе и возвращении Короля прокатилась от Мин Риммона до Пиннат Гелина и дальних побережий. Женщины и дети вернулись домой с охапками цветов, из Дол Амрота прибыли самые искусные в стране ар-

фисты, а из Лебеннинских долин — звонкоголосые певцы, флейтисты, трубачи.

И вот настал вечер, когда со стен можно было увидеть шатры, раскинутые по всему полю. Люди возле костров ждали рассвета.

Ясное утреннее солнце вставало над восточными горами, свободными от мрака. В Городе звонили колокола, реяли знамена. На Белой Башне в последний раз был поднят стяг Правителей, белый, как снег на солнце, без гербов и девизов.

Войска шли к городу, и народ смотрел, как они идут, колонна за колонной, блестя на солнце вооружением. Они подошли к Воротам и остановились в фарлонге от них. В проеме стояли воины в черных с серебром доспехах, с обнаженными длинными мечами. Возглавляли почетную стражу Фарамир Правитель, Хурин Хранитель Ключей и с ним другие вожди Гондора. Здесь же были Йовин, Эльфхельм и Всадники Рохана, а по обе стороны Ворот теснились толпы народа в разноцветных одеждах, с гирляндами цветов.

Перед Воротами оставалось большое свободное пространство, со всех сторон окруженное рыцарями и воинами Гондора, Рохана, горожанами и людьми, съехавшимися со всех концов страны. Все смолкло, когда из рядов подошедшей армии выступили Следопыты-северяне, одетые в серое с серебром. Их отряд возглавлял Арагорн. На нем была черная кольчуга с серебряным поясом и длинный белоснежный плащ, скрепленный у горла пряжкой с большим сияющим зеленым камнем. Он шел с непокрытой головой. Волосы охватывал легкий серебряный обруч, поддерживавший лучистую звезду. Рядом шагали Йомер из Рохана, князь Имрахиль, Гэндальф и четверо низкорослых воинов. Многие из собравшихся с удивлением рассматривали их.

— Нет, сестра моя, это не мальчики, — говорила стоявшая в толпе целительница Иорет своей родственнице, — это перриане, они из далекой страны Полуросликов. Говорят, они были там прославленными вождями. Это точно. Я ходила за одним из них в госпитале. Ты не смотри, что они ростом не вышли, других таких воинов поискать. У нас говорят, что двое

из них побывали в Стране Мрака, сражались там с Темным Властелином и — поверишь ли! — разрушили Черную Крепость. Они большие друзья с нашим Эльфинитом. А уж он-то как хорош! В обращении не очень ласков, знаешь ли, но сердце у него золотое. И он исцеляет одним прикосновением! «Руки Короля — руки целителя», — сказала я, и с этого все началось. А Митрандир сказал тогда: «Иорет, люди долго будут помнить твои слова»...

Но ей не пришлось больше поучать свою приезжую родственницу. Над полем запела труба, и настало мертвое молчание. Тогда от Ворот двинулся Фарамир, его сопровождал Хурин Хранитель Ключей, а за ними следовали четверо воинов в высоких шлемах и вооружении Цитадели. Они несли большой окованный серебром ларец из черного дерева лебетрен.

Фарамир встретился с Арагорном, преклонил колено и произнес:

— Последний Правитель Гондора просит соизволения сложить с себя права. — Он протянул белый жезл.

Арагорн принял жезл и тут же вернул со словами:

— Служба твоя не кончена. Она остается на тебе и на твоих наследниках, пока длится мой род. Делай, как должно!

Фарамир поднялся и звучно произнес:

— Люди Гондора! Слушайте Правителя! Пришел человек, предъявляющий права на титул Короля. Вот он, перед вами. Это Арагорн, сын Арахорна, князь дунаданов Арнора, предводитель войск Стран Запада, носитель Звезды Севера, обладатель Возрожденного Меча, непобедимый в битве, исцеляющий прикосновением, Эльфинит, Элессар из рода Валендила, сына Исидура и внука Элендила из Нуменора. Быть ли ему Королем над вами, войти ли в Город, править ли на древнем престоле?

И весь народ, и все войска хором вскричали: «Да!». А Иорет сказала своей родственнице:

— Это, сестрица, просто обряд такой. Он ведь уже был в Городе-то и сказал мне... — Тут ей снова не дали договорить.

Фарамир продолжал:

— Люди Гондора! По древним обычаям, сын принимает венец из рук отца. Я вынужден нарушить обычай. Я, законный

Правитель Гондора, сам принес из Рат Динен Венец Эарнура, последнего Короля, ушедшего еще при наших прапрадедах!

И тут воины выступили вперед. Фарамир открыл ларец и достал оттуда Венец Королей Гондора. Видом он был похож на шлемы стражей Цитадели, но выше, и он был весь белый, а серебряные и жемчужные крылья по обе стороны походили на крылья морской птицы — древний символ Королей, Пришедших из-за Моря. В его обруче сверкали семь алмазов, а на вершине — один камень, горевший словно пламя.

Арагорн взял Венец, высоко его поднял и внятно произнес:

— *Эт Эарелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хилдиниар тенн Эмбар-метта!*

Это были те самые слова, с которыми Элэндил пришел из-за Моря на крыльях ветра: «Из Великого Моря пришел я в Среднеземье. Здесь буду жить я и мои наследники до скончания мира».

Но, к изумлению собравшихся, Арагорн не стал надевать Венец, а вернул его Фарамиру со словами:

— Трудами и отвагой многих пришел я к этой минуте. Я прошу Хранителя взять Венец и отдать Митрандиру. Пусть самый мудрый из нас, кому по праву принадлежит честь победы над Врагом, решит, как поступить с этим символом власти.

Фродо, невольно затрепетав, принял Венец из рук Фарамира и подал Гэндальфу, а потом Арагорн преклонил колено, и Гэндальф увенчал его со словами:

— Настали дни Короля, да будут они благословенны, пока стоят троны Валаров!

Общий вздох пронесся по толпе. Арагорн встал. Собравшиеся глядели на него в молчании, ибо им показалось, что сейчас они видят его впервые. Он был высок ростом, как древние вожди, — выше всех окружающих, и одновременно казался и древним, и юным, мудрым, светлым и могущественным.

Фарамир вскричал:

— Вот подлинный Король!

Снова запели трубы. Король Элессар подошел к Воротам, и Хранитель Ключей с поклоном пропустил его. Новый Правитель под звуки арф, виол и флейт, под звонкоголосое пение шел

по усыпанным цветами улицам к Цитадели, и, когда он вступил на порог, на самой верхней башне было поднято знамя с Древом и Звездами.

Так началось правление Элессара, о котором сложено множество легенд и песен. При нем Город расцвел, как никогда. Улицы украсились деревьями и фонтанами, Ворота из мифрила тускло сверкали, тротуары замостили белым мрамором. В Городе работали гномы, часто навевались эльфы. Все были здоровы и в достатке, в домах зазвенел детский смех, и не было больше ни слепых окон, ни пустых подворий. А когда эта Эпоха миновала и началась следующая, то и в ней сохранилась память о славе и блеске минувших дней.

Во дни, последовавшие за коронацией, Король сидел на троне в Зале Королей и вершил дела страны. От многих народов прибыли послы — с Востока и с Юга, от границ Сумеречья и из Дунгарского края на западе. Король простил покорившихся вастаков и отпустил их с миром, он заключил мир с народом Харада; он освободил рабов Мордора и отдал им все земли вокруг озера Нурнон. Тогда же предстали перед ним многие, доблестью своей заслужившие хвалу и награду, а последним начальник Стражи привел на суд Берегонда.

И Король сказал:

— Берегонд, твой меч запятнал кровью древнее Святилище. Ты покинул пост без разрешения Правителя или начальника Стражи. В древности за эти поступки расплатой была смерть. Сейчас я решаю твою судьбу.

Ты искупил вину доблестью в битве, искупил с лихвой, потому что вела тебя любовь к Правителю Фарамиру. Но Стражем тебе не быть и в Минас Тирите не жить больше...

Кровь отхлынула от лица Берегонда. Пораженный до глубины души, он низко опустил голову, а Король меж тем продолжал:

— ...потому что тыходишь отныне в состав Белого Отряда, личной гвардии Фарамира, Князя Итилиена. Ты назначаешься начальником Стражи и будешь жить на Эмин Арнен в чести и мире, служа тому, ради кого рисковал всем.

Берегонд, снова потрясенный, но теперь уже великодушием и справедливостью Короля, опустившись на колени, поцеловал ему руку и ушел радостный. Арагорн даровал Фарамиру во владение Итилиен и просил стать защитой Городу.

— Ибо, — сказал он, — Минас Итиль в Моргульской долине должен быть разрушен до основания. Когда-нибудь очистится и этот край, но еще долгие годы ни один человек не сможет жить там.

Последним из всех Арагорн призвал Йомера, обнял его и сказал:

— Нам ли говорить о дарах и наградах, ведь мы братья отныне. В счастливый час пришел Йорл с Севера, и не было среди народов более благословенного союза. Ни один из наших народов ни разу не подвел другого. Теоден Прославленный покоится в усыпальнице в нашем святилище. Оставишь ли ты его в покое или решишь перенести тело в Рохан, к его народу?

И Йомер ответил:

— С того дня, как ты вырос передо мной из зеленой травы, я люблю тебя, и любовь эта не кончится никогда. Но сейчас я должен вернуться к себе, страна моя нуждается в присмотре и уходе. Что же до павшего короля — мы вернемся за ним, когда все будет готово. Пока же пусть покоится здесь.

И Йовин сказал Фарамиру:

— Отпусти и меня с братом, мой поведитель. Я хочу еще раз повидать свою страну и помочь в трудах Йомеру. Но когда тот, кто был мне вместо отца, обретет вечный покой, я вернусь.

Так шли дни. В восьмой день мая Всадники Рохана собрались и уехали, вместе с ними ушли и сыновья Элронда. Вдоль всей дороги — от самых городских Ворот до Пеленнорских стен — стояли люди, воздавая им почести и провозглашая хвалу. Потом отправились по домам и те, кто пришел издалека. А в Городе трудолюбивые руки строили, возрождали, убирали следы войны и стирали память о Тьме.

Хоббиты вместе с Леголасом и Гимли все еще гостили в Минас Тирите. Арагорн не хотел, чтобы Братство Кольца распалось так сразу.

— Конечно, когда-нибудь все кончается, — говорил он, — но я просил бы вас задержаться здесь еще ненадолго. Не настал еще конец событиям, в которых все вы приняли участие. Близится день, которого я ждал долгие годы, и встретить его мне хотелось бы в окружении друзей.

Однако он так и не сказал, чего именно надо ожидать.

Все это время члены Братства Кольца жили вместе с Гэндальфом в прекрасном доме и бродили, где вздумается.

Однажды Фродо спросил Гэндальфа:

— Как ты думаешь, какого именно дня ждет Арагорн? Нам здесь хорошо и уходить не хочется, но дни бегут, а там Бильбо ждет, и потом дом-то мой — в Шире.

— Что до Бильбо, — степенно произнес Гэндальф, — он ждет того же дня и знает, что тебя держит здесь. Конечно, дни бегут, но сейчас только май, лето еще не наступило, и, хоть многое переменялось, будто целая Эпоха ушла в прошлое, для листьев и травы не прошло и года с тех пор, как ты ушел из дома.

— Пиппин, — сказал Фродо, — не ты ли говорил, что Гэндальф теперь не такой скрытный, как раньше? Это он, видно, притомился на время, а сейчас отдохнул и снова за свое принялся.

Гэндальф усмехнулся:

— Многим хочется знать заранее, что подадут к столу; а тем, кто готовил пир, хочется сохранить блюда в секрете. Удивление радости не помеха. Арагорн и сам ожидает знака.

Вскоре Гэндальф куда-то запропал. Хоббиты удивлялись, а маг, не сказав никому ни слова, вместе с Арагорном ночью ушел из Города. Он привел Короля к южному подножию Миндоллуина. Отсюда начиналась тропа, проложенная в давние времена, теперь мало кто осмеливался ходить по ней. Она вела через перевал в заповедное ущелье, куда дорога простым смертным заказана. Путники долго пробирались по крутизне, пока не вышли на высокогорное плато у самой кромки снегов. Здесь они остановились и огляделись. Наступало утро. Далеко внизу, как белые столбики, тронутые солнцем, виднелись баш-

ни Города; похожая на предрассветный сад, лежала перед ними вся долина Андуйна, а Хмурые Горы окутывала золотистая дымка. За серыми скалами Эмин Майл далекой звездочкой блеснул Рэрос, а с другой стороны к Пеларгиру протянулась лента реки. На самом краю земли разливался бледный свет — там было море.

Гэндальф негромко произнес:

— Вот твое королевство. Оно станет сердцем Западного Мира. Третья Эпоха кончается, на смену ей приходит новая. Твоя задача — положить ей начало и сохранить то, что удастся. Да, спасено многое, но многое и ушло, а многое еще уйдет. Кончается сила Трех Колец. И все эти земли — маг широко повел рукой — станут Домом Людей. Наступает их время, а Старшему Народу предстоит уйти.

— Я давно знаю это, мой друг, — сказал Арагорн, — и хотел с тобой посоветоваться...

— Я уже не даю советов, — остановил его Гэндальф. — Я принадлежу Третьей Эпохе. У меня был враг — Саурон Темный. Теперь конец моим трудам. Я скоро уйду, и бремя ляжет на твои плечи.

— Но ведь и мне предстоит умереть, — сказал Арагорн. — Я смертный, хоть и принадлежу к расе Запада. Да, я проживу дольше многих, и все же — так недолго! Мне придется встретить старость вместе с теми, кто только собирается сегодня появиться на свет. Кто тогда будет править Гондором? Кому передам я власть, если Дерево во дворе у фонтана все еще мертво? Увижу ли я знак перемены моей судьбы?

— Увидишь, если отворишь взор от зелени мира и обратишься к чистому холоду снегов! — торжественно произнес Гэндальф.

Арагорн обернулся. Позади, выше того места, где они стояли, у самой кромки вечных снегов что-то зеленело на белом фоне. Арагорн быстро вскарабкался по склону и увидел ствол молодого дерева не выше трех футов. На нем уже распустились длинные изящные листья, темные сверху и серебристые снизу, а в небольшой кроне снежно белела единственная гроздь цветов.

— *Ие! Утувиениес!* — вскричал Арагорн. — Я нашел его! Вот побег Древнейшего из Деревьев! Но как он оказался здесь? Ему не больше семи лет от роду.

Подошел Гэндальф, посмотрел и сказал:

— Поистине это продолжение прекрасного рода Нимлот, берущего начало из семени Галатилиона, чей предок — Телперион, Древнейшее из Дерев. Кто знает, почему оказался этот росток именно здесь и сейчас? Мы с тобой стоим на месте древнего святилища. Прежде чем прервался род Королей и Дерево при дворе засохло, здесь, должно быть, оставили плод. Говорят, они редко вызревают, но жизненные силы могут долго спать внутри плода, и никому не предсказать миг их пробуждения. Помни это. Ибо если плод созреет, он должен быть посажен, иначе это дерево навсегда исчезнет из мира. Долго лежал он здесь, в горах, втайне от всех, подобно роду Элендила, таившемуся в запустении севера, с той лишь разницей, что род Нимлот куда древнее твоего, Король Элессар.

Арагорн осторожно взял росток. Он, казалось, едва держался за землю и легко отделился от тонкого слоя почвы. Арагорн перенес его в Цитадель. Потом выкопали засохшее Дерево, но не сожгли, а с почетом положили ствол отдыхать в тиши Рат Динен. И Арагорн посадил новое дерево во дворе у фонтана, оно быстро и радостно пошло в рост, а к началу июня уже покрылось цветами.

— Вот я и получил знак, — сказал тогда Арагорн, — близится мой день. — И он послал дозорных на стены Цитадели.

В канун Дня Середины Лета в Город прибыли гонцы из Амон Дина, они рассказали, что видели отряд благородных всадников, приближающийся с севера к Пеленнору.

Арагорн воскликнул:

— Наконец-то! Пусть Город готовится к встрече!

Вечером того же дня, когда небо стало синим, как сапфир, когда на востоке зажглись первые звезды, а запад еще оставался золотым, всадники подъехали к Воротам Минас Тирита. Впереди скакали Элладан и Элрохир с серебряным знаменем, за ними — Глорфиндейл, Эрестор и эльфы Дольна, а следом на

белых конях — прекрасная Галадриэль и Келеберн, Владыки Лотлориена, и с ними многие лориенские эльфы в серых плащах, с сияющими самоцветами в волосах. Последним ехал мудрый Элронд — славнейший среди людей и эльфов. Рядом с ним на сером иноходце скакала Арвен, его дочь, Вечерняя Звезда своего народа.

Когда Фродо увидел ее, мерцающую в сумерках, со звездами на челе, он долго молчал, а потом сказал Гэндальфу:

— Теперь я понимаю, почему мы медлили здесь и чего ждали! Вот завершение всему. Теперь не только дни будут прекрасными, но и ночи — благословенными, и все ночные страхи исчезнут.

Король приветствовал своих гостей, и они спешились. Элронд подвел Арвен и вложил руку дочери в руку Арагорна. Все вместе они вошли в Цитадель, и звезды проступили в небе над Гондором.

Так Арагорн, Король Элессар, взял в жены Арвен Ундомиэль, и случилось это в городе Королей, в канун Середины Лета. Так завершилась история многотрудного ожидания Короля.

Глава VI ВСТРЕЧИ. РАЗЛУКИ

Дни ликования кончились, и Фродо все чаще бывал задумчив. Однажды он встретил Короля и прекрасную Арвен у фонтана под цветущим деревом; они встали, чтобы приветствовать его, и Арагорн сказал:

— Я знаю, ты думаешь о возвращении домой. Что ж, дорогой друг, дерево растет лучше всего на родине. Я не стану удерживать тебя, но хочу, чтобы ты помнил: во всех странах Запада ты всегда желанный гость.

— Да, мне пора возвращаться, — кивнул Фродо, — только по дороге я хотел бы заехать в Дольн. Очень хочется повидать Бильбо. Я думал, он приедет вместе с Элрондом, но его нет.

— Не удивляйтесь этому, Хранитель. — Голос Арвен прозвучал подобно музыке. — Вам знакома сила того, что теперь уничтожено. Ныне все, что было сделано с помощью этой силы, исчезает. Ваш родич долго прожил под его властью. Теперь он уже очень стар, и ему предстоит только одно путешествие...

— Тогда, — запинаясь, сказал Фродо, — я прошу разрешения покинуть страну как можно скорее.

— Мы отправимся через неделю, — сказал Арагорн. — Я провожу тебя до границ Рохана. Через три дня придет Йомер, он собирается перевезти на родину прах Теодена, и мы вместе будем сопровождать его. Да, и еще, пока ты не ушел, — я утвердил решение Фарамира. Твое право свободно посещать любые области Гондора в любое время остается за тобой. И за твоими друзьями тоже. — Он помолчал, потом положил руку на плечо Фродо и сказал: — Мне нечем одарить тебя по достоинству, но что бы ты ни попросил, я все постараюсь сделать. И поедешь ты с почестями, как пристало великому герою.

Арвен добавила:

— А вот у меня есть для вас кое-что. Вы знаете: я — дочь Элронда. Когда настанет его час отправляться в Серебристую Гавань, я не буду сопровождать его. Мой выбор сделан. Я остаюсь с людьми на радость или горе, как некогда осталась Лучиэнь. Так вот, я дарю вам мое право отправиться в Серебристую Гавань вместо меня, конечно, если таково будет ваше желание, славный Хранитель.

Если вас еще тревожат раны и память о тяжком бремени давит на сердце, уходите на Запад. Там излечатся раны и растает усталость. Вот, возьмите в память об Эльфините и Вечерней Звезде, с судьбами которых переплелась ваша судьба. — Арвен сняла с шеи сияющий звездным светом камень на серебряной цепочке и протянула хоббиту. — Он поможет вам выдержать воспоминания о страхах и Тьме.

Через три дня в Город прибыл Йомер, правитель Рохана, со свитой из лучших Всадников. Ему был оказан торжественный прием, и на пиршестве во Дворце Королей его поразила кра-

сота Галадриэль и Арвен. Перед тем как уйти в опочивальню, он разыскал Гимли и обратился к нему со словами:

— Позвольте узнать, благородный Гимли, при вас ли ваш топор?

— Нет, благородный вождь, — ответил Гимли, — но за ним недолго сбегать, если понадобится.

— Судите сами, — сказал Йомер. — Между нами еще лежат кое-какие поспешные слова, касающиеся Волшебницы из Золотого Леса. Теперь я видел ее собственными глазами.

— И что же вы скажете? — спросил Гимли.

— Увы! — вздохнул Йомер. — Я не скажу, что она — самая прекрасная в мире.

— Ну, так я сбегая за топором, — невозмутимо откликнулся гном.

— Простите, я еще не кончил, — остановил его Йомер. — Если бы я встретил Владычицу Лориена в другом окружении, то согласился бы с вами мгновенно. Но когда рядом с ней прекрасная Арвен, я готов биться со всяким, кто не признает ее превосходства! Вот теперь я кончил. Ну что, идти за мечом?

Гимли низко поклонился:

— Не надо мечей. Я прощаю ваши слова, доблестный Йомер. Вам по душе Вечер, а мое сердце отдано Утру. Жаль только, что Утро уходит и скоро уйдет навсегда.

И вот настал наконец день отъезда. Правители Гондора и Рохана вместе вынесли останки Теодена из усыпальницы и, положив на золотые носилки, в молчании пронесли по Городу. У Ворот носилки поставили на колесницу, окруженную Всадниками. На колеснице, с мечом и щитом павшего правителя, сидел Мерри. Оруженосец Теодена провожал своего повелителя в последний путь.

В свите Арагорна были Фродо, Сэм и Гэндальф. Пиппин ехал вместе с рыцарями Гондора, а Леголас, как всегда, взял с собой на седло Гимли.

С ними отправились и Королева Арвен, и Келеберн, и Галадриэль с галадримами, и Элронд с сыновьями; уходили также князья Дол Амрота и Итилиена, ведя свои дружины.

Ни одного короля Рохана не сопровождал столь почетный эскорт, как Теодена, сына Тенгеля, возвращавшегося на родину.

Неспешно достигла процессия Анориена, а когда приблизилась к Лесу Друадан, до слуха донесся гул барабанов, хотя никого живого кругом не было видно. Тогда Арагорн велел трубачам протрубить в трубы, и герольды возгласили:

— Король Элессар отдает Лес Друадан в вечное владение Лесным Людям. Отныне никто не властен войти в этот лес без их дозволения!

И тогда барабаны загремели как гром, а потом разом смолкли.

После пятнадцатидневного пути погребальный поезд прибыл в Эдорас. Их встретили Золотые Палаты, украшенные прекрасными гобеленами, и там состоялся пир, пышнее которого не помнила столица Рохана. Три дня готовились рохирримы к погребению короля. Его положили в склеп вместе с оружием и множеством других ценных вещей, а над ним насыпали курган, быстро поросший зеленой травой и белыми звездочками Вечной Памяти. Теперь с восточной стороны дороги высились восемь курганов.

Всадники из королевского дома на белых конях скакали вокруг кургана и пели песню о Теодене, сыне Тенгеля. Менестрель Глеовайн сложил ее, и с тех пор он не складывал больше песен. Даже те, кто не знал языка страны, были взволнованы медленным торжественным напевом, а рохирримы слушали песню с горящими глазами, и словно воочию гремели вдалеке на севере копыта, и голос Йорла разносился над полем битвы при Келебранте; а предание о королях уводило все дальше, и рог Хельма звучал в горах, и вот пришла Тьма, и восстал король Теоден, и сквозь Тень поскакал в огонь, и умер в величии, когда утреннее солнце осветило склоны Миндоллуина.

*Без сомнений, без печали, в пламенеющем рассвете
Он скакал навстречу солнцу с песней звонкой на устах;
Мчался, меч не обнажая, с возрожденною надеждой,
И с надеждою ушел он, — чтобы на века остаться
В скорбной песне, гордой славе, долгой памяти людской...*

Мерри плакал, стоя у подножия кургана.

— Прощайте, Теоден, — прошептал он, когда песнь кончилась. — Вы были для меня отцом, хоть и недолго. Прощайте!

Когда церемония завершилась, и стих женский плач, и Теоден наконец обрел покой, люди собрались в Золотых Палатах на тризну. Теоден дожил до старости и погиб, стяжав славу, равную ратной славе великих предков. И когда, по обычаю Рохана, настало время выпить в память королей, вперед выступила Йовин, золотая, как солнце, и белая, как снег, и протянула Йомеру наполненную чашу.

Тогда встал менестрель и мудрец. Он назвал поименно всех королей Рохана: Йорла Юного, и Брего, строителя дворца, и Элдора, брата несчастного Балдора, и Фрея, и Фревайна, Толдвайна, Дйорга, и Грэма, и Хельма, укрепившегося в Хельмовой Пади в темные дни Рохана; так поднялись на западной стороне дороги девять курганов, ибо в эту пору пресекался род, и после курганы насыпали уже напротив; Фреалаф, сын сестры Хельма, покоился там, и Леоф, и Вальд, и Фолк, и Фолквайн, и Фенгель, и Тенгель, а последний из них — Теоден. И когда прозвучало имя Теодена, Йомер выпил чашу. Йовин попросила слуг наполнить все кубки, и собравшиеся стоя пили за нового короля под возгласы:

— Привет тебе, Йомер, король Рохана!

В конце пира Йомер поднялся и сказал:

— На тризне короля Теодена я хочу сообщить вам радостную весть. Знаю, это против обычая, но уверен: король Теоден не осудил бы меня, потому что всегда был для сестры моей Йовин вместо отца. Слушайте же, высокие гости, благородный народ из разных стран, никогда прежде не собиравшийся в этом дворце! Фарамир, Правитель Гондора и Князь Итилиена, просит руки Йовин с ее согласия. Молодые готовы предстать перед вами.

Фарамир и Йовин выступили вперед. Соединив их руки, Йомер сказал:

— Пусть это будет залогом еще более тесной дружбы между Роханом и Гондором!

Арагорн первым поздравил их и обернулся к Йомеру.

— Вы щедры, король Йомер, коли отдаете Гондору лучшее сокровище Рохана.

Йовин взглянула ему прямо в глаза:

— Пожелай мне счастья, мой вождь и исцелитель.

— Я пожелал тебе счастья в тот миг, когда увидел тебя, — ответил он. — Твоя радость — радость и для меня.

После празднества отъезжавшие простились с остающимися. Арагорн со своими рыцарями, хоббиты и эльфы из Лориена и Дольна были уже готовы к отъезду. Фарамир и Имрахиль оставались в Эдорасе. Оставалась и Арвен. Она простилась с отцом и братьями, но никто не видел этого прощания. Горьким было оно, так как расставались отец и дочь до конца времен.

Йомер с сестрой сердечно простились с Мерри, желая ему всяческого счастья и приглашая к себе как друга. Они предлагали ему богатые подарки, но он не захотел взять ничего, кроме оружия, которое получил в Рохане. От Йовин он все же принял серебряный на зеленой перевязи рог, украшенный изображениями скачущих коней.

— Рог сделан в древности руками мастеров из Подгорного Царства, — сказала она, — издавна он передавался по наследству в нашем Доме. Когда-то им владел Йорл Юный. Звуки этого рога вселяют страх во врагов, а в сердца друзей — радость и силу. Пусть этот подарок напоминает тебе о Дернхельме и пении других рогов, звучавших на рассвете на Пеленнорской равнине.

Мерри принял подарок и поцеловал ей руку, а они обняли его. На том он и расстался с ними.

Из Эдораса Арагорн и его спутники отправились в Хельмову Падь и пробыли там два дня. Леголас исполнил обещание, данное Гимли, и они вместе побывали в Мерцающих Пещерах; но когда они вышли оттуда, эльф был молчалив и на все вопросы ответил только, что он не может найти слов и передать увиденное.

— Слыханное ли дело, чтобы у эльфа не нашлось слов, — добавил он, качая головой. — Но посмотрим, что будет, когда мы побываем в Лесу Фангорна.

На пути отряд Арагорна сделал остановку в Изенгарде, чтобы полюбоваться делами энтов. От кольца стен вокруг Ортханка не осталось ни следа; все пространство внутри было превращено в сад, а вокруг башни стояло чистое, спокойное озеро, в котором она отражалась, как в зеркале. С того места, где были когда-то ворота, они любовались садом и озером с башней. Здесь их и нашел старый Фангорн.

— Добро пожаловать! — пророкотал он. — Я знал, что вы идете, но заработался в верховьях ущелья, там еще много дел. А вы даром времени не теряли. Я слышал кое-что, кхм, кхм, и все, что я слышал, хорошо, весьма хорошо.

Некоторое время (не очень маленькое) Древобород посвятил восхвалению их подвигов, о которых знал, похоже, все. Наконец он остановился и задумчиво поглядел на Гэндальфа.

— Ну, выкладывай! — потребовал он. — Могуч ты оказался, и труды твои завершились успешно. Куда путь держишь? Зачем к нам пожаловал?

— Посмотреть на твои труды, старый друг, — усмехнувшись в бороду, ответил Гэндальф, — и поблагодарить за помощь во всех наших делах.

— Хуум, ну, так оно и есть, — несколько смущенный, сказал Древобород. — Это точно. Энты внесли свою лепту. Мы не только разобрались с этим — хуум! — этим проклятым древоубийцей. Было великое нашествие этих — барарум! — этих злобноглядящих-черноруких-кривоногих-жестокосердных-загребущих-смердящих кровопийц, моримайте-синкахонда — хуум! — ну вы-то — торопливый народ, а их полное имя длинно, как годы мучений, в общем, этих тварей — орков. Они перешли Реку, спустились с севера, окружив лес Лаурелиндоринен. Войти в него они, конечно, не смогли, благодаря Великим, живущим там. — Старый энт с достоинством поклонился Владыкам Лориена. — Эти самые мерзкие твари сильно удивились, когда встретили нас в степях, они ведь и не слышали о нас раньше, как, впрочем, и более достойные народы, хум, хм. Да, так вот, они о нас не знали, да и впредь помнить не будут, потому что мало кому из них удалось уцелеть. Но для вас это было хорошо, потому что если бы не мы, то король травяной страны не ушел

бы далеко, а если бы и ушел, у него могло бы не оказаться дома, куда можно вернуться.

— Мы знаем, — сказал Арагорн, — и ни в Минас Тирите, ни в Эдорасе никогда не забудут об этом.

— «Никогда» — слишком долгое слово даже для меня, — проворчал Фангорн. — «Пока живут ваши королевства», ты это хотел сказать; впрочем, они будут жить достаточно долго даже для энтов.

— Начинается Новая Эпоха, — негромко сказал Гэндальф, — может статься, королевства людей переживут тебя, друг мой Фангорн. Но скажи-ка мне: как вы справились с вашей задачей? Что поделявает Саруман? Ему еще не надоел Ортханк? Вряд ли он в восторге от нового вида из окон, созданного твоими стараниями.

Древобород кинул на Гэндальфа долгий взгляд. — «Очень хитрый взгляд», — подумал Мерри.

— А! — сказал он. — Я так и думал, что ты до этого доберешься. Надоел Ортханк? Под конец очень надоел. Не столько башня, сколько мой голос. Хуум! Я тут подолгу с ним беседовал, по-вашему «подолгу», конечно.

— А он слушал? Ты ходил в Ортханк? — быстро спросил Гэндальф.

— Ху-ум, нет, не в Ортханк! Это он подходил к окну и слушал, откуда еще новостей-то набраться... Правда, сами новости ему не нравились, но он был рад, что хоть какие-то есть. К новостям я еще много чего добавлял, о чем ему стоило бы подумать и раньше. Да, он очень устал. Он весь такой торопливый... Это было его слабым местом.

— Я примечаю, друг мой, — сказал Гэндальф, — твои старания подчеркнуть «жил», «был», «устал». А как сейчас? Он что, умер?

— Нет, живой, насколько я знаю, — преувеличенно бодро ответил Древобород. — Но он... ушел. Да, ушел, дней семь назад. Я отпустил его. От него мало что осталось, когда он выполз наружу, а от этого червя при нем осталась лишь бледная тень. Не напоминай мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его, я и сам знаю. Но с тех пор многое изменилось. Я и стерег. Он никому

не смог причинить вреда. Но тебе известно, как ненавистно мне держать в клетке живые создания, даже таких злодеев можно сажать туда только в самом крайнем случае. Змея без зубов может ползти куда хочет.

— Может, ты и прав, — не очень уверенно произнес Гэндальф, — но один зуб у этой змеи, похоже, остался. В его голосе — яд, и сдается мне, он сумел заговорить даже тебя, Древобород, сыграв на твоём мягкосердечии. Ну раз ушел, так и говорить больше не о чем. Значит, Ортханк возвращается к Королю. Может быть, правда, он ему не понадобится...

— Там видно будет, — сказал Арагорн. — Отныне эта долина принадлежит энтам, пусть поступают с ней, как знают, лишь бы никто не входил в Ортханк без моего позволения.

— Ортханк заперт, — заметил Древобород. — Я заставил Сарумана запереть башню и отдать ключи. Они у Скородума.

Скородум, стоявший рядом, склонился, как дерево под ветром, и протянул Арагорну два больших черных ключа замысловатой формы, соединенных стальным кольцом.

— Примите мою благодарность, — поклонился в ответ Арагорн. — А теперь я прощаюсь с вами. Пусть лес ваш снова растет в мире. Когда он заполнит эту долину, можно будет перебраться и на запад от гор, вы ведь некогда бродили там...

Лицо Древоборода стало печальным.

— Может, леса и разрастутся, — проскрипел немножко деревянный голос, — но не энты. У нас нет детей.

— Продолжайте поиски, — посоветовал Король. — Теперь земли на востоке снова открыты для вас.

Но Древобород покачал головой.

— Далеко идти. Там теперь слишком много Людей. Но я забыл о приличиях! Не остановитесь ли вы отдохнуть у нас? А может быть, кому-нибудь было бы приятно пройтись Лесом Фангорна и сократить путь домой? — И он взглянул на Келеберна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, поблагодарив, отказались. У каждого была своя дорога.

— Идем со мной, Гимли, — позвал Леголас. — Ты увидишь в Лесу Энтов такие деревья, каких больше нет в Среднеземье.

Вот тебе случай сдержать обещание, а заодно и скрасить мне путь до Сумеречья.

Гимли согласился, хотя, кажется, без особого энтузиазма.

— Ну вот и расходится наш отряд, — вздохнул Арагорн. — Но я надеюсь, что скоро вы вернетесь ко мне с помощью, которую обещали.

— Придем, если позволят наши правители, — степенно ответил Гимли. — Ну прощайте, мои добрые хоббиты! Теперь вы благополучно вернетесь домой, и мне больше не придется не спать по ночам из-за вас. Мы будем посылать вести друг другу, но боюсь, нам уже никогда больше не собратся вместе, вот как сейчас. Прощайте!

Древобород распрощался с каждым по очереди и трижды низко, с глубоким почтением, поклонился Келеберну и Галадриэль.

— Давно, очень давно не встречались мы ни у корня, ни у камня. А *ванимар, ванималион ностари!* — сказал он. — Печальна наша встреча на закате, ибо мир меняется. Я чувствую это по воде, я чувствую это в земле, я чую это в воздухе. Вряд ли нам суждено встретиться снова.

— Не знаю, Старейший, — только и ответил Келеберн.

А Галадриэль сказала:

— Не в Среднеземье и не раньше той поры, когда земли, что сейчас лежат под волнами, поднимутся к солнцу. Тогда по весне в ивовых рощах Тазаринана мы сможем встретиться вновь. Прощай!

Последними прощались со старым энтом Мерри и Пиппин. Древобород повеселел, взглянув на них.

— Ну, веселый мой народец, — промолвил он, — не хотите ли выпить со мной еще по глоточку на дорожку?

— Не откажемся, — храбро ответили хоббиты, и тогда Фангорн отвел их в тень одного из деревьев. Там стоял большой каменный кувшин. Энт наполнил три кубка, и они пили и видели лукавый глаз, поглядывающий на них поверх края.

— Осторожнее, осторожнее, — посоветовал энт. — Вы и так уже подросли за это время, что мы не виделись.

Они рассмеялись и осушили кубки.

— Ну, до свидания! — сказал Фангорн. — И не забудьте: если где услышите новости о женах энтов, дайте мне знать.

Он помахал им вслед и скрылся за деревьями.

Дальше всадники направились к Гриве Рохана. Там, где Пиппин смотрел когда-то в Камень Ортханка, Арагорн простился с ними. Хоббитам тяжело было расставаться с таким другом. Они столько прошли вместе...

— Я постараюсь приглядывать за вами, — пообещал Арагорн.

— Хотелось бы и мне иметь такой камень,— вздохнул Пиппин.

— Вряд ли тебе захочется заглядывать в Палантир Minas Тирита, — усмехнулся Арагорн, — но Палантир Ортханка у меня, а ты, как мне помнится, рыцарь Гондора. Никто не освобождал тебя от этой службы. Сейчас ты в отпуске, но можешь снова понадобиться мне. А вас, дорогие друзья, — добавил он, улыбаясь, — я прошу помнить, что мой народ живет на севере и когда-нибудь я побываю там.

Потом Арагорн простился с Келеберном и Галадриэль. Владычица пожелала ему счастья и мудрости, а Келеберн сказал:

— Прощайте, Эльфинит. Пусть ваша судьба будет лучше моей и пусть ваше сокровище навсегда останется с вами!

На этом они расстались. Был час заката, и когда хоббиты обернулись, то увидели Короля Запада, стоявшего на холме в окружении своих рыцарей. В закатном огне доспехи сияли золотом, а белый плащ Арагорна бился на ветру, как пламя. Прощаясь, Арагорн поднял над головой руку с зеленым камнем, и в сумерках над ним просияла яркая зеленая звезда.

Вскоре изрядно поредевший отряд свернул на запад и через Гриву выбрался в Пустоземье, потом повернул к северу, пересекая Дунгарский край. Дунгары бежали, страшась эльфов, и путников не беспокоили. Двигались не спеша, останавливаясь на ночлег в приглянувшихся местах.

На шестой день после прощания с Королем они пробирались через лес, спускавшийся с отрогов Мглистых Гор, и на закате вышли на равнину. Здесь их ждала встреча с двумя странниками. Вид у обоих был жалкий. Впереди, опираясь на посох, шагал старик, облаченный в бывшие когда-то белыми лохмотья. Следом тащился, с хныканьем и бессвязным бормотанием, сторбленный тщедушный нищий.

— Куда путь держишь, Саруман? — негромко окликнул Гэндальф.

Саруман, а это был именно он, злобно ощерился.

— А тебе что за дело? Мало тебе моего падения, ты теперь будешь еще указывать, куда мне идти?

— Нет, Саруман. Мой труд завершен. Теперь все заботы принял на свои плечи Король. Жаль, что ты не дождался его в Ортханке. Ты бы ощутил на себе его мудрость и милосердие.

— Тем больше было причин уйти, — живо возразил Саруман, — я не нуждаюсь ни в том, ни в другом. А на твой вопрос, так и быть, отвечу. Мой путь лежит прочь из его королевства.

— Опять ты сбился с дороги, — вздохнул Гэндальф, — и твое путешествие — напрасная трата времени. Послушай, мы могли бы помочь тебе...

— Вы? Мне? — прервал его Саруман. — Не надо смеяться. Уж лучше продолжайте ненавидеть меня. Я вам не доверяю, особенно вот этой владычице эльфов. — Он кивнул в сторону Галадриэль. — Я уверен, что ее козни свели наши дороги, это она хотела порадовать вас моим унижением. Надо мне было раньше сообразить, уж я бы лишил вас этого удовольствия!

— Саруман! — молвила Галадриэль. — Ты и вправду думаешь, что у Мудрых только и дела, что преследовать тебя? Пойми, что тебе представился случай, счастливый шанс, но этот шанс — последний. Другого не будет.

— Ну если последний, тогда все в порядке, — язвительно отозвался Саруман. — По крайней мере не придется больше отказываться от ваших милостей. Пускай мои надежды не оправдались, но и вашими я жить не намерен. Если они, конечно, остались у вас! — злобно добавил он.

На миг глаза его вспыхнули.

— Вперед! Хватит болтать! — воскликнул он. — Вы сами погубили себя, безумцы, и знаете это не хуже меня. Где бы я ни скитался, мысль о том, что, разрушая мой дом, вы разрушили и свой, будет доставлять мне удовольствие. На чем вы отправитесь за Море? На сером корабле, полном призраков? — Он расхохотался хриплым, жутким смехом и пнул прикорнувшего было прямо в придорожной пыли своего спутника. — А ну, ты, идиот, вставай! Шевелись! Если этим господам по нраву наша дорога, мы поищем себе другую! Поворачивайся, а то не получишь на ужин ни корки!

Нищий засуетился и запричитал:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда его бьют, всегда обижают... Ох, как я его ненавижу! Как бы мне хотелось избавиться от него!

— Ну так оставь его, — посоветовал Гэндальф.

Однако Грима только со страхом взглянул на него и быстро засеменил вслед за Саруманом.

Возле хоббитов Саруман остановился. Они смотрели на него с жалостью.

— А-а, пострелята! И вам любопытно поглядеть на унижение старика? Вам ведь нет дела до его надобностей, так? У вас то ни в чем нет нужды, как я вижу! И еда, и одежда, всего вдоволь. Поди, и табачок имеется... Знаю, знаю, откуда он... Так не пожалуйте ли на трубочку нищему страннику?

— Я бы дал, так нету у меня, — с сожалением сказал Фродо.

— Постой-ка. — Мерри спешил и стал шарить в седельной сумке. — У меня где-то был. Да вот он! Возьми, что есть. — Он протянул Саруману кисет. — Это из запасов, которые мы нашли в Изенгарде.

— Мой табачок, мой, и дорого куплен! — хрипло вскрикнул Саруман, хватая кисет. Он поклонился с издевкой. — Ограбленному выбирать не приходится. Если грабители хоть что-то вернут — и то хорошо. Тебе не пойдет на пользу добро Изенгарда. Дома-то у тебя дела не так хороши, как хотелось бы. Долго не видать вам листьев из Южной Чети!

— Вот тебе и раз! — удивился Мерри. — Это ты вместо спасибо, значит. Давай-ка кисет назад, он-то мой собственный. Пересыпь табак куда-нибудь к себе.

— Свои люди, сочтемся, — подмигнул Саруман, сунул кисет за пазуху, еще раз пнул Гриму и быстро зашагал к лесу.

— Вот уж грабитель, так грабитель, — присвистнула Пиппин.

— Да ладно вам, — озабоченно отозвался Сэм. — Ишь, «куплен», говорит. Как это, хотел бы я знать? Ладно. А вот что это он про наш дом говорил? Надо бы нам поскорей туда...

— Конечно, — согласился Фродо, — только сначала надо все-таки Бильбо повидать. Что бы там ни было, а я иду в Дольн.

— Правильно, — поддержал его Гэндальф и сокрушенно покачал головой. — Бедняга Саруман! Боюсь, что тут уже ничего не поделаешь. Он совсем завял. Только я все равно не уверен, что Фангорн прав. На какую-нибудь мелкую пакость его еще вполне хватит.

Стоял сентябрь, пора золотых дней и серебряных ночей. Дунгарский Край давно остался позади, перед путниками теперь лежали земли Эрегиона. В одно ясное холодное утро со стоянки на вершине холма путники увидели далеко на востоке три снежные вершины, поднимавшиеся под самые облака. Это были Фануидол, Келебдил и Карадрас. Значит, они достигли Ворот Мории.

Здесь отряд задержался на неделю. Близилось еще одно расставание. Келеберну и Галадриэль с эльфами предстояло повернуть на восток, пройти перевалом у Красного Рога и спуститься Росной Долиной к Серебреню, в свою страну. Они ушли так далеко на запад потому, что им о многом еще нужно было поговорить с Элрондом и Гэндальфом, и они медлили расставаться. Когда хоббиты засыпали, мудрые часто просиживали ночи напролет, обсуждая судьбы Среднеземья. Но случайный путник, взглянув на них ненароком, увидел бы только серые неподвижные фигуры, похожие на древние каменные изваяния. Он не расслышал бы ничего, ибо они не говорили вслух, только глаза светились и вспыхивали, когда они обменивались мыслями.

В конце концов час разлуки наступил. Келеберн и Галадриэль со своими спутниками отправились в Лориен. Их серые плащи быстро исчезли среди камней. Оставшиеся стояли на холме и смотрели им вслед до тех пор, пока в сгущающихся сумерках не сверкнула в последний раз белая искра. Фродо понял, что это кольцо на руке Галадриэли, поднятой в последнем прощании.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Эх, хотелось бы мне еще разок вернуться в Лориен!

Пришел вечер, когда путники увидели огни Дольна. Они миновали мост, и скоро огромный замок наполнился светом, радостью, песнями.

Едва спешившись, даже не сбросив плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо и нашли его перед камином в комнате, заваленной бумагами, перьями, карандашами. Он выглядел очень дряхлым, но спокойным и сонным.

Когда они вошли, старый хоббит открыл глаза.

— Привет, привет! — слабым голосом произнес он. — Вернулись? А завтра еще и мой день рождения к тому же. Как удачно подоспели! Знаете, мне ведь будет сто двадцать девять. Если еще год протяну, сравняюсь со Старым Туком. Хотелось бы его перещеголять, ну да там посмотрим.

Отпраздновали и день рождения Бильбо. Теперь хоббиты часто сидели со своим старым другом. Он редко покидал комнату, разве что выходил в трапезную, но ее уж посещал аккуратно, не отлынивая.

Итак, они сидели у камина, по очереди рассказывая обо всех своих похождениях и приключениях. Поначалу Бильбо еще пытался делать вид, будто записывает, но частенько задремывал, а встряхнувшись, говорил: «Превосходно! Просто удивительно! О чем это мы?» — и они снова возвращались к тому месту, где он начал клевать носом. По-настоящему Бильбо заинтересовал только рассказ о коронации и свадьбе Арагорна.

— Меня, конечно, звали, — сказал он, — я ведь давно этого ждал. Но здесь столько дел, а собираться да ехать потом так утомительно...

Спустя две недели Фродо как-то выглянул из окна и приметил на траве следы ночного заморозка. И внезапно он понял, что пора идти, пора прощаться с Бильбо. По-прежнему тихой и ясной была погода, но кончалось самое доброе на людской памяти лето, и близился октябрь. Еще чуть-чуть, и зарядят дожди с ветрами, а путь впереди неблизкий. Но не только погода тревожила его. Он просто чувствовал, что пора возвращаться в Шир. И Сэм чувствовал так же. Прошлой ночью он как раз сказал:

— Ну, сударь, были мы с вами далеко и видели много, а все ж лучше этого места нигде не найти. Здесь есть что-то от всех мест, если вам понятно, про что я: и от Ши́ра, и от Золотого Леса, и от Гондора, и от королевских покоев, и от трактира тоже, и луга, и горы — все намешано. Да только чую я — идти пора. О старике моем тревожусь, по правде сказать.

— Да, все есть, — задумчиво ответил Фродо, — только Моря не хватает.

И он тихонько повторил про себя: «Только Моря».

В тот же день Фродо говорил с Элрондом, и было решено выходить следующим утром. К их радости, Гэндальф сказал:

— Пойду-ка и я с вами. До Брыля, во всяком случае. Хочу Маслютика повидать.

Вечером прощались с Бильбо.

— Надо, так надо, — вздохнул он. — Жалко, я с вами не могу. Хорошо, конечно, когда вы рядышком, но мне все больше спать хочется.

Он попытался подарить Фродо мифриловую кольчугу и Шершень, забыв, что уже сделал это однажды, и дал три книги в красных переплетах, написанные в разное время и озаглавленные «Переводы с эльфийского. Б. С.»

Сэму достался маленький кошелек с золотом.

— Последние, почитай, крохи от Смога, — сказал старик. — Может, пригодится, ты вроде жениться задумал...

Сэм покраснел.

— А вам, молодежь, могу преподнести только пару добрых советов, — сказал старик Мерри и Пиппину. — Берегите головы. Если они у вас и дальше так расти будут, то никакая шляпа не налезет. И вообще кончайте расти, а то одежи не напасешься.

— Раз уж ты собрался перещеголять Старого Тука, — отшутился Пиппин, — почему бы нам не обогнать Бандобраса?

Бильбо рассмеялся и достал из кармана две прекрасные трубки с перламутровыми мундштуками, изящно отделанные серебром.

— Вспоминайте меня, когда курить будете! Эльфы для меня сделали, да я-то уж не курю больше.

Он вдруг опустил голову и задремал, а когда проснулся, спросил:

— Так. Где это мы? А, конечно, подарки дарим. Да, Фродо, а что стало с тем колечком, которое ты унес?

— Нет его, милый Бильбо. Избавился я от него, ты же знаешь.

— Экая жалость! — побряхтел Бильбо. — Хотелось бы мне на него взглянуть. Да нет, что за глупость! Ты же за этим и шел, не так ли? Избавиться от него, да? Э-э, все так запуталось, столько всего перемешалось: и Арагорновы дела, и Белый Совет, и Гондор, и Всадники, и южане, и слоны... Сэм, ты правда видал их? И пещеры, и башни, и золотые деревья, и кто его знает, что еще... Мое путешествие, пожалуй, поспокойнее было. Гэндальф, правда, хотел показать мне кое-что, но я бы тогда к торгам не успел... А теперь уж слишком поздно, да и то сказать: куда приятнее сидеть здесь и слушать обо всем. Камин уютный, а еда *очень* хорошая, и эльфы есть, коли поговорить захочется. Чего еще желать?

*Бежит дорога все вперед,
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совет?
Вперед по тысяче дорог
Теперь другим шагать,
А мне б — свернуть на огонек
Да чуточку поспать.*

Бильбо пробормотал последние слова, голова его склонилась на грудь, и он начал посапывать.

Сумрак стужался в комнате, все ярче падал свет из камина; хоббиты смотрели, как Бильбо улыбается во сне. Они сидели молча, потом Сэм оглядел комнату, тени, пляшущие на стенах, и тихонько произнес:

— По-моему, Фродо, не так много он написал, пока нас не было. Этак нашу историю никогда не допишешь.

Бильбо открыл глаза, потянулся и встал.

— Эх меня сон одолевает, — сказал он. — А когда есть время писать, хочется писать только стихи. Фродо, дорогой ты мой, может, займешься моими записями? Забери бумаги и дневник тоже, если хочешь. У меня, понимаешь, никак времени не находится оформить все честь по чести. Возьми Сэма в помощь, а как доведешь до ума, привези мне показать. Я не стану слишком придирааться.

— Давай, сделаю, конечно, — согласился Фродо. — А потом вернусь. Теперь это не опасно. Раз есть настоящий Король, он быстро приведет в порядок дороги.

— Спасибо, дорогой мой! — слабо обрадовался Бильбо. — Это для меня большое облегчение. — И он тут же заснул снова.

На следующий день Гэндальф и хоббиты простились со стариком в его комнате — за дверью было холодно, — а потом распрощались с Элрондом и эльфами.

Фродо обернулся на пороге. Элронд благословил его, пожелал счастливого пути, а потом добавил:

— Я думаю, Фродо, вам не стоит возвращаться сюда. Когда-нибудь осенью, когда деревья будут стоять в багрянце и золоте, поищите-ка лучше Бильбо в ваших лесах. Я тоже буду с ним.

Никто больше не слышал этих слов, и Фродо никому не стал о них говорить.

Глава VII ДОРОГА К ДОМУ

Покинув Дольн, хоббиты в сопровождении Гэндальфа повернули наконец в сторону Шира. Им очень хотелось поскорее вернуться домой, но Фродо вдруг приболел. Когда им пришлось переправляться вброд через Гремячую, он с трудом на это решился. Казалось, он плохо понимал, что происходит вокруг, и после переправы промолчал весь день. Это было шестое октября.

— Больно, Фродо? — тихонько спросил Гэндальф, подъехав к хоббиту.

— Да, — так же тихо отозвался Фродо. — В плече. Рана ноет, и... как вспомню, так тяжело делается. Сегодня как раз год.

— Увы! — вздохнул маг. — Не все раны удаётся излечить насовсем.

— Моя, боюсь, из таких, — ответил Фродо. — Мое возвращение — ненастоящее. Может, я и приду в Шир, но ни страна, ни я прежними уже не станем. Кинжал, потом Шелоб, а потом еще и зубы этого несчастного — так много всего. А самое главное — моя ноша, она все еще давит на сердце. Где я найду покой?

Гэндальф не ответил.

В конце следующего дня недомогание прошло, и Фродо снова был весел, словно и не помнил о черной тоске накануне. Все складывалось удачно, и дни летели быстро. Путешественники неспешно проезжали лесами, горевшими под осенним солнцем багряными и золотыми красками. Так добрались до Заветери.

Вечерело, и тень от холма лежала на дороге. Фродо попросил поторопиться и целую милю ехал, не глядя на холм, низко опустив голову и кутаясь в плащ. Этой ночью погода переменилась, западный ветер принес с собой дождь и громко гудел в кронах, а желтые листья птицами реяли в воздухе. Когда они добрались до Чагрого Бора, деревья стояли уже голые, а глухая завеса дождя скрывала Брыльский Холм.

Промозглым вечером в конце октября пятеро путников поднялись по дороге к южным воротам Брыля. Ворота оказались крепко заперты. Дождь сыпал в лицо, по темнеющему небу спешили низкие тучи, и путешественники слегка приуныли — они рассчитывали на большее радушие.

Кричать пришлось долго. Наконец явился привратник со здоровенной дубиной. Он долго и подозрительно разглядывал странников через окошечко, но, признав Гэндальфа, а потом и хоббитов, повеселел и радушно приветствовал их, словно не замечая невиданных одеяний.

— А-а, входите, входите, — приговаривал он, отпирая ворота. — Здесь-то в сырости да холоде что за разговор. Мерзкая погода. Но старый Суслень рад будет. Там в «Пони» и услышите все, что слышать стоит.

— А ты там потом услышишь все, что мы расскажем, и даже больше, — рассмеялся Гэндальф. — А где же Гарри?

Привратник нахмурился.

— Ушел, — сказал он. — Но лучше спросите Маслютика. Доброго вам вечера.

— И тебе тоже, — ответили они.

Сразу за воротами обнаружилась длинная низкая хижина. Оттуда тотчас высыпали люди и усталились на них через забор. Дом Хвоща за поломанным плетнем стоял с заколоченными окнами.

— Как думаешь, Сэм, не убил ты его своим яблоком? — поинтересовался Пиппин.

— Вряд ли, — отозвался Сэм. — Да плевать мне на Хвоща. Вот что стало с бедным пони, я хотел бы узнать. Он у меня долго из головы не шел; и как волки воют, и прочее...

Наконец добрались до «Резвого Пони». Хорошо хоть трактир не изменился, во всяком случае, снаружи. В нижних окнах за красными занавесками горел свет. На звяканье колокольца явился Ноб, приоткрыл дверь, выглянул и, увидав их под фонарем, вскрикнул от удивления.

— Господин Маслютик! Хозяин! — заорал он. — Они вернулись!

— Да неужто? Ну, я их проучу, — донесся голос Маслютика, и тут же появился он сам с дубинкой в руках. При виде хоббитов и мага непривычно мрачное лицо хозяина вытянулось от удивления, а потом расплылось от радости.

— Ноб! Дурень шерстоногий! — загремел он. — Ты что, по именам старых друзей не мог назвать? Не пугай ты меня так больше, сам знаешь, какие времена. И откуда же вы? Я уж не чаял вас увидеть больше. Ведь это же надо: уйти в Пустоземье, да с Колобродом с этим, а вокруг — еще Черные! Истинная правда — радуюсь, а уж Гэндальфу — больше всех! Входите, входите! Комнаты те же что и раньше прикажете? Свободны, свободны. Эх, чего скрывать, теперь почти все комнаты свободны, да вы и сами скоро увидите. Побегу посмотрю за ужином, все ведь сам теперь, рук не хватает. Эй, Ноб, кляча мохноногая! Кликни Боба! Ах да, нет же Боба-то, домой нынче на ночь отправился. Ладно, Ноб, отведи пони

на конюшню. А своего коня Гэндальф, конечно, сам отведет. Прекрасное животное, я это сразу сказал, едва увидел. Ну входите! Будьте как дома!

Какие бы времена ни были, болтливость Маслютика оставалась при нем. Можно было подумать, что он и впрямь закрутился ужасно, но в доме было тихо, из общей залы доносился негромкий разговор: голоса два-три, не больше. Когда хозяин зажег свечи, гости увидели, что морщин от забот на его лице заметно прибавилось.

Они спустились коридором в ту самую комнату, в которой провели ночь больше года назад. Старина Маслютик доблестно пытался скрыть какие-то неприятности. Что-то в «Резвом Пони» было не так. Это настораживало.

Как они и предполагали, Маслютик зашел после ужина узнать, не надо ли чего. Но ни в пиве, ни в ужине перемен к худшему никто не заметил.

— Теперь уж я не отважусь приглашать вас в общую залу, — сказал Маслютик. — Вы устали, а там, почитай, все равно никого нету. Но если бы вы уделили мне полчаса перед сном, я был бы рад поговорить с вами без посторонних.

— Можешь начинать хоть сейчас, — предложил Гэндальф. — Мы не устали. Промокли, замерзли, проголодались — это да, но ты уже нас исцелил. Присаживайся. А если у тебя еще и табак есть, совсем нас ублажишь.

— Может, чего другого пожелаете? — смущенно предложил Маслютик. — С табаком как раз туго сейчас, обходимся тем, что сами выращиваем, да какой в Брыле табак! Ширского-то теперь нет. Эх, ладно, ради такой встречи поищу.

Он умчался и вскоре вернулся с кисетом, в котором хоббиты обнаружили крупные, плохо порезанные листья.

— Ничего лучше нет, — вздохнул хозяин. — С листом из Южной Чети, конечно, не сравнить. Само собой, во всем остальном Брыль первый, вы уж извините, но по части табака нам с Широю не тягаться.

Маслютика усадили в огромное кресло у камина, Гэндальф сел напротив, а хоббиты расположились кто где. Они проговорили много раз по полчаса. Много из того, о чем рассказали

путешественники, повергло Маслютика в полное остолбенение, никак не укладываясь в его бедной голове. Он только вскрикивал, охал, ахал да всплескивал руками.

— Да не говорите, господин Сумникс! Или Норохолм? Я совсем запутался. Да не говорите, Мастер Гэндальф! Ну уж никогда! Кто бы мог подумать! И это в наши-то времена!

Но он и сам порассказал немало. По его словам получалось, что и все-то идет кое-как, а уж дела — из рук вон плохо.

— Из чужих мало кто теперь мимо Брыля ходит, — жаловался он. — А что до своих, так все больше по домам сидят запершись. Началось все с этих приبلудных, которые в прошлом году по Зеленопутью пришли, если помните; а потом их столько понабежало! Некоторые — просто бедолаги, а большинство — дрянные людишки. Они тебе и украсть, и обмануть — запросто! Тут у нас даже потасовка была, и некоторых убили, до смерти убили! Можете в такое поверить?

— Можем, — сказал Гэндальф. — Сколько убили-то?

— Троих и двоих, — сказал Маслютик, имея в виду большой народ и малый. — Бедного Мэта Верескуна, и Роли Дичка, и маленького Тома Шиповника из-за Холма, и еще Вилли Скруча, да одного Норохолма из Двориц. Все славные ребята. А Гарри Каприфоль, привратник, значит, с Биллом Хвоцом к пришлым переметнулись, да вместе с ними и ушли. Я так думаю, они их и впустили, это когда стычка была, стало быть. Мы-то их выставили. А драка потом случилась, после первого снегопада. Ну они и подались разбойничать. Прячутся в Чагром Бору и дальше к северу, в глуши. Как будто старые дурные времена вернулись. На дорогах беспокойно, никто далеко не ездит, и запирают рано. Караульных приходится держать по всей ограде, а по ночам к воротам еще и дозоры ставить.

— Чудно! — покрутил головой Пиппин. — Ехали мы не торопясь, дозоров не выставляли, однако никто нас не тронул. Мы-то думали, все тревоги уже позади.

— Да нет, так-то не получается, — посетовал Маслютик. — А что вас не тронули — это понятно. С теми, у которых мечи, да шлемы, да щиты всякие, они не связываются. Я сам-то опешил, когда вас увидел.

Тут только хоббиты начали понимать, что само их возвращение никого особенно не удивляет. Другое дело — оружие и одежда. Они успели привыкнуть ко всему этому и думать не думали о том, как выглядят в Шире кольчуги, поблескивающие из-под плащей, шлемы и щиты с яркими гербами Гондора и Рохана. Пожалуй, и Гэндальф на своем дивном коне, весь в белом, с длинным Гламдрингом на боку, мог поразить воображение брыльчан.

Маг рассмеялся.

— Ну-ну, — сказал он, — коли они пятерых испугались, можно на них наплевать. Мы видали врагов пострашнее. Ладно, пока мы здесь, они вас, надеюсь, в покое оставят.

— Эх, надолго ли? — вздохнул Маслютик. — Что скрывать? Задержись вы у нас подольше, только рады будем. Мы ведь к такому не привыкли, а Скитальцы все запропастились куда-то. Наверное, зря мы их не ценили до сих пор. Так ведь не понимали! Что с нас возьмешь? Разбойники эти еще не самое худшее. Прошлой вот зимой волки были вокруг ограды. А в лесах всякие... — Маслютик пошевелил пальцами в воздухе. — В общем, жуткие твари, аж кровь стынет, как подумаешь. Очень беспокойно было, вы мне поверьте.

— Верим, верим, — кивнул Гэндальф. — Почти во всех землях беспокойно было в те дни, очень беспокойно. Но радуйся, Суслень! Тебя эти великие тревоги только краем задели, и я рад, что не глубже. Придут еще лучшие времена, да такие, что ты и представить себе не можешь. Скитальцы вернулись. Мы с ними ехали. А самое главное — теперь снова Король есть, Суслень! Он скоро и вашими бедами займется. Снова откроется Зеленопутье, его гонцы полетят на север, на дорогах людно станет, и тварей твоих злых из Пустоземья прогонит. Да и Пустоземья-то самого не останется. В глуши люди поселятся, поля зазеленеют.

Маслютик покачал головой.

— Оно, конечно, десяток приличных зажиточных путников нам не повредит. А вот всякого сброда и головорезов не надо. И не хотим мы чужаков ни в Брыле, ни около. Только бы нас в покое оставили. Если сюда опять толпа привалит на жительство — чего хорошего? Разорят только все...

— Вас оставят в покое, Маслютик, — пообещал Гэндальф. — Между Изеном и Седонной места хватит. Селиться станут прежде всего на побережьях, а оттуда до Брыля не вдруг дойдешь. Многие ведь живут и к северу, миль за сто отсюда, у дальнего конца Зеленопутья: на Северных Увалах, возле озера Дрема, мешают они тебе?

— Да кто же в этих проклятых местах жить может? — не поверил Маслютик. — Да туда никто кроме разбойников не пойдет.

— Следопыты пойдут, — улыбнулся Гэндальф. — Это проклятое место зовется, между прочим, Форност Эрайн, Северин Королевский. И Король как-нибудь заглянет туда, вот уж тогда будут у тебя гости так гости!

— Звучит заманчиво, — почесал в затылке Маслютик. — Делу на пользу пойдет, само собой. Ну все ж таки оставит ваш Король Брыль-то в покое или нет?

— Оставит, — успокоил его Гэндальф. — Брыль он знает и любит.

— Это откуда же? — Маслютик был явно озадачен. — Он же сидит, поди, на большом троне в огромном замке за сотни миль отсюда... И вино пьет небось не из моих кружек. Что ему до «Пони» с нашим простецким пивом? Нет, пиво-то у меня неплохое, прямо скажем, хорошее пиво... С прошлой осени, — с запинкой добавил он, быстро взглянув на Гэндальфа. — Вот с тех самых пор, как заговорил ты мне его. Только и радости-то посреди печалей всяких.

— Точно! Он всегда здешнее пиво хвалил, — вспомнил Сэм.

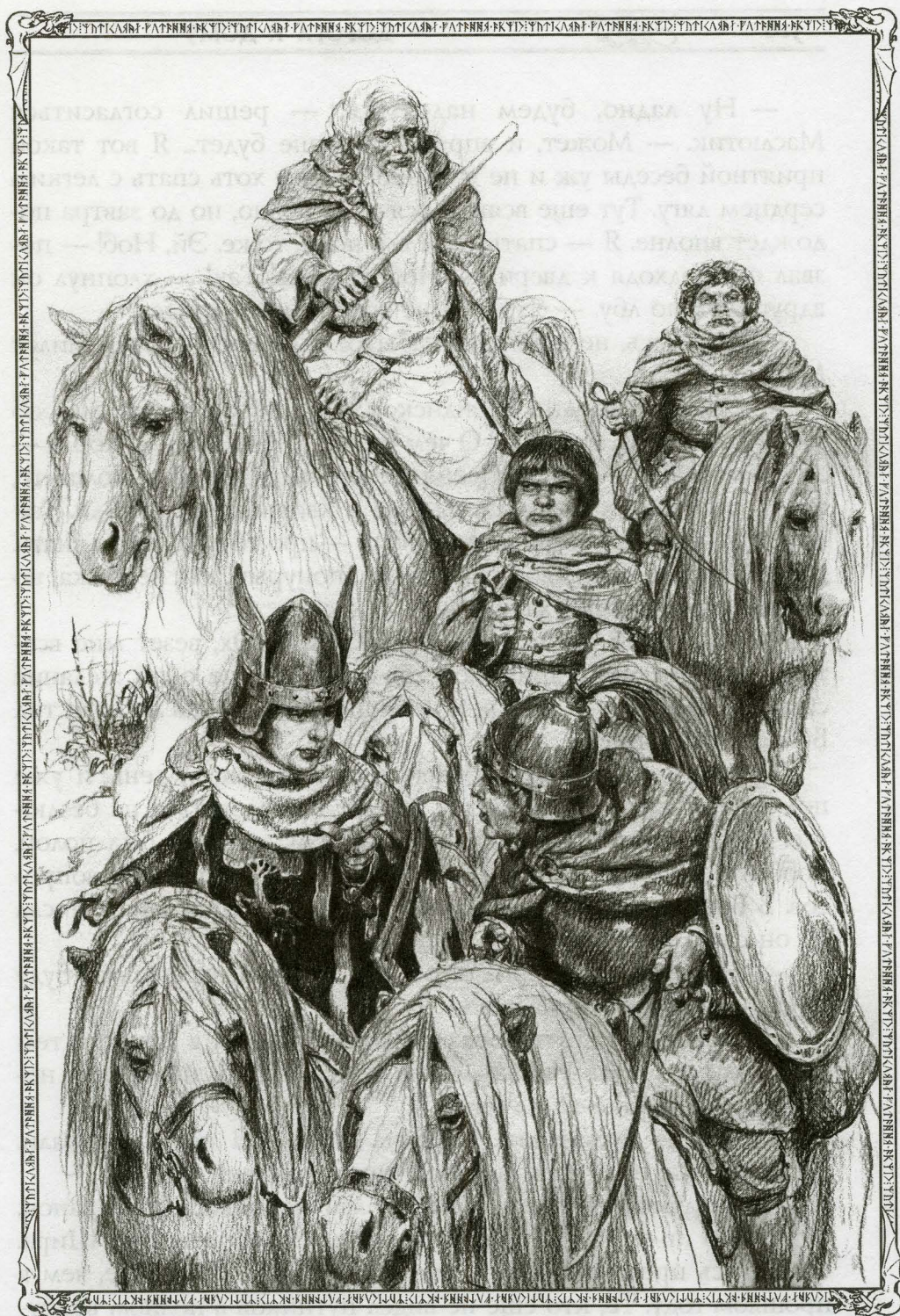
— Кто хвалил? — не понял Маслютик.

— Да Колоброд, кто ж еще! Ну, вождь Следопытов. До тебя что, не дошло еще?

Когда наконец дошло, Маслютик так растерялся, что его стало жалко.

— Колоброд! — Он с трудом перевел дух. — Это он-то — с короной да с золотым кубком? Куда ж это мы катимся?

— К лучшим временам, любезный, к самым наилучшим, для Брыля по крайней мере, — заверил его Гэндальф.

— Ну ладно, будем надеяться, — решил согласиться Маслютик. — Может, и впрямь получше будет... Я вот такой приятной беседы уж и не упомяну. Нынче хоть спать с легким сердцем лягу. Тут еще всякой всячины полно, но до завтра подождет вполне. Я — спать, да и вы, поди, тоже. Эй, Ноб! — позвал он, подходя к двери. — Ноб, увалень! Так! — хлопнул он вдруг себя по лбу. — Что-то мне все это напоминает!

— Надеюсь, не еще одно забытое письмо? — осведомился Мерри.

— Эх, эх, господин Брендискок, и не напоминайте мне об этом! Вот, мысль спугнули! О чем бишь я? Ноб, стойла, корм, — забормотал он. — А! Вот! У меня тут кое-что ваше есть. Помните, как коней ваших свели? А вы еще у Хвоща пони купили. Так вот, здесь он. Сам пришел. А где был — про то вам лучше знать. Драный явился, что твой пес старый, понурый, как вешалка, но живой. Ноб за ним ухаживал.

— Как? Мой Билл? — вскочил Сэм. — Эх, везет мне все-таки, что бы там старик мой ни говорил. Еще одно желание сбылось! Где он? — Сэм так и не пошел спать, пока не навестил Билла в конюшню.

Путники оставались в Брыле весь следующий день, и уже под вечер господин Маслютик не мог пожаловаться на безлюдье. Любопытство пересилило все страхи, трактир был полон. Хоббиты посидели с гостями и ответили на множество вопросов. В Брыле долгая память, и Фродо не раз спросили, написал ли он свою книгу.

— Нет еще, — говорил он, — вот домой возвращаюсь, буду бумаги в порядок приводить.

Он обещал описать поразительные события в Брыле и тем хоть немного привлечь внимание к «далеким и наверняка неважным делам где-то на юге».

Кто-то из молодежи попросил спеть. На него зашикали. Здесь больше не хотели никаких происшествий.

На следующее утро хоббиты и маг поднялись спозаранок. Моросило по-прежнему. К ночи хотелось добраться до Шира. Собрались провожающие, и лица у них были повеселее, чем в прошлом году. Те, кто еще не видел путников в полном воору-

жении, разинули рты от изумления: они дивились на белобородого Гэндальфа, от которого словно исходил свет, слегка приглушенный синим плащом, и на четверых хоббитов, больше всего походивших на храбрых рыцарей из почти забытых сказок. Даже те, кто смеялся над разговорами о Короле, призадумались: а нет ли здесь доли правды?

— Удачи вам и в пути, и дома, — пожелал на прощание Маслютик. — Если верить слухам, так и в Шире у вас не все ладно. Чудные там дела, говорят. Но уж тут одно к одному, как говорится. Осмелюсь заметить только — вы в своих странствиях здорово изменились, так что со своими заботами запросто разберетесь. Наведите там порядок. Удачи вам! И чем чаще вам придется по делам или просто так заглядывать в Брыль, тем мне приятнее будет.

Они попрощались с хозяином и тронулись в путь. Пони Билл отправился с ними. Его снова нагрузили, но он, похоже, был не против и трусил рядом с Сэмом вполне довольный.

— Интересно, на что это Маслютик намекал, — задумчиво проговорил Фродо.

— Кое о чем я догадываюсь, — мрачно изрек Сэм. — Это он про то, что я в Зеркале видал: деревья рубят, и все такое, а еще старика моего небось из Тугосумов выгнали. Эх, надо бы мне пораньше вернуться.

— И в Южной Чети что-то не так, — сказал Мерри. — Отродясь такого не помню, чтобы у них с табаком плохо было.

— Табак там или деревья, а то, что во всем этом Лотто замешан, можете мне поверить, — заявил Пиппин.

— Может, и замешан, да не он причина, — сказал Гэндальф. — Не забывайте о Сарумане. Он Широю начал интересоваться раньше Мордора.

— Ну раз ты с нами, — беспечно ответил Мерри, — скоро все разъяснится.

— Пока-то я с вами, — проворчал Гэндальф, — да скоро меня не будет. Я не пойду в Шир. Свои дела сами устраивайте. За этим ведь и едете. Разве вы еще не поняли? Мое время кончилось; отныне я не устраиваю ничьих дел и даже не помогаю

их устраивать. Да на что вам моя помощь? Вы выросли. А заодно вышли в первые герои Среднеземья. Я больше не боюсь за вас. Вот так, дорогие мои. Скоро мне поворачивать. Собираюсь Бомбадила навестить. За все мое время мы с ним так и не поговорили толком. Он сиднем сидит, мхом обрастает, а я — как камень перекатный. Но похоже, кончились мои катанья. Вот и посидим с ним, побеседуем по душам.

Подъезжая к развилке, возле которой хоббиты расстались с Бомбадиллом, они приподнялись на стременах, надеясь увидеть знакомую коренастую фигуру в шляпе с пером, но на дороге никого не было. Над Упокоищами висел серый туман, и Древлепуша вдали скрылась под его покровом.

Они остановились, и Фродо с тоской поглядел на юг.

— Как бы мне хотелось повидать его снова, — сказал он. — Как он там поживает?

— Хорошо по-прежнему, будь уверен, — заверил Гэндальф. — он нашими делами не очень интересуется, разве что — энтами... Может, ты еще и повидашь его... попозже. А сейчас я бы на вашем месте поспешил к дому, а то закроют ворота у Брендиуинского моста, что делать будете?

— Нет там никаких ворот, — усмехнулся Мерри, — и ты это лучше меня знаешь. А в Заскожье меня в любое время пустят.

— Ты прав. Там *не было* ворот. — Гэндальф сверкнул из-под шляпы хитрым глазом. — А теперь могли и появиться. Даже у ворот в Заскожье хлопот может оказаться больше, чем ты думаешь. Но вы справитесь. До свидания, милые мои, пока еще — до свидания!

Маг наклонился к уху Сполоха. Огромный конь легким прыжком перемахнул ров у обочины и исчез в тумане, словно порыв северного ветра.

— Вот мы и остались вчетвером, как когда-то, — сказал Мерри. — Мне кажется, мы спали и видели сон, и только теперь просыпаемся.

— А мне, — отозвался Фродо, — кажется, что мы, наоборот, опять засыпаем...

Глава VIII СНОВА ДОМА

Глубокой ночью, продрогшие и усталые, путники добрались наконец до Брендидуинского моста. Здесь их встретила первая неожиданность. Поперек моста из конца в конец высились крепкие ворота, утыканные металлическими шипами. На том берегу реки виднелось несколько новых домов — двухэтажных, с узкими прямоугольными окнами, без всяких украшений. Вид у домов был мрачный. Совсем не хоббитский вид.

Друзья долго стучали в ворота, и непонятно было, то ли их не слышат, то ли и слышать некому. Но потом неожиданно где-то близко протрубил рог, в домах кое-где появился свет, и чей-то голос прокричал из темноты:

— Эй, кто там? Уходите отсюда! Не видите, что ли, там же написано: «От заката до восхода вход воспрещен»!

— Да что ж тут разглядишь в такой темноте! — крикнул в ответ Сэм. — Что за дела? Из-за какой-то надписи хоббитам из Шира всю ночь торчать на мосту! Уж если я ее разгляжу, надпись вашу, первым делом порву в клочья!

Не успел он сказать это, как из дверей левого дома высыпала толпа хоббитов с фонарями. Кое-кто из них ступил было на мост, но, увидев путешественников, остановился.

— Ну что встали? — крикнул Мерри, признав одного из них. — Эй, Хоб Сеновал, ты что же, не узнал меня, что ли? Это я, Мерри Брендискок. А ты что здесь делаешь, и вообще, что тут у вас творится?

— Батюшки! Мастер Мерри! Вырос-то как! — удивился старый Хоб. — И одет ровно для битвы... А говорили: не то вы умерли, не то сгинули в Древлепуще! Ну да я рад, что живы, значит.

— Вот и хорошо, что рад, — крикнул Мерри. — Открывай поживее, видишь ведь, что мы с дороги!

— Прошу прощения, мастер Мерри, — осторожно, но твердо ответил Хоб, — но у нас приказ.

— Чего-чего? Какой такой приказ? Чей?

— Предводителя.

— Это кого же ты имеешь в виду? — спросил озадаченный Фродо и вдруг догадался. — Не Лотто ли?

— Да выходит, что так, господин Сумникс, — покряхтел Хоб. — Только теперь нам велено говорить «Предводитель», и все тут.

— Ну и ну! — развел руками Фродо. — Что-то родственники совсем от рук отбились, пора на место ставить.

Голоса за воротами как обрезало.

— Не след говорить так, добра не будет, — промолвил наконец один из хоббитов, — как бы Предводитель о том не прослышал. А будете шуметь — верзилу разбудите.

— Да уж разбудим, будь уверен, — сказал Мерри. — Это что же, Предводитель ваш набрал себе чужаков из дальних земель и злодействует тут? Тогда мы в самый раз подоспели. —

Он соскочил с коня, содрал с ворот злополучную надпись, порвал и клочки бросил через ворота.

Хоббиты отступили, и видно было, что открывать не собираются.

— А ну, Пиппин, вперед! — воскликнул Мерри. — Вдвоем справимся. — И он мигом перемахнул через ворота. Хоббитов как ветром сдуло.

Снова зазвучал рог. В дверном проеме правого дома показалась высокая грузная фигура.

— Это что еще? — ворчал незнакомец, подходя. — Ворота ломать? Вот я вам сейчас шеи посворачиваю! — Но тут он заметил мечи в руках хоббитов и остановился.

— А-а, вот оно что, — презрительно процедил Мерри, — Билл Хвощ, старый знакомый. Ну, тем лучше. Открывай живо, а то мне придется тебя поторопить. А как откроешь, иди и не останавливайся. Я тебя хорошо знаю, так что лучше не возвращайся, подлец ты эдакий!

Поколебавшись, Хвощ открыл ворота.

— Давай ключи! — приказал Мерри.

Но тут Хвощ ловко шмыгнул мимо него в ворота и сразу исчез в темноте. Больше о нем в Шире не слыхали.

— Ладно, — проворчал Мерри, — с предводителем увидимся попозже. Эй, Хоб, где ты там? Я смотрю, «Золотой Пескарь» снесли, чтобы эти уродины построить... Ну, сами виноваты. Придется вам размецать нас где хотите.

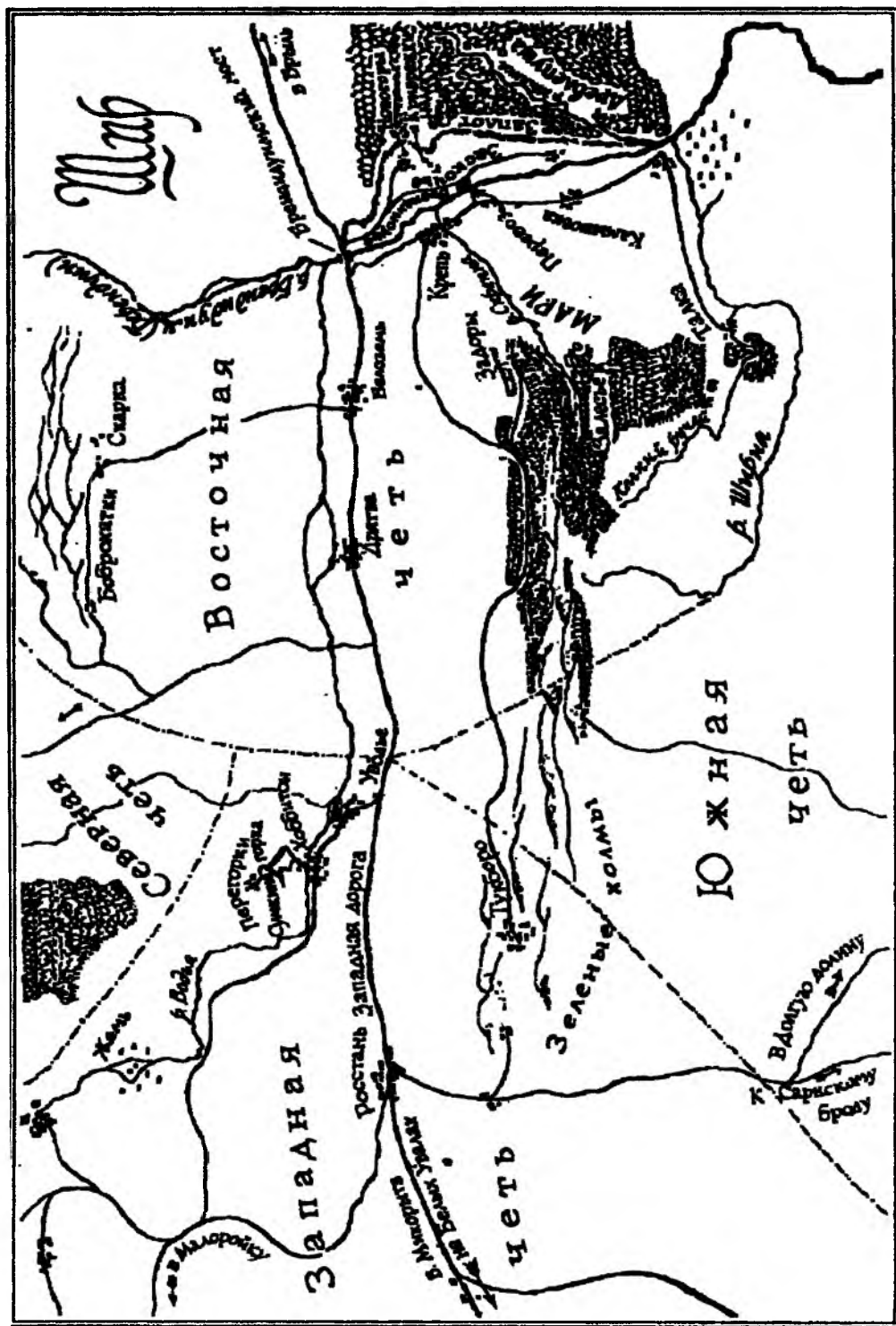
— Прошу прощения, мастер Мерри, — сказал Хоб почтительно, — только не можно это.

— Что «не можно»?

— Гостей принимать, пищу тратить, и вообще...

— Да что же это такое? — изумился Мерри. — Год, что ли, был неурожайный?

— Да нет. Год был что надо. И пищи много выросло. Вот только не знаем, что с ней потом стало. Это все «сборщики» и «раздельщики». Собирать-то они собирают, а вот насчет того чтобы делить — не очень... Так что большую часть собранного мы так и не видели.

— Ладно, — прервал его Пиппин. — Это ты нам потом расскажешь. Спать же хочется, сил нет! Еда у нас своя есть. Давайте комнату любую, а там разберемся.

Хоббиты у ворот явно растерялись. Но никто не осмелился противоречить вооруженным до зубов рослым и властным путешественникам.

Фродо велел вновь запереть ворота. Поблизости, судя по всему, могли оказаться разные злодеи, так что стража-то нужна все равно. Затем четверо друзей направились в дом ширрифов и, несмотря на безрадостное внутреннее убранство, постарались расположиться с возможным удобством. Стены внутри были увешаны всевозможными запрещающими надписями и Правилами. Пиппин первым делом оборвал их все. Пива не оказалось, еды было кот наплакал, но у путников имелись свои запасы, и Пиппин сразу нарушил Правило N 4, изведя на готовку двухдневный запас дров. Местных хоббитов тоже угостили.

— Вот теперь, — потянулся Пиппин, когда друзья утолили голод, — хорошо бы трубочку, и можно послушать про ваши дела.

— Нет теперь табака, — сокрушенно покачал головой Хоб Сеновал. — Только для людей Предводителя. Запасы словно испарились. Говорят, наш табак возами вывозили по Южной дороге куда-то за Сарнский брод. В конце прошлого года это было, аккурат как вы ушли. По-тихому все обстряпали, а Лотто...

— Молчи, молчи, Хоб! — закричало сразу несколько голосов. — Ты же знаешь, что бывает за такие разговоры! Дойдет до Предводителя — неприятностей не оберешься!

— Да не дойдет, если среди нас нет предателей! — горячо воскликнул Хоб.

— Ох, надоело! — стукнул кулаком по столу Сэм. — Ни тебе «добро пожаловать», ни пива, ни табачку, все только «предводитель» да «предводитель». Разговоры прямо как у орков. Я-то думал отдохнуть после всего, а тут работы полно, да еще такой противной! Давайте спать, утро вечера мудренее.

Однако утро готовило им новые неожиданности. Видно, у предводителя были свои способы узнавать новости. От Заскочья до Хоббитона добрых миль тридцать, да и то по прямой, но кто-то не поленился проделать этот путь среди ночи...

Никаких определенных планов у наших друзей не было. Они собирались завернуть сначала в Брендинорье, передохнуть, но, встретив такие дела в Заскочье, решили двигаться прямо в Хоббитон. Так что с утра пораньше они были уже в дороге.

Ветра не было, день выдался серенький и грустный, места вокруг выглядели заброшенными, кое-где виднелись даже следы пожаров.

Одолев за день миль двадцать, они к вечеру добрались до Дрягвы, небольшой деревушки у дороги. Чуть дальше должен был располагаться придорожный трактир «Плавучее бревно». В нем и решили заночевать. Однако не тут-то было. Подъехав к восточному краю деревни, они увидели, что дорога перегорожена, а на большой доске выведена корявая надпись: «Прохода нет». По ту сторону загородки их поджидала большая группа ширрифов, с перьями на шляпах и с дубинками в руках. Здесь их собралось больше, чем было за всю историю страны. Вид у них был важный и грозный, но чрезвычайно нелепый.

— Это еще что за новости? — громко спросил Фродо, испытывая сильное желание расхохотаться.

— Это значит, что вы арестованы, господин Сумникс! — торжественно произнес начальник ширрифов, отличавшийся от остальных двумя перьями на шляпе. — Вы обвиняетесь во зломе ворот, в нарушении Правил, в нападении на привратников, спанье в неподобающем месте и подкупе стражи посредством пищи.

— А еще в чем? — спросил Фродо.

— Этого вполне достаточно, — сказал начальник отряда.

— Вы еще кое-что упустили, — фыркнул Сэм. — Можете добавить желание набить предводителю его прыщавую физиономию и еще мысль о том, что ширрифы похожи на стадо идиотов.

— Ладно, это мы тоже учтем. По приказу Предводителя я должен передать вас его людям в Уводье. Когда он разберет

ваше дело, можете высказаться. Но если не хотите загреметь в Садок надолго, придержите языки!

Фродо и компания дружно расхохотались.

— Не городите ерунды! — отрезал Фродо, отсмеявшись. — Я хоббит, и у себя в стране иду, куда захочу. Сейчас мне надо по делам в Засумки. Если и вы туда же, это ваше дело.

— Очень хорошо, господин Сумникс, — сказал начальник ширрифов, отодвигая перегородку. — Только не забудьте, что я вас арестовал.

— Этого я не забуду, — ответил Фродо, — никогда. Но может быть, когда-нибудь прощу вас. Пока что я намерен остановиться в «Плавучем бревне», так не составите ли мне компанию?

— Это невозможно, господин Сумникс. Гостиница закрыта. Здесь неподалеку есть дом ширрифов, могу пригласить вас туда.

— Хорошо, — согласился Фродо. — Идите вперед, а мы за вами.

Сэм, внимательно разглядывавший отряд, вдруг крикнул:

— Эй, Робин Норкинс! Поди-ка сюда, хочу с тобой парой слов перекинуться.

Один из ширрифов, робко взглянув на начальника, который хоть и был очень недоволен, но вмешаться не посмел, боком приблизился к Сэму, сошедшему с седла.

— Слушай-ка, Робин, — обратился он к хоббиту, — ты ведь из Хоббитона. Что тут происходит? Почему «Бревно» закрыли?

— Они все позакрывали, — тихо ответил Норкинс. — Предводитель не одобряет пива. С этого все и началось. Я так думаю, что все пиво просто идет его людям. И еще он терпеть не может всяких чужаков и странников, все они должны являться в дом ширрифов и объяснять, зачем пожаловали.

— Стыдно тебе должно быть, Робин, заниматься такой ерундой, — укорил его Сэм. — Ты же, я помню, был большой охотник до пива, да и с приезжими любил поболтать в трактирчике, а?

— Да ведь я таким и остался, Сэм. Только ты уж не суди строго, что я могу поделаться? Я и в ширриффы-то пошел семь лет назад, чтобы побродить по стране, повидать новые места да разузнать, где какое пиво варят. А теперь-то все по-другому.

— Ну так брось это дело, если оно тебе больше не по нраву.

— Нельзя ведь...

— Да... Если я еще раз услышу «нельзя», то рассержусь, пожалуйста, — набычился Сэм.

— Я тебе сказать не могу, — совсем перешел на шепот Робин, — как мне все это опротивело. Может, если бы мы все рассердились, что-нибудь и вышло бы. Но знаешь, Сэм, вся беда в Людах, в Людах Предводителя. Они повсюду шныряют, и чуть только кто-нибудь против, сразу хватают. Нашего старого Вилли — мэра Белонога то есть — первым взяли, а потом и еще многих. А недавно еще хуже стало. Бить начали.

— Так за каким же рожном ты на них работаешь? — взорвался Сэм. — Кто тебя послал в Дрягву?

— Никто не посылал, — оробел Норкинс. — Мы тут, в доме ширриффов... Первый Восточный Отряд называемся. Ширриффов-то теперь много, хотя большинство и не по своей воле. Правда, не все. А кое-кто даже шпионит для Предводителя и его Людей. Так вот и о вашем приходе узнали. Нас-то с вестями не посылают, не велено, у них на то специальные гонцы есть. Один такой и принес вчера ночью послание, другой у него принял и дальше понес, а обратно приказ пришел — арестовать, мол, и точка. Предводитель желает вас видеть.

— Ладно, — проворчал Сэм. — Вот хозяин с ним поговорит, желания-то у него поубавится.

Дом ширриффов в Дрягве не сильно отличался от того, у моста. Всего один этаж, окна узкие, а стены выложены из противного грязно-серого кирпича. Внутри было уныло и безрадостно, ужинали за длинным непокрытым столом. Последний раз его протирали не меньше недели назад, но здешняя еда лучшего и не заслуживала. Путники не стали здесь задерживаться. До Уводья оставалось восемнадцать миль, но вышли только в десять утра. Нельзя было отказать себе в удоволь-

ствии потянуть время, глядя, как суетится и волнуется начальник ширрифов.

Забавная процессия покидала деревню. Вот только редкие жители, вышедшие поглядеть на «арестованных», не знали, можно им смеяться или нет. Друзей сопровождали двенадцать ширрифов. Мерри заставил их идти впереди, а Фродо и остальные ехали следом. Мерри, Пиппин и Сэм болтали, пели и веселились от души, наблюдая, как ширрифы из сил выбивались, пытались сохранить важный вид. Только Фродо оставался печальным и задумчивым.

— Эй, кто кого арестовал? — спросил какой-то старик, чинивший забор у дороги. Двое ширрифов тут же направились к нему.

— Начальник! — окликнул Мерри. — Прикажи своим ребятам вернуться. А то им придется иметь дело со мной.

Ширрифы вернулись к отряду.

Пони хоббитов хотя и не очень спешили, а все-таки ширрифы упарились, пытаясь не отстать от них. Около трех часов пополудни друзья сжалились над ними и остановились. Их конвоиры от голода и усталости едва держались на ногах.

— Ладно уж, — сказал им Мерри, — идите как можете. Нам недосуг, мы едем дальше.

— До встречи, Робин! — крикнул Сэм. — Жду тебя в «Зеленом драконе», если ты еще не забыл дорогу туда. Не держивайся слишком!

— Что же вы делаете? — уныло сказал начальник отряда. — Разве так можно? Вы нарушаете порядок ареста. Мне же отвечать придется...

— Мы еще много чего здесь нарушим, — пообещал Пиппин. — Счастливого оставаться!

Путники пустили пони рысью и на закате были уже на окраине Уводья. До дома — рукой подать. Вот тут-то Фродо и Сэму стало совсем не до смеха. Только теперь они осознали, что любят этот клочок земли больше всего на свете. Сердце болезненно сжалось, когда они увидели, как много домов снесено или сожжено. Аккуратные ряды хоббичьих норок на северных скло-

нах Заводи были разорены, а славные маленькие садики, спускавшиеся к самой кромке воды, совсем задушили сорняки. Вдоль дороги, ведущей в Хоббитон, выросли уродливые дома. От чудесной Подъездной аллеи не осталось и следа. С тревогой посмотрев в сторону Засумок, они увидели высокую кирпичную трубу; из нее в вечернее небо валил гнусный черный дым.

Сэм был просто вне себя.

— Я вперед пойду, сударь. Надо моего старика отыскать!

— Подожди-ка, — остановил его Мерри. — Лучше узнать сперва, что нас ждет. Думаю, этот проклятый «предводитель» держит здесь шайку своих громил. Поищем кого-нибудь, спросим.

Однако в Уводье все дома и норы были на запоре, никто не вышел их встречать. Причину они поняли, добравшись до «Зеленого дракона», безжизненного, с выломанными окнами. Возле трактира слонялась дюжина рослых косоглазых чужаков.

— Пряма как тот брыльский приятель Билла Хвоца, — отметил Сэм.

— Навидался я на таких в Изенгарде, — пробормотал Мерри.

Злодеи были вооружены дубинками, на поясе у каждого болтался рог, но никакого серьезного оружия не наблюдалось. Завидев путников, они вышли на дорогу и встали, перегородив ее. Самый большой и злобный на вид вышел вперед.

— И далеко ли вы намерены ехать? — хрипло осведомился он. — Все, приехали. А куда подевались эти разгильдяи-ширрифы?

— Идут себе потихоньку. Мы обещали подождать их тут.

— Ну что я говорил? — обернулся вожак к приятелям. — Не надо было доверять это дело придуркам. Послали бы наших парней...

— Думаешь, было бы лучше? — усмехнулся Мерри. — Мы, правда, в Шире редко видим бандитов, но что с ними делать — знаем.

— Бандиты! Во как! — удивился вожак. — Что-то мне ваш тон не нравится, мелюзга. Много воображаете. Небось думаете

разжалобить Предводителя? — Он захохотал. — Не, Предводитель теперь без Аспида шагу не ступит. Будет, как Аспид захочет.

— Ну и чего же он хочет? — спокойно спросил Фродо.

— Надо приводить эту дыру в порядок, — значительно ответил злодей. — Будьте спокойны, Аспид это сделает. К концу года никаких проблем не останется, так-то, крысята!

— Спасибо, что сообщили о ваших планах, — поблагодарил Фродо. — Пожалуй, надо бы узнать, что о них думает господин Лотто...

Теперь смеялись все негодяи.

— Лотто! Ха! Он в курсе дела, не беспокойся. Как Аспид скажет, так он и сделает. А потом, если предводитель становится неудобным, его ведь и поменять можно. А если кто сует нос не в свое дело, как бы он этого носа не лишился. Правильно я говорю, ребята?

— Может, и так, — ответил Фродо, — да только, сдается мне, вы тут совсем отстали от жизни. С тех пор, как вы с юга ушли, многое переменялось. Черная Крепость разрушена, в Гондоре правит Король. И от Изенгарда ничего не осталось, а ваш разлюбезный хозяин, мы тут встретили его по дороге, бродит, как нищий. И по трактам теперь скачут гонцы Короля Гондорского, а не хозяина Изенгарда.

Злодей недоверчиво посмотрел на него и ухмыльнулся.

— Нищий? — переспросил он. — Ну-ну, пой, петушок, пой, только не заливай. Да хоть бы и так. Нам-то что за дело! Тут, в вашей жирненькой, ленивой стране, нам нравится. А что до посланцев Короля, — он прищелкнул пальцами перед лицом Фродо, — если увижу кого, возьму на заметку.

Это было уже слишком. Пиппин почувствовал себя словно на поле боя. Этот косоглазый мошенник посмел назвать Носителя Кольца петушком! Он скинул плащ и выхватил меч. Черная с серебром одежда гондорского воина заискрилась на нем, когда он двинул коня вперед.

— Считаю, что уже увидел! — процедил он. — Перед тобой посланец и друг Короля, известный во всех землях Запада. Ты мерзавец и дурак! На колени, и моли о пощаде!

В лучах закатного солнца меч в руке Пиппина грозно сверкнул. Мерри и Сэм обнажили свои клинки, готовые к любым неожиданностям. Только Фродо не шелохнулся.

Громилы отпрянули. Они привыкли пугать мелких хуторян из Брыля или задирать мирных хоббитов, а тут перед ними оказались вдруг воины с яркими мечами и мрачными лицами. Да и в голосах пришельцев звучали такие властные нотки, которых они отродясь не слыхивали. Мало-помалу растерянность на их лицах сменилась страхом.

— А ну катитесь отсюда! — приказал Мерри. — Еще раз тронете эту деревню — пожалеете.

Хоббиты двинули коней вперед, и бандиты не выдержали. Они повернулись и побежали прочь, теряя дубинки.

— Да, в самый раз мы пришли, — протянул Мерри, глядя им вслед.

— Может, даже поздновато. Надо Лотто спасать. Жаль мне этого бедного дурачка, — задумчиво проговорил Фродо.

— Спасать Лотто? Ты в своем уме? — удивился Пиппин. — Повесить подлеца, ты хотел сказать?

— Ты еще не понял разве, Пиппин? — Фродо говорил задумчиво, глядя поверх их голов. — Лотто, конечно, глупец и трус, но даже он не допустил бы такого безобразия. Он оказался в ловушке, а эти негодяи творят, что хотят, от его имени. Думаю, он пленник в Засумках. Надо попытаться освободить его.

— Вот это да! — покрутил головой Пиппин. — Ну никак не ожидал, что дома придется драться с полуорками, чтобы спасти Лотто Прыща.

— Драться? — рассеянно переспросил Фродо. — Может, и до этого дойдет. Запомните только, хоббиты не виноваты, даже если перекинулись на сторону злодеев по своей воле. Нельзя их за это преследовать. В Шире ни один хоббит не убил другого, и не надо подавать пример. И вообще, если можно будет, постарайтесь обойтись без убийств, хватит их уже. Держите себя в руках!

Мерри с изумлением слушал-слушал Фродо и не выдержал.

— Если бандитов много, схватки не избежать. Одними только печальями и состраданием ни Лотто, ни Ширу не поможешь. Так-то, друг мой!

— Вряд ли они в другой раз так просто испугаются, — поддержал его Пиппин. — Сегодня-то они от удивления растерялись. Слышите рог? Собирают своих, это точно. А будет их побольше, и храбрости прибавится. Надо искать надежный ночлег. Мы хоть и вооружены, но нас только четверо.

— У меня идея! — воскликнул Сэм. — Идем к старому Тому Недоселку. Он всегда был крепким хоббитом. И детей у него куча — все мои друзья. У него и укроемся.

— Нет, Сэм, «укрываться» не годится, — ответил Мерри. — Как раз этого-то от нас и ждут бандиты. Мы не должны давать загнать себя в угол. А в доме легче легкого в западню попасть. Подождут, и изжаришься. Нет, надо срочно делать что-то.

— Так что же делать-то? — спросил Пиппин.

— А вот что. Поднимать Шир! Сейчас же! Народ будить. Видите же, никому не нравится то, что происходит. Разве что двум-трем дуракам, да и те не понимают, что творят. Хоббиты слишком долго жили в покое, вот и растерялись. Но кинь спичку — вспыхнет! И люди предводителя это знают, потому и постараются вывести нас из игры. Так что времени у нас совсем нет. Ты, Сэм, если хочешь, сходи, конечно, к Недоселку. Его здесь уважают, он может помочь. А я возьмусь-ка за роханский рог, сыграю музыку, которой здесь еще не слышали.

Они вернулись назад, к середине деревни. Сэм поскакал к дому Недоселка и не успел отъехать далеко, как услышал чистый звук рога, взлетающий к небу. Он эхом перекатывался в холмах и в полях, и в нем слышался такой призыв, что Сэм едва не повернул назад. Его пони встал на дыбы и заржал.

— Ну-ну, дружище, вперед. — Сэм похлопал его по шее. — Мы скоро вернемся!

Мерри тем временем трубил уже старинный сигнал Заскочья.

Проснись! Проснись! Огонь! Враги!
ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ГОРИМ!

Позади Сэм различал шум голосов, хлопанье дверей, впереди тоже зажигались огни, залаяли псы, и навстречу выскочили с топорами в руках сам Недоселок и трое его сыновей — Молодой Том, Джоли и Ник.

— Стоп! Это не бандит, — сказал фермер. — По размеру судя — хоббит, хоть и одет не по-нашему. Эй! — крикнул он. — Кто такой? Что надо?

— Сэм я, Сэм Гэмджи. Я вернулся!

— Вот так да! — воскликнул Недоселок, всмотревшись. — И верно Сэм. Голос тот же, да и похож. А мы боялись — ты умер.

— Еще чего! — счастливо рассмеялся Сэм. — Живы мы, и я, и господин Фродо. Они там с друзьями решили поднять Шир и повычистить всю ту мерзость, которую вы здесь развели. Вот начинаем теперь.

— Отлично! — вскричал фермер. — Наконец-то началось! Я весь год только об этом и думаю, да ведь помочь-то некому. Сам понимаешь, жена и Роза... А эти злыдни так и шныряют вокруг. Ко мне, ребята, дело начинается!

— А как же Роза? — спросил Сэм, слишком живо вспомнивший пригожую дочку фермера.

— Там Нибс с ними. Хочешь, можешь подсобить ему, — с улыбкой предложил фермер и вместе с сыновьями помчался к деревне.

Сэм подскакал к дому и спрыгнул с седла прямо на крыльцо, чуть не столкнувшись с женой Недоселка, его дочерью и Нибсом с вилами в руках.

— Стой, Нибс! Не надо в меня вилами тыкать. На мне все равно кольчуга. Это я, Сэм Гэмджи, добрый вечер!

— Ох! Здравствуй, Сэм, — сказала Роза. — А говорили, что ты умер. Только я все равно ждала тебя к весне. Не очень-то ты спешил, а?

— Может, и так, — признал Сэм, — зато теперь вот спешу. Мы тут затеяли восстание, так что я тороплюсь к Фродо. Хотел только взглянуть, как вы, госпожа Недоселок, и ты, Роза.

— Хорошо, хорошо, спасибо, Сэм, — ответила фермерша. — Было бы совсем хорошо, если бы не эти злыдни вокруг.

— Приди-ка в себя! — прикрикнула Рози. — Раз уж ты все это время глядел за господином Фродо, так чего же ты его сейчас оставил, когда и в самом деле стало опасно?

Для Сэма это было уже слишком. Но не объясняться же с дерзкой девицей! Он повернулся и тронул пони. Рози сбежала по ступенькам.

— Ты такой видный стал, Сэм, — совсем другим голосом сказала она. — Ладно, иди уж! Только береги себя и возвращайся поскорее, хорошо?

Когда Сэм прискакал на площадь, деревня уже поднялась. Не считая юнцов, там было больше сотни хоббитов, вооруженных топорами, молотками, кольями, у некоторых в руках были даже охотничьи луки. Начали уже подходить с окрестных ферм.

На деревенской площади разожгли большой костер, во-первых, чтобы поднять настроение, а во-вторых, потому что это было запрещено Предводителем. Мерри руководил строительством баррикад на обоих концах деревни.

Подошли ширриффы, посмотрели, как поворачивается дело, сняли свои перья и присоединились к восстанию. Кое-кто, правда, улизнул.

Сэм нашел Фродо и всю компанию у костра. Они беседовали со старым Томом, а толпа из Уводья с восхищением гладела на них.

— Куда потом двинемся? — спрашивал Недоселок.

— Не знаю, — честно ответил Фродо. — Сколько здесь бандитов всего?

— Трудно сказать, — фермер почесал в затылке. — Они ж туда-сюда шастают. Здесь человек пятьдесят наберется. Разбоем промышляют, «сбором» по-ихнему, да еще дюжины две в Засумках, в охране Предводителя. Правда, его самого уже дней десять как не видно, и к нему никого не допускают.

— А в других местах?

— На юге их, говорят, много. В Долгой Долине, у Сарнского Брода, в Залесье тоже. А у Росстани — целые толпы. Еще ведь эти Садки, как они их зовут: старые кладовки в Микорытах, которые они под тюрьму приспособили. Думаю, всего сотни три наберется. Если ударить дружно, должны справиться.

— Что у них за оружие?

— Ножи, кнуты да дубинки. Другого не видно. Хотя, если до драки дойдет, может, и еще кое-что найдется. У некоторых луки есть. Двоих наших они подстрелили.

— Видишь, Фродо, — сказал Мерри. — Я же говорил, без схватки не обойтись. Это они начали убивать.

— Не совсем так, — поправил его Недоселок, — по части стрельбы хотя бы. Стрелять-то первыми Туки начали. Это все ваш отец, мастер Перегрин. Когда Лотто объявил себя Предводителем, старый Тук заявил, что знать его не желает, что ежели сейчас и быть кому Предводителем, так Тану Ширскому, а не какому-то выскочке. Лотто послал своих верзил, да толку-то! Тукам везет, у них норы глубокие на Зеленых Холмах, Смеалища и все такое. Так и не пустили разбойников к себе. Стреляли, если кто сунется, и троих застрелили-таки. И теперь дозор держат, никто больше в Туково хозяйство не суется.

— Отлично! — вскричал Пиппин. — Сейчас же еду к ним. Тут полями всего миль четырнадцать. Кто со мной? К утру приведу сюда войско Туков! — И в сопровождении полудюжины всадников Пиппин исчез.

— И все-таки, — обратился Фродо к оставшимся, — я не хотел бы убийств, даже если это громилы. Разве что ради спасения хоббита...

— Ладно, ладно, — поторопил его Мерри, — мы все поняли. Я вот думаю, что гостей надо ждать когда угодно и придут они не для разговоров. Конечно, мы попытаемся обойтись без крови, но готовы должны быть к худшему. У меня есть план!

— Вот и хорошо, — устало произнес Фродо, — организуй все.

В этот момент несколько хоббитов, посланных на разведку, подбежали к костру.

— Идут! — закричали они. — Десятка два или больше, а двое ушли на запад.

— Это они к Росстани, своих собирать, — сказал Недоселок. — Дотуда в один конец миль пятнадцать, можно пока не беспокоиться.

Мерри быстро отдавал приказания. Улицу очистили, безоружных укрыли в домах.

Долго ждать не пришлось; вскоре послышались громкие голоса и топот. Большой отряд громил двигался по дороге. Увидев заграждение, они расхохотались. Им даже в голову не приходило, что здесь, в мирной, ленивой стране, они могут с чем-нибудь не справиться.

Хоббиты открыли проход в заграждении и молча встали по сторонам.

— Вот спасибо, услужили! — послышались издевательские выкрики. — А теперь живо марш по домам, пока вас не выпороли! — И они громко затопали вдоль улицы, покрикивая беззлобно: «Погасить огни! Все по домам! А ну, живо, а то на год в тюрьму засадим!»

Бандиты даже не сразу поняли, что их приказы остаются без исполнения. Пропустив их, хоббиты тихо сомкнулись позади и пошли следом.

На площади, возле костра, одиноко стоял, грея руки, Том Недоселок.

— Кто таков? Чем занимаешься? — гаркнул на него главарь.

Фермер медленно поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Да вот, ждал тебя, чтобы спросить о том же. Это не ваша страна, и вас сюда не звали.

— Зато мы тебя сейчас позовем, — ухмыльнулся главарь. — Взять его, ребята!

Трое громил шагнули вперед, но тут же остановились. Вокруг послышались голоса, и люди вдруг поняли, что фермер не один. Они были на свету и окружены плотным кольцом хоббитов, с трудом различимых в темноте. Все хоббиты были вооружены, и не понять было — сколько их.

В освещенный круг вошел Мерри.

— Мы ведь уже встречались, — обратился он к главарю, — и я предупреждал тебя, чтобы ты не возвращался. Могу еще раз предупредить: ты сейчас на свету, и на тебя смотрит не одна и

даже не две стрелы. Тронешь этого фермера хоть пальцем — пеняй на себя. Давай-ка разоружайся.

Главарь огляделся. Он был в явном замешательстве, но ничуть не испуган. Хоббитов он знал совсем плохо, поэтому не понимал всей серьезности своего положения. Народец был такой хлипкий на вид... И он решил, что вырваться из кольца будет нетрудно.

— А ну, ребята, — заорал он, — зададим им перцу! — и бросился на прорыв. На дороге у него стоял Мерри, и громила замахнулся на него ножом, но тут же рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.

На остальных это произвело сильное впечатление. Они без сопротивления дали себя обезоружить, связать и поместить под стражу. Тело главаря унесли.

— Все оказалось не так уже сложно, — сказал Том Недоселок, — нам нужен был только сигнал. В самое времячко вы пришли, мастер Мерри.

— Это только начало, — озабоченно ответил Мерри, — если их и правда так много, как вы говорите, то это лишь малая часть... Впрочем, сейчас темно. Думаю, следующего нападения надо к утру ждать. Тогда и потребуем ответа у Предводителя.

— А почему не сейчас? — нетерпеливо спросил Сэм. — Время-то к семи только. Я хочу своего старика повидать. Господин Недоселок, не знаете, что с ним?

— Не то чтобы хорошо, но и не очень плохо, Сэм, — ответил фермер. — Тугосумы все перерыли. Для него это удар был. Он теперь в одном из новых домов, которые верзила понастроили, пока еще хоть чем-то, кроме грабежей, занимались. От конца Уводья дотуда не больше мили. Он приходил ко мне раза два-три, я его подкармливал и совсем бы у себя оставил, да не велено.

— Спасибо вам, сударь, я никогда этого не забуду, — волнуясь, проговорил Сэм. — Все-таки я его повидать хочу. Предводитель этот и Аспид, они ведь и до утра чего-нибудь натворить могут.

— Сходи, конечно, — сказал Недоселок, — только прихвати с собой пару парней и отведи старика ко мне в дом. Эй! Через Водью не ходи! Джолли мой дорогу покажет.

Сэм убежал. Мерри выставил посты, а потом вместе с Фродо отправился к Недоселкам.

Они сидели в удобных креслах, Недоселки задавали вежливые вопросы о путешествии, но видно было, что ответы не слушали. Слишком их волновали здешние ширские дела.

— Все началось с Прыща, — начал рассказывать фермер. — И началось, как только вы уехали, Фродо. Чудные у него были идеи, у этого Прыща. Уж очень он рвался командовать, да и жаден был без меры. Вот он и стал скупать все, что можно, хотя откуда деньги брал — непонятно. Скупал и мельницы, и гостиницы, и пивоварни. Еще до того, как в Засумках поселиться, он у Песошника мельницу купил. Конечно, богатство его началось еще с Южной Чети, от отца осталось, и похоже, лучший-то лист он уже года два на сторону продавал! А в конце прошлого года уже чем только не торговал! Появилось множество верзил, настоящих головорезов, с телегами. Одни потом ушли с товарами на юг, другие остались здесь. Мы и глазом моргнуть не успели, а они уже расселились по всему Ширу, начали лес валить, дома строить и скоро хозяйничали, где хотели и как хотели.

Но это бы еще полбеды. Старый мэр отправился в Засумки с протестом, а его схватили и посадили под замок. Вскоре после этого Прыщ стал называть себя Предводителем ширрифов, или просто Предводителем, и уж тут на него удержу совсем не стало. Если кто начинал «воображать о себе», как они это называют, сразу отправлялся вслед за Вилли. Становилось все хуже. Курево только для людей, пиво тоже, трактиры позакрывались. Не хватало всего, кроме Правил, этих было вдосталь. Если кто припрятывал что-то, громилы все отбирали — для «справедливого распределения», как они говорили, а это значит — для них, да еще ширрифам перепало. И так плохо было, а с приходом Аспида началась полная разруха.

— Кто он такой, этот Аспид? — спросил Мерри. — Мы слышали, как один из громил говорил о нем.

— Похоже, это у них самый главный. Впервые мы о нем прослышали еще в прошлую жатву. Никто из нас никогда его не видел, но засел он в Засумках. Думаю, он и есть настоящий

Предводитель. Громилы слушаются только его и делают все, что он велит. А велит он обычно ломать, крушить, жечь. Теперь вот убийства начались. Или возьми, например, Песошниксову мельницу. Прыщ разломал ее, почитай, сразу, как в Засумки переехал. Потом понагнал верзил немытых новую строить, побольше, напихали они туда колес всяких чужеземных. Тэд, дурачок, радовался и колеса для верзил начищал там, где отец его сам себе хозяин был. Прыщ все норовил побольше и побыстрее. Он и другие мельницы так обустраивать начал. Да только «что потопаешь, то и полопаешь», и новым мельницам работы было не больше, чем старым. А с тех пор как пришел Аспид, они вообще перестали зерно молотить. Стук да дым, и даже ночью в Хоббитоне покоя не стало. Всю нижнюю Водью запакостили, а она ведь в Брендиуин течет. Если б они нарочно хотели Шир в пустыню превратить, и то лучше б не придумали. Не верю я, что тут только Прыщова глупость. Попомните — это все Аспидовы дела.

— А то как же! — ввернул Том-младший. — Они даже матушку Прыща забрали, Лобелию, значит. Она как-то раз спустилась со своим старым зонтиком по тропинке, а навстречу ей верзила с повозкой. Она им: «Куда это вы?», а они ей: «В Засумки». Она: «Это еще зачем?», а ей: «Сараи строить для Аспида». «Да кто ж это вам позволил?» — Лобелия, значит, говорит, а они ей: «Аспид приказал. А ну, кыш с дороги, старая карга!» Лобелия так и взвилась: «Я вот покажу вам Аспида, грязные воры!», да как треснет жожака зонтиком а тот здоровенный такой. Ну, схватили ее, в Садок отволокли, в ее-то возрасте! И других позабирали. Некоторых и совсем уж ни за что. Лобелию-то недолюбливали, а она, вишь, боевая оказалась.

Посреди разговора вернулся Сэм и привел отца. Старина Хэм не то чтобы сильно постарел, но на ухо туговат стал заметно.

— Добрый вечер, господин Сумникс! — обрадовался он Фродо и тут же нахмурился. — Оно, конечно, хорошо, что вернулись, но зуб у меня на вас, если позволите. Я всегда говорил: не след вам Засумки продавать. С этого все и пошло. Пока вы

там в чужедальних краях шлялись да Черных Верзил по горам гоняли, как мне тут Сэм говорит (я, правда, не понял, зачем это вам понадобилось), они сюда все сбежались, Тугосумы перерыли! Ни сада, ни огорода не осталось!

— Весьма сожалею, господин Гэмджи, — ответил Фродо. — Но теперь я вернулся, и я с ними разберусь.

— А, ну и хорошо. Лучшего и желать нельзя, — покивал старик. — Господин Фродо Сумникс — истинный благородный хоббит, я всегда это говорил, какими бы там прочие Сумниксы ни были. Надеюсь, Сэм мой прилично себя вел? Все делал как надо?

— Даже больше, господин Гэмджи, — заверил его Фродо. — Вы не поверите, но сына вашего теперь во всех землях знают. Про его подвиги песни поют отсюда и до Моря, и за Великой Рекой тоже.

Сэм, зардевшись, с признательностью поглядел на Фродо. Розы, стоявшая рядом, просияла и улыбнулась ему.

— Конечно, с трудом верится, — покряхтел старик, — хотя я и сам вижу: среди странного народа он замешался. Ты откуда такую одежду взял? — ворчливо спросил он у сына. — Не след хоббиту со всякими железяками связываться, хоть, может, они ему и к лицу.

И домочадцы, и гости Недоселков уже с раннего утра были на ногах. Ночь прошла тихо, но день сулил неприятности.

— В Засумках, похоже, никого из верзил не осталось, — сказал Недоселок, — а с Росстаней вот-вот подойдут.

Сразу после завтрака явился гонец от Туков.

— Вся страна поднимается, — сказал он. — Вести летят, как пожар, во все стороны. Верзилы, которые были у нас, удрали на юг. За ними сам Тан отправился. А мастер Перегрин сейчас подойдет с другим отрядом.

Следующая весть оказалась похуже. Около десяти часов прискакал Мерри, всю ночь проведенный в дозоре.

— Милях в четырех отсюда большая банда, — сообщил он. — Идут от Росстаней, и к ним присоединяются все новые и новые.

— Да, эти разговаривать не будут, — проворчал Недоселок. — Если Туки задержатся, придется стрелять. Без драки это дело не уладишь, мастер Фродо.

Однако Туки все же успели. Сотню крепких хоббитов из Тукборо вел Пиппин. Теперь у Мерри оказалось достаточно сил для обороны.

Верзилы, решив подавить восстание, не очень-то задумывались, как это сделать. Да и в военном деле никто из них ничего не смыслил. Мерри, умело воспользовавшись рельефом местности, начал осуществлять свой план.

Бандиты двигались без разведки и, когда свернули с Западной Дороги к Уводью, оказались в ложбине между двумя рядами холмов. Они не прошагали и фарлонга, как дорогу им преградила высокая баррикада из перевернутых фермерских повозок. Это их слегка озадачило, а когда они обнаружили, что дорога позади тоже перекрыта телегами, они просто растерялись. Кругом на склонах холмов мелькали перебегавшие хоббиты.

В этот момент сверху раздался голос:

— Эй вы! Слушайте меня. Вы в ловушке. Ваши приятели тоже угодили в засаду. Один убит, другие взяты в плен. Складывайте оружие, отходите на двадцать шагов и садитесь на землю. При малейшем сопротивлении прикажу стрелять.

Видимо, громилы полностью полагались на свое превосходство в силе. Поэтому они и не подумали сдаваться. Десятка два из них ринулись назад и раскидали телеги. Шестеро при этом были убиты, но остальным удалось прорваться в направлении Залесья. Мерри протрубил сигнал, и вдали прозвучал ответный рог.

— Далеко не уйдут, — сказал Пиппин. — Там полно наших охотников.

Остальные громилы, а их было еще около восьмидесяти, бросились штурмовать баррикаду и склоны холмов. Тут-то и разыгралось настоящее сражение. Бандиты рвались вперед, не думая об опасности. Натиск был так силен, что хоббиты колебались и готовы были отступить, тем более что некоторые были убиты, но тут с востока в полном порядке в бой вступи-

ли отряды под командой Мерри и Пиппина. Мерри сразил вожака нападавших, огромного, косоглазого человека, очень похожего на орка. После этого бой скоро кончился. Около семидесяти захватчиков полегло, дюжину взяли в плен. Были потери и среди хоббитов: девятнадцать убитых и около тридцати раненых.

Тела громил закопали в песчаной яме — позднее ее стали называть Бранной Ямой, — а павших хоббитов похоронили на вершине холма, установили над могилой огромный камень, а потом там разбили сад. Так закончилась Битва при Уводье 1419 года, последняя битва в Шире, где ничего подобного не происходило со времен сражения на Зеленых Полях триста лет назад.

В Алой Книге событиям этим посвящена целая глава, а имена участников занесены в Памятный Свиток. Историки Шира знают их наизусть.

Слава Недоселков после этого еще более возросла, но открывается Свиток именами вождей Мериадока и Перегринна.

Фродо за весь бой так и не обнажил меч. Он только удержал хоббитов от расправы над пленными.

К вечеру друзья собрались вместе у Недоселков за поздним обедом. Фродо сказал:

— Что ж, теперь самое время, пожалуй, повидаться с предводителем.

— Да уж, с этим лучше не откладывать, — согласился Мерри. — И знаешь, не нежничай с ним особо. В конце концов, все беды начались с него. Он должен ответить за то зло, которое причинил.

Отправились сразу после обеда. Том Недоселок собрал отряд из двух десятков хоббитов, особо отличившихся в бою. «Это ведь мы так думаем, что громил больше нет, — говорил он, — а как там на самом деле неизвестно».

Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин шагали во главе отряда. Наверное, когда они подходили к разоренным Засумкам, это был самый печальный момент в их жизни. Огромная труба поднималась над дорогой. Пройдя мимо каких-то барачков, они вышли к новой мельнице — большому и грязному кир-

пичному строению. По трубе, выходявшей из нее, в реку текла какая-то дрянь. Деревья вдоль всей дороги были свалены.

Перейдя через мост, они взглянули на Горку и ахнули. Сэму не помогло даже то, что он видел в Зеркале Галадриэли в Лориене. Старое имение было в полном запустении, а вокруг понатыканы обмазанные дегтем сараи. Каштаны исчезли, изгороди повалены. Огромные телеги в беспорядке стояли тут и там. Тугосумы зияли песчаными и гравийными карьерами. Самих Засумок не было видно за скопищем барачков и хижин.

— Они срубили его! — вдруг завопил Сэм. — Они срубили Праздничное Дерево! — Он смотрел на то место, где раньше росло дерево, под которым Бильбо произносил свою Прощальную Речь. Сейчас оно лежало неподалеку мертвое, с обрубленными ветвями. Сэм расплакался.

Его прервал неприятный смех. Через низкую стену мельничного двора на них смотрел рослый, грубого вида хоббит. Лицо у него было недоброе, а руки совсем черные.

— Что, Сэмчик, не по вкусу? Я помню, ты всегда был такой чувствительный. Думали, ты сгинул уж давно на тех кораблях, которые все уплывают, уплывают... Ну, зачем вернулся? Работа, правда, для тебя найдется. Мы теперь большие дела делаем.

— Оно и видно, — едва сдерживаясь, ответил Сэм. — Весь в делах, руки отмыть некогда. Ну слушай, Песошникс. Мне здесь кое с кого должок получить надо. Гляди, чтобы и тебе счет не прислали, да такой, что не расплатишься!

Песошникс сплюнул через стену.

— Та-та-та, — презрительно сказал он. — Я друг Аспида, меня нельзя трогать. А если еще что от тебя услышу, так и знай, он вас так тронет, что не обрадуешься.

— Хватит с дураком разговаривать, Сэм, — остановил друга Фродо. — Надеюсь, не много хоббитов найдется таких, как этот. Вот настоящее зло, а все остальное поправимо.

— Слушай, ты, грязный, наглый Песошникс! — сказал Мерри. — Мы как раз и пришли повидать твоего Аспида, а заодно передать ему, что своих верзил он больше не увидит.

У Тэда рот открылся от изумления, когда он заметил отряд вооруженных хоббитов, входящих на мост. Он бросился к мельнице, выскочил назад с рогом в руках и громко затрубил.

— Эй, не надорвись! — засмеялся Мерри. — У меня получше получается! — Он поднял рог, и чистый серебряный звук разлился над Горкой. Из окрестных нор и домишек стал выходить народ, многие с радостными возгласами присоединились к отряду.

Наконец они подошли к усадьбе. Дом выглядел снаружи совсем заброшенным. Входная дверь перекосилась, колокольчик не звонил. На стук никто не отозвался, тогда они толкнули дверь и вошли. Внутри был полный кавардак; видно, домом давно не пользовались.

— Куда же подевался этот несчастный Лотто? — удивлялся Мерри.

Они обшарили весь дом, но, кроме мышей и крыс, никого не встретили.

— Здесь хуже, чем в Мордоре, — сказал Сэм, со злобой дав пинка какой-то зазевавшейся крысе. — Хуже потому, что это наш дом, и мы помним, какой он был раньше.

— Да, это дело Мордора, — вздохнул Фродо. — И дело сделано руками Сарумана. Он хоть и думал, что он сам по себе, а на деле выполнял черную волю, как и те, кого он обманул, вроде Лотто, например.

Мерри озираясь с гадливым выражением.

— Пошли на воздух, — решительно сказал он. — Знай я, что все оно так будет, затолкал бы свой кисет Саруману в глотку!

— Может, и так, может, и так... Да ведь вы не сделали этого, и теперь я могу приветствовать вас! — В дверях стоял Саруман. В глазах его явно читались злоба, насмешка и самодовольство.

На Фродо словно озарение снизошло.

— Аспид! — закричал он.

Саруман довольно рассмеялся:

— Вижу, слышали обо мне, а? Так меня звали в Изенгарде. В знак признательности, полагаю. А вы, похоже, не ожидали меня здесь увидеть.

— Нет, — просто признался Фродо. — Хотя мог бы и догадаться. Гэндальф предупреждал, что ты способен на мелкие пакости.

— Способен, способен, — покивал Саруман. — Вы насмешили меня, недомерки, когда такие довольные собой, такие беспечные скакали мимо в компании Мудрых. Вы были уверены, что все плохое уже кончилось, и собирались славно отдохнуть в своей маленькой уютной стране. Ишь вы, дом Сарумана разрушен, а ваш, значит, никто не может тронуть! Думали, Гэндальф об этом позаботится? А вот и нет! Вы свое дело сделали и больше ему не нужны. «Ну и дурачки, — думал я. — Надо бы проучить их». И уж я бы проучил, будьте уверены, если бы мне побольше людей и времени. Но я и так сделал немало, всего вам в жизнь не поправить. Я рад, что посчитался с вами!

— Если это доставляет тебе удовольствие, — холодно ответил Фродо, — мне жаль тебя. Но это — твое дело. Хочешь радоваться — радуйся. А теперь иди и не возвращайся.

Фродо только сейчас заметил, что вокруг Засумок собралось множество хоббитов. При его последних словах отовсюду слышались крики:

— Нельзя отпускать его! Он убийца! Не отпускайте! Убить его!

Саруман медленно обвел взглядом толпу и усмехнулся.

— Убейте, убейте! — передразнил он. — Ну попробуйте убейте, если силенок хватит! — Он выпрямился во весь рост, и взгляд его стал тяжелым. — Я потерял только свое добро, но не силу. Тот, кто посмеет прикоснуться ко мне, будет навеки проклят! И если здесь прольется хоть капля моей крови, Шир ваш зачахнет и зарастет бурьяном.

Видно было, что на многих хоббитов его слова произвели впечатление.

— Не верьте ему, — спокойно сказал Фродо, — нет у него никакой силы. Только разговоры и остались. Голосом, впрочем, он еще может зачаровать тех, кто станет его слушать. Но убить его я не позволю. Отвечая мстью на мсть, ничего не поправишь. Поэтому пусть уходит. — Хоббит повернулся к бывшему

магу. — Уходи, Саруман, уходи поскорее, мы не хотим больше видеть тебя.

Некоторое время Саруман угрюмо озирался, потом крикнул:

— Эй, Червяк!

Из ближайшей хижины на четвереньках вылез Грима.

— Идем, Червяк, — бросил ему Саруман. — Эти славные полурослики снова гонят нас в путь. Идем! — Саруман повернулся и пошел прочь. Но проходя мимо Фродо, он сделал молниеносный, как удар змеи, выпад, и длинный нож лязгнул о кольчугу из мифрила, которую Фродо все еще носил под курткой. Тут же не менее десятка рук схватили злодея, вырвали нож и бросили на землю. Сэм выхватил меч.

— Стой, Сэм, — остановил его Фродо. — Не убивай его даже теперь. Он ничего мне не сделал. Я не хочу, чтобы он погибал в таком ужасном состоянии духа, как сейчас. Когда-то он был по-настоящему велик. Тогда ничья рука не поднялась бы на него. Теперь он пал, и мы не в силах помочь ему. Но может быть, он сам сможет найти путь к свету. Я прошу пощадить его.

Саруман медленно поднялся на ноги и посмотрел на Фродо. Станный это был взгляд. В нем смешались и ненависть, и изумление, и уважение.

— Ты вырос, полурослик, — тихо сказал он. — Ты стал мудрым и жестоким. Теперь ты лишил мою месть сладости, и я уйду в долгу перед твоим милосердием. Но я ненавижу и его, и тебя! Хорошо, я уйду и не буду больше вредить тебе. Но не надейся услышать от меня на прощание пожеланий здоровья и долгих лет жизни. У тебя не будет ни того ни другого, хотя и не по моей воле; я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступились, давая ему дорогу. Грима чуть заметно помедлил и поплелся за хозяином.

— Грима! — окликнул его Фродо. — Ты можешь остаться. Ты ни в чем не виноват перед нами. Отдохни здесь, наберись сил, а потом можешь идти своей дорогой.

Грима остановился и растерянно посмотрел на Фродо. Видно было, что он готов принять предложение, хотя никак не ожидал его.

Остановился и Саруман.

— Не виноват, говоришь? — воскликнул он. — Нет, конечно, нет! Когда он выползал по ночам наружу, он просто любовался на звездочки! Тут кто-то из вас интересовался, куда подевался бедный Лотто? Эй, Червяк, тебе ведь известно, что с ним приключилось, а? Скажи-ка им!

Эти слова словно подкосили Гриму. Он рухнул на землю, захлебываясь от визга: «Нет! Нет!»

— Не хочешь говорить? — продолжал Саруман. — Но им же интересно. Надо рассказать им. Я расскажу, пожалуй. Так вот, бедняжки, вашего Предводителя зарезал Червяк. Во сне, я полагаю. И закопал, надеюсь... Хотя в последнем и не уверен. Он ведь все время голоден. А, Червяк? Ну, это ты дурно поступил. И мне ничего не оставил.

Красные глаза Гримы сверкнули дикой ненавистью.

— Это ты! Ты меня заставил! — зашипел он.

Саруман засмеялся.

— А ты всегда слушаешься Аспида, разве не так? Ну так вот теперь он говорит: «За мной!» — Он снова пнул Гриму, повернулся и пошел прочь.

Дальнейшее произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться. Грима схватил валявшийся в пыли нож и с глухим рычанием прыгнул на спину Саруману. Мгновенным движением он откинул его голову назад и перерезал магу горло. Затем отшвырнул нож и с визгом бросился бежать. Прежде чем Фродо успел вмешаться, в воздухе свистнули три стрелы, и Гримы Червослова не стало.

К ужасу собравшихся хоббитов, вокруг тела Сарумана сгустился плотный серый туман. Медленно поднявшись над Горкой, он образовал зыбкую серую фигуру. Мгновение она колебалась, обратившись на запад, но оттуда налетел порыв холодного ветра и обратил ее в ничто. Над холмами прошелестел и замер чуть слышный вздох.

Фродо с жалостью смотрел на лежащее тело. Всем показалось вдруг, что с момента гибели Сарумана пролетели столетия — так страшно изменилось лицо мертвого: кожа истлела и

повисла сухими лохмотьями на ужасно проступившем черепе. Фродо приподнял край грязного капюшона, накрыл им лицо мага и пошел прочь.

— Ну вот все и кончилось, — содрогнувшись, проговорил Сэм. — Оно, конечно, противный был конец, что и говорить. Лучше бы его не видеть. Но главное — кончилось.

— Надеюсь, что кончилась и Война, — сказал Мерри.

— Хорошо бы так, — вздохнул, повернувшись, Фродо. — Самый последний удар! И подумать только, он пришелся как раз сюда, в самые двери Засумок. Я даже во сне не мог такого представить!

— Кончилось, кончилось... — проворчал Сэм. — Какой же это конец? Вот вычистим здесь все да приберемся, тогда и поговорим о конце. Так ведь это еще когда будет!

Глава IX СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ

Чистить действительно пришлось многое. Но времени на это ушло все-таки меньше, чем опасался Сэм.

На другой же день друзья отправились в Микорыто и освободили всех пленников. Среди них одним из первых отыскался Фредегар Пузикс, изрядно похудевший теперь. Он с кучкой охотников скрывался в холмах, и верзилам пришлось повозиться, прежде чем они выкурили сопротивлявшихся хоббитов из нор.

— Право слово, лучше бы ты с нами пошел, бедолага! — сказал Пиппин, вынося его наружу — тот был слишком слаб, чтобы идти самому. Фредегар только открыл глаз и попытался улыбнуться.

— Что это за великан с громовым голосом? — прошептал он. — Уж не маленький ли Пиппин? И какой у тебя теперь размер шляпы?

За ним подошла очередь Лобелии. Несчастливая выглядела совсем дряхлой. Ее вытащили из темной узкой камеры, но когда она появилась на пороге, опираясь на руку Фродо и сжимая неизменный зонтик, ее встретили такими приветственными криками и гулом восторга, что она расплакалась. К ней в жизни не относились с таким радушием. Однако весть о гибели Лотто сокрушила старуху. В Засумки она уже не вернулась, а ушла жить к родне, оставив усадьбу Фродо. Впрочем, следующей весной Лобелия умерла, дожив до ста с лишним лет и завещав все свое состояние на помощь хоббитам, оставшимся без крова. Фродо был смущен и тронут таким окончанием давней семейной вражды.

Старый Вилли Белоног отсидел самый большой срок. Здоровье у него совсем расстроилось, и обязанности мэра пришлось взять на себя все тому же Фродо — пока старый Вилли не обретет прежнюю форму. Первым (и последним) делом новый мэр сократил количество ширрифов до прежней величины, а остальных отправил заниматься делом. Покончить с верзилами поручили Мерри и Пиппину. Еще до конца года они с этой задачей справились. Прослышав о битве в Уводье, верзилы, почти не оказывая сопротивления, бежали из страны. Прочим околотням тоже объяснили, где начинается Шир.

Хоббиты — была бы нужда да охота — могут работать, как пчелки. Тысячи рук от мала до велика, жаждущих привести страну в порядок, взялись за дело. Уже к июлю «дома ширрифов» и бараки, выстроенные «аспидовым племенем», разобрали по кирпичику. Кирпичики пошли на починку самых старых и бедных нор — в них стало намного чище и суше. В ямах, амбарах, норах, а особенно в дальних ходах Садка в Микорытах нашлись огромные запасы провизии, пива и всякой всячины; так что дела сразу оказались не так плохи, как представлялось поначалу.

В Хоббитоне работы начались не с мельницы, а с Сумкиной Горки — приводили в порядок усадьбу, восстанавливали Тугосумы. Прежние норы сровняли с землей и на их месте раз-

били огромный крытый сад, а новые жилища, выложенные кирпичом, расположились на южном склоне холма. Старина Хэм снова занял норку под номером три.

— Нет худа без добра, — веско заявлял он теперь и непременно добавлял: — Все хорошо, что хорошо кончается.

Название нового поселения обсуждалось долго и со вкусом. «Сад победы» был отвергнут, как и «Самолучшие Смеалы». Победили простые и понятные «Новосумы». Впрочем, шутники из Уводья величали поселок не иначе, как «Аспидов Конец».

Хуже всего пришлось деревьям — разбойники повырубили их по всему Ширу. Эта беда больше всего печалила Сэма. Он думал, что теперь только внуки его, если они будут, увидят Шир зеленым.

Но в один прекрасный день у него выдалась свободная минутка (так-то он неделями был занят работой), он начал вспоминать о своих приключениях и тут же вспомнил о подарке Владычицы Благословенного Края. Он достал коробочку и показал друзьям.

— Я и то думал, — сказал Фродо, — когда ты о ней вспомнишь? Ну, открой!

Коробка доверху была наполнена серой мягкой и нежной вроде бы пылью, а посреди лежало зернышко серебристого цвета.

— А что же мне с этим делать? — растерянно спросил Сэм.

— Выбери ветреный день, брось в воздух, пусть само делается! — предложил неунывающий Пиппин.

— И пропадет попусту! — возразил Сэм.

— Тогда выбери участок земли на пробу, да вот хоть Засумки, и посмотри, что будет, — посоветовал Мерри.

— Нет, — упрямо помотал головой Сэм. — Я уверен, Владычице не по нраву пришлось бы, потратить я все на свой сад. Смотрите, сколько народу вокруг страдает!

Фродо же сказал ему так:

— Ты умелый садовник, Сэм. Сделай все, что можешь сделать сам. А для того, что сам сделать не сможешь, используй подарок Галадриэли. Там ведь немного, каждая пылинка на счету.

Сэм начал сажать саженцы. Сначала там, где раньше росли самые красивые деревья, а потом и там, где ничего не росло. И возле каждого посаженного кустика он клал в землю частичку благословенной почвы. С этой работой он ходил по всему Ширу, но особое внимание уделял все-таки Хоббитону и Тугосумам. Когда в коробочке осталась маленькая щепотка, он поднялся на вершину самого высокого холма почти в центре страны и, прошептав благословение, бросил остатки в воздух. Серебристое зернышко он посадил посреди Праздничной Поляны и долго размышлял, что же из него вырастет? Всю зиму он едва сдерживал себя, чтобы не бегать каждый новый день смотреть — не случилось ли чего?

Весной даже выдавшие виды старые хоббиты не верили своим глазам. Деревья росли с такой быстротой, словно время для них сжалось и год проходил за неделю. На Праздничной Поляне творилось и вовсе невиданное. Серебристое семечко дало чудесный побег, и теперь он рвался вверх к небу не по дням, а по часам. У деревца был серебряный ствол и большие длинные листья золотистого оттенка. В апреле в кроне зажглись большие красно-золотые цветы.

Уже через несколько лет молва о чудесном дереве распространилась далеко за пределы Шира. Многие приходили издалека специально взглянуть на диковинное диво. Это был единственный в тех краях мэллорн и, надо сказать, один из прекраснейших в мире.

Вообще тот год, 1420-й, был замечательным для Шира. Не только из-за мягкого солнца и дождей, которые сменяли друг друга именно тогда, когда надо, и было их столько, сколько надо. Не это было главное. Куда важнее был осенивший всю страну дух благости, красоты и жизни. Дети, рожденные в этот год, были сильны и прекрасны. У многих из них были золотые волосы, что прежде среди хоббитов встречалось только изредка. Ягод и фруктов поспело столько, что хоббитята едва не купались в клубнике со сливками, а на лужайках под сливовыми деревьями их стараниями вырастали пирамиды и курганы из косточек. Совсем не было болезней, и все были довольны, разве

что кроме косарей. Траву приходилось косить так часто, и она была такой густой и высокой, что они выбивались из сил.

В Южной Чети клонилась к земле лоза, табак вымахал на редкость рослый и духовитый, зерна уродилось столько, что амбары ломились. В Северной Чети эль из ячменя урожая 1420 года вошел в поговорку. Еще и поколение спустя можно было услышать от какого-нибудь старика в трактире, со вздохом заглядывавшего в опустевшую кружку: «Эх, вот в 1420-м эль был так эль!»

Первое время и Фродо, и Сэм жили у Недоселков. Лесничьи дела часто уводили Сэма из дому, и, случалось, надолго. Он был как раз в одной из своих поездок, когда в начале марта Фродо неожиданно заболел. Тринадцатого числа старик Недоселок нашел его лежащим поперек кровати в забытьи. В руке Фродо сжимал белый камень, который всегда носил на шее. Губы его шевелились. Старый Том нагнулся и едва расслышал чудные слова: «Оно ушло, ушло навсегда. Без него так темно и пусто...» Но приступ скоро прошел, и, когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо был в полном порядке и ничего ему не сказал. Тут как раз закончились работы в Засумках, Мерри с Пиппином разыскали в Кривражках старую мебель, и скоро усадьба выглядела не хуже, чем раньше.

Фродо как-то раз спросил Сэма:

— Ну, Сэм, когда переезжать будем?

Сэм неожиданно смутился и ничего не ответил.

— Если не хочешь, подождем пока, — сказал Фродо. — Я, правда, думал, что в Засумках тебе будет лучше... И старик твой рядом, и вдова Встряскин за ним присматривала бы...

— Оно, конечно, так, сударь, — пробормотал Сэм и покраснел.

— Так в чем же дело? — недоумевал Фродо.

— Да вот, сударь, Роза... Роза Недоселок... Похоже, ей, бедняжке, не очень-то по нраву был наш отъезд тогда. Ну я, как собрался, ничего говорить не стал, и она не сказала. А потом я не говорил, потому что работы неуправляемо навалились. А теперь я сказал, а она и говорит: «Мы и так целый год потеряли! Чего еще ждать-то?» «Ничего себе, думаю, потеряли!», но

вообще-то она права. Так что я уж и не знаю, прямо хоть пополам рвись... — Он совсем смешался и замолчал.

— Ну вот теперь до меня дошло, — облегченно вздохнул Фродо. — Тебе и со мной расставаться не хочется, и жениться пора. Милый ты мой, но ведь это же так просто! Женись поскорее, и переезжайте ко мне всей семьей! Какая бы она у тебя ни была, в Засумках места не занимать!

Так оно и случилось. Сэм и Роза поженились весной 1420 года (свадьба их запомнилась надолго) и поселились в Засумках. Сэм был счастлив, а Фродо и того счастливее. Ибо не было во всей стране хоббита, за которым ухаживали бы так внимательно, как за ним. Теперь время его текло размеренно и спокойно; он много писал и перечитывал свои записи. Летом, на Вольной Ярмарке, он сложил с себя полномочия мэра, и теперь доброму старому Вилли Белоногу предстояло еще семь лет возглавлять все празднества.

Мерри и Пиппин поселились в Кривражках. Между Сумкиной Горкой и Заскошьем много было хождений туда-сюда. Оба молодых хоббита стали теперь самыми известными гражданами. Жили они широко, открыто. Песни, рассказы о своих походах, красивые невиданные наряды — все это влекло к ним многих. Любо-дорого было посмотреть, как они несутся во весь опор по тракту, и красивые плащи развеваются за спиной. И характер у них остался такой, как был: ровный да мягкий, совсем не заносчивый, разве что еще веселей стали.

Фродо с Сэмом, напротив, жили тихо. А уж длинные серые плащи с драгоценными застежками надевались у них только по большим праздникам. Но камень со звездным блеском Фродо носил постоянно.

Одним словом, все шло хорошо и обещало стать еще лучше. Сэм был всем доволен.

Не нравилось ему только, что Фродо как-то все больше выпадал из жизни Ши́ра, и никаких особых почестей не имел, да видно, и не стремился к ним. Немногие ведь знали об их походе, да и те не все; так что все восторги, все уважение достались в основном Мерри и Пиппину и, кстати, ему, Сэму, хоть он и вовсе этого не желал.

Но вот осенью их коснулась тень прежних забот.

Как-то вечером Сэм нашел Фродо в странном состоянии. Хозяин был белый, как мел, а глаза невидяще смотрели куда-то вдаль.

— Что с вами, сударь? — беспокоился Сэм.

— Я ранен, — неожиданно ответил Фродо, — ранен глубоко, и никогда не оправлюсь от этой раны.

Сэм не на шутку разволновался, но уже на следующий день Фродо выглядел по-прежнему и, судя по всему, был вполне здоров. Тогда Сэму пришло в голову взглянуть на календарь. Было 6 октября. Ровно два года назад на Заветери Король-Призрак ранил его хозяина.

Шло время. В марте Фродо заболел снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не привлекать внимания. У Сэма были другие заботы. Двадцать пятого марта у них с Розы родилась дочка. Сэм зашел к Фродо. Он выглядел глубоко озабоченным.

— Ума не приложу, сударь, что делать. Мы-то ждали мальчика и решили, что назовем его в вашу честь — Фродо, а тут дочка... Такая хорошенькая девочка, лучше и не бывает, в ней от Розы больше даже, чем от меня. Так что делать-то?

— А чем тебе плох старинный обычай? — спросил Фродо. — Выбери цветочное имя, ну хоть бы Роза. Так в Шире половину девочек зовут. Что может быть лучше?

— Оно, конечно, сударь, — протянул Сэм. — Да я в наших странствиях много красивых имен встречал, только они слишком велики на каждый день, для всяких домашних забот и хлопот, значит. Вот и старик мой говорит: «Назови покороче, чтоб потом сокращать не пришлось». А если цветочное, так надо же цветок подобрать. Она же красивая у меня, а будет еще краше.

Фродо чуть помедлил.

— Пусть зовется Эланор. Помнишь, в Лориене мы видели такой солнечный цветок?

— Ага. Вот это самое мне и нужно было, — просиял Сэм. — Так тому и быть, значит.

Наступала осень. Маленькой Эланор исполнилось уже пол-годика, когда однажды Фродо позвал Сэма в свою рабочую комнату.

— Слушай, Сэм, в четверг день рождения Бильбо, — сказал он. — Сто тридцать один год! Надо бы нам навестить его. Я хочу, чтобы мы съездили вместе. Розы, верно, расстроится, но ты пообещай, что скоро вернешься. Передай ей, что это моя большая просьба.

— Эх, сударь, я и сам бы с превеликой радостью съездил в Дольн, и старого Бильбо мне тоже повидать охота, но вот... — Сэм замялся. — Нет, правда, сударь, мне хочется поехать с вами... Но и остаться здесь мне хочется больше всего на свете!

— Бедняга Сэм, — улыбнулся Фродо. — Тебе еще предстоит помучиться с этим. Ну не беда. Все пройдет со временем. Тебе еще суждено стать твердым — таким ты и станешь.

На следующий день Фродо отдал Сэму ключи и показал, где лежат его бумаги и рукопись. Теперь это была большая книга в добротном красном кожаном переплете, и она была дописана почти до конца. В начале множество страниц были исписаны тонким, неровным почерком Бильбо, но большая часть записей была сделана твердой рукой Фродо. Книга была поделена на главы, однако последняя, под номером 80, была не закончена, и там оставалось еще несколько чистых страниц. На титульном листе стояло много заглавий:

*Мой дневник
Мое неожиданное путешествие
туда и обратно, и что случилось потом,
приключения пяти хоббитов
Повесть о Великом Канье,
составленная Бильбо Стрингсама,
из собственных наблюдений и рассказов друзей
Что мы делали в Войске Канье*

Здесь кончалась рука Бильбо. Дальше писал Фродо:

Падение Властелина Колец и Возвращение Короля

с точки зрения малого народа;
воспоясывая Ринго и Фродо из Шира,
дополняясь сообщениями из друзей и почтенных Мудрых,
вместе с выдержками из Книги Знаний,
переведенный Ринго в Долине

Прочитав это, Сэм воскликнул:

— Да вы почти завершили ее, Фродо!

— Я совсем завершил ее, Сэм. Последние страницы допишешь ты.

Двадцать первого сентября они отправились в путь. Фродо выбрал того же пони, на котором возвращался из Минас Тирита. Он теперь звался Колобродом. А Сэм оседлал своего ненаглядного Билла. Стояло прекрасное золотое утро. Сэм не спрашивал, куда они едут, ему казалось, что угадать не трудно.

Хоббиты без спешки выбрались на дорогу к Крепи и заночевали в Зеленых Холмах. Двадцать второго сентября к полудню добрались до леса.

— Уж не за тем ли деревом вы прятались, сударь, когда мы впервые Черного Всадника встретили? — спросил Сэм. — Мне теперь кажется, что все это во сне было.

Вечерело. На востоке проглянули звезды. Хоббиты миновали дуплистый дуб, свернули и стали спускаться с холма через заросли орешника. Сэм молчал. На него нахлынули воспоминания. Вдруг он услышал, как Фродо тихонько напевает про себя, напевает старую прогулочную песню, вот только слова были немножко другие.

*За поворот! Меня там ждет
Забывтый лаз, секретный ход;
Я миновал его вчера —*

*Но знаю, что придет пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне!*

И словно в ответ откуда-то издалека, с дороги, идущей по долине, донеслись голоса:

*А! Элберт Гилтониэль!
Силиврен пенна мириэль
О менел аглар эленат,*

*Гилтониэль! О Элберет!
Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод.*

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в мягких сумерках, пока из-за поворота не показались странствующие эльфы.

К ним подошел Гилдор, а за ним... Сэм с восторгом и изумлением увидел приближающихся Элронда и Галадриэль. Элронд ехал в серой мерцающей мантии, во лбу его сияла звезда, а на пальце — большое золотое кольцо с голубым камнем. Это был Вэйал — самое могущественное из трех эльфийских колец. Следом на белом коне ехала Галадриэль. О ее одежде можно было сказать только, что она походила на легкие облака, закрывшие луну и горящие ее серебряным светом. Мягкий свет струился и переливался вокруг Владычицы Благословенного Края. На пальце ее сверкал Нэин — кольцо из мифрила с белым камнем, сиявшим, как холодная звезда. Позади мудрейших на маленьком ушастом пони ехал, покачиваясь в дреме, Бильбо.

Элронд приветливо поздоровался с хоббитами, а Галадриэль улыбнулась им.

— Ну, мастер Сэмиус, — сказала она, — я слышала, что ты сумел распорядиться моим подарком наилучшим образом. Теперь Шир навеки станет цветущим и благословенным краем.

Сэм только низко поклонился. За эти годы прекрасный образ Владычицы потускнел в его памяти, и теперь он был снова потрясен ее величественной красотой.

Тут проснулся Бильбо.

— А, привет, Фродо! — сказал он слабым голосом. — Видишь, отправляюсь в новое путешествие. Ты тоже?

— Да, и я тоже, — просто ответил Фродо. — Хранители Кольца должны быть вместе.

Сэм только сейчас понял, что происходит. Он подскочил в седле и закричал:

— Куда же это мы едем, сударь?!

— В Серебристую Гавань, — спокойно ответил Фродо.

— Но я же не могу!

— Конечно, нет. Пока, во всяком случае. Ты только проводишь нас. Правда, твоя судьба тоже вплетена в историю Кольца, и твое время может еще настать. Да не печалься ты, Сэм, — видя его смятение, улыбнулся Фродо. — Не можешь же ты вечно разрываться надвое. У тебя впереди еще очень много дел и много радостей.

— Но... — Сэм чуть не плакал, — я думал, после всего вам понравится Шир, и я так хотел...

— Я тоже так думал, Сэм. Раньше. Но теперь я знаю, что рана моя слишком глубока. Я хотел спасти Шир, и теперь он спасен, но не для меня. Так часто бывает, когда нужно что-то спасти: кто-то должен отказаться от него, потерять для себя, чтобы сохранить для других. Но не горюй, ты ведь мой наследник. Все, что я имел, теперь твое. А у тебя еще и Розы, и Эланор, и еще будут мальчишки: и Фродо, и Мерри, и Пиппин, и еще дочка — Злата, или даже больше, чем я могу предвидеть. Твои славные руки и голова понадобятся везде. Ты станешь мэром и будешь им столько, сколько захочешь. А лучшим садовником в истории Ши́ра так и останешься до конца времен. И ты будешь читать Алую Книгу и будешь следить, чтобы не умерла память об уходящей Эпохе, чтобы никто не забывал о Великой Опасности и еще больше любил свою землю. И так будет, пока продолжается твоя глава в Алой Книге! А сейчас — вперед, за мной!

Уходила Третья Эпоха. Уходили Элронд и Галадриэль, минули дни Колец, и к концу подходит песнь о тех временах. Эльфы покидали Среднеземье, и среди них, и вместе с ними, полные светлой печали ехали Бильбо, Фродо и Сэм.

За вечер и ночь они пересекли весь Шир, однако никто, кроме лесных зверюшек не видел их. Разве что случайный ночной прохожий приметил удивительные лунные блики на траве.

Вскоре они оставили на юге Белые Увалы и достигли Башен на Дальних Холмах. Отсюда им впервые открылось Море. Здесь был конец их пути, ибо они достигли Митлонда, Серебристой Гавани; и здесь встретил их Кирдэн Корабел. Он был очень высок ростом, сед и стар, но глаза его лучились и сияли, как звезды. Он низко поклонился прибывшим и сказал только: «Все готово».

Они пошли за ним в Гавань, где у причала стоял большой белый корабль. Здесь их ждала радостная встреча. Неподалеку от воды верхом на великолепном белом скакуне сидел в длинной мантии Гэндальф Белый. Завидя их, он спешился и неторопливо пошел навстречу. Фродо увидел у него на пальце Третье Кольцо — Наир Великий, с алым, как пламя, камнем. Отплывающие были рады, узнав, что маг уходит с ними.

Последние эльфы уже поднимались на корабль, готовый к отплытию, когда на взмыленных конях примчались Пиппин и Мерри.

— Ну вот, опять ты пытался удрать тайком, друг Фродо, и опять не удалось, — проговорил Пиппин, улыбаясь сквозь слезы. — На этот раз тебя Гэндальф выдал.

— Да, — сказал Гэндальф, — потому что втроем возвращаться лучше, чем одному. Что ж, друзья, на этом берегу кончается история о самой замечательной в Среднеземье дружбе. Идите с миром! Я не буду уговаривать вас не плакать, потому что слезы — это не всегда плохо.

Фродо поцеловал Мерри и Пиппина, а затем — Сэма. Как только он взошел на палубу, мачты оделись парусами, поднялся ветер, и корабль плавно заскользил к выходу из залива. Фиал Галадриэль на груди Фродо блеснул слабой звездочкой и исчез. И корабль вышел в Верхнее Море, и шел, и шел на Запад, пока

наконец в ночи, наполненной теплым дождем и ветром, Фродо не ощутил томительное благоухание, разлитое в воздухе, и не услышал звуки нежного напева, летящие над водой.

Потом, как во сне, который снился ему в доме Бомбадила, серая завеса дождя стала стеклянно-серебристой, медленно раздвинулась, и перед ним открылась далекая зеленая страна в мягком свете восходящего солнца.

А для Сэма на берегу вечер переходил в ночь. Он долго всматривался в морской простор, но едва заметное серое пятнышко давно пропало в сгущающихся сумерках на западе. Волны мерно шелестели о берег, и этот звук надолго запал в сердце Сэма. Пиппин и Мерри сидели рядом в полном молчании.

Наконец трое друзей повернули домой и теперь скакали, уже не оглядываясь. До самого Шира не было сказано ни слова, но каждый радовался, что на этом долгом, грустном пути рядом были друзья.

На Западной Дороге они разделились. Вскоре Пиппин и Мерри уже распевали песни по пути в Заскочье, а Сэм свернул к Уводью.

У самой Горки Сэм спешился, отпустил пони и дальше пошел пешком.

День подходил к концу. Перед ним был его дом. Там горел огонь в камине, там готовили ужин и ждали его. Роза встретила Сэма на пороге, провела в дом, усадила в кресло и принесла маленькую Эланор. Сэм устало улыбнулся и глубоко вздохнул.

— Ну вот я и дома, — сказал он.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ХРОНИКИ КОРОЛЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ

Источники сведений, включенных в Приложения, весьма различны. Так, например, третий раздел данного приложения («Народ Дарина») исходит, возможно, от гнома Гимли, который поддерживал дружбу с Перегрином и Мериадоком и часто встречался с ними в Гондоре и в Рохане.

Легенды, истории и сведения, почерпнутые из разных источников, чрезвычайно обширны. Здесь представлены только их фрагменты в пересказах, к тому же во многих местах сокращенные. Главная их задача — проиллюстрировать Войну Кольца и заполнить некоторые пробелы в основной Летописи. Древние легенды Первой Эпохи, которыми очень интересовался Бильбо, изложены кратко — только в той части, где повествуется о предках Элронда, Королях и Вождах Нуменора.

Все даты, не отмеченные В. Э. (Вторая Эпоха) и Ч. Э. (Четвертая Эпоха), относятся к Эпохе Третьей. Она закончилась в сентябре 3021 года с уходом Трех Колец, но для удобства исчисления первым днем Четвертой Эпохи считается в Гондоре 25 марта 3021 года.

В списках даты, следующие за именами Королей и Правителей — даты их смерти, если приведена только одна дата. Знак «†» означает преждевременную смерть в битве или при иных обстоятельствах, хотя рассказ об этом событии приводится не всегда.

I. Короли Нуменора

(1) Нуменор

Среди Эльдаров наиболее умелым и знающим, несомненно, был Феанор, но гордость и своеволие отмечали его в не меньшей степени. Это Феанор создал три чудесных камня — Сильмариллы — и наполнил их сиянием Светоносных Дерев, Телперииона и Лаурелина, освещавших земли Валаров. Моргот решил присвоить камни. Он убил Деревья, похитил Сильмариллы, унес в Среднеземье и там сокрыл их в подземельях могучей крепости Тонгородрим. Феанор против воли Валаров покинул Благословенный Край и увел свой народ в Среднеземье, рассчитывая силой вернуть Сильмариллы. Так началась война Эльдаров и Адамов против Тонгородрима. Адамы — собирательное название трех народов Людей, первыми пришедших на запад Среднеземья к берегам Великого Моря и заключивших союз с Эльдарами против Врага.

Трижды заключались между Людьюми и Эльдарами Союзы Крови: Берен и Лучиэнь, Идриль и Туор, Арвен и Арагорн. Последний союз воссоединил давно разделенные ветви Эльфинитов и восстановил их род.

Лучиэнь Тинувиэль была дочерью Владыки Тингола, Короля Среброманта из Дориата, ее матерью была Мелиан, Майя из Валинора. Берен был сыном Барахира из Первого Дома Адамов. Вместе с Лучиэнь они добыли Сильмарилл из Железной Короны Моргота. Лучиэнь избрала удел смертных и покинула Эльфов. У нее был сын Диор, к дочери которого, Эльвинг, и перешел по наследству Сильмарилл.

Идриль Келебриндель была дочерью Тургона, Владыки тайного поселения Гондолин. Туор был сыном Хадора из Третьего Дома Адамов — наиболее прославившегося в войнах с Морготом. Сына Идриль и Туора звали Эарендил Мореход.

Эарендил взял в жены Эльвинг. Он сумел с помощью Сильмарилла проникнуть за завесу Тьмы и пришел на Заокраинный Запад. Там от имени Людей и Эльфов он просил помощи, получил ее, и Моргот был низвергнут. Эарендил не вернулся к смертным.

Его корабль со сверкающим Сильмариллом ушел в небесные моря и там стал звездой и надеждой для Среднеземья, поработленного при-служниками Врага. После гибели Дерев первозданный свет Валинора

хранили только Сильмариллы, но два оставшихся камня пропали бесследно в конце Первой Эпохи. Подробнее об этом и о других событиях повествует «Сильмариллион».

У Эарендила были сыновья Эльфиниты — Элрос и Элронд. Они несли в себе дух доблестных вождей Аданов, а после гибели Гил-Гэлада род Перворожденных Эльфов в Среднеземье был представлен только их наследниками.

В конце Первой Эпохи Владыки Валинора поставили Эльфинитов перед выбором: к какому из двух народов они будут принадлежать. Тогда Элронд выбрал Эльфов и стал со временем мудрейшим среди них. Право Перворожденных давало ему возможность, устав от жизни в землях Смертных, уйти на Заокраинный Запад. Что бы ни происходило в мире, право это было неотъемлемым. Но уже дети Элронда должны были снова решать, какую участь выбрать: уйти из кругов мира на Запад или, став смертными, умереть в Среднеземье. Поэтому чем бы ни кончилась Война Кольца, конец ее для Элронда был все равно печален.

Элрос избрал участь Аданов, хотя жизнь ему была дарована очень долгая.

За страдания, выпавшие на долю Аданов в борьбе с Морготом, Стражи Мира даровали Адамам земли, удаленные от опасностей Среднеземья. Аданы вышли в море и, ведомые Звездой Эарендила, достигли великого острова Эленна, лежавшего далеко к западу от берегов Смертных. Там было основано Королевство Нуменор.

В центре острова возвышалась огромная гора Менельтарма, с вершины которой в ясную погоду зоркие глаза могли различить белые стены гавани Эрессэа. Оттуда приходили Эльдары, обогащая Людей дарами и знаниями. Сами нуменорцы, по воле Валаров, лишены были возможности достичь Неумирающих Земель. Они оставались смертными, хотя срок их жизни не меньше чем втрое превышал продолжительность жизни Людей Среднеземья. Даже Владыки Валинора не могли нарушить волю Илуватара и лишить Людей Его дара — Смерти. Позже этот Дар Людей стали называть Проклятьем.

Элрос стал первым Королем Нуменора. Эльфийское его имя было Тар-Миниатар. Его наследники были долговечны, но тоже смертны. Они возвысились, стали могучи и тогда пожалели о своей смертной доле и захотели для себя удела Эльдаров. И тогда, по наущению Саурона, начался мятеж, который привел к падению Нуменора и разрушению древнего мира.

Далее перечислены Короли и Королевы Нуменора.

Элрос Тар-Миниатар; Вардамир; Тар-Амандил; Тар-Элендил; Тар-Менельдар; Тар-Альдарион; Тар-Анкалимэ (Первая Королева-Правительница); Тар-Анарион; Тар-Сурион; Тар-Телперизнь (Вторая Королева-Правительница); Тар-Минастир; Тар-Кириатан; Тар-Атанамир Великий; Тар-Анкалимон; Тар-Телемайтэ, Тар-Ванимельдэ (Третья Королева); Тар-Алькарин; Тар-Кальмасил.

После Тар-Кальмасила Короли стали брать нуменорские имена: Ар-Адунакор; Ар-Симратон; Ар-Сакалтор; Ар-Гимилзор; Ар-Инсиладан. Инсиладан раскаялся и сменил имя на Тар-Палантир — «Провидец». Его дочь должна была стать Четвертой Королевой Тар-Мириэль, но племянник Короля отнял у нее престол и нарек себя Ар-Паразон Золотоликий. Он стал последним Королем Нуменора.

У Тар-Элендила были дочь Сильмаризнь и сын Валендил, ставший впоследствии первым князем Андуниз — западного края, связанного тесной дружбой с Эльдарами. Наследником Валендила был Амандил, отец Элендила Высокого, последний правитель Андуниз.

Единственная дочь шестого Короля стала первой в истории Нуменора Королевой. Тогда же вступил в силу закон, по которому скипетр наследовал старший из детей Короля, будь то сын или дочь.

До конца Второй Эпохи мощь и красота Нуменора непрерывно росли. Мудрый народ обитал в Нуменоре. Но во времена Тар-Минастира, одиннадцатого Короля, благополучие острова омрачили первые признаки зловещей тени. Тар-Минастир снарядил огромное войско на помощь Гил-Гэладу, но к его преданности Эльдарам приешивалась зависть. Отменными мореплавателями были нуменор-

цы, они изучили все восточные моря и стремились на запад, в запретные воды, и чем радостнее становилась их жизнь, тем больше желали они бессмертия Эльдаров. К тому же после Минастира в нуменорских Королях все чаще возникало стремление к богатству и власти. Если незадолго до этого нуменорцы приходили в Среднеземье, как учителя и защитники обездоленных Сауроном, то теперь их гавани превратились в грозные крепости, державшие в подчинении обширные прибрежные земли. Атанамир и его наследники взимали тяжкую дань, и корабли нуменорцев возвращались, нагруженные добычей.

Именно Тар-Атанамир впервые открыто возроптал против Запрета Валаров и заявил о своем праве на бессмертие. Так сгустилась тень, и мысль о смерти ожесточила сердца людей. Нуменорцы разделились на отрехшихся от Эльдаров и Валаров и немногих Верных.

Мало-помалу Короли и их последователи отказались от языка Эльдаров, и наконец двадцатый Король при восшествии на престол принял нуменорское имя Ар-Андунакор, Владыка Запада. Верные сочли это предвестием большой беды, ибо в прошлом так звали только главного из Валаров или Старейшего Владыку. Ар-Андунакор стал преследовать Верных и карать говоривших по-эльфийски. С тех пор Эльдары перестали посещать Нуменор.

А сила Нуменора все росла. Но жизнь становилась короче, и рос страх смерти, а радость покидала сердца. Тар-Палантир пытался отвести зло, но было уже поздно, и в Нуменоре вспыхнуло восстание. Возглавил мятеж племянник Короля, он же захватил власть и стал Королем Ар-Паразоном. Это был самый гордый и властный из всех Королей. Он желал править всем миром.

Ар-Паразон не побоялся бросить вызов самому Саурону. Собрав огромный флот, он высадился в Умбаре. Величие и мощь нуменорского войска устрешили приспешников Саурона, слуги покинули его, он сдался и смиренно просил Короля о пощаде. Ар-Паразон был настолько горд и глуп, что привез пленника в Нуменор. Конечно, вскоре Саурон обольстил Короля и возглавил его Совет; а спустя недолгое время души всех нуменорцев, кроме немногих Верных, склонились ко злу.

Саурон лгал Королю, обещая ему вечную жизнь, если только он вступит на берега Неувядающей Земли. Он говорил, что един-

ственной целью Запрета было помешать Королям Людей превзойти Валаров. «Но истинно великие сами берут то, на что имеют право», — говорил он.

Ар-Паразон, чувствуя близкий конец и совсем потеряв разум от страха смерти, внял его советам. Он собрал величайшую рать из всех, какие видел мир, протрубил в трубы и отплыл на запад. Он вознамерился силой отнять у Владык вечную жизнь. Но едва Ар-Паразон вступил на Благословенный Берег, Стражи воззвали к Изначальному, и мир изменился. Нуменор был затоплен, а Неувядающие Земли навеки ушли из Кругов Мира. Так окончилась слава Нуменора.

Элендил с сыновьями и с ними немногие из Верных спаслись от гибели. Девять кораблей сумело выйти в море. На борту одного из них были сажены Нимлота и Семь Всевидящих Камней, подаренные Дому Элендила Эльдарами. Буря подхватила корабли и выбросила на берег Среднеземья. Так были основаны княжества нуменорцев-изгнанников: Арнор и Гондор.

Элендил стал Королем и жил на севере, в Ануминосе, югом правили его сыновья Исилдур и Анарион. Неподалеку от рубежей Мордора ими были выстроены Остилат, Минас Анор и Минас Итиль. Бояться им было нечего, ведь Саурон сгинул.

Да, Саурон и в самом деле был захвачен распадом Нуменора, тело его погибло, но дух, дух ненависти, летящий на черном ветре, вернулся в Среднеземье. Новое его обличье было черно и ужасно, отныне сила его заключалась только в страхе. Тайно проник он в Мордор и укрылся там до времени. Когда же он узнал, что ненавистный ему Элендил основал княжество у самых его границ, гневу его не было предела.

Изгнанники еще не успели укрепить свои новые владения, как Саурон уже пошел на них войной. Ородруин вновь изрыгал пламя, за что и получил название Амон Амарх, Роковая Гора. Однако Враг поторопился, ему явно не доставало сил, в то время как мощь Гил-Гэлада неуклонно росла. И вот, во Дни Последнего Союза, Саурон был низвергнут и лишен Кольца Всевластия. Так окончилась Вторая Эпоха.

(2) Владения изгнанников

*Северная ветвь**Наследники Исилдура***Арнор**

<i>Имя правителя</i>	<i>Год кончины</i>
Элендил	† В. Э. 3441
Исилдур	† 2
Валендил*	249
Эльдакар	339
Арантар	435
Тарсил	515
Торондор	602
Валандар	652
Элендар	777
Эарендур	861

Архедан

<i>Имя правителя</i>	<i>Год кончины</i>
Амлаих Форностский** (старший сын Эарендура)	946
Белег	1029
Мэллор	1110
Келефарн	1191
Келебриндор	1272
Мальвегил***	1349
Аргелеб I	† 1356
Арвелег I	1409
Арафор	1589
Аргелеб II	1670

* Он был четвертым сыном Исилдура. Родился в Имладрисе. Его братья были убиты в Оболони. — *Прим. авт.*

** После Эарендура Короли не брали имен на Высоком Эльфийском наречии.

*** После Мальвегила Короли Форноста снова начали требовать власти над всем Арнором и в знак этого брали имена с приставкой Ар(а). — *Прим. авт.*

<i>Имя правителя</i>	<i>Год кончины</i>
Арвегил	1743
Арвелег II	1813
Аравал	1891
Арафант	1946
Арведуи Последний Князь	† 1975

Конец Северного Княжества.

Вожди

<i>Имя вождя</i>	<i>Год кончины</i>
Аранарх (старший сын Арведуи)	2106
Арахазл	2177
Арануир	2247
Аравир	2319
Арагорн I	† 2327
Араглас	2455
Арахад I	2523
Арагост	2588
Араворн	2654
Арахад II	2719
Арассуил	2784
Арахорн I	† 2848
Аргонуи	2912
Арадор	† 2930
Арахорн II	† 2933
Арагорн II	Ч. Э. 120.

Южная ветвь

Наследники Анариона

Короли Гондора

<i>Имя короля</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Элендил		
Анарион	† В. Э. 3440	

<i>Имя короля</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Менельдил, сын Анариона	158	
Кемендур	238	
Эарендил	324	
Анардил	411	
Остогер	492	
Ромендакил I (Таростар)	† 541	
Турамбар	667	
Атанатар I	748	
Сириондил	830	За ним следуют четыре «Морских Короля»
Тараннон Фаластур	913	Он был первым бездетным Королем, и ему наследовал сын его брата Таркириана
Эарнил I	† 936	
Кириандил	† 1015	
Хиармендакил I (Кириагер)	1149	Гондор достигает вершины своего могущества
Атанатар II Алькарин (Великолепный)	1226	
Нармакил I	1294	Он был вторым бездетным Королем, и ему наследовал младший брат
Кальмакил	1304	
Миналькар (регент, 1240–1304)	1366	Коронован в 1304 году под именем Ромендакила II
Валакар		При нем в Гондоре разразилась междоусобица
Эльдакар	1490	Сын Валакара (сначала звавшийся Винитария) Был свергнут в 1437-м, затем вернулся на престол
Кастамир Узурпатор	† 1447	
Альдамир	† 1540	Второй сын Эльдакара
Хиармендакил II (Виниарион)	1621	

<i>Имя короля</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Минардил	† 1634	
Телемнар	† 1636	Телемнар и его дети умерли от Черного Недуга; ему наследовал племянник, сын Минастана, второго сына Минардила.
Тарондор	1798	
Телумехтар Умбардакил	1850	
Нармакил II	† 1856	
Калимехтар	1936	
Ондогер	1944	Ондогер и двое его сыновей пали в битве. Через год, в 1945-м, корону получил не знавший поражений полководец Эарнил, наследник Телумехтара Умбардакила.
Эарнил II	2043	
Эарнур	† 2050	

На этом ветвь Королей прерывается до 3019 года, когда на престол вступил Элессар Телконтар.

Королевством правят наместники.

Наместники Гондора

<i>Имя наместника</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Пелендур	1998	Дом Хурина. Он правил год по смерти Короля Ондогера и посоветовал Гондору отвергнуть притязания Арведуи на корону.
Ворондил Охотник	2029	
Мардил Воронвэ «Стойкий»		Первый из наместников-правителей. Его наследники перестали пользоваться именами Заморских Эльфов.

Наместники-Правители

<i>Имя наместника</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Мардил	2080	
Эрадан	2116	

<i>Имя наместника</i>	<i>Год кончины</i>	<i>Примечания</i>
Герион	2148	
Белегорн	2204	
Хурин I	2244	
Турин I	2278	
Хадор	2395	
Барахир	2412	
Диор	2435	
Денетор I	2477	
Боромир	2489	
Кирион	2567	В его дни рохирримы пришли в Каленардон.
Халлас	2605	
Хурин II	2628	
Белектор I	2655	
Ородреф	2685	
Эктедион I	2698	
Эгалмот	2743	
Берен	2763	
Берегонд	2811	
Белектор II	2872	
Торондир	2882	
Турин II	2914	
Таргон	2953	
Эктедион II	2984	
Денетор II	3019	Он был последним из правящих наместников, и ему наследовал его второй сын.
Фарамир, Князь Эмин Арнена, Наместник Короля Элессара	Ч. Э 82	

(3) Эриадор, Арнор и наследники Исилдура

Эриадором в древности звались все земли между Мглистыми и Синими Горами. На юге граница проходила по рекам Седонне и Гландуину, сливавшимся возле Тарбада.

Во дни своего расцвета Арнор включал в себя весь Эриадор, кроме Линдона и земель восточнее Седонны и Гремячей, где лежали Имладрис и Эрегион. Линдон был страной Эльфов, зеленой и спокойной. Люди не заходили туда, а Гномы жили и по сей день живут на восточной стороне Синих Гор, особенно на южном хребте, там у них копи. Поэтому для Гномов Западная Дорога — привычный путь. Они пользовались им задолго до того, как мы пришли в Шир.

В Серебристой Гавани жил Кирдэн Корабел. Говорят, он и сейчас там живет и будет жить до тех пор, пока Последний Корабль не уйдет на Запад. Во дни Королей Высокие Эльфы, что задержались в Среднеземье, жили или в Серебристой Гавани, или в приморском краю Линдон. Если теперь кто из них и остался, так их можно пересчитать по пальцам.

Северное княжество и дунаданы

После Элэндила и Исилдура в Арноре сменилось восемь Высоких Князей. Когда ушел Эарендур, между его сыновьями началась распря, и княжество распалось на три: Архедан, Рудаур и Кардолан. Архедан был расположен на северо-западе и включал земли между Брендидуином и Синими Горами, а также земли к северу от Западной Дороги и до Заветери. Рудаур находился на северо-востоке между Троллиным Нагорьем, Заветерью и Мглистыми Горами; в него входили еще и земли между Седонной и Гремячей. Кардолан располагался на юге, границы его очерчивали Брендиун, Седонна и Западная Дорога.

В Архедане род Исилдура не прерывался, а в Кардолане и Рудауре вскоре угас. Способствовали этому частые междоусобицы из-за Заветери и земель к востоку от Брыля. И Рудаур, и Кардолан стремились владеть Амон Сулом, расположенным на самой границе их земель. В башне Амон Сула хранился главный Палантир Севера, а два других находились в Архедане.

В начале княжения Мальвегила Археданского в Арнор пришла беда. На севере, за Троллиным Нагорьем, набирало силу королевство Ангмар. Там скопилось множество орков и прочих тварей. Правил

Ангмаром Король-Чародей, как потом выяснилось — Предводитель Кольценосцев, явившийся на север, чтобы уничтожить дунаданов Арнора, воспользовавшись их распрями, а заодно переждать время могущества Гондора.

Во дни Аргелеба, сына Мальвегила, князя Архедана вновь заявили о правах на весь Арнор, ведь наследников Исилдура в других княжествах уже не было. Однако их право оспорил Рудаур. Дунаданов в Рудауре почти не осталось, правил там Вождь Народа Холмов, находившийся в тайном стоворе с Ангмаром. Аргелеб начал укреплять Заветерь, но вскоре погиб в битве с войсками Рудаура и Ангмара.

Сын Аргелеба, Арвелег, с помощью Линдона и Кардолана сумел вытеснить врага от Заветери, долгие годы границы удерживались по Западной Дороге и низовьям Седонны. Говорят, что именно в те времена был осажден Дольн.

В 1409 году из Ангмара вышло огромное войско. Перейдя реку, оно вторглось в Кардолан и осадило Заветерь. Дунаданы были разбиты, Арвелег пал. Башня Амон Сул была сожжена и разрушена до основания, но Палантир удалось спасти и тайно переправить в Форност. Рудаур и Кардолан были опустошены. Арафор, не достигший еще совершеннолетия сын Арвелега, обратился за помощью к Кирдэну, и вместе они отбросили врага от Форноста и Северных Увалов. Остатки Верных из дунаданов Кардолана некоторое время держались в Тирн Гортаде (позже названном Упокоищами) и в Пуще.

Говорят, что на какое-то время Ангмар был покорен эльфами Линдона и Дольна, после того как Элронд получил помощь из Лориена. Тогда-то Хваты бежали на юго-запад, подальше от войн и напастей Ангмара, а еще и потому, что климат Эриадора окончательно испортился. Некоторые вернулись в Дикие Земли и занимались рыбной ловлей в Оболони.

Во дни правления Аргелеба II в Эриадор с юго-востока пришла черная хворь и унесла большинство жителей Кардолана. Хоббиты и другие народы тоже сильно пострадали, но ближе к северу болезнь слабела, и северная часть Архедана почти не была задета. О дунаданах Кардолана больше никто не слышал, и нежить из Ангмара и Рудаура вползла в опустевшие курганы и укоренилась там.

Говорят, курганы Тирн Гортада были насыпаны еще в Первую Эпоху пращурами Аданов, до того как они перешли Синие Горы и заселили Белерианд. Вернувшиеся дунаданы почитали курганы, там погребены многие их князья и властители. (Есть мнение, что курган, в который попал Хранитель Кольца, был могилой последнего принца Кардолана, павшего в войне 1409 года.)

В 1974 году Ангмар поднялся вновь, и Король-Чародей напал на Архедан до окончания зимы. Он захватил Форност и оттеснил уцелевших дунаданов к Синим Горам. Князь Арведуи удерживал Северные Увалы до последней возможности, а потом с остатками свиты бежал на север; их спасли только быстрые кони. Потом Арведуи скрывался в старых копиях гномов, но голод вынудил его обратиться за помощью к Снежным Людям Форохела.

Этот странный хмурый народ, мало изменившийся с Предначальной Эпохи, жил в стойбищах по берегам моря. Он привык к жестоким холодам владений Моргота, до сих пор сковывающим север, в то время как на сто лиг южнее, в Шире, о морозах и не подозревают. Народ этот зовет себя Лоссохи, дома строит из снега и, по слухам, может бегать по льду с удивительной скоростью, привязав к ногам кости, а повозки у них и вовсе без колес. Место их обитания, Великий Форохельский Мыс, замыкающий на северо-западе Льдистый Залив, практически недосыгаемо для врагов, но иногда лоссохи откочевывают в глубь материка и доходят до подножия Гор.

Вот у этих людей Арведуи и просил пропитания для себя и своего малочисленного отряда. Лоссохи помогли князю, но очень неохотно. Во-первых, дунаданам нечего было предложить взамен. У них было несколько алмазов, но лоссохи не видели в них никакого проку. Во-вторых, они боялись Короля-Чародея, как бы он не напустил на них мороз и буран. Однако, видя бедственное положение князя и его воинов, косясь на незнакомое грозное оружие, лоссохи дали еду и помогли выстроить снежные жилища. Кони беглецов пали, и Арведуи надеялся теперь только на помощь с юга.

Сын Арведуи, Аранарх, успевший прорваться на юг, просил Кирдэна помочь князю. Кирдэн сразу же снарядил корабль и отправил его в Форохел на поиски. Встречные ветра мешали плаванию, но в конце концов моряки заметили маленький костер на берегу, поддерживаемый

беглецами. В этот год зима долго не ослабляла хватку, и даже в марте лед покрывал широкую прибрежную полосу.

Вид корабля удивил и испугал Снежный Народ, такого они еще не видели. Устрашившись, они отвезли князя и тех, кто выжил из его отряда, к самой кромке льдов. Сюда могла подойти лодка с корабля. Но недаром говорят, что у Снежного Народа обостренное чутье на опасность. Вождь лоссохов предупредил Арведуи: «Не садись на это морское чудовище! Пусть Люди Моря принесут еду и одежду, в которых ты нуждаешься, а ты сам оставайся здесь, пока Король-Чародей не уйдет. Весной сила его идет на убыль, а сейчас дыхание его смертельно, а руки длинные».

Арведуи не внял совету. Он поблагодарил вождя и подарил ему на прощание перстень. «Вся ценность этой вещи, — сказал он, — в ее древности. Сила перстня не в чарах, а в том уважении, которое питают к нему мои друзья и сородичи. Если когда-нибудь тебя постигнет нужда, мои родичи заплатят за него столько, сколько ты пожелаешь».

Так был спасен перстень Исидура. Позже дунаданы выкупили его. Говорят, это был тот самый перстень, который Фелагунд из Нарготронда дал Барахиру, а Верен вернул с великим риском.

Лоссохи дали дельный совет. Как только корабль вышел в море, с севера налетел ураган со слепящим снегом. Буря загнала корабль назад, к самой кромке льдов, вокруг него вздыбились огромные торосы. Даже моряки Кирдэна оказались бессильны. Ночью лед раздавил корпус, и корабль затонул. Так погиб Последний Князь Арведуи, и вместе с ним пучина погребла Палантиры. То были камни Ануминоса и Амон Сула. Теперь на Севере оставался только камень Башни Эмин Бераиды, смотрящей на Серебристую Гавань. Его сохраняли эльфы, и, хоть мы никогда не знали этого, он оставался там, куда Кирдэн не перенес его на борт корабля Элронда, уходящего на Запад. Но нам поведали, что этот камень не был похож на другие и с ними не общался, он смотрит только на море. Элэндил так разместил его, что Камень обозревает Эрессэа на Заокраинном Западе. Но с тех пор как Нуменор скрылся за Очарованными Морями, Камню уже нечего обозревать.

О кораблекрушении у Форохела стало известно не скоро. Вести о нем принесли люди из Народа Снегов.

Хоббиты уцелели в войне, прокатившейся через их страну. Многие бежали, остальные попрятались. На помощь князю они послали не-

скольких лучников — те так и не вернулись. Некоторые ушли на битву, в которой был низвергнут Ангмар (об этом сказано кое-что в Южных Хрониках).

Настал мир. Хоббиты правили сами собой и процветали. Они выбрали Тана, он должен был представлять власть князя, удовлетворились этим и долго, без особых надежд, ожидали возвращения Короля. В конце концов ждать перестали. Осталось только присловье «когда Король вернется» — так говорили о недостижимом благе или о ненаказуемом зле. Первым Таном Ши́ра был некий Скокка из Марей. Говорили, что от него пошли Староскоки. Назначение Таном он принял в 379 году по нашему счету (1979).

С Арведуи угасло Северное Княжество. Дунаданов осталось мало, а другие народы Эриадора ослабели. Однако среди вождей дунаданов, первым среди которых был Аранарх, сын Арведуи, род Королей продолжался. Сын Аранарха, Арахазл, воспитывался в Дольне, как и все сыновья вождей после него. Там сохранялись реликвии их дома: Кольцо Барахира, ножны Нарсила, Звезда Элендила и Скипетр Ануминоса.

(Король поведал нам, что Скипетр был главным знаком правления в Нуменоре. Так же было в Арноре. Его князья носили не корону, а обруч, в центре которого сверкал бриллиант — Элендилмир, Звезда Элендила. Говоря о короне, Бильбо, без сомнения, имел в виду Гондор. Он, кажется, неплохо был осведомлен о делах рода Арагорна. Скипетр Нуменора, как говорят, погиб с Ар-Паразоном. Скипетр Ануминоса — серебряный жезл Властителей Андуниз — ныне, быть может, древнейшее творение человеческих рук в Среднеземье. Когда Элронд передал его Арагорну, Скипетру насчитывалось более пяти тысяч лет. Корона Гондора была сделана по образцу боевых шлемов нуменорцев. Первоначально это и был боевой шлем, тот самый, в котором Исиддур бился на поле Дагорлада (ибо шлем Анариона был разбит камнями Барад Дура, сразившими Анариона). Но во дни Атанатара Алькарина простой шлем был заменен украшенным алмазами. Им и короновали Арагорна.)

Когда княжеству пришел конец, дунаданы укрылись в тени и стали народом скитальцев. Их дела и труды редко вспоминали и воспевали. Со временем о них почти совсем забыли. Но еще до окончания Бдительного Мира лиходейские твари начали нападать на Эриадор, стремясь тайно проникнуть в него. Арагорна I, как говорят, загрызли

волки. При Арахаде I орки, давно просочившиеся в твердыни Мглистых Гор и перекрывшие перевалы, ведущие в Эриадор, внезапно громко заявили о себе. В 2509 году Келебриэнь, жена Элронда, по дороге в Лориен попала в засаду. Свита ее погибла, отбивая атаку орков, а сама она была похищена. Элладан и Элрохир разыскали и освободили ее, но пытки и рана от ядовитой стрелы не прошли бесследно. Элронд исцелил ее тело, но радости вернуть не смог. Через год она ушла за Море.

Позже, во дни правления Арассуила, орки вновь расплодились во Мглистых Горах, начали разорять окрестные земли, и сыновья Элронда почти непрерывно сражались с ними. Одна из орочьих банд забрела даже в Шир, где и была разбита Бандобрасом Туком.

До рождения Арагорна II, Короля Гондора и Арнора, было пятнадцать вождей — он был шестнадцатым и последним.

«Наш Король», зовем мы его. Когда он приезжает на Север, в заново отстроенный Ануминос, и какое-то время живет близ озера Дрема, все в Шире радуются. Однако он ни разу не вошел в пределы страны, не желая нарушать собственный закон, запрещающий Большому Народу переступать границы Шира. Теперь он часто подъезжает к Великому Мосту и там встречается с друзьями и теми, кто хочет его видеть. К нему во дворец может приехать любой и жить там сколько пожелает. Тан Перегрин много раз бывал там, и мэр Сэмиус тоже. Дочка его, Эланор Прекрасная — одна из придворных дам Королевы Арвен.

Северная ветвь гордится тем, что, несмотря на угасание, на протяжении многих поколений право на княжение нерушимо переходило от отца к сыну. Время жизни дунаданов в Среднеземье становится все короче. В Гондоре увядание шло еще быстрее, и все же многие вожди Севера проживали двойной век Людей и, уж во всяком случае, жили много дольше, чем старейшие из нас. Арагорн прожил 190 лет, дольше, чем любой из его рода со времен Князя Арвегила, но в Арагорне Элессаре возродились достоинства древних королей.

(4) Гондор и наследники Анариона

После Анариона, сраженного у стен Барад Дура, в Гондоре правил тридцать один Король. Война не касалась границ южного княжества, богатство и мощь южан-дунаданов возрастали, и так было до правле-

ния Атанатара II, прозванного Алькарином Великолепным. Тогда начали проявляться первые признаки упадка. Правители юга женились поздно, детей у них было мало... Первым бездетным королем был Фаластур, вторым — Нармакил I, сын Атанатара Алькарина.

Остогер, седьмой Король, восстановил Минас Анор, летнюю резиденцию Королей. К этому времени относятся первые нападения восточных дикарей. Сын Остогера, Таростар, разбил их войска и прогнал прочь, после чего принял имя Ромендакил, Восточный Победитель. Прошло несколько лет, и он погиб в битве с новыми полчищами вастаков.

Тараннон, двенадцатый Король, открывает род «Морских Королей». Они создали мощный флот и расширили владения Гондора на юг и на запад от устья Андуина. Дабы увековечить морские победы, Тараннон принял корону под именем Фаластура, Властителя Побережий.

Эрнил I, племянник Фаластура, наследовавший ему, восстановил древнюю гавань в Пеларгире и построил огромный флот. Одновременно с суши и с моря он осадил Умбар и взял его. С тех пор Умбар стал великой крепостью и опорой власти Гондора на юге.

Большой мыс, прикрывавший залив Умбара, был исконной землей нуменорцев. Однако издревле ею владели Черные Нуменорцы, совращенные Сауроном, люто ненавидевшие наследников Элэндила. После падения Саурона народ их быстро истаял и смешался с другими народами Среднеземья, однако ненависть к Гондору осталась. Поэтому взятие Умбара обошлось дорого. Эрнилу недолго пришлось радоваться победе, вскоре он затерялся в море с большим флотом. Сын его, Кириандил, продолжал строить корабли, но однажды харадримы, предводительствуемые изгнанными из Умбара бывшими Властителями, с огромной ратью подошли к стенам крепости, и Кириандил пал в битве.

Умбар перенес многолетнюю осаду. Кириагер, сын Кириандила, долго ждал благоприятного случая и, наконец собрав силы, подступил одновременно с моря и с суши и наголову разбил харадримов. Их предводители вынуждены были признать владычество Гондора, а Кириагер принял имя Хиармендакила, Победителя Юга. Случилось это в 1050 году.

Мощь Хиармендакила до самого конца его долгого правления надежно ограждала Гондор от посягательств врагов. Он правил 134 года — это было второе по длительности царствование в роду Анариона. В правление Хиармендакила Гондор достиг вершины могущества. Королевство

простиралось тогда до Келебранта и Сумеречья на севере, до Седонны на западе, а на востоке — до Внутреннего Рунного Моря, на юге границей служила река Харнен и гавани Умбара. Все население долин Андуина признавало его власть, Гондору присягнули властители Харада, их сыновья жили заложниками при дворе Короля. Мордор был разорен, к тому же за ним бдительно следили огромные крепости на перевалах.

Род «Морских Королей» закончился с Хиармендакилом. Атанатар Алькарин, сын Хиармендакила, жил в великой роскоши, и люди говорили: «В Гондоре драгоценных камней — что гальки на морском берегу, ими играют дети». Но Атанатар был ленив и ничего не прибавил к славе королевства. Два его сына были похожи на него. Гондор начал клониться к закату еще при его жизни. Враги не могли не заметить этого. Стражи Мордора потеряли бдительность. Но беда пришла только во время правления Валакара: началась междоусобица. Многие были потеряны и разрушены навсегда.

Миналькар, сын Кальмакила, был человеком энергичным, и в 1240 году, избавляясь от забот, Нармакил сделал его регентом княжества. Он правил Гондором от имени Короля, и самыми большими его заботами были отношения с северянами.

Из младших народов северяне были наиболее близки дунаданам, и Короли Гондора отдали им земли за Андуином к югу от Великого Ясного Бора. Северяне прикрывали границы Гондора от нападения дикарей с востока, ибо в древности нападения вастаков следовало ожидать прежде всего с равнины между Внутренним Морем и Пепельными Горами.

Во дни Нармакила I нападения возобновились. Сначала это были небольшие отряды... Регенту стало ведомо, что северяне не всегда верны Гондору, некоторые готовы были объединиться с вастаками, а потому в 1248 году Миналькар во главе крупного войска разбил основные силы вастаков и разрушил все их лагеря и поселения к востоку от Внутреннего Моря. После этого он принял имя Ромендакил.

По возвращении с битвы он начал укреплять западный берег Андуина до впадения Светлимь, чтобы воспрепятствовать чужеземцам спускаться по Реке ниже Эмин Майл. Столпы Аргоната возведены им. Стремясь к упрочению союза с северянами, Ромендакил принял многих из них на службу, а некоторым даже пожаловал высокие чины в войсках.

Особым расположением Ромендакила пользовался Видугавия, считавший себя королем Диких Земель, один из самых могущественных князей Севера. Его владения располагались между Ясным Бором и рекой Келдуин (Быстрица). В 1250 году Ромендакил послал своего сына Валакара послом к Видугавии. Ромендакил хотел, чтобы юноша пожил с северянами, познакомился с их языком, обычаями и замыслами. Но получилось иначе. Валакар искренне полюбил северный край и его народ, а спустя некоторое время женился на Видумави — дочери Видугавии. Впоследствии этот брак стал причиной распри.

Гондорцы считали себя намного выше северян по рождению. Брак с представительницей низшей, хоть и союзной, расы считался оскорблением. Когда Король Валакар состарился, в южных провинциях вспыхнуло восстание. Прекрасная и благородная Королева была из краткоживущих, и дунаданы опасались, что и век наследников будет столь же недолог. Они не захотели признать наследником сына ее, Эльдакара, родившегося в другой стране и в юности носившего имя народа своей матери — Винитария.

Вот поэтому, когда Эльдакар принял правление, в Гондоре вспыхнула война. Однако Эльдакар не собирался отдавать власть. Гондорское происхождение удачно сочеталось в нем с бесстрашием его родного народа. Он был красив и доблестен и старел ничуть не быстрее своего отца. Он долго противостоял заговорщикам, пока они не осадили его в Остилиате. Осада была длительной, голод одолевал оборонявшихся, в конце концов, город был разрушен, Башня рухнула, и Палантир навеки канул в Реку.

Эльдакару удалось ускользнуть от врагов, он ушел на север, в Ровенион, к своим родичам. Он пользовался немалым уважением, и вскоре к нему присоединились не только северяне, но и многие дунаданы из северных областей княжества, ненавидевшие предводителя заговорщиков — Кастамира, внука Калимехтара, младшего брата Ромендакила II. Он не был близким родичем Короля, но на его стороне было большинство восставших. За ним был флот и гарнизоны Пеларгира и Умбара.

Кастамир взшел на престол и сразу проявил себя человеком малоблагородным. Свою жестокость он доказал разгромом Остилиата и подтвердил казнь Орнендила, сына Эльдакара. Грабежи и разрушения, творимые в городе с его ведома, не были продиктованы ника-

кой необходимостью. В Минас Аноре и в Итилиене это поубавило привязанности к Кастамиру, а когда стало ясно, что он стремится только к обогащению и собирается перенести трон в Пеларгир, многие отвернулись от него.

Его правление продолжалось десять лет и кончилось, когда Эльдакар с крупным войском вернулся в страну. В Лебеннине, у Бродов Эруи, произошло сражение, стоившее жизни многим лучшим сынам Гондора. Эльдакар вызвал Кастамира на поединок и сразил, отомстив за Орнедила. Сыновьям Кастамира удалось спастись, и они вместе с родичами и моряками долго еще удерживали Пеларгир. Эльдакар осадил Пеларгир, но у него не было флота, и он не смог помешать сыновьям Кастамира с крупным отрядом перебраться в Умбар. С тех пор Умбар отпал от южного княжества и стал опорой для всех врагов короны. Долгие годы он угрожал побережью и морским путям и покорился только с приходом Элессара.

Утрата Умбара уменьшила территорию княжества на юге и привела к потере влияния на Харад. Померкла прошлая слава Умбара. Ведь именно здесь высадился когда-то Ар-Паразон Золотоликий, последний Король Нуменора, повергший во прах могущество Саурона. Многие с гордостью вспоминали огромное войско Ар-Паразона, пришедшее из глубин моря. Тогда на самом высоком холме неподалеку от гавани был установлен громадный белый обелиск. На вершине его блистал хрустальный шар, вбивавший солнечный и лунный свет. Из Гондорских владений и из глубин Моря виден был его ослепительный блеск. Однако после второго возвышения Саурона обелиск был уничтожен.

После возвращения Эльдакара настоящих дунаданов становилось все меньше. Много их пало в сражениях, к тому же Эльдакар благоволил северянам, помогавшим ему вернуть корону, и Гондор наполнился пришельцами из Ровениона. Закат дунаданов не был быстрым, но остановить его не могло ничто. Дары Нуменора после падения Звездной Земли уходили из мира.

Эльдакар прожил 235 лет, правил 58, и десять из них провел в изгнании.

Вторая и несравненно большая беда пришла в Гондор в правление Телемнара, двадцать шестого Короля. Он был сыном Минардила и внуком Эльдакара. Минардил пал в битве с пиратами Умбара, предводительствуемыми правнуками Кастамира. Вскоре после этого с востока темные ветры принесли смертельный недуг. Умерла вся королевская семья, умерло множество жителей княжества и прежде всего — Остилиата. Малолюдно стало в Гондоре. Видимо, поэтому охрана границ Мордора ослабела, и крепости, следившие за перевалами, обезлюдели. Уже позже кто-то заметил, что именно в это время Завеса Тьмы сгустилась в Ясном Бору, там снова стали появляться лиходейские твари — верные признаки активности Саурона. Черный недуг косил и друзей, и врагов княжества, иначе Гондор не смог бы отстоять своих рубежей. Саурон ждал. Сейчас ему не нужен был Гондор, все его помыслы были направлены на восстановление Мордора.

Вместе с Телемнаром умерло и Белое Древо Минас Анора. Но Тарондор, племянник Короля, вновь посадил семя в Цитадели. Он навсегда перенес трон в Минас Анор. Остилиат был брошен и постепенно разрушался. Мало кто из его жителей остался в живых. Они ушли в Итилиен и не стремились обратно в город.

Тарондор рано взошел на престол, и, хотя его правление было самым долгим в Гондоре, он добился немногого. Это было время накопления утраченных сил. И вот уже его сын, Телумехтар, помня о смерти Минардила и возмущенный наглостью пиратов, совершавших набеги на его побережья до самого Анфаласа, собрал войско и в 1810 году взял Умбар штурмом. В этой битве пали последние потомки Кастамира, и Умбар на некоторое время вернулся под сень Короны. Телумехтар прибавил к своему имени титул Умбардакила. Но Гондор уже одолевали новые беды, и Умбар был снова потерян. Теперь им владели харадримы.

Третьим лихом в истории княжества стало вторжение кочевников. Силы Гондора, и без того иссякшие в бесконечных войнах, были окончательно подорваны.

Союз кочевых племен угрожал княжеству с востока. Кочевники были прекрасно вооружены, передвигались в огромных повозках, а их вожди бились на колесницах. По наущению Саурона они внезапно напали на Гондор, и Король Нармакил II пал в битве на берегах Андуина в 1856 году. Население восточного и южного Ровениона по-

пало в рабство, границы Гондора сжались до Андуина и Эмин Майл. (Думается, именно в это время в Мордор вернулись Призрачные Кольценоscopy.)

Калимехтар, сын Нармакила, отомстил за отца великой победой над вастаками в Дагорладе в 1899 году. На некоторое время опасность отступила. В правление Арафанта на Севере и Ондогера, сына Калимехтара, на Юге собрался первый за долгие годы совет северного и южного княжеств. Наконец-то многим стало ясно, чья рука направляет нескончаемые атаки на потомков Нуменора. В то время Арведуи, наследник Арафанта, женился на Фириэль, дочери Ондогера. Случилось это в 1940 году. Но до настоящего объединения было еще далеко. Ангмар по-прежнему угрожал Архедану, а в пределы Гондора с новыми силами вторглись вастаки.

Кочевники обошли Мордор с юга, заключили союз с народами Кханда и Ближнего Харада и атаковали Гондор одновременно с юга и с севера. В 1944 году Король Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Мораннона, и враг прорвался в Итилиен. Но Эарнил, командовавший Южным гарнизоном, разбил армию Харада, стремительным маршем продвинулся на север и напал на главный лагерь кочевников, когда они пировали в твердой уверенности, что Гондор пал и остается только собрать добычу. Эарнил захватил лагерь, сжег повозки, обратил врагов в бегство, причем множество их сгинуло в Гиблых Болотах.

Когда не стало Ондогера и его наследников, Князь Северного Княжества Арведуи предъявил права на корону Гондора. Он имел на это основания, как прямой наследник Исилдура и муж Фириэль, единственной оставшейся в живых дочери Ондогера. Однако притязания его были отвергнуты по настоянию Пелендора, Наместника Короля Ондогера.

Совет Гондора ответил: «Корона и правление Гондором принадлежат единственно наследникам Менельдила, сына Анариона, которому Исилдур препоручил это княжество. В Гондоре наследование происходит от отца к сыну, думаем, что и в Арноре действует тот же закон».

Арведуи возразил: «Два сына было у Элендила. Наследником должен был стать старший — Исилдур. Нам ведомо, что в основе родословного древа Королей Гондора стоит имя Элендила, Короля всех

владений дунаданов. При жизни Элендила сыновья вместе с ним правили югом, когда же Элендил пал, Исиддур занял место отца, а потом передал правление сыну своего брата. Он не отказался от короны Гондора и не хотел делить королевство.

В Нуменоре скипетр наследовал старший из детей Короля, будь он мужчиной или женщиной. Да, закон этот был нарушен в изгнании, потому что земли изгнанников часто тревожат войны, однако это закон нашего народа, и ныне мы обращаемся к нему, потому что сыновья Ондогера не оставили наследников».

(Король поведал нам, что этот древний закон возник в Нуменоре, ибо Тар-Альдарион, шестой Король, имел единственного ребенка — дочь. Она и стала первой правящей Королевой, Тар-Анкалимэ. Но до нее закон был иным. Тар-Элендилу, Четвертому Королю, наследовал его сын, Тар-Менельдур, хотя дочь Короля, Сильмариэль, была старшей. Элендил — ее потомок.)

Гондор не ответил ничего. Корону потребовал Эарнил, выигравший последнее сражение, и она была отдана ему с общего согласия, потому что был он королевского рода и выказал доблесть в сражении. Эарнил был сыном Сириондила, внуком Калиммасила и правнуком Аркириаса, брата Нармакила II.

Север не настаивал. У Арведуи не было ни сил, ни желания затевать междоусобную войну, но его притязания не забылись, даже когда настал конец Северного Княжества.

Арведуи, как следует из его имени, был Последним Князем. Говорят, что имя свое он получил при рождении от Мальбета Прорицателя, сказавшего отцу: «Арведуи назови его. Он будет последним в Архедане. Дунаданам предстоит выбирать. Избрав безнадежное, сыну твоему предстоит изменить имя и стать Королем великого королевства. Если этого не случится, будет великая скорбь, и много поколений уйдет, прежде чем дунаданы воспрянут и воссоединятся вновь».

После Эарнила в Гондоре тоже был только один Король. Возможно, с объединением Короны и Скипетра правление Королей продлилось бы надолго, и тогда удалось бы избежать многих бед...

Эарнил был мудрым правителем и не страдал высокомерием, но и ему, как и большинству гондорцев, Архедан казался слишком мал, несмотря на высокий род его князей. Он послал гонцов к Арведуи, сообщая, что принял Корону Гондора по законам и нуждам южного

княжества. «Но я не забыл о высоком достоинстве Арнора, не отрицаю нашего родства и не хочу отчуждения владений Элендила. Я приду на помощь, если в том будет нужда».

Не было мира в Среднеземье. Арведуи, как и Арафант до него, продолжал из последних сил сдерживать атаки Ангмара, и вот осенью 1973 года в Гондор пришло известие, что Архедан стоит на краю гибели и Король-Чародей готовится нанести ему последний удар. Эарнил быстро снарядил флот и послал его на север под командой своего сына, Эарнура. Помощь опоздала. Эарнур еще не достиг гаваней Линдона, когда Король-Чародей покорил Архедан, и Арведуи погибли.

Корабли Эарнура вошли в Серебристую Гавань. Эльфы и люди на берегу встретили его с изумлением и радостью. Огромные суда предстали их глазам, и их было так много, что всем не хватило места даже на рейде. С кораблей сошло на берег могучее войско, готовое вести войну, достойную великих королей древности. Так, во всяком случае, казалось северянам, хотя это был всего-навсего наспех собранный отряд, малая частица мощи Гондора. Более всего поразила собравшихся конница под командой прекрасных, гордых князей Ровениона.

Кирдэн Корабел собрал из Линдона и Арнора всех, способных носить оружие, войско перешло Луин и устремилось на север, бросая вызов Королю-Чародею. Говорят, он сидел тогда в Форносте, населив его сплошными злодеями и узурпировав княжескую власть. Он был настолько ослеплен недавней победой, что вышел навстречу наступавшим, рассчитывая быстро отогнать их за Синие Горы.

Войска Запада, пройдя через Сумеречный Кряж, развернулись в боевые порядки у озера Дрема и приняли на себя основной удар вражьих полчищ. Скоро воины Ангмара уже отступали к Форносту, и тут всадники Ровениона, зайдя с севера, нанесли могучий удар и превратили отступление в паническое бегство. Король-Чародей с трудом собрал остатки своих войск и попытался укрыться в Ангмаре. Но на его пути вдруг встали дунаданы под командованием самого Эарнура, а тут еще из Дольна подошло войско, предводительствуемое Глорфиндейлом, могучим эльфом из Перворожденных. В этой битве поражение Ангмара было сокрушительным и окончательным. В войске Короля-Чародея не осталось ни человека, ни орка.

Когда исход битвы был уже ясен, на поле боя появился сам Король-Чародей. Он ехал в черной мантии на черном коне, и лицо его было

скрыто под черной маской. При виде его людей поражал страх, руки опускались, а ноги переставали служить воинам. В смертельной ненависти к победителям Король-Чародей избрал своим противником сына Короля Гондора и, испустив леденящий сердца вопль, поскакал к нему. Эарнур был доблестным воином и выстоял бы, но его подвел конь: он встал на дыбы и унес всадника прежде, чем тот совладал с ним.

Король-Чародей рассмеялся так страшно, что у всех на поле кровь застыла в жилах. Но тут белый конь вынес вперед Глорфиндейла. Грозный витязь приближался, не спуская пристального взгляда с Короля-Чародея. И тот оборвал смех, повернул коня и, обратившись в бегство, скрылся во тьме. На поле битвы быстро пала ночь, и никто не знал, куда умчался хозяин Ангмара.

Эарнур, умирив коня, вернулся, но Глорфиндейл, глядя в стужавшийся мрак, сказал: «Не преследуй его! В эти земли он больше не вернется. Не скоро пробьет его час, и смерть он примет не от руки воина». Слова эти запомнились, но едва удержали Эарнура, рвавшего-ся отомстить за свой позор.

Так кончилось время королевства Ангмар и так Эарнур навлек на себя смертельную ненависть Короля-Чародея; но это стало ясно спустя многие годы.

Король-Чародей после поражения у озера Дрема бесславно вернулся в Мордор и собрал там других Кольценосцев под свое начало. Но только в 2000 году они скопили достаточно сил, чтобы, покинув Мордор, перейти перевал Кирит Унгол и осадить Минис Итиль. Через два года они взяли крепость и завладели ее Палантиром. На протяжении всей Третьей Эпохи Минас Итиль оставался средоточием ужаса и был переименован в Минас Моргул. Его окрестности полностью обезлюдели.

Эарнур был, несомненно, славным воином, но большой мудростью похвастаться не мог. Он так любил сражения и воинские утехы, что не обзавелся семьей. На ристалище ему не было равных, и он удивительно долго сохранял мощь рук и выносливость бойца.

В 2043 году он принял корону и тогда же получил вызов от владыки Минас Моргула, напоминавшего новому Королю о бесславном происшествии много лет назад далеко на севере. Советнику Мардилу едва удалось отговорить Короля от поединка. К этому времени Минас

Анор стал столицей княжества и резиденцией Королей и принял новое название: Минас Тирит, Крепость Страж.

Прошло семь лет, и правитель Минас Моргула повторил свой вызов, говоря, что к робкому сердцу юности Король прибавил немощь старости. Тут уж никто не в силах был удержать Короля. С небольшим отрядом он поскакал к воротам Минас Моргула и сгинул навеки. В Гондоре говорили, что враги заманили Короля в ловушку и он умер под пыткой в зловещей крепости, но достоверных вестей о его смерти не было, и Гондором долго правил от имени Короля Наместник Мардил.

Наследников королевских кровей оставалось мало. Кое-кто, забыв о своем происхождении, брал в жены женщин других народов, некоторые ушли в Умбар и присоединились к непокорным. Вот так и получилось, что на этот раз потребовать корону было некому. Никто не хотел новых распрей. Проходили годы, Наместники продолжали править страной, а корона Элендила покоилась на коленях короля Эарнила в святилище, где оставил ее Эарнур.

Наместники

Род Наместников вел начало от Наместника Короля Минардила (1621–34), Хурина из Эмин Арнена, в жилах которого текла чистая кровь нуменорских воинов. После Пелендура потомки Хурина наследовали наместничество так же, как и сами Короли. Каждый новый Наместник, вступая в должность, давал клятву «хранить жезл и править именем Короля, покуда он не вернется». Власть Наместника была столь же полной, как и королевская, но многие в Гондоре продолжали верить, что придет время, когда Король вернется. А кое-кто нет-нет да и вспоминал древнюю Северную ветвь, которая, по слухам, еще сохраняла жизнь где-то там, в тени и забвении. Но Наместники-правители не поощряли таких мыслей. И все же старинные традиции не нарушались: древний трон был пуст, корона и скипетр покоились на своих местах, а над городом реяло белое знамя без гербов и знаков. Знамя же Королей от века было черным, и на нем, осененное семью звездами, цвело Белое Древо.

Между правлением Мардила и Денетора II сменилось двадцать пять Наместников. Поначалу, во времена Бдительного Мира, правле-

ние их было спокойным — Саурон отступил перед силами Совета Светлых, а призрачные Кольценосцы затаились в Моргульской долине. Но уже после Денетора I мира по-настоящему не было, и если Гондор не воевал открыто, то границам его непрерывно кто-то угрожал.

В последние годы правления Денетора I в Мордоре впервые появились уруки — могучие черные орки-великаны. В 2475 году они пересекли Итилиен и захватили Остилиат. Боромир, сын Денетора (в его честь был позже назван Боромир из Отряда Хранителей), разбил их, отвоевал Итилиен, но Остилиат был окончательно разрушен. Людей там не осталось. Боромир стал великим полководцем, даже Король-Чародей опасался его. Благородный, прекрасный лицом, он был наделен огромной силой и стальной волей, но в той войне он был ранен моргульским клинком. Рана укоротила его жизнь, он умер, лишь на двенадцать лет пережив отца.

Началось долгое правление Кириона. Он был бдителен и осторожен, но сил хватало только на защиту границ, и влияние Гондора постепенно падало. Враги, направляемые тайной грозной силой, уже готовили удары, которым Кирион не в состоянии был помешать. Пираты осаждали берега, но главная опасность грозила с севера. На обширных землях Ровениона, между Сумеречьем и Быстрицей, жил теперь яростный народ, вобравший в себя злобу близкого Дол Гуддура. Они часто совершали набеги на долину Андуина южнее Оболони, пока совершенно не разорили эти земли. Звались они балкоты и пришли некогда с востока, вытеснив народ Каленардона. Кириону с большим трудом удавалось держать границы по Андуину.

Томимый дурными предчувствиями, Кирион послал за помощью на север, но было поздно. В 2510 году враги, собрав множество плотов и лодок, переправились через Андуин и сильно потеснили защитников Гондора. Шедшее на подмогу с юга войско было остановлено за Светлимой и подверглось нападению орды горных орков. Положение было отчаянным. И тут с севера пришла помощь, на которую уже перестали надеяться. Гондор впервые услышал рога рохирримов. Это подоспел Йорл Юный. Всадники обратили врага в бегство и гнали балкотов через весь Каленардон, пока не истребили всех. Кирион пожаловал отвоеванные земли Йорлу, а тот ответил Клятвой Йорла — клятвой дружбы и помощи в нужде по зову Правителей Гондора.

Во дни Берена, девятнадцатого Наместника, Гондор испытал настоящую осаду. Три огромных флота из Умбара и Харада высадили в нескольких местах сразу большие отряды. Одновременно с запада и с востока были атакованы земли рохирримов, им пришлось уходить в долины Белых Гор.

В тот год (2758) стояла Долгая Зима. Пять месяцев длились холода с обильными снегопадами. В сражениях пал Хельм Роханский вместе с сыновьями; мор царил в Эриадоре и Рохане. Но к югу от гор дела шли не так плохо. Еще до прихода весны Берегонд, сын Берена, сумел потеснить захватчиков. Он сразу послал отряды на помощь Рохану. Берегонд был одним из лучших Правителей Гондора, и когда он принял власть от отца, а случилось это в 2763 году, Гондор начал восстанавливать былое величие. А вот Рохан долго не мог оправиться от причиненных бед. Потому-то Берен и приветил Сарумана, а позже отдал ему ключи от Ортханка. С 2759 года Саруман постоянно жил в Изенгарде.

В правление Берегонда в Мглистых Горах вспыхнула война между гномами и орками (2793—9). С переменным успехом она продолжалась пять лет. Наконец гномы взяли верх, и орки, прокатившись по окраинам Рохана, попытались закрепиться в Белых Горах. Места эти потом долго слыли опасными.

После кончины Белектора II, двадцать первого Наместника Гондора, неожиданно умерло Белое Древо Минас Тирита. Семя найти не смогли, но срубить Дерево не осмелились, и оно осталось стоять «пока не вернется Король».

При Турине II враги Гондора снова зашевелились, ибо росла мощь Саурона и близился день, когда он должен был заявить о себе во всеуслышание. Почти все население Итилиена переселилось на запад, спасаясь от наводнивших край моргульских орков. Именно Турин приказал устроить тайные укрытия в Итилиене. Одно из них, Хеннет Аннун, сохранилось и поныне. Для защиты Анориена был укреплен остров Кеир Андрос (название это означает «белопенный корабль», ибо остров походит на огромный корабль с высоким носом, обращенный на север. О его острые скалы разбивается белая пена Андуина). Но главная опасность грозила с юга. Харадримы заняли весь Южный Гондор и с огромными силами вторглись в Итилиен. Тогда король Фолквайн Роханский исполнил Клятву Йорла и отправил на подмогу

княжеству своих воинов. С их помощью Турин одержал победу, но за нее заплатили жизнью оба сына Фолквайна. Всадники погребли их по обычаю своего народа, и теперь, близнецы в жизни, они лежат в одном кургане. Давно стоит он на высоком берегу реки, и враги Гондора страшатся пролагать свои пути у его подножия.

После Турина правил Таргон. За два года до его смерти Саурон вновь заявил о себе. Он прибыл в Мордор, где его давно ждали. Вновь поднялись к небу твердыни Барад Дура, вновь Ородруин окутало багровое пламя, а немногочисленные жители Итилиена вновь спешно покидали его пределы. После смерти Таргона Саруман занял Изенгард и начал укреплять его.

Сын Таргона, Эктелион II, был мудрым правителем. Он много сил отдал укреплению своих владений, предвидя новые атаки Мордора. Он приглашал к себе на службу многих умелых и достойных людей из других земель и тем, кто был верен, щедро раздавал награды и титулы. Его первейшим советником во всех делах был замечательный полководец Торонгил, Звездный Орел. Такое прозвание он получил за быстроту и зоркость. Плащ его украшала серебряная звезда. Настоящего его имени никто не знал. Ведомо было лишь, что пришел он в Гондор из Рохана, где служил Королю Тенгелю, но рохирримом не был. Он оказался великим полководцем на суше и на море, но ушел в сумрак прежде, чем закончились дни Эктелиона.

Торонгил часто обращал внимание повелителя на силы Умбара. Он считал их основной угрозой Гондору, и прежде всего, его южным владениям. Он предупреждал, что если Саурон решится на открытую войну, Умбар может нанести удар в спину. Эктелион внял его доводам, и вскоре Торонгил с небольшим флотом скрытно подошел к Умбару под покровом ночи и сжег большую часть пиратских кораблей. В короткой яростной схватке на причалах он убил главаря пиратов и привел свой флот назад с малыми потерями. Однако, вернувшись в Пеларгир, отважный воин не вошел в Минас Тирит, а послал Эктелиону слова прощания: «Иные дела зовут меня, Правитель. Я вернусь в Гондор, если позволит судьба, но вернусь очень не скоро». Никто не ведал, какие дела призывали его, какой знак он получил, зато известно, куда лежал его путь. Он переправился на лодке через Андуин, простился с товарищами и, не оборачиваясь, ушел к Хмурым Горам.

Уход Торонгила был огромной потерей для Гондора, и только Денетор, сын Эктелиона, отнесся к этому, казалось, равнодушно. Спустя четыре года, после смерти отца, он принял правление.

Горд, высок и доблестен был Денетор II, давно ни один Правитель не являл такого истинно королевского достоинства, к тому же он был мудр, дальновиден, знал и любил книги. Он удивительно походил на Торонгила обликом; видимо, его удручало, что в сердцах людей, да и в сердце отца он занимал второе место, уступая пришельцу без роду, без племени. Тогда многие думали, что Торонгил ушел, не дожидаясь, пока соперник станет господином, хотя сам Торонгил никогда не соперничал с сыном Наместника, а был лишь слугой Эктелиона. Но советовали они разное: Торонгил не раз предупреждал Эктелиона, чтобы он не слишком доверял Саруману Белому, хозяину Изенгарда, и что советы Гэндальфа Серого не в пример мудрее и дальновиднее. Денетор же не любил Гэндальфа, и после смерти Эктелиона Серого Странника не жаловали в Минас Тирите. Спустя много лет те, кто помнил давние дела, говорили, что Денетор уже тогда знал, кем на самом деле был Торонгил, и подозревал их с Гэндальфом в заговоре против власти Наместника.

Денетор принял правление в 2984 году и сразу показал себя властным правителем, крепко держащим страну в руках. Говорил он мало, советы выслушивал, но делал все по-своему. Он женился поздно, в 2976 году, на Финдуилас из Дол Амрота. Это была на диво красивая женщина удивительно мягкого характера, но спустя двенадцать лет она умерла. Денетор любил ее, по-своему, конечно, но больше, чем всех остальных, кроме разве старшего сына. Ей трудно было жить в вечно настороженном, сплошь каменном городе после вольных приморских долин своего родного края. Завеса Тьмы ужасала ее, и все последние годы снедала тоска по морю.

С ее смертью Денетор стал еще более суровым и молчаливым. Он теперь часто проводил время в башне, глубоко уйдя в думы, провидя скорое нападение Мордора. Позже выяснилось, что в гордыне и отчаянии, уповая на свои силу и волю, дерзнул он однажды взглянуть в Палантир Белой Крепости. Ни один из Наместников, ни даже Короли Эарнил и Эарнур не решались на это с тех пор, как после падения Минас Итиля Палантир Исидура попал в руки Врага, ведь в Минас

Тирите хранился Палантир Анариона, связанный с камнем, которым владел теперь Саурон.

Народ дивился мудрости Наместника, всегда знавшего о делах и в своих владениях, и далеко за их пределами. Но Денетор дорого платил за свое всеведение. В борьбе с волей Саурона он состарился до срока, но вместе с отчаянием в нем росла и гордыня: со временем ему стало казаться, что в мире существует только борьба Властелина Белой Крепости с Черным Властелином. Он больше не доверял другим врагам Всеобщего Врага, если только они не служили ему самому.

Близилась Война Кольца. Сыновья Денетора мужали. Старший, Боромир, был любимцем отца. Он походил на родителя лицом, был подобен ему в гордости, однако во всем остальном он напоминал скорее Короля Эарнура, воина, отдавшего весь пыл своей души сражениям и оружию. Младший, Фарамир, был совсем другим. Как и его отец, он легко читал в сердцах людей, но не презрение испытывал к ним, а жалость. Он был мягок в обращении, любил музыку и книги, и хоть в мужестве не уступал брату, было оно не таким явным. Славы в бесцельном риске он никогда не искал. Всякий раз, когда в Город приходил Гэндальф, Фарамир бывал очень рад ему. Он многое почерпнул из его мудрости, чем не мог не вызвать недовольство отца.

В детстве Боромир был младшему брату помощником и защитником, между ними не было и тени соперничества. Возмужав, они продолжали любить друг друга. Фарамиру казалось невозможным, чтобы кто-нибудь в Гондоре мог сравниться с Боромиром, наследником Денетора, Стражем Белой Крепости... Боромир думал так же. Правда, на поверку все вышло иначе, но об этом рассказ в другом месте. А после Войны Кольца кончились дни Правителей и Наместников, ибо вернулся наследник Исиддура и Анариона. Теперь стяг с Белым Древом вновь реял над Башней Эктелиона.

(5) Повесть об Арагорне и Арвен

Арадор был дедом Короля. Его сын, Арахорн, посватался к Гилразнь Прекрасной, дочери Дирхаэла, потомка Аранарха. Дирхаэл был против этой женитьбы, ибо слишком молода была Гилразнь и не достигла еще возраста, когда дунаданские женщины выходили замуж.

— А кроме того, — говорил Дирхаэл, — Арахорн — муж суровый и зрелый. Он станет вождем скорее, чем думают люди, но только чувствую я, что недолог срок его жизни.

На это Иворвейн, жена его, владевшая даром провидения, возразила:

— Тем более надо спешить. В мире темнеет перед бурей, грядут великие события. Если они поженятся сейчас — для нашего народа еще есть надежда, а если промедлят — все кончено.

Не прошло еще и года совместной жизни Арахорна и Гилразнь, как Арадор был схвачен горными троллями и убит, и тогда Арахорн стал вождем дунаданов. Еще через год родился сын; ему дали имя Арагорн. Счастливое детство его длилось недолго. Через два года Арахорн пошел с сыновьями Элронда в поход против орков и был сражен орочьей стрелой. К этому времени ему исполнилось только шестьдесят лет.

Арагорн, ставший теперь Наследником Исилдура, был принят в доме Элронда, заменившего ему отца. Но в Дольне Арагорн получил новое имя: Эстель — Надежда, а его истинное имя и происхождение по настоянию Элронда сохранялись в тайне. Мудрым ведомо было стремление Врага отыскать Наследника Исилдура, если только он есть на свете.

Двадцать лет от роду было Арагорну, когда он, вернувшись после славных дел в отряде Элладана и Элрохира, предстал перед Элрондом. Владыка Дольна был рад. Он видел перед собой прекрасного и благородного, рано возмужавшего воина, достойного высокого прошлого своего народа. В этот день Элронд назвал его настоящим именем, поведал о его происхождении и вручил реликвии его дома.

— Вот Кольцо Барахира, — сказал он, — знак королевской власти, а вот обломки Нарсила. Тебя ждут великие дела и долгая жизнь, если ты устоишь перед испытаниями. В Дольне останется Скипетр Ануминоса, тебе еще предстоит заслужить его.

На другой день, на закате, Арагорн бродил по лесу и пел. Душу его переполняли надежды, и мир был прекрасен. Внезапно он увидел деву, идущую меж белых березовых стволов, и застыл, пораженный: он решил, что на него снизошел дар древних эльфийских певцов, дававших возможность слушателям увидеть то, о чем они поют.

Арагорн пел о встрече Берена и Лучиэнь в лесах Нэлдорета. И вот сама Лучиэнь проходит мимо него здесь, в Дольне. В серебристо-

голубой мантии она была словно сумерки Благословенного Края, темные волосы летели по ветру, в них как звезды мерцали алмазы.

Боясь, что это дивное видение сейчас исчезнет, Арагорн осмелился окликнуть ее.

— Тинувиэль! — позвал он точно так же, как некогда Берен.

Дева обернулась к нему с улыбкой и спросила:

— Кто ты? И почему называешь меня этим именем?

— Потому что ты и есть Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты — не она, значит — она воплотилась в тебе.

— Так многие говорят... Но это не мое имя, хотя, быть может, моя судьба окажется схожей с ее. Но кто ты?

— До недавнего времени меня звали Эстель. Но я — Арагорн, сын Арахорна, Наследник Исилдура и Предводитель Дунаданов, — говоря это, он чувствовал, что высокое происхождение, которому еще недавно радовалось его сердце, теперь потеряло всякую ценность и померкло рядом с достоинством и красотой девушки.

А она в ответ весело рассмеялась:

— Тогда мы с тобой дальние родичи. Я — Арвен, дочь Элронда. Меня зовут еще Ундомиэль.

— Когда приходит опасность, — задумчиво произнес Арагорн, — люди часто прячут самое ценное для себя. Мне странно: я жил в доме у Элронда с детства, его сыновья были моими братьями, но я ничего не слышал о тебе. Почему же мы не встретились раньше? Тебя прятали?

Прежде чем ответить, девушка долгим взглядом окинула Горы, вздымавшиеся на востоке.

— Меня никто не прятал. Я жила у родных матери, в далеком Лотлориене, и совсем недавно вернулась навестить отца. Я очень долго не видела Имладриса.

Арагорн удивился. Она казалась не старше его годами, а ведь ему едва исполнилось два десятка лет. Арвен посмотрела ему прямо в глаза и тихо промолвила:

— Ты напрасно удивляешься. У детей Элронда жизнь эльфов.

Мудростью долгих лет и нездешним светом сияли глаза Арвен. Смутился Арагорн и отвел взгляд, но с этого часа навсегда полюбил дочь Элронда.

Он сделался молчалив и задумчив, и скоро обеспокоенная мать сумела выспросить сына о встрече в лесу.

— Высока твоя цель, — вздохнула Гилразнь, — хоть предки твои и были великими Королями. Твоя избранница — самая благородная и прекрасная дева Среднеземья. Ты — смертный, она — эльф, неравным был бы ваш брак.

— Но если правдива повесть о наших предках, так уже бывало в мире, — горячо воскликнул Арагорн.

— Повесть правдива, но говорится в ней о далеком прошлом, о той Эпохе, когда род наш был истинно велик и никто не помышлял об упадке. А теперь он вот-вот угаснет совсем. Только доброе расположение Владыки Элронда поддерживало до сих пор наследников Исилдура, а в том, что ты задумал, Элронд тебе не помощник.

— Значит, мне предстоят горькие дни и одинокие скитания в глуши, — опустил голову, глухо ответил Арагорн.

— Да, это твоя судьба, — подтвердила Гилразнь. Она владела даром провидения, но ничего не сказала сыну, так же как никому не поведала об их разговоре.

Но в пределах Дольна ничто не могло укрыться от Элронда. Однажды, на исходе года, он призвал к себе Арагорна и сказал:

— Послушай, Арагорн, сын Арахорна, последний вождь дунадамов! Перед тобой лежит дорога твоей судьбы, и суждено ли тебе превзойти величием самого Элендила или стигнуть во тьме с немногими оставшимися рыцарями — знак величия равно отличает твой путь. Через долгие годы суровых испытаний идти тебе, поэтому прими мой совет: не связывай себя клятвой с женщиной до тех пор, пока не пробьет твой час.

— Значит, мать рассказала вам?.. — взволнованно воскликнул Арагорн.

— Твоя мать здесь ни при чем. Тебя выдают глаза. Но сейчас я говорю не о моей дочери, а о смертных женщинах. Что же до Арвен, Вечерней Звезды Имладриса, ее род славнее и выше твоего, а век — куда более долог. Ты рядом с ней как росток у подножия взрослого дерева. Если же я ошибаюсь и ее сердце обращено к тебе, что ж, тем большей будет моя скорбь. Пока я здесь, время не властно над Арвен, а когда уйду, она уйдет со мной, если захочет.

— Теперь я вижу, — задумчиво проговорил Арагорн, — что выбрал драгоценность не меньшую, чем некогда Берен. Значит, такова моя судьба.

И здесь вещий дар предков раздвинул перед молодым рыцарем завесу времен, и он вдохновенно произнес:

— Но вот что скажу я, Владыка Элронд! Близок срок, когда придется тебе оставить Среднеземье, а твоим детям решать: оставаться здесь или уходить за море.

— Это так, — спокойно кивнул Элронд. — Срок близок, но близок по нашему счету, а для смертных пройдет еще немало лет. Арвен не нужно будет выбирать, если только ты не встанешь меж нами, и тогда одному из нас — либо мне, либо тебе — предстоит разлука, которая горше смерти. Ты не понимаешь пока, как много требуешь от меня... Но пусть будет то, что должно быть. Не скоро мы вернемся к этому разговору, потому что в мире темнеет, и на пороге тяжелые испытания.

На другой день Арагорн простился с Дольном и один ушел в Пустоземье. Тридцать лет он провел в трудах и подвигах, в борьбе с Сауроном. Он стал другом Гэндальфа Серого, и дружба эта принесла ему много мудрости. Вместе совершили они немало опасных походов, но с годами путь его все чаще бывал одинок. Долгими и опасными дорогами шел он, и постепенно лицо воина приняло суровое, замкнутое выражение, лишь изредка улыбка оживляла его. Людям, с которыми ему доводилось встречаться, часто приходило в голову, что перед ними неизвестный король, лишившийся трона. Но так бывало только с теми, перед кем он не скрывал своего истинного облика. В разных местах и под разными именами снискал он немалую славу. Приходилось ему скакать под знаменами Рохана, приходилось обнажать меч за Наместника Гондора на суше и на море, но неизменно, когда наступал час победы, Арагорн уходил от заслуженной славы, и дороги уводили его на Восток или на Юг, к новым сражениям с Врагом.

В стойкости и боевом искусстве он не знал себе равных, он был мудр, как эльф, и в глазах его мерцал нездешний свет. Мало кто способен был вынести его взгляд. Печальным и суровым стало его лицо, но в глубине души жила надежда, она скрашивала его одиночество и приносила утешение.

Однажды, в год своего сорокадевятiletия, Арагорн возвращался из опасного похода к рубежам Мордора. Он устал и намеревался пожить немного в Дольне, собраться с силами перед долгим походом на Юг. Путь его лежал возле границ Лориена, и неожиданно он получил приглашение его Владычицы посетить тайные земли.

Он не мог знать, что Арвен снова гостит здесь. Прошедшие годы почти не коснулись ее, только тень печали легла на лицо, и смех стал звучать реже.

Арагорн был в расцвете духовных и физических сил. Галадриэль посоветовала ему сменить поношенную дорожную одежду на белое с серебром одеяние, накинула на плечи эльфийский плащ. А когда он надел на лоб легкий обруч с ясным алмазом в центре, облик его обрел разительное сходство с Перворожденными Эльфами, пришедшими на заре мира с Заокраинного Запада. Таким он и предстал перед Арвен после долгих лет разлуки. И когда он приблизился к ней под зеленым сводом Карас Галадона, расцвеченным золотыми цветами, исполнился час их судьбы.

Долго бродили они вдвоем в лугах Лориена. И верно, бродили бы вечно, но Арагорну пришло время уходить. Однажды на закате, в Середине Лета, они поднялись на Керин Амрот. Вокруг в вечнозеленой траве мерцали мягким золотом цветы эланора. С вершины холма они взглянули на восток, во Тьму, потом на запад, где еще горела заря, и дали друг другу клятву.

Так звучали слова Арвен:

— Над Миром поднимается Завеса Тьмы, а мое сердце ликует, потому что тебе, моему избраннику, суждено развеять ее.

И Арагон отвечал:

— Будущее сокрыто от меня, но если веришь ты — верю и я. Тьма ненавистна мне, но и Запад не влечет, ибо я смертен. Если ты избрала меня, тебе тоже придется отказаться от удела, сужденного твоему народу.

Подобно Белому Древу стояла Арвен, глядя на запад, и после долгого молчания сказала:

— Я буду верна тебе, Дунадан. Я отказываюсь от Запада, но там моя родина и вечный дом всех моих близких...

Элронд молча принял выбор любимой дочери. Дождавшись возвращения Арагорна, он призвал его и сказал:

— Итак, между нами легла тень. Сын мой, наступили годы, когда для надежды почти уже не осталось места. Темны времена, и я ничего не вижу за ними. Быть может, с моей дочерью возродится в Среднеземье царствование людей, но, как бы я ни любил тебя, скажу: для малого Арвен Ундомизель не станет менять хода своей судьбы. Только Король Арнора и Гондора сможет стать ее мужем. Для меня даже в твоей победе будет привкус горечи, но вам она принесет радость... на время. Боюсь, что, в конце концов, Бремя Смертных покажется Арвен слишком тяжким.

Больше они не возвращались к этому разговору. Арагорн снова ушел. В мире стремительно темнело, страх окутывал Среднеземье, росла мощь Саурона, и бастиионы Барад Дура вздымались все выше и выше. Арвен оставалась в Дольне. Она издалека следила за Арагорном и вышивала знамя для того, кто предъявит права на трон Гондора и наследие Элэндилла.

Прошло несколько лет. Гилразнь простилась с Владыкой Элрондом и вернулась к своему народу. Она редко виделась теперь с сыном, но вот в одно из его возвращений она сказала ему:

— Это наше последнее свидание, Эстель, сын мой. Заботы состарили меня до времени, и теперь, когда Тьма снова нависла над Среднеземьем, у меня уже нет сил бороться с ней. Скоро я покину этот мир.

Арагорн, пытаясь утешить ее, сказал:

— Но ведь за тьмой придет рассвет. Дождись его, он принесет радость.

Она ответила только:

— *Онен и-Эстель Эдайн, у-хэбин эстель аним**.

Арагорн покинул ее с тяжелым сердцем. В конце зимы Гилразнь умерла.

А между тем время подошло к Войне Кольца. О ней довольно сказано в другом месте: о том, как сбылись самые отчаянные надежды, как в самый тяжелый час Арагорн пришел с моря и поднял в битве на полях Пеленнора знамя, вышитое руками Арвен, и как его впервые провозгласили Королем. Он принял Корону Гондора и Скипетр Арнора, а немного позже получил и руку Арвен.

* Я отдала свою Надежду дунаданам и ничего не оставила себе (эльф.).

Так великой победой завершилась Третья Эпоха, но самым печальным в ее окончании было прощание Элронда с дочерью, ибо их разделили Море и Судьба. Даже за гранью мира не встретиться им больше.

Когда Кольцо Всевластья было уничтожено, Три Кольца тоже лишились силы, и Элронд, уставший от груза веков в сердце, ушел на Запад, чтобы никогда больше не вернуться. Арвен приняла удел смертных, но смерть не властна была над ней, покуда не ушло все, что получила она от жизни.

Королевой Людей и Эльфов в блаженстве и славе прожила она с Арагорном сто двадцать лет.

Долгой была жизнь Арагорна, но и она подошла к концу. Тогда обратился он к Арвен с такими словами:

— Прекраснейшая в этом мире, любимая, тает мой мир. Мы славно жили, но приходит время платить по счетам.

Нетрудно было понять, о чем он говорит, Арвен ждала этих слов, и все же печаль охватила ее.

— Неужели ты хочешь покинуть свой народ до срока? — спросила она.

— Если сейчас я не уйду сам, скоро мне придется уйти. Наш сын, Эльдарин, уже может принять правление.

Арагорн спустился в Усыпальницу и возлег на давно ожидавшее его ложе. Здесь простился он с сыном, передав ему Корону Гондора и Скипетр Арнора, а потом рядом с ним оставалась только Арвен. Ни мудрость, ни королевское достоинство не смогли сдержать ее просьб повременить немного, обращенных к Арагорну. Жизнь еще не утомила ее, и удел смертных, принятый на себя добровольно, казался горькой участью.

— Любимая моя, — молвил Король, — суров час, но пробил он давно. И под березами Дольна, и на Керин Амрот нам ведомы были наши судьбы. Спроси себя, неужели ты хочешь дождаться, пока я выроню Скипетр от слабости? Нет, Арвен, я — последний нуменорский Король, и мне дарована не только долгая жизнь, но и право вернуть дар. Я ухожу. Я не утешаю тебя, потому что неизбывно горе в этом круте мира. Но у тебя по-прежнему есть выбор: ты можешь уйти в Серебристую Гавань и унести на Запад память о днях нашей жизни, сделав ее вечноживой, но это будет только память, а можешь принять долю Людей.

— Выбор сделан, — ответила Арвен, — мой корабль давно уплыл, и я приму удел смертных, хочу того или нет. Но вот что должна я

сказать тебе, мой Король. До сего дня я не понимала повести о твоём народе и его падении, не понимала и поэтому свысока смотрела на нуменорцев, теперь мне жаль их. Если смерть действительно, как говорили в Эльдамаре, дар Единого Людям, горько принимать его.

— Это только кажется, — улыбнулся Арагорн. — Мы, отвергшие Тьму, отказавшиеся от Кольца, устоим и перед последним испытанием: уйдем в печали, но не в отчаянии. Слушай! *Не навек привязаны мы к кругам мира, и за ними — больше, чем память.* Прощай!

— Эстель, Эстель! — воскликнула она, но он в ответ только молча поцеловал ее руку и погрузился в сон.

Неведомая доселе красота облекла вскоре его черты; дивились видевшие его, ибо в лице Короля сошлись свежесть юности, доблесть зрелости и мудрость прожитых лет. И долго лежать ему там в славе и почете — подлинному Королю Людей.

Когда Арвен вышла из Усыпальницы, она показалась людям холодной и печальной, как зимние беззвездные сумерки. Вскоре она простилась с сыном и дочерьми и навсегда покинула Минас Тирит. Она вернулась в Лориен и жила там одна среди увядающих мэллорнов, пока не пришла зима. Давно уже не было Галадриэль, и Келеберн ушел за Море; молчали земли некогда Благословенного Края.

Когда с мэллорнов облетела последняя листва, она прилегла отдохнуть на Керин Амрот и там покоится с тех пор. Мир меняется, дни ее жизни забыты новыми людьми, и золотой эланор не цветет больше к востоку от Моря.

На этом кончается последнее из преданий древности, собранных в этой книге.

II. Дом Йорла

Йорл Юный правил Людьми Йотеода. Его страна располагалась у истоков Андуина, между самыми дальними отрогами Мглистых Гор и северными окраинами Сумеречья. Йотеоды заселили эти области во дни Короля Эарнила II, придя из долины Андуина между Кэрроком и Оболонью. По происхождению были они сродни Бьорнингам и Людям из западных лесов. Род Йорла восходил к королю Ровениона, еще до нашествия кочевников правившему землями за Сумеречьем.

Таким образом, Йотеоды не без основания считали себя состоящими в родстве с королями Гондора — потомками Эльдакара. Они любили вольные степи, ценили коней, но в среднем течении Андуина стало слишком тесно, да и тень Дол Гулдура постепенно наползала на эти земли. Поэтому, прослышав о свержении Короля-Чародея, отправились Всадники в поисках свободных земель на север и быстро изгнали оттуда оставшихся ангмарцев. Во дни Леода, отца Йорла, это был многочисленный народ; но многие из них тосковали по родине.

В 2510 году Третьей Эпохи орды дикарей с северо-востока прокатились через Ровенион и Бурые Земли, а потом переправились на плотах через Андуин. Почти одновременно (едва ли случайно) в Гондор вторглись горные орки (до войны с гномами они представляли реальную военную угрозу). Когда был захвачен Каленардон, Правитель Гондора послал на север за помощью. Но к этому времени людей в долине Реки оставалось немного, их небольшие поселения мало общались друг с другом, и помощь от них не пришла. Как только до Йорла дошли вести о бедах Гондора, он немедленно выступил во главе большого отряда Всадников.

Йорл успел к битве на Полях Келебранта — зеленой страны между Серебрянью и Светлимой. Там северная армия Гондора, только что выдержавшая тяжелое сражение в степях, оторвавшаяся от южных войск, попала под удар превосходящих сил орков. Казалось, гондорцам уже не сдержать натиск. Но именно в этот момент Всадники обрушили на тылы противника неожиданный и сокрушительный удар, орки бежали за Светлиму и никак не могли остановиться, преследуемые воинами Йорла по всему Каленардону, к этому времени совсем обезлюдевшему сначала от моровой напасти, а потом — от набегов вастаков. Кирион в благодарность за помощь отдал Каленардон Йорлу. Всадники доставили с севера жен с детьми и начали обживать на новых землях. Гондорцы называли страну Рохан, а ее жителей — рохирримы, Повелители Коней. Так Йорл стал первым королем Рохана, свободной страны, живущей по собственным законам, но в вечном союзе с Гондором.

Имена многих отважных воинов, многих прекрасных женщин звучат в песнях Рохана. В памяти Йорлингов навсегда остались Фрумгар, который привел народ в Йотеод, сын его Фрам, убивший великого дракона Ската с Эред Митрин. Драконьи сокровища, добытые Фрамом, стали причиной длительной распри с гномами,

когда-то ограбленными Скатом и теперь требовавшими своей доли. Фрам не дал им ни полушки, отослав вместо этого ожерелье из драконьих зубов со словами: «Нет в ваших сокровищницах таких камней и не будет, ибо нелегко они достаются». Поговаривали, что злопамятные гномы убили Фрама. Во всяком случае, особой дружбы между Йотеодом и гномами ни в какие времена не было.

Как уже говорилось, отца Йорла звали Леод. Он укрощал диких коней и однажды поймал белого жеребенка, быстро выросшего в прекрасного гордого коня. Конь не смирился с неволей и никого не подпускал к себе. Когда Леод все-таки оседлал строптивца, конь унес его прочь, долго скакал по степи и в конце концов сбросил так, что Леод разбил голову о камни и умер. В ту пору ему исполнилось сорок два года, а сыну не было еще и шестнадцати.

Йорл решил отомстить за отца. Долго охотился он за конем и наконец выследил. Те, кто был с Йорлом, ждали, что, подкравшись на расстояние выстрела, он убьет коня, но вместо этого Йорл встал во весь рост и громко окликнул животное: «Подойди сюда, Проклятые Людей! Подойди, я дам тебе новое имя!» К общему удивлению, конь, увидев Йорла, подошел и остановился перед ним.

— Я нарекаю тебя Фелароф, — сказал ему Йорл. — Ты любил свободу, я не виню тебя за это, но требую виру за отца. Отныне твоя свобода принадлежит мне, и так будет, пока ты не испустишь последний вздох.

Йорл сел на коня, и Фелароф смирился. Йорл так и приехал на нем домой без узды и поводьев и с тех пор уже никогда не пользовался ими. Конь понимал человеческую речь, но подчинялся только Йорлу. Именно Фелароф нес Йорла к Полю Келебранта. Долог был век этого удивительного коня, он почти сравнялся с человеческим. Его потомки звались «меарас» и служили только королям Рохана и их сыновьям. Люди говорили, что Бема (так звали рохирримы Оромэ Охотника) привел предков меарас с Запада, из-за Моря.

Среди преданий о королях Рохана чаще всего звучит имя Хельма Молоторукого. Это был суровый правитель, наделенный необычайной силой. В то время в Рохане жил человек по имени Фрека. Род свой вел он якобы от короля Фревайна, хотя обличем и особенно темным цветом волос был он вылитый дунгарец. Богат был Фрека и владел

обширными землями по обе стороны Адорна*. У его истоков он выстроил свой замок и жил, мало считаясь с королем. Хельм не доверял ему, но звал на свои советы, и тот приходил... или не приходил.

Вот как-то раз Фрека явился на один из таких советов с большим отрядом и стал просить руки дочери Хельма для своего сына Вулфа. Но Хельм только сказал в ответ: «Ты сильно вырос с тех пор, как мы виделись в последний раз, но все больше в толщину». Все расхохотались. Фрека и в самом деле был широк в поясе.

Ах как взвился дунгарский потомок Фревайна! Он просто клокотал от ярости и в запале бросил королю: «Старые короли, отказываясь от предложенного посоха, могут однажды оказаться на коленях!», на что Хельм спокойно ответил: «Садись и жди! Женидьба твоего сына — пустяшное дело, мы разберемся с этим позже. А сейчас у короля и его совета есть дела поважнее».

Как только совет закончился, Хельм встал, положил свои огромные ручищи Фреке на плечи, повернул его и, слегка подталкивая, сказал: «Король не позволяет свар в своем доме. Пойдем-ка на волю, там просторнее». Так, непрерывно подталкивая, он вывел Фреку из Эдораса в луга. Людям Фреки, последовавшим было за ними, король бросил через плечо: «Идите отсюда! Мы собираемся поговорить наедине о личных вещах. А вы поговорите пока, если есть охота, с моими воинами!»

Они огляделись. Вокруг стояли воины короля, и было их много. Людям Фреки пришлось подчиниться.

— Ну, дунгарец, — произнес король, когда они отошли подальше, — перед тобой только Хельм, один и безоружный. Ты уже много наговорил, теперь мой черед. Глупость твоя, Фрека, росла вместе с твоим брюхом. Ты что-то там говорил о посохе. Если Хельму подсовывают кривой посох, он его просто ломает. Вот так! — И он двинул Фреку кулаком с такой силой, что невежда замертво грянулся оземь.

Хельм объявил сына Фреки и его ближайших родичей врагами короля и изгнал из страны.

Четырьмя годами позже (2758) на Рохан обрушились беды, а помощи от Гондора ждать не приходилось — целый пиратский флот поднялся по Реке, и все побережья охватил огонь войны. Именно в это время дунгары перешли Изен. Скоро стало известно, что ведет их Вулф, собравший в свое войско всех врагов Гондора из низовий Лефнуи

* Адорн впадает в Изен западнее Белых Гор. — *Прим. авт.*

и Изена. Рохирримы потерпели поражение в битве. Рохан был завоеван. Оставшиеся в живых бежали в горы. С большими потерями Хельм ушел от Бродов Изена и укрылся в ущелье, оберегаемом мощными стенами Хорне (позднее эта крепость стала известна как Хельмова Падь). Вулф взял Эдорас, уселся на троне в Золотых Палатах и объявил себя королем. В бою перед воротами дворца пал Халет, сын Хельма.

Вскоре началась Долгая Зима. Около пяти месяцев Рохан лежал, занесенный снегами (с ноября 2758 года по март 2759 года). И рохирримы, и их враги одинаково жестоко страдали от холода и голода.

В Хельмовой Пади, когда положение осажденных стало особенно отчаянным, младший сын Хельма, Хама, вопреки приказу короля ушел с отрядом в набег и затерялся в снежной пустыне. Хельма эта новая потеря, голод и безнадежность привели в состояние яростного иступления. Один вид короля приводил в ужас и своих, и врагов. Одетый в белое, в одиночку выходил он из крепости, пробираясь, как снежный тролль, в лагерь врагов и убивал людей голыми руками. Тут же возникло поверье, что пока король безоружен, никакое оружие не способно причинить ему вред. Дунгары говорили, что он ест людей, если не находит другой пищи, и это предание помнилось долго. Перед каждой своей вылазкой Хельм трубил в огромный рог, да так, что начинало гудеть все ущелье, и скоро, заслышав грозные звуки, завоеватели, тоже доведенные до отчаяния холодом и голодом, в ужасе разбежались кто куда, даже не помышляя об отпоре страшному королю.

Однажды ночью рог протрубил снова, но наутро Хельм не вернулся. Зато впервые за много дней вернулось солнце, и тогда глазам всех предстала прямая белая фигура на валу, защищавшем подходы к Хорне. Дунгары не осмелились приблизиться к ней. Это был Хельм, мертвый, окаменевший, но не сдавшийся. Люди же говорили, что и много лет спустя Рог Хельма порой звучал в Пади, а ярость короля бродила среди врагов (недостатка в них Рохан не ощущал и впоследствии), убивая их незримым ужасом.

Вскоре после этого кончилась зима. Тогда Фреалаф, сын Хильды, сестры Хельма, нагрянул с отрядом отчаянных храбрецов из Дунхарга, убил Вулфа и занял Эдорас. Начали таять снега. Половодье превратило долину Энтовой Купели в непроходимую топь. Вастаки, ослабевшие от голода и совсем павшие духом, были перебиты подошедшими наконец гондорцами. Еще до конца 2759 года Рохан освободился. Дунгар вышли даже из Изенгарда, а Фреалаф стал королем.

Останки Хельма перенесли из Хорне и погребли под Девятым курганом. Белые цветы симбелина разрослись на нем так густо, что издали курган выглядит словно покрытый снегами.

Со смертью Фреалафа начинается новый ряд курганов.

Не скоро оправились рохирримы от последствий войны. К счастью, впереди их ждала мирная полоса, но только ко времени правления короля Фолквайна Рохан обрел прежнюю мощь.

На коронации Фреалафа впервые появился Саруман с дарами и славословиями. Его приняли как дорогого гостя. Вскоре после этого с позволения Берена, Правителя Гондора, Саруман занял Изенгард. Берен же дал магу ключи от Ортханка. Со временем Саруман стал правителем, а до этого правил от имени Берена и носил звание Стража Башни. И Фреалаф, и Берен считали Изенгард надежным оплотом в хороших дружеских руках. Может, поначалу так оно и было, но Саруману на самом деле нужен был Камень Ортханка и надежное пристанище. Во всяком случае, уже после Белого Совета, созванного в 2953 году, его отношение к Рохану сильно изменилось. Тогда-то и объявил он Изенгард своей собственностью и начал постепенно превращать крепость в подобие Барад Дура. Друзей и слуг он избирал только среди ненавистников Гондора, будь то люди или более злые твари.

Короли Рохана

Первая ветвь

2485–2545* — Йорл Юный; свое прозвание получил из-за того, что занял престол в ранней молодости и до конца дней оставался румяным и золотоволосым. Йорл пал в битве с вастаками, и тогда был воздвигнут Первый курган. Вместе с ним похоронен его конь Фелароф.

2512–2570 — Брего; изгнал врагов из степей, и долгие годы Рохан жил в мире. В 2659 году Брего завершил строительство Золотых Палат. На пиру его сын Балдор объявил, что собирается пройти Тропами Мертвых, ушел и не вернулся. На следующий год Брего умер от тоски.

* Даты рождения и смерти указаны по гондорскому летоисчислению Третьей Эпохи. — *Прим. авт.*

2544–2645 — Алдор Старый, второй сын Брего. Правление его продолжалось 75 лет, отсюда и прозвание. При Алдоре рохирримы умножились и покорили остатки дунгар восточнее Изена. Тогда же были заселены Харрот и другие горные ущелья.

О следующих трех королях говорится мало. В их дни в Рохане царили мир и благоденствие.

2570–2659 — Фрей, старший сын Алдора. Королем стал уже под старость.

2594–2680 — Фревайн.

2619–2699 — Голдвайн.

2644–2718 — Деор. Во дни его правления возобновляются набеги дунгар. В 2710 году они захватили Изенгард и долго удерживали его.

2668–2741 — Грам.

2691–2759 — Хельм Молоторукий. В конце его правления вторжение дунгар и Долгая Зима нанесли Рохану тяжелейший урон. Хельм и его сыновья, Халет и Хама, погибли. Правление принял Фреалаф, сын сестры короля.

Вторая ветвь

2726–2798 — Фреалаф. При нем Саруман занимает Изенгард. Рохан, ослабленный поражением в войне и Долгой Зимой, дружески относится к новому соседу.

2752–2842 — Бритта; заслужил от народа любовь и прозвание Леоф за радушие и готовность помочь всякому нуждающемуся. Сражался с орками. Очистил от них север Рохана. Казалось, что с этой напастью покончено навсегда, но время показало, что это не так.

2780–2851 — Валда; правил всего девять лет. Попал с отрядом в орочью засаду и погиб на дороге из Дунхарга.

2804–2864 — Фолка; прекрасный охотник, давший клятву не трогать диких зверей, пока в Рохане остается хоть один орк. Когда последняя орочья банда была уничтожена, король отправился на охоту за огромным кабаном из Хольта в Фириенские Леса. Кабана он убил, но и сам погиб от ран, нанесенных клыками зверя.

2830–2903 — Фолквайн. При нем восстановлена мощь Рохана. Фолквайн освободил западные области (между Адорном и Изеном), захваченные дунгарами. Получив известие о нападении харадримов на Гондор, Фолквайн отправил на помощь Правителю большое войско.

Вняв совету прорицателя, он доверил командование своим сыновьям-близнецам, Фолкреду и Фастреду (родились в 2858 году). Оба пали в Итилиенской битве (2885). Турин II Гондорский щедро вознаграждал Фолквайна за помощь.

2870—2953 — Фенгель, третий сын Фолквайна. Память о нем скудна. Он был жаден до еды и золота, неуживчив с военачальниками и собственными детьми. Сын его Тенгель, возмужав, покинул Рохан и долго жил в Гондоре, стяжав немалую славу на службе у Тургона.

2905—2980 — Тенгель; в 2943 году взял в жены Морвен из Лоссарнаха в Гондоре. В то время ей еще не исполнилось 17 лет. Она родила Тенгелю двух дочерей и сына Теодена. После смерти Фенгеля рохирримы призвали Тенгеля, и он с неохотой вернулся. Уже в Рохане у него родились еще две дочери. Последняя и самая красивая, Теодвин, родилась поздно, в 2963 году. Теоден нежно любил ее. Вскоре после возвращения Тенгеля Саруман объявил себя Правителем Изенгарда и начал посягать на границы Рохана, поддерживая его врагов.

2948—3019 — Телден; подпал под чары Сарумана, и тот едва не извел короля, но благодаря вмешательству Гэндальфа в последний год своей жизни Теоден воспрял, выиграл битву у Хорне и привел войска на Пеленнорские Поля. В величайшей битве Эпохи король пал у ворот Мундбурга (так рохирримы называли Минас Тирит). Некоторое время он покоился в стране, где родился, среди усопших Королей Гондора, но позже был перенесен на родину и похоронен в Восьмом кургане его ветви в Эдорасе.

Третья ветвь

В 2989 году дочь короля Теодена, Теодвин, вышла замуж за Йомунда, правителя Остфолда. Ее сын Йомер родился в 2991 году, а дочь Йовин — в 2995-м. Над миром снова нависала тень Сауруна, ее крылья простерлись до степей Рохана. Орки опять совершали набеги на восточные области, крали коней. Но теперь среди них попадались огромные уруки. Появлялись они всегда со стороны Мглистых Гор, и долгое время никто не догадывался, что служат они не Темному Властелину, а Саруману. Постоянной и главной заботой Йомунда стали восточные рубежи. Йомунд очень любил коней и люто ненавидел орков. Едва приходили вести о новой вылазке, он тут же бросался в погоню, пылая гневом, хотя и не всегда располагал достаточ-

ными силами. Однажды, в 3002 году, правитель увлекся погоней и гнал орков до границ Эмин Майл. Но его заманили в ловушку. В горах среди скал поджидала большая орда. Правитель погиб.

Вскоре после его смерти Теодвин занемогла и скончалась к великому горю отца. Он взял ее детей к себе в дом, назвав сыном и дочерью. У самого короля был лишь один сын, Теодред, в ту пору ему было 24 года. Королева Эльфхильда умерла от родов, и Теоден не женился больше. Йомер и Йовин росли в Эдорасе и видели, как темные тени спускаются над Золотым Дворцом. Йомер очень походил на отца, а его сестра выросла гибкой, грациозной и горделивой, как мать, Морвен из Лоссарнаха, которую рохирримы прозвали Морвен Стальной Блеск.

Йомер (2991–3084 или 63 Ч. Э.) еще в молодости принял правление восточными окраинами. В Войне Кольца Теодред пал, отражая сарумановы полчища у Бродов Изена. Поэтому Теоден объявил Йомера наследником и будущим королем. На Пеленнорских Полях стяжала великую славу и Йовин, сражавшаяся в рядах Всадников в мужской одежде. Люди запомнили ее под именем Девы-Щитоносца*.

Йомер стал великим королем; он был молод, когда принял правление от Теодена, и правил шестьдесят пять лет — дольше, чем все предшественники, кроме Алдора Старого. В Войне Кольца он сдружился с Королем Элессаром и с Имрахилем из Дол Амрота, а после войны часто навещал Гондор. В последний год Третьей Эпохи он женился на Лотириэль, дочери Имрахилия. Его сын, Эльфвин Светлый, унаследовал трон Рохана.

Во дни Йомера люди, желавшие мира, наконец обрели его. Население Рохана становилось все многочисленнее, огромные табуны коней паслись на равнинах. Гондором (и Арнором) правил Король Элессар. Под его рукой объединились все исконные гондорские владения, и только Рохан оставался независимым королевством. Король

* Левая рука Йовин была сломана ударом булавы Короля-Призрака, но и сам он был обращен в ничто; так исполнилось давнее провидение Глорфиндейла. Когда-то он сказал Королю Эарнуру, что Чародею суждено пасть не от руки воина. Песни Рохана хранят память и об оруженосце Теодена, Полурослике из далекой страны, который помог Йовин одолеть страшного врага. Йомер, воздав Полурослику великие почести, нарек его Ходдвайном (это был наш Мериадок Великолепный, Хозяин Заскочья). — *Прим. авт.*

Элессар подтвердил дар Кириона, а Йомер снова принес клятву Йорла и впоследствии оставался верен ей. Ибо хотя Саурон и пал, злоба и ненависть, посеянные им, дали ростки, и Королю Запада еще не раз пришлось побеждать врагов, прежде чем Белое Древо смогло расти в мире. И куда бы ни призывали Короля Элессара ратные дела, повсюду был с ним король Йомер. И за Рунным Морем, и на далеких просторах юга Белый Конь на зеленом поле реял под разными ветрами рядом с Белым Древом, осиянным звездами.

III. Народ Дарина

О том, откуда пошли гномы, и сами они, и эльфы рассказывают много странного, но дело это очень давнее и многого здесь не скажешь. Старейшего из Семи Праотцев гномы зовут Дарин. От него ведут род цари Долгобороды. Дарин долго спал один, а когда в глубине времен пробудился его народ, он пришел в Азанулбизар и поселился в пещерах на восточных склонах Мглистых Гор. Так было положено начало знаменитым Морийским Копям.

Долго жил Дарин и во многих землях был известен как Дарин Бессмертный. Но вот в конце Предначальной Эпохи он умер и был похоронен в Казад Думе, однако род его никогда не пресекался. Пять раз рождались в этом роду наследники столь похожие на Дарина, что им давали его имя. Гномы считали Дарина Бессмертным, Который Возвращается. У этого народа есть много странных преданий о себе и своем месте в мире.

В конце Первой Эпохи велики были мощь и богатство Казад Дума, созданные трудами искусного и мудрого народа Ногрода и Белегоста. Эти прекрасные города в Синих Горах были разрушены при падении Тонгородрима. Однако не иссякло могущество Мории. Она процветала даже в черные дни владычества Саурана. Эрегион был razoren, но за закрытыми наглухо воротами Мории жил многочисленный и доблестный народ, против которого даже Саурон не решался выступать открыто. Богатство Подгорного Царства долго оставалось нетронутым, а вот население стало убывать.

В середине Третьей Эпохи трон снова занял Дарин — Шестой государь, носивший это имя. В мире опять росла сила Врага. Завеса

тьмы накрыла Лес, подступавший к порогу Мории, зашевелились разные лиходейские твари, но о самом Сауроне речи пока не было. Гномы тем временем в поисках легендарного мифрила зарывались все глубже под Баразинбар, пока не разбудили Глубинный Ужас, скрывавшийся здесь со дня прихода Воинства Запада. Это был один из уцелевших под Тонгородримом Барлогов Моргота. Он убил государя Дарина, а через год — его сына Наина I. Так пришел конец Морийскому Царству. Те, кто населял его, либо погибли, либо бежали в дальние края.

Многие гномы, покинувшие Морию, отправились на север. Трайн I, сын Наина, привел их к Одинокой Горе у восточных окраин Сумеречья. Он стал первым Царем-под-Горой. Здесь Трайн нашел огромный алмаз, Аркенстон, Сердце Горы. Его сын, Торин I, ушел еще дальше на север, в Серые Горы. Постепенно там собралась большая часть Народа Дарина, ибо Горы скрывали в себе множество богатств, и до этого времени их никто не разрабатывал. Правда, на равнинах за Горами водились драконы. Поначалу гномы не придали этому значения — и напрасно. Прошло много лет, драконы размножились, осмелели и объявили гномам настоящую войну. Они похищали созданные ими прекрасные вещи, охотились за сокровищами, и кончилось тем, что Даин I со своим вторым сыном Фрором погибли у самых ворот собственного дворца, убитые огромным стылым червем.

Жить в Серых Горах стало невозможно, и тогда Грор, третий сын Даина, увел многих к Рудному Кряжу, а Трор, старший, вернулся с остальными к Эребору. Он вернул Аркенстон в Подгорный Дворец Трайна. Народ его жил в довольстве, богатство гномов росло. Здесь возникла и окрепла дружба гномов с людьми. Народ Дарина славился не только изготовлением прекрасных драгоценностей, но и бесценного оружия и доспехов. Руду доставляли из Рудных Гор. В то время северяне, жившие между Келдуином (Быстрицей) и Карненом (река Рудь), освободили свои земли от врагов, и под их защитой гномы Эребора жили в покое и достатке, в подземных чертогах не прекращались пиры и не смолкали песни.

Слухи о богатствах Эребора разошлись широко и не миновали ушей драконов. Величайшим из них в то время по праву считали Смога Златолюбя. Он-то и начал войну, напав с воздуха без предупреждения на владения царя Трора. Гора запылала. А вскоре и весь край пришел

в запустение, даже Эсгарот был разрушен и обезлюдел. Смог проник в Главный Чертог и теперь неотлучно лежал там на груди золота.

Однако многим подданным Трора удалось спастись от пожаров и разорения. Спасся и сам Трор с сыном Трайном II. Вместе с детьми Трайна II, Торином, впоследствии прозванным Дубошитом, Фрерином и Дис, они ушли на юг и вынуждены были скитаться долгие годы.

Время шло, и вот однажды старый нищий и отчаявшийся Трор отдал Трайну единственное сокровище, которое ему удалось сохранить — последнее из Семи Колец, находившихся во владении гномов, и ушел неведомо куда со старцем по имени Нар. На прощание он сказал Трайну:

— Хотя в это и трудно поверить, но Оно может стать для вас началом новой судьбы. Оно способно вернуть богатство и славу нашему роду, но для этого Ему нужно золото, а где же его взять?..

— Разве ты не думаешь вернуться когда-нибудь в Эребор? — спросил Трайн.

— Мне уже поздно думать о мести, — вздохнул Трор. — Это я завещаю тебе и твоим сыновьям. Бедность и презрение к моей нищете доконали меня. Пойду навстречу судьбе — и будь что будет.

Может, от горя и бедствий старый Трор слегка тронулся умом, а может, Кольцо, ощутив, как его властелин наливается новой силой, толкнуло его на глупость, но только они с Наром долго шагали на север, пока, миновав перевал Красного Рога, не спустились к открытым дверям Мории. Как ни умолял Нар Трора проявить благоразумие, бывший царь не послушал его и с гордо поднятой головой, как подлинный хозяин, вошел внутрь. Назад он не вышел. Нар долго ждал в укрытии неподалеку от ворот. И вот на четвертый или на пятый день он услышал ужасный шум, вопли и звуки рогов, а потом по ступеням скатилось тело. Страшась самого худшего, Нар начал подкрадываться к нему, и тут из тени ворот его окликнул грубый громкий голос:

— Эй ты, борода! А ну поди сюда! Мы тебя видим, можешь не прятаться. Да не бойся, ты мне нужен для дела.

Не таясь больше, Нар подошел и склонился над телом. Да, это был Трор. Рядом, лицом вниз, лежала его отрубленная голова. Ноги у старика подкосились, и он опустился на колени. Раздался орочий хохот, и тот же голос произнес:

— Нищим подобает ждать у дверей. А если они залезают в дом непрошеными и начинают красть, с ними приходится поступать строго. Запомни: если еще кто-нибудь из твоего народа сунет сюда свою мерзкую бороду, его ждет то же самое! Отправляйся и передай это всем. А если его наследники будут спрашивать, кто теперь правит в Мории, так имя правителя ты найдешь на лбу этого проныры!

Нар с трепетом повернул голову убитого и увидел выжженное на лбу клеймо. Надпись была сделана рунами гномов, так что он без труда прочел имя — Азог. Весь народ гномов запомнил это имя навсегда. Нар хотел поднять голову царя, но Азог не позволил.

— А ну брось ее! Вот тебе подаяние, а теперь — убирайся! — Маленький кошель упал у ног гнома, в нем было несколько мелких монет.

Плача, старик пошел вниз по течению Серебрени. Один раз он оглянулся и увидел, как вышедшие из ворот орки рубят тело несчастного царя и бросают куски воронам.

Трайн выслушал рассказ Нара, молча глотая слезы и терзая свою бороду. Семь дней сидел он, не говоря ни слова, а на восьмой встал и произнес: «Этого нельзя снести!»

Так началась война между орками и гномами. Она была долгой и кровопролитной, множество жестоких сражений происходило в глубинах земли.

Трайн разослал вестников на север, на восток и на запад. Но прошло три года, прежде чем гномы собрали достаточно сил. К войску народа Дарина присоединилось огромное воинство, посланное домами других Праотцев, ибо бесчестье, нанесенное наследнику древнейшего рода, наполнило гневом все сердца.

Выступив в поход, гномы осадили и разрушили все укрепления орков, какие встретились между Гундабадом и Оболонью. Сражения были безжалостны, но гномы побеждали: они были сильнее и лучше вооружены, а пламя гнева неугасимо пылало в их сердцах, заставляя обшаривать каждую нору и каждую пещеру в поисках Азога.

Орки не выдерживали натиска, они бежали, и вскоре их последним оплотом осталась Мория. В погоне за ними воинство гномов спустилось в долину Азанулбизар. Два горных отрога стискивали ее, а посредине лежало легендарное озеро Келед Зарам — сердце древ-

него Подгорного Царства. Когда гномы узрели ворота своей древней твердыни, крик их громом потряс долину. Но перед ними стояло огромное орочье войско, последнее, оставшееся в распоряжении Азога.

Поначалу казалось, что удача отвернулась от гномов. День битвы выдался унылым и серым, это было на руку оркам. К тому же числом они превосходили гномов, и позиция их была более удобной, потому что они занимали склоны над долиной. Но гномы не думали о выгодах и преимуществах. Битва началась. До сей поры при воспоминании о ней орки содрогаются, а гномы плачут.

Передовой отряд вел Трайн. Его атака не удалась. С большими потерями Трайну пришлось отойти к лесу за Келед Зарамом. На краю этого леса пал сын Трайна, Фрерин, и его родич Фундин, а сам Трайн и Торин получили легкие раны.

Говорят, что когда в бою щит Торины был разбит, он отбросил его в сторону и отражал удары большим дубовым суком. Отсюда пошло его прозвище.

В сражении долго не было перевеса ни у одной стороны, но вот, позже всех, подоспели гномы с Рудного Кряжа, они и решили исход битвы. Закованные в броню воины Наина, сына Грора, прошли сквозь полчища орков к самому порогу Мории. Они свирепо рычали: «Азог! Азог!» — и крушили секирами всех, кто вставал на их пути.

Наин встал в воротах и громко воззвал:

— Азог! Если ты здесь — выходи!

И тогда из темноты вышел Азог, огромный орк, быстрый, сильный, с ног до головы закованный в железо. За ним толпилась многочисленная охрана.

— Как? Еще один нищий? — зарычал Азог. — Хочешь и себе клеймо на лоб?

Он поднял секиру и бросился на гнома. Наин был сильным и умелым воином, но битва длилась уже несколько часов, усталость и гнев застили ему глаза, а Азог был свеж, жесток и коварен. Долго бились они. Собравшись с силами, Наин обрушил на орка страшный удар, но Азог увернулся и успел задеть гнома по ноге. Наин потерял равновесие, качнулся вперед, и тогда секира Азога обрушилась ему на шею. Железный воротник доспеха выдержал удар, но кости гнома хрустнули, и он упал замертво.

Торжествующий рев готов был вырваться из глотки победителя, но застрял в горле. Азог огляделся и увидел, что вся долина завалена трупами орков, а гномы в исступлении рубят направо и налево, не давая пощады. Орки бежали и были на ходу, но их догоняли и убивали. В пылу битвы Азог забыл о своей охране, и вот она лежит вокруг, и никто даже не шевельнется. Азог молча повернулся и бросился к Воротам. Он, верно, и не видел, как вслед ему кинулся гном с алым топором в руках. Это был Даин Железностоп, сын Наина. У самых Ворот он настиг Азога и одним ударом снес ему голову. Так был совершен великий подвиг. Даин в то время был совсем молод, впереди его ожидало множество битв и походов. Он прожил долгую жизнь воина и пал в Войне Кольца. Да, воин он был отменный, но, говорят, от Ворот он спустился с посеревшим от страха лицом.

Сражение было выиграно. Оставшиеся в живых гномы собрались в долине. Голова Азога с глубоко засунутым в пасть памятным кошельком с мелкими монетами торчала на колу. Но в ту ночь тишину Азанулбизара не нарушали звуки победного пира и радостных песен. Едва ли половина гномов могла стоять на ногах, и далеко не всем из них суждено было исцелиться от ран. Утром к победителям обратился Трайн. Он потерял один глаз, сильно хромал из-за раны в ноге и смог сказать только: «Славно! Мы победили. Казад Дум наш!»

В ответ он услышал скорбные слова:

— Наследник Дарина! Хотя у тебя остался только один глаз, все же взгляни вокруг. Мы бились здесь, чтобы отомстить, и мы отомстили. Но победа оказалась настолько тяжелой, что нам не удержать ее.

Гномы из других родов сказали:

— Казад Дум никогда не был домом наших предков. Зачем он нам? Неоткуда ждать наград и не с кого спрашивать виру за убитых. Мы хотим вернуться домой, и чем скорее, тем лучше.

Трайн горестно спросил Даина:

— А мой народ? Он тоже покинет меня?

— Нет, — ответил Даин. — Ты — отец нашего народа, мы сражались за тебя и, если придется, будем сражаться вновь. Но мы не войдем в Казад Дум. Я только заглянул в тень Ворот, но этого довольно. Если хочешь — иди, но там, в тени, тебя ждет Проклятье Дарина. Нам не одолеть такого врага. Надо ждать, когда изменится мир и в

нем появится сила, способная совладать с ним. До тех пор народ Дарина не войдет в Морию.

После битвы гномы вновь рассеялись по свету. Покидая Азанулбизар, с мертвых сняли оружие и доспехи, дабы они не достались оркам, если те вернутся в долину. Каждый гном, уходивший с поля битвы, был тяжело нагружен. Весь лес пошел на сооружение погребальных костров (с тех пор он не растет там больше), а дым от сожжений был виден даже в Лориене.

Сжигать своих умерших не в обычае гномов, но строительство каменных гробниц, как это у них принято, отняло бы многие годы. Оставлять же тела погибших на растерзание зверям или оркам было невыносимо. Вот и пришлось обратиться к огню. Но у павших в Азанулбизаре славная память. Если сегодня кто-нибудь из гномов с гордостью скажет о своем предке: «Он был Сожженный Гном», этого будет довольно.

Погребальные костры отгорели, союзники разошлись в разные стороны, и Даин Железностоп увел свой народ к Рудному Кряжу. Перед уходом Трайн сказал Торину Дубощиту:

— Кому-то цена за голову на колу покажется слишком высокой! Мы отдали за нее по меньшей мере свое царство. Какой путь ты изберешь? Вернешься ли со мной к наковальне или пойдешь по свету?

— По мне — лучше наковальня, — пожал плечами Торин. — Молот не даст ослабеть рукам, пока им снова не придется взяться за более острый инструмент.

Так Трайн с Торином и с горсткой гномов, среди которых были и Балин с Глоином, вернулись в Дунгарский Край, но вскоре покинули его и долго бродили по Эриадору, пока не осели в отрогах Эред Луина. Мало их было, и не скоро они вновь стали заметным народом. И во все-то времена женщин среди гномов было немного, а в таком ослабевшем роде и подавно. Дочь Трайна, Дис, принесла ему двух внуков — Фили и Кили, а у Торина, например, жены не было вовсе. Все изделия, выходившие в это время из-под молота гномов, были железными. Слова Трора о том, что Кольцу нужно золото, помнили, но ни золота, ни других драгоценных металлов или камней у них не было.

Пришла пора сказать несколько слов об этом Кольце. Народ Дарина верил, что владеет первым из Семи откованных Колец. Говорили, что оно подарено Государю Казад Дума Дарину III самими эльфами-кузнецами и что Саурон не коснулся его. Вряд ли это именно так, ибо злая сила Врага, несомненно, была в Кольце, ведь он помогал ковать все Семь. Владельцы Кольца никогда не говорили о нем, а расставались с Кольцом только перед смертью. Поэтому никто не знал наверняка, где оно находится в тот или иной момент. Некоторые считали, что оно осталось в Казад Думе, а родичи и наследники Дарина ошибочно полагали, что Трор взял его с собой в свой злосчастный поход в Морию. Кольцо искали на трупе Азога, но не нашли.

Теперь многие думают, что Врагу удалось с помощью чар или еще как-то узнать, кто владеет последним свободным Кольцом Народа Гномов, и все дальнейшие злоключения наследников Дарина объясняют колдовством Врага. Но гномы оказались стойким народом. Кольцу удалось только заронить в их сердца страсть к золоту и драгоценностям, без них жизнь была бы гномам не в радость, а грабителей они ненавидели и мстили жестоко. Нужда и скитания закалили дух гномов и научили стойко сопротивляться любому давлению. Чужая воля оказалась не способна склонить их ко злу, и поэтому ненависть Саурона обратилась к одной цели — лишить гномов того, чем они владели.

Видимо, именно Кольцо по прошествии нескольких лет отравило жизнь Трайну. Ничто более не радовало его, а жажда золота жгла сердце. Наконец, не в силах больше терпеть, он решил возвращаться в Эребор. Спутниками его стали Балин, Двалин и еще несколько гномов. Торину он ничего не сказал. Об их путешествии известно мало. Можно предположить, что едва путники вышли в дорогу, шпионы Саурона выследили их. Волки и орки подстерегали маленький отряд, зловещие птицы застали солнце, и чем дальше гномы продвигались на север, тем больше препятствий им приходилось преодолевать. Однажды темной ночью гномы брели долиной Андуина, когда черный дождь заставил их искать укрытие под кронами Сумеречья. А наутро Трайн исчез. Спутники долго искали его, не нашли и вернулись обратно. Только много лет спустя выяснилось, что Трайна схватили по вражьему приказу и бросили в подземелья Дол Гулдура. Кольцо забрали, долго пытали, и там он, в конце концов, и умер.

Наследником Дарина стал Торин Дубоцит, да только что теперь было наследовать? Когда Трайн пропал, Торуину исполнилось 95 лет. Он пользовался немалым уважением среди гномов, носил гордый герб и был доволен жизнью в Эриадоре. Торин был состоятельный гном, богатство свое нажил честным трудом, а став правителем, правил рачительно и мудро. Прослышав о дворце Государя, скитальцы из Народа Дарина возвращались и оседали неподалеку. Так постепенно появились прекрасные подгорные залы, кладовые заполнились припасами, и жить стало легче, хоть в песнях часто с грустью поминали Одинокую Гору.

Шли годы. Торин размышлял над напастями, одолевавшими его род, раздумывал, как отомстить дракону, мечтал о новых союзах и войсках, но войска давно рассеялись, союзы были забыты, оружия не было, и большой молот Торуина гневно бил и бил в кузнице по раскаленному железу.

Так продолжалось до тех пор, пока Торин не повстречался с Гэндальфом. Их встрече суждено было изменить судьбу Дома Дарина и повлечь за собой дела великие и славные.

Однажды 15 марта 2941 года Торин, возвращаясь из какого-то похода, решил заночевать в Брыле. В то же время в «Резвом Пони» отдыхал Гэндальф. Он направлялся в Шир, где не бывал лет двадцать. Мага тревожили дела на севере. Надвигалась война. Саурон копил силы и собирался первый удар нанести по Дольну. Ясно было, что помешать его планам можно, лишь перекрыв горные перевалы на севере, а кроме гномов из Рудного Кряжа сделать это было некому. Но их останавливала Драконова Пустошь, а в недрах Одинокой Горы затаился Смог. Саурон мог попытаться использовать дракона, и тогда последствия были бы страшными. Вот Гэндальф и размышлял, как погубить Смога. От этих мыслей оторвал его голос Торуина:

— Я много слышал о тебе, мастер Гэндальф, и рад поговорить с тобой. В последнее время я часто о тебе думал, как будто кто велел мне искать тебя. Да я бы и искал, если б знал где.

— Ну что ж, Торин Дубоцит, — с легким удивлением ответил маг, — я тоже думал о тебе. Хоть сейчас я и направляюсь в Шир, но помню, что эта дорога ведет и к твоему Дворцу.

— Коли тебе хочется, можешь называть хижину изгнанника дворцом, — вздохнул Торин. — Но как бы там ни было, если приедешь,

тебе будут рады. Всем ведома твоя мудрость, а при моих заботах твой совет просто необходим.

— Я приду, — кивнул Гэндальф. — По крайней мере одна забота у нас с тобой общая. Надеюсь, внук Трора не забыл о Драконе Эребора, я ведь о нем говорю.

О последствиях этой встречи достаточно сказано в другом месте: и о необычном плане Гэндальфа, и о походе к Одинокой Горе, закончившемся столь неожиданно. Здесь говорится только о Народе Дарина.

Бард Лучник сразил Смога. Возле Эребора произошло великое сражение. Орки, прознавшие о возвращении гномов, пошли войной на Эребор. Вел их Болг, сын Азога. В этой битве Торин Дубошит был смертельно ранен и вскоре умер. Похоронили его в Гробнице-под-Горой с Аркенстоном на груди. Фили и Кили тоже пали в этом бою. Даин Железностоп, пришедший с Рудного Кряжа, по праву стал Царем Даином II, и Подгорное Царство возродилось, как и желал того Гэндальф. Даин стал великим и мудрым государем, и для гномов снова настали дни процветания.

В том же 2941 году в конце лета Гэндальф склонил Белый Совет осадить Дол Гулдур. Саурон бежал и укрылся в Мордоре. Замыслы его были расстроены, и когда война все-таки разразилась, главный удар был направлен на юг. Ведь на севере Врагу противостояли Даин II и Король Бранд.

Как-то раз, уже после завершения основных событий Войны Кольца, Гэндальф в Минас Тирите сказал Фродо и Гимли:

— Много скорби принесла гибель Торины, а вот теперь в сражении на севере пал Даин. Удивления и восхищения достойна его гибель. В таком преклонном возрасте он пал, как могучий воин, в схватке над телом короля Бранда у ворот Эребора. Это большая потеря для гномов, да и для всего Среднеземья тоже. Но все могло быть куда хуже. Великие дела свершились на полях Пеленнора, но нельзя забыть и о битвах на севере. Если бы не доблесть Народа Дарина, в Гондоре сейчас могло бы не быть Королевы, а Дольн лежал бы в развалинах. И с победы нам пришлось бы возвращаться на пепелище. Но этого не случилось, и не случилось потому, что однажды весенним днем мы повстречались в Брыле с Торином Дубошитом. Это была встреча судьбы, как говорят в Среднеземье.

В этих хрониках упомянута единственная женщина из народа гномов. Это — Дис, дочь Трайна II. Со слов Гимли мы знаем, что женщин среди гномов вообще мало, не больше трети. Они редко покидают подземные обиталища, а по обличью и одежде так похожи на молодых гномов, что посторонний глаз не способен уловить разницу. От этого и пошли глупые толки, будто у гномов женщин нет совсем, и гномы, дескать, «выходят из камня».

Нет, женщин у гномов просто мало, поэтому их народ и растет столь медленно. Гномы женятся или выходят замуж только один раз и при этом очень ревнивы. К тому же не все женщины гномов выбирают себе мужей: некоторые не хотят никого, некоторые мечтают о тех, за кого не могут выйти, а если так, то ни на кого больше и смотреть не станут. Да и мужчины у гномов часто предпочитают работу семейным радостям.

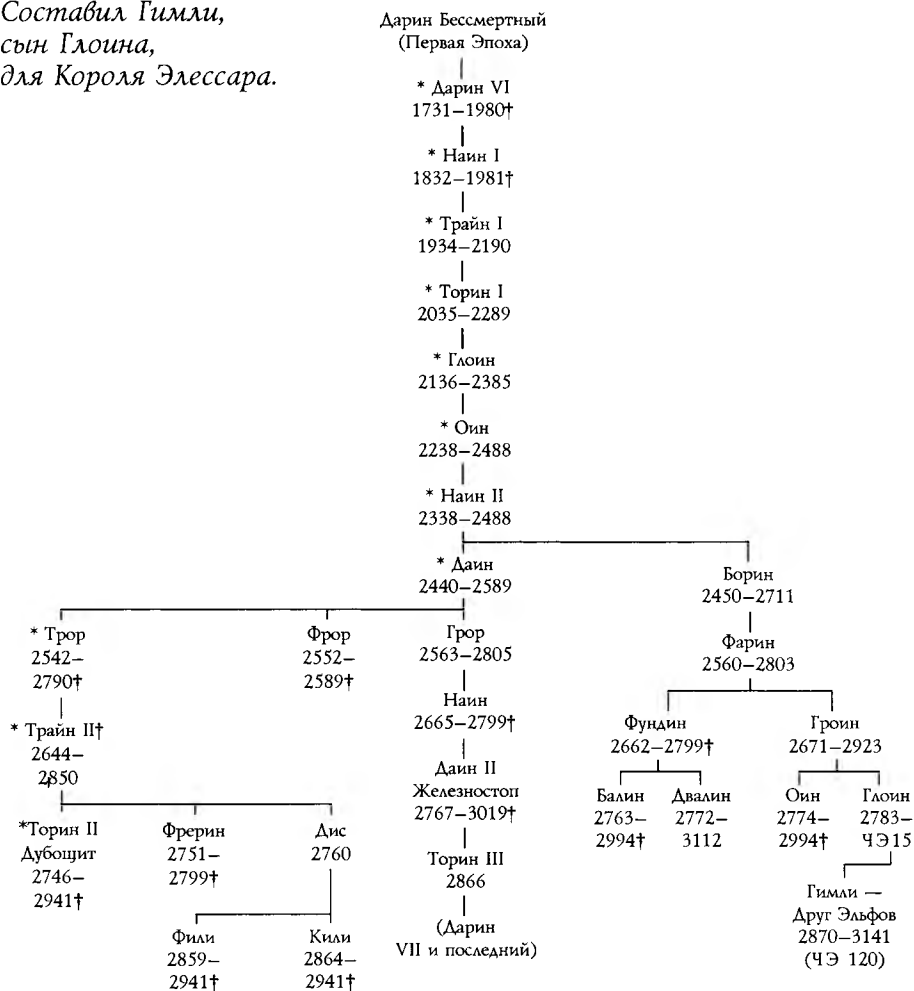
Гимли, сын Глоина, стал одним из самых известных гномов. Он входил в Отряд Девяти, провел всю войну рядом с Королем Элессаром, удостоился звания Друга Эльфов за преклонение перед Владычицей Благословенного Края и дружбу с Леголасом, сыном Владыки Трандуила. После падения Саурона Гимли привел на юг многих гномов Эребора и стал Государем Мерцающих Пещер. Гномы трудились теперь и в Гондоре, и в Рохане. Для Минас Тирита они взамен прежних, разбитых Королем-Призраком, выковали новые ворота из мифрила. Леголас также привел на юг Сумеречных эльфов, они обосновались в Итилиене, и вскоре он стал прекраснейшим из владений Запада.

Когда Король Элессар расстался с жизнью, Леголас ушел за Море. До нас дошел слух, что вместе с ним отправился и его вернейший друг и соратник Гимли. Может быть, это правда, хотя и странная: чтобы гном по своей воле покинул Среднеземье, чтобы Эльдары приняли его, а Владыки Запада допустили это — такого еще не было. Правда, говорят, что Гимли ушел, будучи не в силах смириться с мыслью никогда больше не увидеть Владычицу Галадриэль, и в этом случае она, одна из самых могущественных Эльдаров, могла добиться для него особой милости. Более об этом деле сказать нам нечего.

Род гномов Эребора

*Составил Гимли,
сын Глоина,
для Короля Элессара.*

Основание Эребора — 1999

Даин I убит драконом — 2589

Возвращение в Эребор — 2590

Разграбление Эребора — 2770

Убийство Трора — 2790

Сбор войск Гномов — 2790–2793

Война гномов с орками — 2793–2799

Битва при Нандухирионе — 2799

Трайн уходит странствовать — 2841

Гибель Трайна и потеря Кольца — 2850

Битва Пяти Воинств и гибель Торина II — 2941

Балин уходит в Морию — 2989

* Так отмечены цари Народа Дарина, в том числе и изгнанники Из спутников Торина Дубошита к Народу Дарина относятся Ори, Нори и Дори. Они — дальние родственники Торина. Бифур, Бофур и Бомбур — потомки морийских гномов.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОВЕСТЬ ЛЕТ (Хронология Западных Земель)

Первая Эпоха окончилась Великой Войной, в которой рать Валинора разрушила Тонгородрим и низвергла Моргота. Тогда же большая часть народа Нолдоров возвратилась на Заокраинный Запад и жила в Эрессэа, неподалеку от Валинора, и многие Синдары тоже ушли за Море.

Вторая Эпоха окончилась первым низвержением Саурона, прислужника Моргота, и утерей Кольца Всевластья.

Третья Эпоха окончилась в Войне Кольца, но Четвертая Эпоха не начиналась, покуда не ушел Владыка Элронд и не пришло время Людей и упадка других народов Среднеземья, говорящих на древних языках.

В Четвертую Эпоху все предыдущие называли Начальными; на самом же деле Начальными (или Предначальными) временами зовется только время до изгнания Моргота. О тех временах здесь речи нет.

Вторая Эпоха

Это были годы славы Нуменора и темное время для Людей Среднеземья. О тех событиях известно немного, и даты могут быть неточны.

В начале Второй Эпохи Высоких Эльфов было еще много. Большинство их жило в Линдоне, западнее Эред Луина, но перед по-

стройкой Барад Дура многие Синдары ушли на восток и поселились в дальних лесах, позже их стали звать Лесными Эльфами. Одним из них был Трандуил, Владыка части Ясного Бора. В северном Линдоне жил Гил-Гэлад, последний потомок Владык Нолдоров. Он был известен еще под именем Высокого Владыки Эльфов Запада. В Линдоне некоторое время жил Келеберн, родич Тингола, его женой была величайшая из эльфийских женщин — Галадриэль. Она была сестрой Финрода Фелагунда, Друга Людей, Владыки Нарготронда, отдавшего жизнь ради спасения Берена, сына Барахира.

Позже часть народа Нолдоров переселилась в Эрегион, расположенный западнее Мглистых Гор, поблизости от Мории. Причиной переселения был найденный в Мории мифрил. Нолдоры слыли великими мастерами и к гномам относились куда терпимее, чем, например, Синдары; однако дружба, возникавшая между Народом Дарина и эльфами-кузнецами Эрегиона, была теснейшей из всех. Владыкой Эрегиона был Келебримбер, искуснейший мастер своего времени, ведущий свой род от Феанора.

Хронология Второй Эпохи

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1	Основаны Серебристая Гавань и Линдон.
32	Народ Аданов достигает Нуменора.
После 40-го	Гномы оставляют старые поселения в Эред Луине и уходят в Морию.
442	Смерть Элроса Тар-Миниатара.
около 500	Вновь начинается деятельность Саурана.
548	В Нуменоре рождается Сильмариэль.
600	Первые корабли нуменорцев уходят в Море.
750	Нолдоры заселяют Эрегион.
Около 1000	Саурон, встревоженный растущей мощью нуменорцев, избирает своим оплотом Мордор. Начинается строительство Барад Дура.
1075	Тар-Анкалимэ становится первой правящей Королевой Нуменора.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1200	Саурон пытается совратить народ Эльдаров. Гил-Гэлад отказывается сотрудничать с ним, но кузнецы Эрегиона соглашаются. Нуменорцы основывают гавани на побережье.
Около 1500	Эльфы-кузнецы под руководством Саурана достигают совершенства. Они начинают ковать Кольца Власти.
Около 1590	В Эрегионе откованы Три Кольца.
Около 1600	Саурон на Ородруине кует Кольцо Всевластья. Келебримбер проникает в его замыслы. Саурон заканчивает постройку Барад Дура.
1693	Начало войны между Сауроном и Эльфами. Три Кольца спрятаны.
1695	Полчища Саурана вторгаются в Эриадор. Гил-Гэлад посылает Элронда в Эрегион.
1697	Эрегион razoren. Гибнет Келебримбер. Врата Мории закрываются. Элронд с отрядом Нолдоров вынужден отступить и укрепиться в Имладрисе.
1699	Саурон захватывает Эриадор.
1700	Тар-Минастир направляет из Нуменора в Линдон огромный флот. Саурон сдается.
Около 1800	Саурон изгнан из Эриадора. В Западные Земли надолго приходит мир. Нуменорцы начинают овладевать побережьем. Саурон распространяет власть на восток. Нуменор затенен.
2251	Тар-Атанамир получает скипетр. Восстание в Нуменоре. Появляются назгулы — призрачные кольценосцы, рабы Колец.
2280	Умбар становится твердыней Нуменора в Среднеземье.
2350	Строится Пеларгир. Он становится главной гаванью Верных.
2899	Скипетр переходит к Ар-Андунакору.
3175	Тар-Палантир раскаивается. Междоусобная война в Нуменоре.
3255	Ар-Паразон Золотоликий захватывает трон.
3261	Ар-Паразон отправляется в плавание и высаживается в Умбаре.
3262	Саурана в качестве пленника увозят в Нуменор.
3262–3310	Саурон обольщает Короля и развращает нуменорцев.
3310	Ар-Паразон начинает Великое Вооружение.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
3319	Ар-Паразон нападает на Валинор. Падение Нуменора. Элендилу с сыновьями удается спастись.
3320	Основание Арнора и Гондора. Палантиры поделены между княжествами. Саурон возвращается в Мордор.
3429	Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас Итиль и сжигает Белое Дерево. Исидур спасается по Андуину и отправляется на север к Элендилу. Анарион защищает Минас Анор и Оспиат.
3430	Заключен Союз Людей и Эльфов.
3431	Гил-Гэлад и Элендил идут в Имладрис.
3434	Войска союзников переходят Мглистые Горы. Битва в Дагорладе заканчивается поражением Саурона. Начинается осада Барад Дура.
3440	Пал Анарион.
3441	Саурон повержен Элендилом и Гил-Гэладом. Они погибают. Исидур присваивает Кольцо Всевластия. Саурон исчезает, Девять Призраков уходят в тень. Кончается Вторая Эпоха.

Третья Эпоха

Приходит время заката Эльдаров. Они долго жили в мире, владея Тремя Кольцами, пока Саурон спал, а Кольцо Всевластия было потеряно, но они не стремились к новому, живя памятью о прошлом. Гномы затаились в подземных глубинах, храня свои клады. Но вот лихо вновь зашевелилось, появились драконы, и древние сокровищницы гномов начали оскудевать, а сами гномы постепенно превратились в бродячий народ. Население Мории тает, и она погружается во мрак. Жизнь нуменорцев становится короче, мудрость убывает, они смешиваются с младшими народами.

Так проходит больше тысячи лет. Великий Ясный Бор погружается в тень. В Среднеземье появляются Истари или маги. Говорили, что они пришли с Заокраинного Запада, чтобы свергнуть власть Саурона и объединить силы Света, но им было запрещено бороться с Врагом силой или насильно подчинять себе Людей и Эльфов. Поэтому они приходят в облике Людей. Молодыми они не были никогда. Сила их духа и рук была огромна. Их истинные имена знали немногие. Говорят, в Ордене их было пятеро. Двоих эльфы прозвали Каранир и Митрандир — Человек Чар и

Серый Странник, а люди Севера — Саруманом и Гэндальфом. Каранир часто ходил на восток, но в конце концов поселился в Изенгарде. Митрандир дружил с Эльфами и много бродил по западным землям, нигде не задерживаясь подолгу.

На протяжении всей Третьей Эпохи местонахождение Трех Колец было известно лишь тем, кто владел ими. Потом выяснилось, что поначалу они хранились у величайших Владык народа Эльдаров: Гил-Гэлада, Галадриэль и Кирдэна. Кольцо Гил-Гэлада было отдано им Элронду, а Кирдэн передал свое Митрандиру, ибо только Кирдэн ведал, кем был Серый Странник, откуда он пришел и куда должен вернуться, ведь он встречал его в Серебристой Гавани...

«Прими это Кольцо, Странник, — сказал он тогда, — ибо труды твои будут тяжкими, но оно поможет в твоих заботах. Это — Кольцо Огня, с ним ты сможешь зажигать сердца в этом стынущем мире. Что до меня, моя душа с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах до тех пор, пока не отчалит последний корабль. Я дождусь тебя».

Хронология Третьей Эпохи

<i>Годы</i>	<i>События</i>
2	Исидур сажает в Минас Аноре семя Белого Древа. Он поручает правление Южным Княжеством Менельдилу. Исидур и трое его старших сыновей погибают в Оболонах.
3	Охтар приносит обломки Нарсила в Имладрис.
10	Валендил становится Королем Анора.
109	Элронд берет в жены Келебриэнь, дочь Келеберна.
130	Рождение сыновей Элронда — Эладана и Элрохира.
241	Рождение Арвен.
420	Король Остогер отстраивает Минас Анор.
490	Первое вторжение вастаков.
500	Ромендакил I наносит поражение вастакам.
541	Ромендакил сражен в битве.
830	Фаластур начинает род «Морских Королей» Гондора.
861	Смерть Эарендура и раздел Арнора.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
933	Эарнил I берет Умбар и превращает его в крепость Гондора.
936	Эарнил пропадает в Море.
1015	Кириандил сражен при осаде Умбара.
1030	Хиармендакил покоряет Харад. Гондор достигает вершины могущества. Тень покрывает Ясный Бор, и он получает название Сумеречья. В летописных сводах впервые упоминаются Перианы, в Эриадор приходят Мохноноги.
1140	Мудрые узнают, что злая сила укрепляет Дол Гулдура. Думают, что это один из назгулов.
1149	Начало правления Атанатара Алькарина.
1150	В Эриадоре появляются Лесовики. Хваты проходят Перевал Красного Рога и расселяются у Седонны и в Дунгарских землях.
Около 1300	Вновь появляются лиходейские твари. В Мглистых Горах множатся орки и нападают на гномов. Снова появляются назгулы, их предводитель приходит в Ангмар. Перианы идут дальше на Запад, многие оседают в Брыле.
1356	Аргелеб I гибнет в битве с Рудауром. Примерно в это же время Хваты покидают Седонну, и некоторые возвращаются в Ровенион.
1409	Король-Чародей вторгается в Арнор. Гибель Арвелеге I. Форност и Тирн Гортад защищаются. Крепость на Амон Сул разрушена.
1432	В Гондоре умирает Король Валакар, и начинается междоусобица.
1437	Сожжен Осгилиат, Палантир утрачен. Эльдакар бежит в Ровенион, его сын, Орендил, убит.
1447	Эльдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва у Бродов Эруи. Осада Пеларгира.
1448	Мятежники бегут и захватывают Умбар.
1540	Король Альдамир гибнет в войне с Харадом и умбарскими пиратами.
1551	Хиармендакил II побеждает харадримов.
1601	Многие перианы уходят из Брыля, и Князь Аргелеб II дарует им земли за Берендуином.
Около 1630	Из Дунгара к ним переселяются Хваты.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1634	Пираты разоряют Пеларгир и убивают Короля Минардила.
1636	Великий Недуг опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. В Минас Аноре умирает Белое Древо. Недуг захватывает северные и западные области, население их вымирает. Перианы за Берендуином выживают, но терпят большие потери.
1640	Король Тарондор переносит королевский дворец опять в Минас Анор и сажает семя Белого Древа. Остилат превращается в руины. Мордор не охраняется.
1810	Король Телумехтар Умбардакил отвоевывает Умбар и изгоняет пиратов.
1851	Первые нападения кочевников на Гондор.
1856	Восточные владения Гондора захвачены врагами. В сражении погибает Король Нармакил II.
1899	Король Калимехтар наносит кочевникам поражение в битве при Дагорладе.
1900	Калимехтар возводит в Минас Аноре Белую Башню.
1940	Заклучен союз Арнора и Гондора. Арведуи женится на Фириэль, дочери Ондогера Гондорского.
1944	Ондогер погибает в битве. Эарнил выбивает врагов из Южного Итилиена, потом выигрывает Битву в Лагере и сбрасывает кочевников в Гиблые Болота. Арведуи притязает на корону Гондора.
1945	На престол вступает Эарнил II.
1974	Конец Северного Княжества. Король-Чародей опустошает Архедан и захватывает Форност.
1975	Арведуи тонет в Форохельском Заливе. Палантиры Ануминоса и Амон Сула утрачены. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Чародей разбит в битве при Форносте. На севере его больше нет.
1976	Аранарх становится вождем дунаданов. Знаки власти князей передаются на хранение Эаронду.
1977	Фрумгар уводит Йотеод на север.
1979	Скокка из Марей становится первым Таном Шира.
1980	Король-Чародей приходит в Мордор и собирает там назгулов. В Мории появляется Барлог и убивает Дарина VI.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1981	Барлог убивает Наина I. Гномы покидают Морию. Лесные эльфы Лориена уходят на юг. Амрот и Нимродель теряются.
1999	Трайн I приходит в Эребор и основывает Царство-под-Горой.
2000	Назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас Итиль.
2002	Захват Минас Итиля и превращение его в Минас Моргул. Палантир захвачен.
2043	Королем Гондора становится Эарнур. Король-Чародей вызывает его на поединок.
2050	Повторный вызов. Эарнур скачет к Минас Моргулу и исчезает. Мардил становится первым Наместником-Правителем.
2060	Мощь Дол Гулдура растет. Мудрые начинают подозревать в хозяине Дол Гулдура возродившегося Саурона.
2063	В Дол Гулдур приходит Гэндальф. Саурон отступает и скрывается на востоке. Начинается Бдительный Мир. Назгулы остаются в Минас Моргуле, но ведут себя тихо.
2210	Торин I уходит из Эребора в Серые Горы. Там собирается большая часть Народа Дарина.
2340	Изумбрас I становится Тринадцатым Таном и первым Таном из рода Туков. Староскоки занимают Заскочье.
2460	Бдительный Мир кончается. Саурон возвращается в Дол Гулдур.
2463	Собирается первый Белый Совет. Примерно в это же время хват Деагорл находит Кольцо Всевластия, Смеагорл убивает его.
2470	Смеагорл-Горлум укрывается в Мглистых Горах.
2475	Нападения на Гондор возобновляются. Осгилиат окончательно разрушен, его каменный мост сломан.
Около 2480	Орки строят тайные укрепления в Мглистых Горах и укрепляют перевалы, ведущие в Эриадор. Саурон населяет Морию своими созданиями.
2509	Келебриэнз на пути в Лориен попадает в засаду у Перевала Красного Рога на Карадрасе. Она ранена отравленной стрелой.
2510	Келебриэнз уходит за Море. Орки и вастаки разоряют Каленардон. Йорл Юный одерживает победу на полях Келебранта. Рохирримы заселяют Каленардон.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
2545	Гибель Йорла.
2569	Брего, сын Йорла, достраивает Золотой Дворец.
2570	Балдор, сын Брего, входит в Запретную Дверь и исчезает. Примерно в это же время на дальнем севере вновь появляются драконы и начинают беспокоить гномов.
2589	Даин I сражен драконом.
2590	Трор возвращается в Эребор. Его брат, Грор, уходит в Рудный Кряж.
2670	Тобольд сажает в Южной Чети «трубочное зелье».
2683	Изенгрим II становится Таном и начинает рыть Смеалища.
2698	Эктелион I восстанавливает в Минас Тирите Белую Башню.
2740	Орки снова вторгаются в Эриадор.
2747	Бандобрас Тук разбивает в Северной Чети орду орков.
2758	Рохан подвергается нападению и разорению. Флот пиратов атакует Гондор. Хельм Роханский укрывается в Хельмовой Пади. Вулф захватывает Эдорас. Следует Долгая Зима. В Эриадоре и Рохане много жертв. Гэндальф приходит на помощь хоббитам.
2759	Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет Вулфа, с него начинается вторая ветвь королей Рохана. Саруман поселяется в Изенгарде.
2770	Смог нападает на Эребор. Эсгарот разрушен. Трор с Трайном II и Торином II спасаются.
2790	Трор гибнет в Мории. Гномы собирают войска для мести. В Шире родился Герондиус, позже прозванный Старым Туком.
2793	Война орков и гномов.
2799	Битва в Нандухирионе перед Воротами Мории. Даин Железностоп возвращается в Рудный Кряж. Трайн II с Торином уходят на запад и поселяются на юге Эред Луина, за Широм (2802).
2800–2864	Бесконечные нападения орков на Рохан. Гибель Короля Валды.
2841	Трайн II уходит в Эребор. Его отслеживают шпионы Саурона.
2845	Трайн заточен в Дол Гулдури; у него отбирают последнее из Семи Колец.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
2850	Гэндалф второй раз приходит в Дол Гулдуур и узнает в его хозяине Саурона. Гэндалф понимает, что Саурон собирает Кольца и ищет Кольцо Всевластия, в связи с чем разыскивает наследников Исиддура. Маг находит Трайна и получает Ключ Эребора. Трайн умирает в Дол Гулдууре.
2851	Собирается Белый Совет. Гэндалф настаивает на немедленной войне, но Саруман уговаривает Совет повременить, а тем временем сам начинает поиски в Оболони.
2852	Белектор II Гондорский умирает. Засыхает Белое Древо. Нового семени нет. Мертвое дерево оставляют стоять.
2855	По наущению Саурона харадримы переходят Порос и вторгаются в Гондор. Сыновья Фолквайна Роханского погибают в боях за Гондор.
2890	В Шире рождается Бильбо.
2901	Жители покидают Итилиен, спасаясь от набегов мордорских уруков. Строится убежище возле Хеннет Аннуна.
2907	Родилась Гилразнь, мать Арагорна II.
2911	Лютая Зима. С севера в Эриадор приходят Белые Волки. Берендуин и прочие реки замерзли.
2912	Великий Разлив опустошает низовья Седонны и Берендуина. Опустошен Тарбад.
2920	Смерть Старого Тука.
2929	Арахорн, сын Арадора, берет в жены Гилразнь.
2930	Арадор убит троллями. В Минас Тирите рождается Денетор II, сын Эктелиона II.
2931	1 марта рождается Арагорн, сын Арахорна II.
2933	Арахорн II гибнет. Гилразнь приносит Арагорна в Имладрис. Эронд принимает его как сына и дает имя Эстель (Надежда), он же советует не раскрывать происхождение Арагорна.
2939	Саруману становится известно, что слуги Врага рыщут возле Оболони. Он понимает, что Саурону известно о гибели Исиддура, но скрывает свои мысли от Совета.
2941	Торин Дубоцит встречается с Гэндалфом. Они приходят к Бильбо. Поход. Бильбо встречается с Горлумом и становится владельцем Кольца. Собирается Белый Совет. Саруман соглашается с планом нападения на Дол Гулдуур, стремясь помешать Саурону в поисках. Саурон отступает. В Битве Пяти Воинств гибнет Торин II. Бард из Эсгарота убивает Смога. Даин с Рудного Кряжа становится Царем-под-Горой.

Годы	События
2942	Бильбо возвращается из похода с Кольцом. Саурон тайно возвращается в Мордор.
2944	Бард отстраивает Эсгарот и становится королем. Горлум вылезает на поверхность и начинает поиски «вора».
2948	У Тенгеля рождается сын, Теоден.
2949	Гэндальф и Балин навещают Бильбо в Шире.
2950	Родилась Финдуилас, дочь Адрахила из Дол Амрота.
2951	Саурон открыто заявляет о себе и начинает собирать силы в Мордоре. Он восстанавливает Барад Дур. Трое назгулов занимают Дол Гулдаур. Горлум поворачивает к Мордору. Элронд открывает Арагорну его настоящее имя и происхождение и вручает обломки Нарсила. Арвен возвращается из Лориена и встречается с Арагорном. Арагорн уходит в Пустоземье.
2953	В последний раз собирается Белый Совет. На нем спорят о Кольце. Саруман лжет, уверяя, что Кольцо сгинуло в Море. Саруман укрепляет Изенгард, устанавливает слежку за Гэндальфом и отмечает его интерес к Ширу. Вскоре в Брыле и в Южной Чети появляются его шпионы.
2954	Ородруин снова извергается. Последние жители Итилиена бегут за Андуин.
2956	Арагорн встречается с Гэндальфом, и они становятся друзьями.
2957–2980	Продолжительные походы Арагорна. Он инкогнито служит правителям Рохана и Гондора.
2968	Родился Фродо.
2976	Денетор берет в жены Финдуилас из Дол Амрота.
2977	Бэйн, сын Барда, становится Королем Эсгарота.
2978	Родился Боромир.
2980	Арагорн приходит в Лориен и снова встречается с Арвен. Он отдает ей Кольцо Барахира, и они обмениваются клятвами верности. Горлум достигает рубежей Мордора и знакомится с Шелоб. Теоден становится королем Рохана.
2983	Родился Фарамир. Родился Сэмиус.
2984	Смерть Эктелиона II. Денетор II становится Наместником Гондора.
2988	Смерть Финдуилас.
2989	Балин уходит в Морию.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
2991	Родился Йомер, сын Йомунда.
2994	Балин погибает. Попытка вернуть Морию провалилась.
2995	Родилась Йовин, сестра Йомера.
3000	Мощь Мордора растет. Саруман решает воспользоваться Палантиром Ортханка и выведать планы Врага, но попадает в ловушку Саурона, владеющего Камнем Итиля. Саруман становится предателем. Ему доносят, что рубежи Ширы охраняются Следопытами.
3001	Прощальный Праздник Бильбо. Гэндальф догадывается, каким Кольцом владеет Бильбо. Охрана Ширы усиливается. Гэндальф пытается найти Горлума и просит Арагорна помочь ему.
3002	Бильбо приходит в Долбн.
3004	Гэндальф навещает Фродо в Шире.
3007	Бранд, сын Бэйна, становится королем Эсгарота. Умирает Гидразнь.
3008	Осенью Гэндальф в последний раз навещает Фродо.
3009	Горлум попадает в руки Саурона. Арвен возвращается в Имладрис.
3017	Горлум уходит из Мордора и попадает в руки Арагорна. Он отправляет его к Трандуилу в Сумеречье. Гэндальф приходит в Минас Тирит и читает свиток Исидура.

С этого времени события становятся очень важными и далее приводится более подробная хронология великих лет.

Год 3018

<i>Числа</i>	<i>События</i>
Апрель	
12	Гэндальф приходит в Хоббитон.
Июнь	
20	Саурон нападает на Осгилиат. Побег Горлума.
29	Встреча Гэндальфа с Радагастом Бурым.
Июль	
4	Боромир выходит из Минас Тирита.

Числа	События
10	Гэндальф пленен Саруманом в Изенгарде.
Август	Все следы Горлума потеряны. Видимо, он скрывается в Мории, находит дорогу к западным воротам, но не может их открыть.
Сентябрь	
18	Гэндальф покидает Изенгард. Черные Всадники пересекают Броды Изена.
19	Гэндальф приходит в Эдорас. Теоден велит ему уйти, позволив выбрать любого коня.
21	Маг выбирает Сполоха.
22	К вечеру Черные Всадники достигают Сарнского Брода и прорываются через заставу Следопытов. Гэндальф приручает Сполоха.
23	Перед рассветом четверо Всадников проникают в Шир. Остальные оттесняют Следопытов и возвращаются следить за Зеленопутем. В сумерках Черный Всадник появляется в Хоббитоне. Фродо уходит из Засумок.
24	Гэндальф пересекает Изен.
26	Фродо попадает к Тому Бомбадилу.
27	Гэндальф пересекает Седонну. Фродо проводит у Бомбадила вторую ночь.
28	Хоббиты в Упокоище. Гэндальф у Сарнского Брода.
29	Фродо приезжает в Брыль. Гэндальф навещает Хэма Гэнджи.
30	Рано утром совершаются нападения на Кривражки и на трактир в Брыле. Фродо покидает Брыль. К вечеру в Брыль приезжает Гэндальф.
Октябрь	
1	Гэндальф покидает Брыль.
3	Ночью на Заветери он отбивает нападение Черных Всадников.
6	Ночной налет на лагерь у Заветери. Фродо ранен.
9	Глорфиндейл выезжает из Дольна.
11	Глорфиндейл встречается с Всадниками у моста через Седонну. Всадники отступают.
13	Фродо переходит мост.
18	Глорфиндейл встречает Фродо. Гэндальф приезжает в Дольн.
20	Встреча с Черными Всадниками у Брода через Бруинен.

<i>Числа</i>	<i>События</i>
24	Фродо просыпается в Дольне. Ночью приезжает Боромир.
25	Совет у Элронда.
Декабрь	
25	Отряд Хранителей покидает Дольн.

Год 3019

<i>Числа</i>	<i>События</i>
Январь	
8	Отряд достигает Благодатных Куш.
11,12	Снежная буря на Карадрасе.
13	Перед рассветом нападение волколаков. Вечером отряд подходит к Западным Воротам Мории. Горлум начинает следить за Хранителем.
14	Ночевка в Двадцать Первом Чертоге.
15	Гэндальф падает в Морийский Ров. Отряд прорывается и выходит к Нимродели.
17	Отряд входит в Лориен.
23	Гэндальф преследует Барлога до вершины Зирак Зигиль.
25	Гэндальф побеждает Барлога и уходит. Его тело лежит на вершине.
Февраль	
14	Зеркало Галадриэль. Гэндальф возвращается к жизни.
16	Хранители покидают Лориен. Горлум с западного берега видит отплытие.
17	Гвайхир приносит Гэндальфа в Лориен.
23	Ночное нападение на лодки возле Сарн Гебира.
25	Отряд останавливается в Порт Галене. Сражение у Изенских Бродов, в котором погибает Теодред, сын Теодена.
26	Отряд распадается. Смерть Боромира. Мериадок и Перегрин попадают в плен. Арагорн начинает погоню. Йомеру докладывают об орде орков, спустившейся с Эмин Майл. Фродо и Сэм на восточных отрогах Эмин Майл.
27	Йомер, вопреки приказу Теодена, пускается в погоню за орками.

Числа	События
28	Йомер настигает орков возле Леса Фангорна.
29	Мерри и Пиппин спасаются и встречают Фангорна. Рохирримы уничтожают орков. Фродо встречается с Горлумом. Фарамиру видится погребальный челн Боромира.
30	Начинается совет энтов. Йомер встречается с Арагорном.
Март	
1	Фродо идет через Гиблые Болота. Арагорн встречается с Гэндальфом Белым. Они отправляются в Эдорас. Фарамир выходит из Минас Тирита на разведку в Итилиен.
2	Фродо пересекает Болота. Гэндальф приходит в Эдорас и исцеляет Теодена. Рохирримы выступают против Сарумана. Вторая битва у Изенских Бродов. Поражение Эркенбранда. Оканчивается совет энтов. Энты выступают на Изенгард.
3	Теоден приходит в Хельмову Падь. Начинается сражение при Хорне. Энты разрушают Изенгард.
4	Гэндальф и Теоден отправляются в Изенгард. Фродо достигает пустошей Мораннона.
5	Разговор с Саруманом в Ортханке. Над лагерем появляется крылатый назгул. Гэндальф с Перегрином уезжают в Минас Тирит. Фродо возле Мораннона.
6	Арагорн встречает отряд дунаданов. Теоден выходит в Харрог.
7	Фарамир встречается с Фродо. Арагорн приезжает в Харрог.
8	Арагорн вступает на Путь Мертвых и в полночь достигает Камня Эреха. Фродо покидает Хеннет Аннун.
9	Гэндальф приезжает в Минас Тирит. В сумерки Фродо подходит к Моргульской Дороге. Теоден в Дунхарге. Из Мордора поднимается тьма.
10	Не рассвело. Рохирримы выступают в поход. Гэндальф спасает Фарамира у ворот Минас Тирита. Арагорн пересекает Рингло. Войска Мораннона входят в Анориен. Фродо минует Перекресток и наблюдает выход войск Моргула.
11	Горлум встречается с Шелоб, потом видит Фродо спящим и едва не раскaiвается. Денетор посылает Фарамира в Остилиат. Арагорн вступает в Лебеннин. Орки атакуют Лориен и восточный Рохан.
12	Горлум приводит Фродо в логово Шелоб. Арагорн идет к Пеларгиру. Энты уничтожают орков, вторгшихся в Рохан.
13	Фродо схвачен орками на Кириг Унгол. Пеленнор разрушен. Фарамир ранен. Арагорн врывается в Пеларгир и захватывает флот. Теоден в лесу Друадан.

<i>Числа</i>	<i>События</i>
14	Сэм находит Фродо. Минас Тирит в осаде. Лесной Народ показывает рохирримам дорогу к Минас Тириту.
15	На рассвете Король-Чародей разбивает Ворота Минас Тирита. Денетор сжигает себя на костре. Звучат рога рохирримов. Битва в Пеленноре. Пал Теоден. Развоплощен Король-Призрак. Арагорн поднимает стяг Арвен. Фродо и Сэм уходят из крепости. Сражение в Сумеречье. Трандуил отбрасывает силы Дол Гулдура. Вторая атака на Лориен.
16	Совет военачальников. Фродо смотрит на Роковую Горю.
17	Сражение на севере. Король Бранд и Царь Даин Железностоп погибают. Гномы и люди укрываются в Эреборе. Гора осаждена. Шаграт приносит плащ, кольчугу и меч Фродо в Барад Дур.
18	Войска Запада выходят из Минас Тирита. Фродо и Сэм идут в колонне орков к Удуну.
19	Войска Запада подходят к Моргульской Долине. Фродо и Сэм идут по дороге к Барад Дуру.
22	Фродо и Сэм поворачивают к Роковой Горе. Третья атака на Лориен.
23	Войска минуют Итилиен. Арагорн разрешает слабодушным вернуться. Фродо и Сэм оставляют лишние вещи, доспехи и оружие.
24	Фродо и Сэм у подножия Ородруина. Войска Запада подходят к Мораннону.
25	Фродо и Сэм в Огненной Пещере. Горлум с Кольцом падает в недра вулкана. Конец Барад Дура. Конец Саурана.

После падения Саурана Тьма рассеялась, и войска Врага обуяли страх и отчаяние. Орки Дол Гулдура трижды штурмовали Лориен, но сила Благословенных Земель была столь велика, что без Саурана взять Лориен не удалось. Леса на границах сильно пострадали, но атаки были отбиты, а когда развеялась Завеса Тьмы, Келеберн во главе большого отряда переправился через Андуин и взял Дол Гулдур. Галадриэль обрушила стены крепости.

На севере также шла война. Враги вторглись во владения Трандуила, были большие пожары и разрушения, но в конце концов Трандуил одержал победу. В день эльфийского Нового Года Келеберн

и Трандуил встретились в сердце леса и переименовали Сумеречье в Эрин Ласгален, Ясный Лес. Северная его часть вплоть до лесного нагорья отошла к владениям Трандуила, а южная стала зваться Восточным Лориеном. Срединные леса отошли к Бьорнингам и лесовикам. Однако, когда Галадриэль ушла за Море, Келеберну наскучили его владения, и он удалился в Дольн, где еще жили сыновья Элронда. Лесные эльфы долго жили в Ясном Лесу, а вот Лориен скоро опустел.

Примерно в то время, когда был осажден Минас Тирит, враги вторглись во владения Бранда. К нему на помощь пришли гномы из Эребора, и у подножия Горы была великая битва. Она продолжалась три дня, и в ней пали Король Бранд и Царь Даин Железностоп. Вастаки победили, но многие люди и гномы укрылись в Эреборе.

Вести о великих победах на юге придали осажденным мужества и помогли разбить врагов. Из вастаков уцелели немногие. Они бежали на восток и больше не беспокоили Эсгарот. Королем стал Бард II, а Царем-под-Горой — Торин III Твердошлем, сын Даина. Их посольства присутствовали на коронации Короля Элессара, и в дальнейшем их владения пользовались его покровительством.

Даты основных событий от падения Барад Дура до окончания Третьей Эпохи

Год 3019

(1419 по летоисчислению Ши́ра)

Числа	События
Март	
27	Бард II и Торин III Твердошлем отгесняют врагов от Эсгарота.
28	Келеберн переходит Андуин. Штурм Дол Гулдура.
Апрель	
6	Встреча Келеберна и Трандуила.
8	Хранителей славят на лугах Кормаллена.
Май	
1	Коронация Арагорна. Элронд и Арвен выезжают из Дольна.

<i>Числа</i>	<i>События</i>
8	Йомер и Йовин отъезжают в Рохан с сыновьями Эдронда.
20	Эдронд и Арвен приезжают в Лориен.
27	Свита Арвен покидает Лориен.
Июнь	
14	Сыновья Эдронда встречают и сопровождают Арвен в Эдорас.
16	Эдронд с сыновьями и Арвен выезжают в Гондор.
25	Король Элессар находит молодое Белое Древо.
30	Арвен приезжает в Минас Тирит.
Июль	
18	Йомер возвращается в Минас Тирит.
19	Погребальный поезд Теодена отправляется в Эдорас.
Август	
7	Погребальный поезд прибывает в Эдорас.
10	Погребение короля Теодена.
14	Гости прощаются с королем Йомером.
22	Они прибывают в Изенгард и здесь расстаются с Королем Запада.
28	Они едут дальше и встречают Сарумана. Саруман поворачивает в Шир.
Сентябрь	
6	Мудрые и хоббиты возле Гор Мории.
13	Келеберн и Галадриэль расстаются с ними и направляются в Лориен, остальные держат путь в Дольн.
21	Возвращение в Дольн.
22	Сто двадцать девятый день рождения Бильбо. Саруман приходит в Шир.
Октябрь	
5	Гэндальф и хоббиты покидают Дольн.
6	Они переправляются через Бруинен. Фродо нездоровится.
28	Вечером они прибывают в Брыль.
30	Отъезд из Брыля. К ночи путешественники достигают Брендидаунского моста.

<i>Числа</i>	<i>События</i>
Ноябрь	
1	Хоббитов арестовывают в Дрягве.
2	Хоббиты приходят в Уводье и поднимают Шир.
3	Сражение в Уводье и уход Сарумана.

Конец Войны Кольца

Год 3020

(1420 по л. III. Год Великого Благоденствия)

<i>Числа</i>	<i>События</i>
Март	
13	Фродо заболевает (годовщина ранения в логове Шелоб)
Апрель	
6	На Праздничной Поляне расцветает мэллорн.
Май	
1	Свадьба Сэма и Розы
Венец Лета	Фродо отказывается от должности мэра.
Сентябрь	
22	Сто тридцатый день рождения Бильбо.
Октябрь	
6	Фродо снова болен.

Год 3021

(1421 год по л. III. Последний год Третьей Эпохи)

<i>Числа</i>	<i>События</i>
Март	
13	Фродо снова болен.
25	У Сэма родилась дочь, Эланор Прекрасная. В этот день по гондорскому летоисчислению начинается Четвертая Эпоха.
Сентябрь	
21	Фродо и Сэм выезжают из Хоббитона.

<i>Числа</i>	<i>События</i>
22	В Залесье они встречаются с хранителями Колец.
29	Они прибывают в Серебристую Гавань. Фродо и Бильбо уходят за Море вместе с тремя хранителями. Конец Третьей Эпохи.
Октябрь	
6	Сэм возвращается в Засумки.

Последующие события из жизни членов Братства Кольца (даты даны по летоисчислению Ши́ра).

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1422	С началом этого года начинается Четвертая Эпоха, однако летоисчисление в Летописном Своде Ши́ра остается прежним.
1427	Сэм избран Мэром. Перегрин женится на Бриллиане из Глубокого Распада. Король Элессар издает эдикт, воспрещающий людям появляться в Ши́ре, и объявляет его Свободной Землей под покровительством Скипетра Севера.
1430	У Перегрина рождается сын, Фарамир.
1432	Мериадок Великолепный становится Хозяином Заскочья. Король Йомер и Йовин Итилиенская присылают ему богатые дары.
1434	Пегррин становится Таном. Король Элессар назначает Тана, Хозяина Засумок и Мэра Советниками Северного Княжества. Сэм во второй раз избирается Мэром.
1436	Король Элессар едет на север и некоторое время живет у озера Дрема. Возле Брендидуинского моста он встречается с друзьями, дарит Сэму Звезду Дунаданов, а Эланор становится фрейлиной Королевы Арвен.
1441	Сэм становится Мэром в третий раз.
1442	Сэм, Розы и Эланор приезжают в Гондор и некоторое время живут там.
1448	Сэм становится Мэром в четвертый раз.
1451	Эланор Прекрасная выходит замуж за Фастреда из Травхольма в Западном Кrome.
1452	Повелением Короля Западный Кром отходит к Ши́ру. Многие хоббиты переселяются туда.
1454	У Фастреда и Эланор рождается сын, Эльфстан Дивный.

<i>Годы</i>	<i>События</i>
1455	Сэм становится Мэром в пятый раз. По его просьбе Тан делает Фастреда Стражем Западного Крома. Фастред и Эланор поселяются в Недовышках на Башенных Холмах, где их наследники живут много поколений.
1462	Сэм становится Мэром в шестой раз.
1463	Фарамир Тук женится на Златке, дочери Сэма.
1469	Сэм становится Мэром в седьмой и последний раз. В 1476 году, к моменту окончания службы, ему 96 лет.
1482	Умирает Роза. 22 сентября Сэм выезжает из Засумок. Он навещает Эланор и передает ей Алую Книгу. Видимо, от Эланор пошла легенда о том, что после их последней встречи Сэм ушел в Серебристую Гавань, откуда, последним из Хранителей, отправился за Море.
1484	Король Йомер приглашает Мериадока к себе. Мерри исполнилось 102 года, но он по-прежнему крепок. Они с Таном Перегрином передают дела сыновьям и покидают Шир, чтобы больше не возвращаться. Той же осенью Король Йомер умирает. Перегрин и Мериадок уезжают в Гондор, где мирно оканчивают свои дни. Похоронены они среди Властителей Гондора.
1541	Первого марта ушел Король Элессар. После его смерти Леголас в Итилиене строит корабль и уходит вниз по Андуйну и дальше — за Море. Говорят, вместе с ним ушел гном Гимли. С их уходом в Среднеземье кончается история Братства Кольца.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ГЕНЕАЛОГИИ

В Генеалогии Сумников большинство принадлежит гостям Бильбо, присутствовавшим на Празднике (их имена подчеркнуты), или их прямым предкам. Упомянуты также несколько участников описываемых событий.

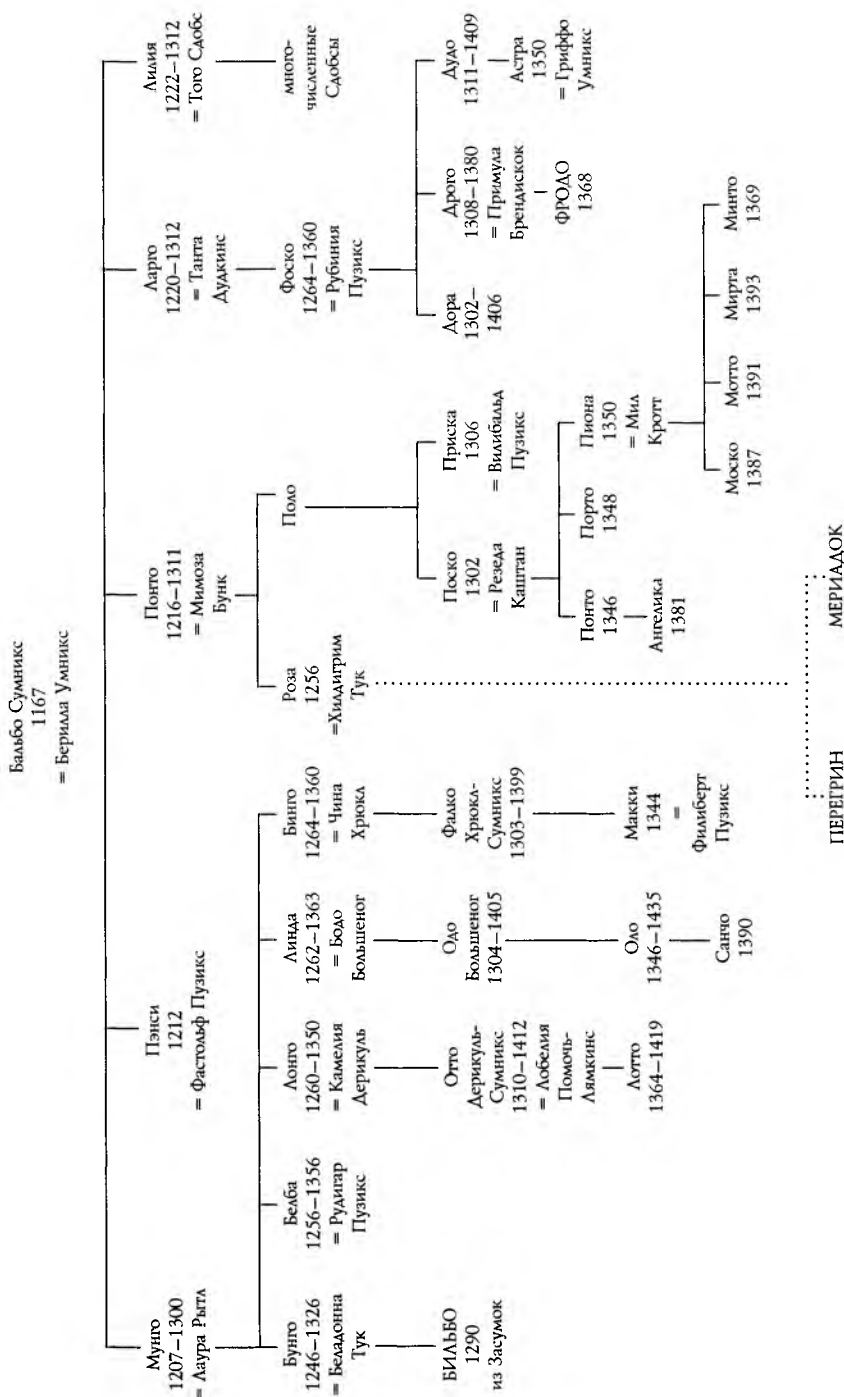
В генеалогическом древе Туков из Смеалищ Таны отмечены знаком *.

Приводятся сведения о родословной Сэмиуса. Впоследствии начавшийся с него род Садовников стал весьма уважаемым в Шире.

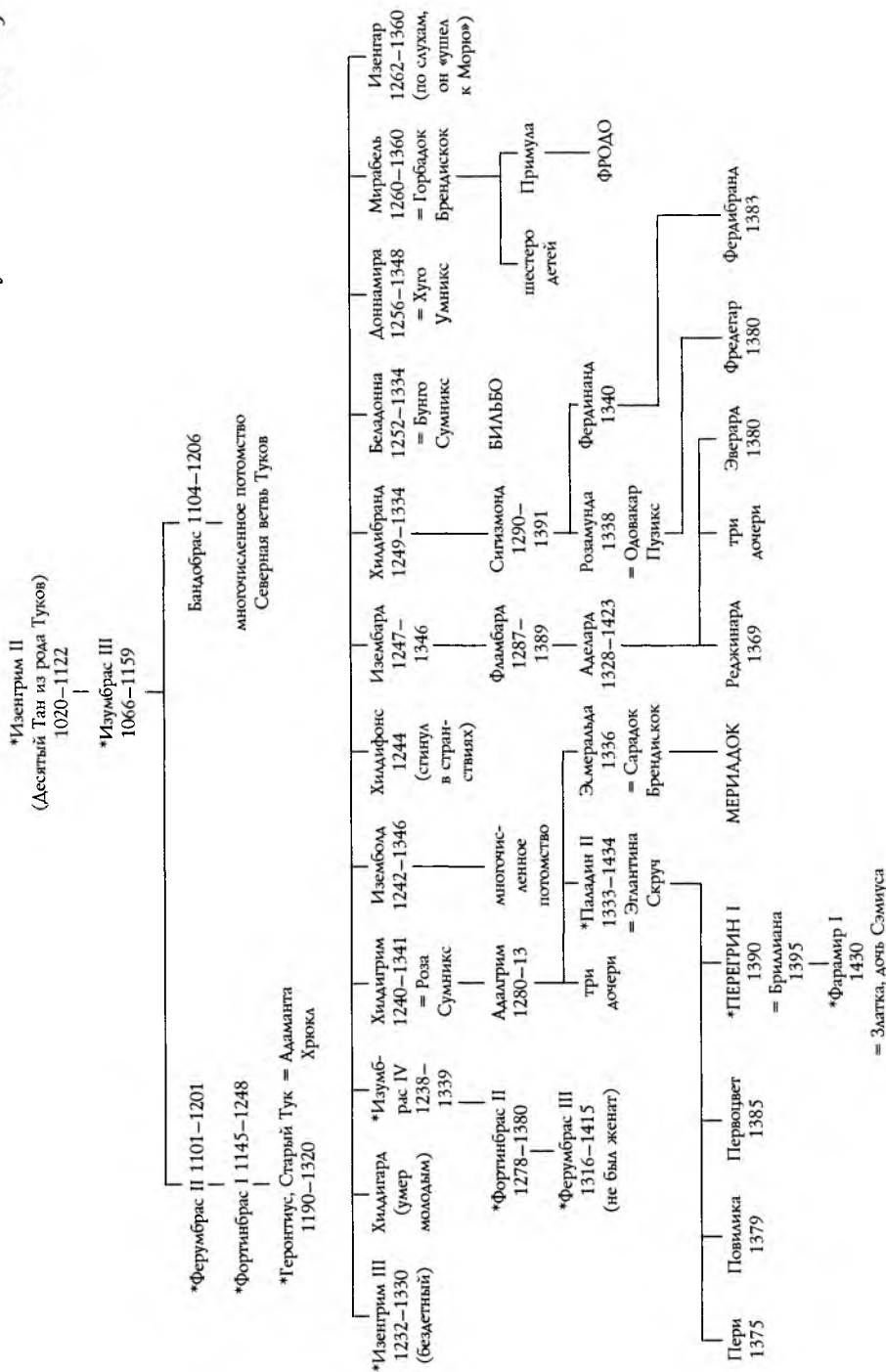
Цифры после имени означают годы рождения (и смерти, если таковая отмечалась).

Все даты даны по летосчислению Марчо и Бланко, берущему начало от переправы братьев через Брендидуин в Первом Году (1601 год Третьей Эпохи).

СУМНИКСЫ ИЗ ХОББИТОНА

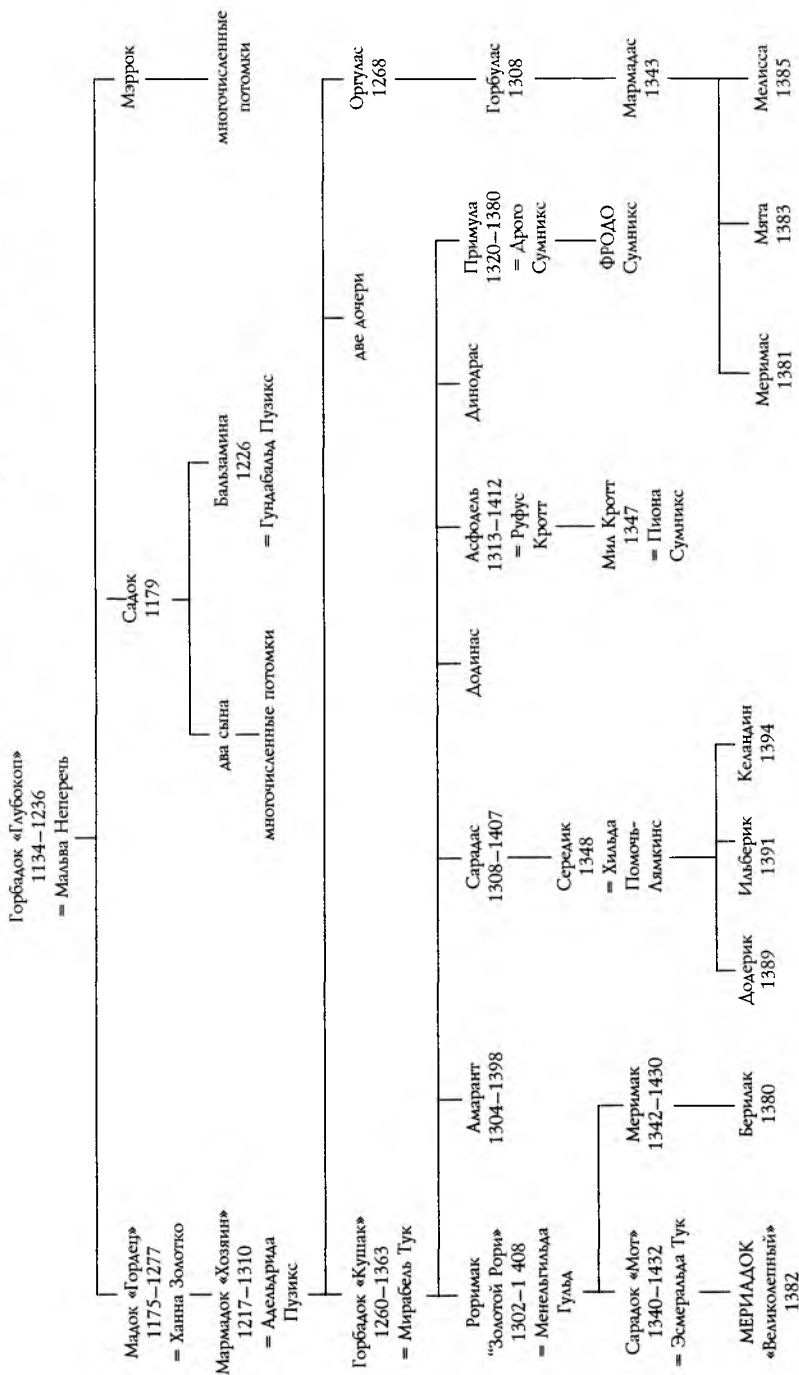

ТУКИ ИЗ СМЕАЛИЩ

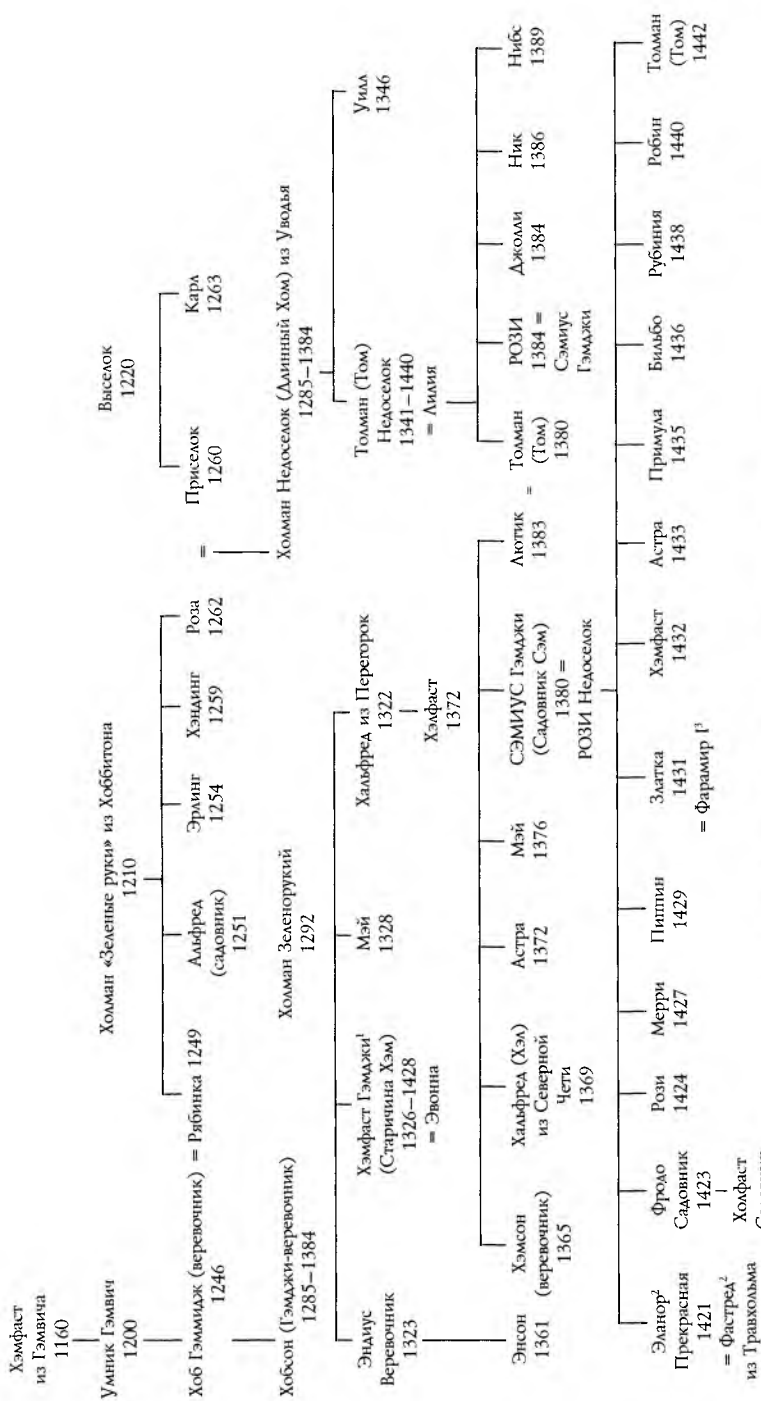

БРЕНДИСКОКИ ИЗ ЗАСКОЧЬЯ

Горендаа Староскок из Марей начал строить Брендинорье
и изменил фамилию на Брендискок

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СЭМИУСА

«Кузен Холман» взял его с собой в Хоббитон садовником.

Они переселились в Западный Кром, земли, подаренные Королем Экссаром, между Адалными и Башенными Хомами. С них началась род Очарованов, Дозорных Западного Крома, хранивших Аую Киугу и снявших с нее столько копий с познаниями замечаниями и добавлениями.

Сын Тана Перегрин I.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

КАЛЕНДАРЬ ШИРА (на любой год)

Каждый год начинается с первого дня недели — субботы — и заканчивается последним днем недели, пятницей. День Середины Лета, а в високосные годы — Лишний Лит, как дни недели не считаются. День перед Днем Середины Лета называется Первым Литом, а день после него — Вторым. Юль в конце года — это Первый Юль, а в начале следующего — Второй. Лишний Лит — особый праздник, но он не имел никакого значения для истории Войны Кольца. Этот день праздновали в 1420 году, отмеченном небывалыми урожаями и изумительной погодой, и подобного веселья не помнят ни предания, ни летописи.

Календари

Календарь Шира немного отличается от нашего. Год у хоббитов, очевидно, имел ту же самую продолжительность*. Описанные выше события происходили давным-давно, если мерить годами и памятью смертных, а в памяти Земли до них рукой подать. Хоббиты не особенно следили за ходом времени, пока не стали оседлым народом. Их «месяцу» приблизительно совпадал с лунным, на «недели» они не раз-

* 365 дней, 5 часов, 48 минут, 46 секунд. — Прим. авт.

(1) Последняя					(4) Астрон					(7) Последит					(10) Сякогень				
Юль	7	14	21	28	1	8	15	22	29	Лит	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	—	2	9	16	23	30	3	10	17	24	—
3	10	17	24	—	4	11	18	25	—	3	10	17	24	—	4	11	18	25	—
4	11	18	25	—	5	12	19	26	—	4	11	18	25	—	5	12	19	26	—
5	12	19	26	—	6	13	20	27	—	5	12	19	26	—	6	13	20	27	—
6	13	20	27	—	7	14	21	28	—	6	13	20	27	—	7	14	21	28	—

(2) Солмес					(5) Тримидж					(8) Ведемес					(11) Бягомес				
—	5	12	19	26	—	6	13	20	27	—	5	12	19	26	—	6	13	20	27
—	6	13	20	27	—	7	14	21	28	—	6	13	20	27	—	7	14	21	28
—	7	14	21	28	1	8	15	22	29	—	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	—	2	9	16	23	30	3	10	17	24	—
3	10	17	24	—	4	11	18	25	—	3	10	17	24	—	4	11	18	25	—
4	11	18	25	—	5	12	19	26	—	4	11	18	25	—	5	12	19	26	—

(3) Рече					(6) Приамит					(9) Хааммес					(12) Придиномь				
—	3	10	17	24	—	4	11	18	25	—	3	10	17	24	—	4	11	18	25
—	4	11	18	25	—	5	12	19	26	—	4	11	18	25	—	5	12	19	26
—	5	12	19	26	—	6	13	20	27	—	5	12	19	26	—	6	13	20	27
—	6	13	20	27	—	7	14	21	28	—	6	13	20	27	—	7	14	21	28
—	7	14	21	28	1	8	15	22	29	—	7	14	21	28	1	8	15	22	29
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29	2	9	16	23	30
2	9	16	23	30	3	10	17	24	Лит	2	9	16	23	30	3	10	17	24	Юль

					день Середины Лета					(Лишний Лит)				
—	3	10	17	24	—	4	11	18	25	—	4	11	18	25
—	4	11	18	25	—	5	12	19	26	—	4	11	18	25
—	5	12	19	26	—	6	13	20	27	—	5	12	19	26
—	6	13	20	27	—	7	14	21	28	—	6	13	20	27
—	7	14	21	28	1	8	15	22	29	—	7	14	21	28
1	8	15	22	29	2	9	16	23	30	1	8	15	22	29
2	9	16	23	30	3	10	17	24	Лит	2	9	16	23	30

менивались, а когда ошибались в подсчетах и датах, то просто не обращали на это внимания. Осев на западных землях Эриадора, они переняли у дунадан календарь (очевидно, заимствованный у Эльдаров) и немного подправили его. Этот календарь, известный как «Ширский счет», признали и в Брыле, только вести счет годам «от заселения Ши́ра» не стали.

По преданиям и обычаям не всегда удастся точно установить как раз самые очевидные для современников вещи: названия букв, дней недели, месяцев. Хоббитов выручила любовь к генеалогии и пробудившийся после Войны Кольца интерес к древней истории. Появились даже сравнительные таблицы по системам летосчисления. Я не очень сведущ в подобных вопросах, так что вряд ли мне удалось избежать ошибок, но хронология событий важнейших лет (1418 и 1419) восстановлена в Алой Книге настолько тщательно, что сомнений в ее достоверности практически нет.

Кажется очевидным, что эльфы, у которых, по меткому замечанию Сэма, «времени в распоряжении было побольше», считали более длинными промежутками. На Квэнья слово *йен*, которое обычно переводится как «год», в действительности соответствовало 144 нашим годам. Эльдары предпочитали считать шестерками и дюжинами. «Солнечный» день от заката до заката они называли *ре*. *Йен* содержал 52 596 дней. Шесть дней составляли неделю, которая называлась *энкуиэ*. В *йене* насчитывалось 8 766 *энкуиэ*. Впрочем, деление на недели имело скорее обрядовый, чем практический смысл.

Эльдары в Среднеземье выделяли также промежуток времени, соответствующий нашему году. Солнечный год в астрономическом смысле назывался *коранар* — «солнцекруг», а в повседневной речи (особенно на северо-западе) его называли *лоа* — «рост». Он начинался с появлением первой весенней зелени, как испокон веков было принято у эльфов. *Лоа* делился на периоды — не то короткие времена года, не то длинные месяцы. Их количество и названия менялись у разных эльфийских народов. Хоббиты знали только календарь Имладриса. В нем насчитывалось шесть «месяцев», которые на Квэнья назывались *туилэ*, *лаирэ*, *йавиэ*, *куэллэ*, *ривэ*, *коирэ*, что можно перевести как «весна, лето, осень, увядание, зима, пробуждение». На синдарском эти названия звучали как *этуил*, *лаэр*, *йавас*, *фирит*, *рив*, *эчуир*. «Увядание» на Квэнья называлось также *лассе-ланта* — «листопад», а на синдарском — *нарбелет*, «стынущее солнце».

Лаирэ и *ривэ* насчитывали 72 дня, а все остальные — по 54. *Лоа* начинался с *йэстарэ*. Этот день шел перед *уилэ*. Заканчивался год днем, который назывался *меттарэ* и следовал за *коирэ*. Между *йавиэ* и *куэллэ* находились три «срединных дня», *эндери*. Такой год насчитывал 365 дней. Для учета високосных годов раз в двенадцать лет *эндери* составляли шесть дней.

До сих пор не вполне понятно, как исправлялись набегающие погрешности. Если тогда год имел ту же продолжительность, что и сейчас, то за *йен* набегала ошибка более чем в один день. Об этой ошибке эльфы, несомненно, знали, так как «по счету Дольна» последний год каждого третьего *йена* укорачивался на три дня, т.е. в этот год *эндери* не удваивались, как должны бы были. О том, как устранялись остальные неточности, не известно ничего.

В Нуменоре эту систему немного изменили. *Лоа* был разделен на более короткие промежутки примерно равной длины, год начинался с середины зимы, по обычаю Людей Северо-Запада, с которыми нуменорцы расстались в Первую Эпоху. Со временем неделя в Нуменоре стала составлять семь дней, а дни стали считать от восхода до восхода Солнца за окоемом восточного моря.

Нуменорская система, которой пользовались также в Арноре и Гондоре при правлении Королей, называлась «счетом Королей». Обычный год насчитывал 365 дней. Он делился на двенадцать месяцев — *астар*. В десяти из них было по тридцать дней, в двух — по тридцати одному. Более длинные месяцы были связаны с летним солнцестоянием и примерно соответствовали нашим июню и июлю. Первый день года назывался *йэстарэ*, средний (183-й) — *лоэндэ*, а последний — *меттарэ*. Эти три дня не относились ни к одному месяцу. Каждый четвертый год, за исключением конца столетия (*хараниэ*), к *лоэндэ* добавлялись два «срединных дня», *эндери*.

Счет времени в Нуменоре вели от 1 года Второй Эпохи. Погрешность, вызванная уменьшением последнего года столетия на один день, не исправлялась до последнего года тысячелетия, составляя к этому моменту недочету в 4 часа 46 минут 40 секунд. Во Вторую Эпоху в Нуменоре день добавлялся в 1000, 2000, 3000 годы. После Падения Нуменора в 3319 г. В.Э. эту систему унаследовали Изгнанники, но в начале Третьей Эпохи произошел сбой, связанный с новой нуме-

рацией: год 3442 В.Э. стал годом 1 Третьей Эпохи. Високосным годом стал 4-й год Т.Э. (а не 3-й, соответствовавший 3444 В.Э.), т.е. один високосный год оказался пропущенным, так что погрешность составила 5 часов 48 минут 46 секунд. Тысячелетние прибавки были сделаны с задержкой на 441 год: в 1000 г. Т.Э. (или 4441 В.Э.) и в 2000 г. Т.Э. (или 5441 В.Э.). Чтобы уменьшить вызванные этим ошибки и учесть тысячелетние погрешности, Мардил Советник осуществил реформу календаря, добавив два дня в конце 2059 г. (5500 В.Э.) для завершения пяти с половиной тысячелетий нуменорской системы летоисчисления. При этом оставалась недостача около 8 часов. Хадор добавил к 2360 г. один день, хотя нужды в этом еще не было. С тех пор никаких изменений в календаре не производилось. (В 3000 г. Т.Э. угроза неизбежной войны отодвинула подобные мелочи на задний план.) К концу Третьей Эпохи, еще 660 лет спустя, нехватка составляла все еще меньше одного дня.

Реформированный календарь, введенный Мардилом, стал известен как «Счет по Советнику» и был принят всеми народами, говорившими на Вестроне, за исключением хоббитов. Все месяцы теперь насчитывали ровно 30 дней, и были добавлены еще два дня, не включенные в счет месяцев: один между третьим и четвертым месяцами (мартом и апрелем) и один — между девятым и десятым (сентябром и октябрем). Пять дней, не входящих в месяцы: *йэстарэ*, *туилерэ*, *лоэндэ*, *йавиэрэ* и *меттарэ*, были праздничными.

Хоббиты придерживались старых обычаев и по-прежнему пользовались «Королевским счетом», приспособив его под свои обычаи и нужды. Каждый месяц насчитывал 30 дней. Между июнем и июлем помещались три «летних дня», которые назывались *Литы*. Последний день старого года и первый день нового назывался Юль. Юли и Литы не входили в счет месяцев, так что 1 января было вторым днем года. В каждом четвертом году (за исключением последнего года столетия)* летних Литов было четыре, а не три. Летние Литы и зимние Юли были главными праздниками. «Лишний Лит» вставлялся после дня Середины лета и являлся поводом для особого веселья. Празднование

* В Шире, в котором 1-й год соответствовал 1601 г. В.Э. В Брыле 1 год соотносился с 1300 г. В.Э., поэтому день добавлялся в первый год нового столетия. — Прим. авт.

Смены года занимало шесть дней, захватывая три последних дня старого и три первых дня нового года.

Обитатели Ши́ра ввели еще одно новшество (признанное и в Бры́ле), которое называли «Ширской реформой». Ежегодно сдвигать дни недели в соответствии с датами показалось им неразумным и утомительным, так что во времена Изенгрима II было решено не включать в счет недель День Сре́дины лета и Лишний Лит. Теперь у хоббитов год всегда начинался с первого дня недели и заканчивался последним, так что одна и та же календарная дата соответствовала одному и тому же дню недели. Постепенно хоббиты перестали указывать дни недели в дневниках и письмах*. В родном Ши́ре нужды в этом не было, а вот когда они оказывались за пределами Ши́ра и Бры́ля, возникали сложности.

До сих пор в примечаниях, как и в самом повествовании, я пользовался современными названиями месяцев и дней недели, хотя, конечно, ни Эльда́ры, ни дунада́ны, ни хоббиты ими не пользовались. Перевод названий с Вестро́на позволил избежать путаницы, а месяцы у нас примерно совпадают, по крайней мере с хоббитскими. День Сре́дины лета, очевидно, тесно связан с летним солнцестоянием. Если принять это допущение, то хоббитские даты опережают наши примерно на 10 дней, так что наше 1 января примерно соответствует 9 января по счету Ши́ра.

Названия месяцев на Вестро́не — это немного измененные названия на Квэ́нья. Вот они:

Нарвиниэ, Ненимэ, Сулимэ, Вирессэ, Лотессэ, Наризэ, Кермиэ, Уримэ, Йаванниэ, Нарквэлиэ, Хисимэ, Рингарэ. Синдарские имена (их использовали только дунада́ны): *Нарвайн, Нинуи, Гваэрон, Гвирит, Лотрон, Норуи, Кервет, Уруи, Йаваннет, Нарбелет, Хитуи, Гиритрон.*

Что касается хоббитов из Ши́ра и Бры́ля, то они сохранили собственные названия для месяцев. По всей видимости, в древности они переняли их у людей из долины Анду́ина. Во всяком случае, схожие

* Беглого взгляда на Ширский календарь достаточно, чтобы отметить, что единственный день, с которого не начинается ни один месяц — это пятница. Отсюда пошла ширская идио́ма «первого, в пятницу», означающая день или событие, которых не может быть (летучих свиней, например, или шагающие деревья). Полностью идио́ма звучит так: «В пятницу, в первый день, в летний Слякотень». — *Прим. авт.*

названия обнаружены в Рохане и Дали. Смысл слов хоббиты со временем утратили, а формы упростили по своему вкусу: окончание *мес* — это сокращенное «месяц».

Ширские названия месяцев приведены в Календаре. Стоит отметить, что *солмес* обычно произносится, а иногда и пишется, как *сомес*; *тримидж* пишется *тримич* (арх. *тримилч*), а *блотмес* произносится как *блодмес* или *бломмес*. В Брыле названия месяцев немного отличаются: *Фрери*, *Солмес*, *Рете*, *Читинг*, *Римидж*, *Лит*, *Летние дни*, *Медес*, *Ведмес*, *Харвесмес*, *Винtring*, *Блотмес* и *Юльмес*. *Фрери*, *Читинг* и *Юльмес* употребляются также в Восточной Чети.

Неделю хоббиты позаимствовали у дунадан, а названия дней недели — это перевод названий, бытовавших в Северном княжестве и заимствованных, в свою очередь, у Эльдаров. Шесть дней недели у Эльдаров посвящались Звездам, Солнцу, Луне, Двум Деревам, Небесам и Валарам, или Силам. При этом последний день считался главным в неделе. На Квэнья эти названия звучат как *Элениа*, *Анариа*, *Исилиа*, *Алдуиа*, *Менелиа*, *Валаниа* (или *Тарион*); по-синдарски это *Оргилион*, *Оранор*, *Оритиль*, *Оргаладхад*, *Орменель*, *Орбелайн* (или *Родин*).

Нуменорцы сохранили названия и порядок дней, но четвертый день называли *Алдэа* (*Оргалад*), посвятив его Белому Древу, предку Нимлот, росшему при дворе Королей Нуменора. Введя седьмой день после Дня Небес, искусные мореходы посвятили его морю и называли *Эарениа* (*Оразарон*).

Хоббиты переняли этот порядок, но значения слов вскоре позабыли — ни к чему оно оказалось, а сами названия упростили, особенно в разговорной речи. Первый перевод нуменорских названий на Вестрон был сделан примерно за две тысячи лет до конца Третьей Эпохи, когда народы Севера переняли у дунадан семидневную неделю. Хоббиты пользовались переведенными названиями, хотя остальные народы, говорившие на Вестроне, оставили названия на Квэнья.

Не очень-то много древних книг сохранилось в Шире. К концу Третьей Эпохи самым основательным источником считался Ежегодник Тукборо*, переплетенный в желтую кожу. Первые записи в нем сде-

* В этой книге содержались записи рождений, свадеб и смертей всех членов семейства Туков, сведения о купле-продаже земли и о важнейших событиях Шири. — *Прим. авт.*

ланы примерно за девятьсот лет до рождения Фродо. Многие из них вошли в анналы и генеалогии Алой Книги. В этом ежегоднике можно найти древнейшие формы названий месяцев: (1) *Звездень*, (2) *Солдень*, (3) *Лундень*, (4) *Древодень*, (5) *Небодень*, (6) *Моредень*, (7) *Высьдень*.

В книге эти названия заменены на привычные нам, *Солдень* и *Лундень* соответствуют нашим воскресенью и понедельнику — что, впрочем, не вполне корректно, так как в Шире главным (праздничным) днем был *Высьдень* (в повествовании это пятница). В этот день после обеда не работали, а вечером пировали. Поэтому хоббичья суббота — это скорее наш понедельник, а хоббичий четверг — наша суббота.

Следует упомянуть еще несколько понятий, связанных со счетом времени, но не используемых в летосчислении. Общеупотребительные названия времен года: *туулэ* — весна, *лаирэ* — лето, *йавиэ* — осень (или сбор урожая), *(х)ривэ* — зима. У зимы, впрочем, не было четких границ, в ней выделяли также позднюю осень и предзимье. Эту пору называли *куэллэ* или *лассе-ланта*.

Эльдары, жившие на севере Среднеземья, особо выделяли сумерки — время появления и исчезновения звезд. Для этой поры суток существовало множество названий. Чаще всего сумерки именовались *тиндомэ* и *ундомэ*: первое относилось к предраассветной поре, второе — к вечеру. Синдары обозначали сумерки словом *уиал*: утренние — *минуиал*, вечерние — *адуиал*. В Шире их называли *морроудим* и *эвендим*. (Название озера Эвендим — перевод синдарского *Ненуиал*.)

В повествовании о Войне Кольца использовались только ширские даты и летосчисление по Счету Ши́ра. Все дни, месяцы и даты, встречающиеся в Алой Книге, пересчитаны по летосчислению Ши́ра или в подстрочных примечаниях указаны по Ширскому счету. Все дни и месяцы во «Властелине Колец» даны по Ширскому календарю. Вот те немногие места, в которых разница между ширским и нашим календарями в этом периоде, с конца 3018 г. до начала 3019 г. Т.Э., по Ширскому счету — 1418, 1419 гг., становится существенной: 30 дней в октябре 1418 года, 1 января — второй день 1419 г., а в феврале — тоже 30 дней. Значит, 25 марта, день падения Барад Дура — это 27 марта по нашему счету, если бы наш календарь начинался с того же дня

года. Однако и по Счету Королей, и по Счету Советника этот день — именно 25 марта.

С 3019 г. Т.Э. в воссозданном Королевстве было начато новое летосчисление. Это было возвращение к Счету Королей, но привязанное к началу весны, как эльдарский *лоа**.

По Новому Счету год начался 25 марта по старому стилю, в память о падении Саурона и деяниях Хранителей Кольца. Месяцы сохранили прежние названия, но первым теперь шел апрель (*вирессэ*), и начинались они примерно на пять дней раньше, чем по старому стилю. Во всех месяцах насчитывалось 30 дней. Между *йаванниэ* (сентябрем) и *наркуэлэ* (октябрем) помещались три *эндери* (Срединных дня), второй из них назывался *лоэндэ*. Эти дни соответствовали 24, 25, 26 сентября по старому стилю. В честь Фродо день его рождения, 22 *йаванниэ*, был объявлен праздничным днем. В високосные годы к этому празднику добавлялся еще один день, который назывался Кормарэ (День Кольца).

Считается, что Четвертая Эпоха началась с уходом за Море Элронда Эльфинита в сентябре 3021 г.; но по календарному счету Воссоединенного королевства ее начало совпадает с началом нового летосчисления, т.е. 25 марта 3021 г. по старому стилю.

Это летосчисление в правление короля Элессара было принято во всех его землях, кроме Ши́ра. Там сохранялся старый календарь. 1-й год Четвертой Эпохи — это 1422 г., а когда до хоббитов дошли слухи о начале новой эпохи, то они начали ее со 2 июля 1422 г., а не с марта.

У нас нет сведений о том, что хоббиты как-то отмечают 25 марта или 22 сентября; но в Западной Чети, особенно около Засумок, со временем сложился обычай отмечать танцами и весельем на Праздничной поляне 6 апреля (если погода позволяет). По одним сведениям, это день рождения Садовника Сэма, по другим — в этот день в 1420 г. впервые зацвело Золотое Дерево; кое-кто уверяет, что это эльфийский Новый Год. В Заскочье каждый год 2 ноября на закате трубят в Рог, жгут костры и пируют**.

* Хотя в действительности йэстарэ по Новому Счету начинается раньше, чем по Календарю Имладриса, в котором он приходится примерно на 6 апреля. — *Прим. авт.*

** Впервые этот Рог прозвучал в Шире в этот день в 3019 г. — *Прим. авт.*

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПИСЬМЕНА

В Третью Эпоху в Среднеземье для письма пользовались знаками только эльфийского происхождения. Уже в то время их следовало относить к глубокой древности. Знаки Эльдаров давно достигли стадии полных алфавитов, но еще встречались архаичные варианты, в которых полностью прописывались только согласные.

Известны два вида алфавитов: *Тенгвар*, или в другом произношении *Тив* (собственно «письмена»), и *Кертар*, или *Кирт* («руны»). Тенгвар применялся для писания кистью или стилем, а Кертар наиболее подходил для высеченных надписей. Знаки Тенгвара более древние, их ввели в обращение Нолдоры задолго до изгнания. Принятая тогда форма письмен Румила в Среднеземье неизвестна. Знаки, введенные Феанором, имеют румильскую основу. Они принесены в Среднеземье изгнанниками-Нолдорами и позаимствованы Аданами и Нуменорцами. В Третью Эпоху ими пользовались уже все, говорящие на Всеобщем языке. Кертар — изобретение Синдаров Белерианда, очень удобное для кратких текстов на камне или дереве. Угловатая форма придает знакам Кертара чисто внешнее сходство с современными рунами, но организация алфавита совершенно иная. На востоке простейшая и старейшая форма Кертара имела широкое распространение еще во Вторую Эпоху. Тогда же им начали пользоваться Люди, Гномы и даже орки. Каждый народ приспособлял знаки Кертара к своим нуждам и привычкам, соответственно меняя их форму. Одна из таких форм долго сохранялась в письменности народа Эсгарота.

	I	II	III	IV
1	¹ p	² p	³ q	⁴ q
2	⁵ m	⁶ m	⁷ m	⁸ m
3	⁹ b	¹⁰ b	¹¹ c	¹² c
4	¹³ h	¹⁴ h	¹⁵ cl	¹⁶ cl
5	¹⁷ m	¹⁸ m	¹⁹ m	²⁰ m
6	²¹ n	²² n	²³ u	²⁴ u
	²⁵ y	²⁶ y	²⁷ t	²⁸ t
	²⁹ e	³⁰ e	³¹ e	³² e
	³³ l	³⁴ l	³⁵ l	³⁶ o

В Белерианде, соприкоснувшись с Тенгваром в конце Первой Эпохи, Кертар получил новое развитие. Самая богатая возможностями и стройно организованная разновидность Кертара получила название Алфавита Даэрона по имени создателя. Даэроном звался менестрель Короля Тингола из Дориата. Эльдары Белерианда редко прибегали к этому Алфавиту, а вот в Эрегионе только «Даэроном» и пользовались, а уж оттуда он перешел к морийским гномам, быстро вытеснив все остальные формы. Спустя многие годы гномы называли «Даэрон» — Ангертас Мориа («Длинные рунные строки Мории»). В разговорной речи гномы продолжали пользоваться Тенгваром, многие искусно писали на «Феаноре», но родной язык (тщательно оберегаемый от посторонних) переводили только на Кертар, развив его рукописные формы.

(1). Письмена Феанора

Приводимая таблица 1 содержит все символы, принятые в Западных Землях в Третьей Эпохе. Это их «формализованно-книжный» вид. Но это не алфавит в строгом смысле, то есть бессистемные ряды знаков, каждый из которых имеет собственное независимое значение, расположенные в общепринятом порядке, не связанном ни с начертанием, ни со звуками, соответствующими знакам. Перед нами система согласных, приспособленная для передачи согласных звуков эльдарских языков; при этом знаки изначально не имели фиксированного значения и лишь постепенно между ними устанавливалась взаимосвязь.

24 исходных знака сведены в четыре серии (темара), состоящих каждая из шести уровней (тиэллер), и дополнены вспомогательными знаками (25–36). Из вспомогательных 27-й и 29-й знаки были независимыми, а остальные — модификациями. Кроме того, существовали специальные знаки (в таблицу они не вошли) для передачи гласных или часто встречающихся сочетаний согласных. Исходные знаки содержат обязательные элементы: телко (палочка или штрих) и лув (дуга). Палочка могла быть поднята, как, например, в 9–16, или опущена (17–24), а дуга открыта (серии I и III) или закрыта (II, IV). И палочка, и дуга могли удваиваться (5–8). Серия I предназначалась для зубных согласных, а серия II — для губных. Сериями III и IV достигалась вариативность представления различных языков.

В языках, подобных Вестрону, часто встречающиеся согласные «х», «ж», «ш» передавались в III серии, а IV использовалась в качестве обыкновенной «к»-серии. Уровень I предназначался для безголосных взрывных согласных: «т», «п», «к» и т.п. Добавление дуги означало «добавление голоса». Так, если 1–4 = «т», «п», «ш», «к», то 5–8 = «д», «б», «ж», «г». Поднятая палочка означала придыхание, и тогда, например, в 3-м уровне 9–12 следовало произносить как «т» с придыханием, «ф», «ц», «х», а 4-й уровень, 13–16 = «д» с придыханием, «в», «ч» и «г» с придыханием. Палочка могла быть развита и вверх, и вниз, что обогащало 3-й и 4-й уровни вариантами произношений.

5-й уровень использовался для носовых звуков. 17 и 18 соответствовали «н» и «м», тогда 6-й уровень представлял безголосые носовые, но так как в языках они редки, то этот уровень (21–24) применялся для передачи «полуголосовых» согласных, обозначавшихся упрощенными

первичными знаками (21 соответствовало слабому безголосому «р», 22 — «в» (в англ. языке — дубль в), 23 — «й»). Со временем 6-й уровень утратил значение для эльдарских языков, и 21–24 стали обозначать гласные.

В Квэния значения букв были иными из-за иной частотности устойчивых звуковых сочетаний («нд», «мб», «нг» и т.п.), обозначавшихся одним символом.

Дополнительные письмена.

Традиционное значение 27 — «л», 25 (модификация 21) — полное звучащее «р», 26 и 28 — безголосые «р» и «л». 29 — «с», а 31 — «з» в тех языках, где этот звук встречается. 30 и 32 — варианты 29 и 31. 35 мог использоваться для передачи «й», а 36 — безголосого «в».

Гласные записывались над согласными. В Квэния, где множество окончаний — гласные, знак располагался над предыдущей согласной, в синдарском языке — над последующей, а иногда — над ближайшим коротким штрихом. Надо отметить, что отличия написаний для разных языков были весьма значительны. Например, для передачи «а» могли применяться три точки, но в Квэния, где этот звук — один из самых частых, он вообще опускался. Так слово «калма» (лампа) могло быть записано как «клм». Одна точка и апостроф использовались соответственно для «и» и «е» (бывало и наоборот), для «о» и «у» применялись завитки, открытые вправо или влево, причем последнее имело немалое значение. Так в надписи на Кольце завиток, открытый вправо, обозначает «у», а в титульных надписях — «о». Разница определялась частотностью знака в языке. Для часто встречавшихся применяли правооткрытый завиток. Две точки заменяли следующий звук «й».

Надпись на Западных Воротах Мории сделана «полным написанием», где гласные представлены своими знаками. Все они имеются в таблице. Так в синдарском 30 = «и». Дифтонги либо писались полностью, либо над соответствующей гласной ставился знак (текста) последующей гласной.

Знаки имели имена. В Квэния использовались полные имена, то есть слова, содержащие обозначаемый звук по возможности первым в слове (сразу после гласной).

Самые распространенные названия букв в Квэния, это «н» (17), «х» (33), «р» (25), «ф» (9): «нумен», «хьармен», «ромен» и «формен» — запад, юг, восток и север (для сравнения, в синдарском: «дун» или «аннун», «харад», «рун» или «амрун», «фород»). Этими буквами обо-

1	Р	16	А	31	Х	46	Н
2	К	17	Л	32	Ы	47	Н
3	А	18	Й	33	Ж	48	П
4	Я	19	Ш	34	Г	49	А
5	Ф	20	Ч	35	С	50	Л
6	В	21	Ц	36	Х	51	ММ
7	Э	22	П	37	Ж	52	Л
8	Ъ	23	М	38	М	53	Й
9	Р	24	М	39	І	54	Л
10	Г	25	М	40	Н	55	Т
11	А	26	М	41	Н	56	Й
12	Т	27	Т	42	Х	57	Т
13	Л	28	К	43	Х	58	А
14	А	29	К	44	О		І
15	Л	30	У	45	О		Т

значали направления З, Ю, В, С даже в языках, использующих для названий сторон света другие слова. В западных землях принят был порядок отсчета, при котором лицо говорящего обращено на запад. Тогда «хьармен» и «формен» просто означает «лево» и «право» (в отличие от большинства человеческих языков).

(2) Кертар

Кертар Даэрон был задуман для передачи звуков синдарской речи. Знаки древнейшего Кертара представлены в следующей таблице 2 под номерами 1, 2, 5, 6, 8, 9, 12, 18, 19, 22, 29, 31, 35, 36, 39, 42, 46, 50. 13–15 — нефиксированные знаки. Система расположения отсутствует. 39, 42, 46, 50 — гласные, оставшиеся при дальнейшем развитии неизменными. 13 и 15 — это «х» или «с», так же как 35. Эта неопределенность просуществовала долго. В знаках, содержащих в качестве элементов «палку» и «ветку», «ветка» обычно присоединялась к «палке» справа. Левое присоединение встречалось редко и не имело фонетического смысла.

Даэрон расширил и упорядочил древний Кертар. Серии 13–17 и 23–28, видимо, принадлежат Нолдорам Эрегиона, поскольку представляют звуки, отсутствующие в синдарском.

В упорядоченном «Даэроне»^{*} можно выделить следующие признаки (вероятно, подсказанные системой Феанора):

- дополнительная «ветка» означает усиление звука;
- перевернутый знак требует придыхания;
- «ветка» справа и слева усиливает звук и делает его носовым.

Морийские гномы произвели в «Даэроне» существенные изменения. Надпись на могиле Балина сделана уже на Ангертас Мориа. Изменились значения: 12 — «р», 17 — «з», 22 — «н», 29 — «ч», 33 — «х», 35 — «ь», 40 — «и», 53 — «н», 58 — «ц».

У гномов Эребора была своя транслитерация. Она встречается, например, в Книге Мазарбул, но здесь не приводится.

^{*} Примерное звучание букв «Даэрона» на русском языке: 1 — «п», 2 — «б», 3 — «ф», 4 — «в», 6 — «м», 8 — «т», 9 — «д», 12 — «н», 13 — «ц», 14 — «ч», 15 — «ш», 16 — «ж», 18 — «к», 19 — «г», 20 и 54 — «х», 29 — «р», 31 — «л», 34 и 35 — «с», 36 — «з» (в Квэния — двойное «с»), 39 — «и» или «й», 38 — сочетание «нд»; гласные: 42 — «у», 45 — «ю», 46 — «е», 47 — «э», 48 — «а», 50 — «о», 52 — «е». 43, 49 и 51 — долгие «у», «а» и «о». — *Прим. пер.*

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

НАРОДЫ И ЯЗЫКИ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Язык, на котором написаны Летописи, — *Вестрон*, или Всеобщий язык Западных Земель Среднеземья в Третью Эпоху. На протяжении этой эпохи он стал «родным» языком всех народов (кроме эльфов), живших в пределах древних королевств Арнор и Гондор: вдоль всего побережья от Умбара до покрытого льдом Форохельского Залива, а на суше — до Мглистых и Хмурых Гор. Он распространен также на севере, вверх по течению Андуина, на нем говорят западнее Реки и восточнее Гор до самой Оболони.

Во времена Войны Кольца он по-прежнему существовал в качестве основного.

Небольшая часть Дикого Народа все еще жила в лесу Друадан в Анориене, а в холмах Дунгара селились остатки коренного населения Гондора. Там говорили на своих языках, как и в Рохане, куда всего пятьсот лет назад пришли с севера рохирримы. Но и для тех, кто сохранял исконный язык, Вестрон был обязательным вторым языком. Так было и у эльфов, так было и по всем долинам Андуина, и на востоке до дальних опушек Сумеречья. Даже среди Дикого Народа и дунгар, избегавших контактов с другими племенами, обязательно были владевшие Вестроном, хотя, может быть, говорили они на нем не очень чисто.

I. О наречиях народов Среднеземья

Эльфы

Давным-давно, в Предначальную Эпоху, Эльфы разделились на две основные ветви: Западных (Эльдаров) и Восточных Эльфов. К последним относится большая часть народов Сумеречья и Лориена. Их язык не звучит в этой повести, все имена и слова здесь — эльдарские. В Лориене того времени говорили на синдарском наречии, хотя и с акцентом, поскольку большинство тамошних эльфов были лесными (этот акцент и вообще малое знакомство с «сумеречным наречием» ввели Фродо в заблуждение, как указывает гондорский автор комментариев к Тановой Книге). Большинство эльфийских слов, цитируемых в Летописи I, — синдарские, как и большинство имен и географических названий. Но «Лориен» и «Нимродель», возможно, имеют в основе своей слова лесных эльфов, приближенные к синдарскому наречию.

Из эльдарских языков в этой книге можно видеть два: Древнее Наречие, или *Квэния*, и Сумеречное, или *Синдарин*. Древнее Наречие — это древний язык Эльдамара, первый из языков, имевших письменность. Это — мертвый язык, своего рода «эльфийская латынь». Высокие Эльфы, вернувшиеся в Среднеземье в конце Первой Эпохи, пользовались им для разного рода церемоний, Книг Знаний и песен.

Сумеречное Наречие изначально родственно Квэния, ибо это язык Эльдаров, которые не покидали Среднеземья, а во времена Великого Похода остановились в Белерианде. Правил ими Тингол Сребромант из Дориата, и под долгими сумерками язык их медленно менялся, как менялись очертания земель смертных, пока наконец совершенно перестал походить на язык Заморских Эльдаров.

Те, кто вернулся в Среднеземье, жили среди более многочисленного народа Сумеречных Эльфов и постепенно приняли Синдарин для повседневного общения, так он стал языком всех эльфов и их Владык, упомянутых в этих Летописях. Ибо все Владыки — Эльдары. Самой благородной из них была Галадриэль из Дома Финарфина, сестра Финрода Фелагунда, короля Нарготронда.

В сердце Изгнанников, когда-то покинувших Среднеземье ради Неувядающих Земель, а затем вернувшихся, зов Моря звучал непрестанно; в сердцах Сумеречных Эльфов он дремал, но если однажды просыпался — утолить его было невозможно.

Люди

Вестрон был человеческим языком, дополненным и смягченным влиянием эльфов. В основе его был язык Аданов, пришедших на Запад, в Белерианд, в Первую Эпоху и помогавших Эльдарам в Войне Сильмариллов против Черной Силы Севера.

Черную Силу удалось победить, но Белерианд был разрушен и частично затонул. Тогда Дружьям Эльфов, как и Эльдарам, дана была возможность уйти за Море. Но Неувядающие Земли были для них закрыты, и поэтому западнее всех обитаемых земель из пучины Моря был поднят остров Нуменор. Большинство Друзей Эльфов поселилось там. Со временем они стали великими и могучими, прославленными моряками, владевшими огромным флотом. Высокие ростом и прекрасные ликом, они жили втрое дольше, чем люди Среднеземья. Таковы были Нуменорцы, Короли Людей, которых эльфы звали дунаданами. Из всех народов Среднеземья они одни знали язык эльфов и говорили на нем. Еще их праотцы изучили Сумеречное Наречие и передали эти знания своим детям, к тому же этот язык почти не менялся. Мудрые знали еще и Древнее Наречие, Квэния, и предпочитали его всем остальным, но пользовались им только по особым случаям. Так, например, название «Нуменор» заимствовано из Квэния, как и имена «Элендил», «Исилдур» и «Анарион», а также все имена гондорских Королей. «Элессар» на Квэния означает Эльфийский Камень. Имена Арагорн, Денетор, Гилраэнь звучат на Сумеречном Наречии. Многие взяты из сказаний и песен Первой Эпохи (Берен, Хурин). Есть и смешанные — например, Боромир.

Родным языком нуменорцев оставался язык людей *адунаик*. Спустя много лет к нему вернулись Короли и властители Нуменора, отказавшись от языка эльфов. Только немногие Верные продолжали говорить на эльфийском. В годы могущества Нуменора было сооружено множество крепостей и укрепленных гаваней на побережье Среднеземья. Крупнейшей из них был Пеларгир возле устья Андуина. Там говорили на адунаике; потом, смешавшись с языками младших народов, он и стал Всеобщим языком.

После падения Нуменора Элендил привел немногих уцелевших Друзей Эльфов на северо-запад Среднеземья. Там уже жили люди, в чьих жилах текла нуменорская кровь, но мало кто из них помнил эльфийское наречие. С самого начала дунаданов было намного меньше,

чем младших людей, среди которых они жили и которыми правили, владея долгой жизнью, огромной властью и великой мудростью. Поэтому они и пользовались Всеобщим языком, усовершенствовав его и пополнив словами и понятиями из эльфийского.

Во дни Князей Нуменорцев этот облагоустроенный Вестрон был просторен даже среди их врагов, сами дунаданы пользовались им все чаще, и к Войне Кольца эльфийский помнили только немногие из народа Гондора. В основном это были жители Минас Тирита и Дол Амрота. Но почти все имена и названия в Гондорском Княжестве были эльфийскими. Происхождение некоторых забылось, видно, они восходят еще ко времени выхода нуменорцев в Море. Это: Умбар, Арнах и Эрех, Эленах и Рингло; имя Форлонг того же происхождения.

Население северо-запада ведет начало от Адамов Первой Эпохи, поэтому язык его близок адунаику и Всеобщему языку. Это народы, населявшие верховья Андуина: Бьорнинги и Лесной народ западного Сумеречья, а дальше к северу и востоку — люди Долгого Озера и Эстарота.

Рохирримы имели свой язык, называли себя «Йорлинги» или «Всадники», но свободно владели Всеобщим языком и говорили на нем чисто, как жители Гондора.

Совершенно иным был язык Дикого Народа из леса Друадан. Таков же был и язык дунгар. Все это — остатки народов, живших в незапамятные времена в долинах Белых Гор. Мертвые из Дунхарга тоже из их рода. Но в Темные Годы в южные долины Мглистого Хребта пришли другие народы, а жившие там прежде откочевали на север, к самым Упокоищам. От них пошли брыльчане. Но уже задолго до этого они стали подданными Северного Княжества Арнор и переняли Всеобщий язык. Только в Дунгарском Краю народ держался прежних обычаев и языка. Скрытный это был люд, дунаданов они не жаловали, а рохирримов просто ненавидели. Их язык в этой Книге не встречается.

Дунгарами звали их рохирримы. Роханское «дун» не связано с синдарским «дун» — «запад».

Хоббиты

Хоббиты в Шире, да и в Брыле тоже, ко времени событий, описанных здесь, пользовались Всеобщим языком уже больше тысячи лет. Говорили они на нем по-своему, вольно и беззаботно, но самые ученые из них могли при случае блеснуть и правильными оборотами.

Об их собственном языке ничего не известно. Всегда, даже в самые давние времена, они пользовались языком Людей, рядом с которыми жили. Поэтому, после прихода в Эриадор, они быстро переняли Всеобщий язык, а родное наречие стало забываться. Наверное, на нем когда-то говорили в верховьях Андуина, отдаленно тот язык напоминал роханский. Только южные Хваты перед приходом в Шир говорили на языке, похожем на язык дунгар.

Во времена Фродо об этом еще сохранялась кое-какая память, в основном в именах и названиях: многие из них напоминают названия Эстарота или Рохана. Очень похожи названия дней, недель и месяцев. Некоторые слова — «смеал», «маттом» — еще сохранились в разговорной речи, а большая часть осталась в ширских и брыльских названиях. Большинство личных имен у хоббитов были свои, собственные, и некоторые — весьма древнего происхождения.

Хоббитами обычно называли они себя сами. Люди звали их полуросликами, а эльфы — *перианами*. Происхождение слова «хоббит» было почти забыто. Есть предположение, что вначале так называли Мохноногов Лесовики и Хваты, и было это сокращением роханского *холбитла* — «строитель нор».

Энты

В Третью Эпоху самым древним народом были, без сомнения, *Онодримы*. На роханском это звучит как *энты*. Эльдары познакомились с ними в древнейшие времена. Энты утверждают, что именно Эльдары пробудили в них желание говорить. Язык их сильно отличается от всех прочих: медленный, звучный, с многочисленными повторами, он основан на сложных и разнообразных оттенках произношения гласных и таких различиях тона, которые даже мудрецы Эльдаров не пытались изложить письменно. Своим языком энты пользовались только между собой, но скрывать его не было никакой необходимости, все равно выучить бы его никто не смог. Однако сами энты учили другие языки быстро и никогда не забывали. Предпочтение они отдавали языкам эльдаров, а больше всего любили древнее наречие. Станные слова и имена, которыми, как отмечают хоббиты, пользовался Фангорн и другие энты, имеют эльфийские корни. В некоторых можно уловить отголоски Квэния. Например, «Таурелиломеатумбалеморна Тумбалетауера Ломеанор» можно перевести как

«Леснаязатененнаяглубокаячернаядолина Глубокодолиннолесистая Мрачнаяземля», при этом Фангорн имел в виду примерно следующее: «В глубоких долинах леса лежит черная тень». Некоторые их имена — слова Синдарина, например, Фангорн — «Борода Дерева» или Фимбретиль — «Гибкий Бук».

Орки и наречие Тьмы

Орками называют эти мерзкие создания другие народы. На Синдарине оно звучит как *орч* (мн. *ирчи*). Родственным, без сомнения, является слово *урук* из Наречия Тьмы, так назывались огромные орки-солдаты, что выходили в те дни из Мордора и Изенгарда. Тех, кто поменьше, урук-хайи звали *снага* — раб.

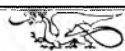
Орки были созданы Черной Силой Севера в Предначальную Эпоху. Говорят, своего языка у них не было, они брали, что могли, из других языков и переиначивали по-своему, но получались грубые жаргоны, пригодные только для проклятий и ссор. Эти твари, злобные и ненавидевшие даже друг друга, быстро породили множество диалектов, и вскоре разные орды едва понимали язык соседей.

Видимо, поэтому в Третью Эпоху орки тоже пользовались Вестроном, а в Мглистых Горах он вообще стал родным языком, хотя звучал ужасно. Орочье *тарк* — «человек из Гондора» — это искаженное *таркил*, слово, заимствованное из Квэния, обозначающее на Вестроне потомков нуменорцев.

Говорят, что Наречие Тьмы было создано Сауроном в Черные Годы. Он хотел, чтобы на нем говорили все его прислужники, но потерпел здесь неудачу. Отдельные слова из Темного Наречия прижились среди орков, например, *гхаиш* — «огонь». После первого падения Саурона язык этот быстро забыли все, кроме назгулов. После того как сила Саурона вновь окрепла, на Темном Наречии стали говорить в Барад Дуре и Мордоре. Надпись на Кольце была сделана на Темном Наречии.

Тролли

Слово «троль» использовалось, чтобы перевести эльфийское *то-рог*. В сумерках Предначальной Эпохи это были мрачные, неуклюжие и тупые создания, язык которых не отличался от языка животных. Но Саурон использовал и их, обучив той малости, которую они способны

были понять, и с помощью чар развил их способность мыслить. Поэтому тролли переняли язык от орков, а в западных землях Каменные Тролли говорили на сильно упрощенном Всеобщем языке.

Но в конце Третьей Эпохи в южном Сумеречье и на границах Мордора появились тролли, не виданные ранее. На Темном Наречии они назывались олог-хайи. Никто не сомневался, что это создание Саурона, но что послужило материалом неизвестно. Кое-кто считал их просто гигантскими орками, но по внешности и разуму олог-хайи отличались даже от самых крупных орков. Они были троллями, словно целиком состоявшими из злобной воли их господина: жуткое племя, сильное, проворное, лютное, и тверже камня. В отличие от древнего племени, они могли спокойно выносить солнце, покуда жива была воля, их направлявшая. Говорили они мало и только на Темном Наречии, употреблявшемся в Барад Дуре.

Гномы

Гномы — народ особенный. Об их странном рождении, сходстве и несходстве с Людьюми и Эльфами повествует «Сильмариллион», эльфы Среднеземья ничего не знали об этом, а предания Людей перемешаны с воспоминаниями других народов.

Гномы — крепкий, выносливый, большей частью скрытный народ, очень трудолюбивый, долго хранящий память об обидах (но и о дружбе тоже). Они больше любили материал, который можно обрабатывать, чем живое. Зла в их природе не было, и что бы там ни говорили, а прислужников Врага среди них можно пересчитать по пальцам. Да и то: говорят-то об этом люди, которые всегда зарились на сокровища гномов, так что особой дружбы между этими народами никогда не было. Исключение составляет небольшой период Третьей Эпохи, когда гномы много передвигались по Среднеземью, торговали и учились. Тогда они переняли и язык народа, с которым общались, но втайне пользовались своим, довольно странным языком, очень мало изменившимся с годами. Он не очень годился для общения и употреблялся как язык Знания. Гномы свято хранили его, как сокровище, оставшееся от прошлого. Из других народов им владели считанные единицы. В этой летописи он появляется только в тех географических названиях, которые Гимли открыл своим друзьям, да еще в боевом кличе при осаде Хорне. Уж этот-то клич не был тайным, потому что звучал на полях

многих сражений со времен юности мира: *Барук Казад! Казад аи-мену!* — «Топоры Гномов! Гномы (идут) на вас!»

Собственное имя Гимли и имена его сородичей взяты из языка людей. Своих тайных «внутренних» имен гномы не открывают никому. Даже на могильных камнях вы их не найдете.

II. О переводе

Для того, чтобы познакомить читателя с Алой Книгой, пришлось, естественно, переводить ее на современный язык. Но большинство имен действующих лиц и географических названий, имевших более древнее происхождение, чем Всеобщий язык, остались неизменными.

Основной язык повествования — Всеобщий язык Среднеземья — был переведен на современный английский. При этом не удалось сохранить своеобразие текстов на Вестроне. Попытка компенсировать эти потери разнотильным английским едва ли удачна, так как в изначальном тексте расхождения в произношении, а также идиоматические выражения, свойственные Ширу, эльфийским землям или гондорским владениям весьма значительно отличаются. Так, например, хоббиты пользуются в основном упрощенным диалектом, в то время как в Гондоре или в Рохане отношение к древнему языку более строгое, а сам язык — суше.

Одно из отличий языка оригинала от английского перевода следует отметить особо. Во Всеобщем языке существует разница между фамильярной формой общения и уважительной в местоимениях второго (а зачастую и третьего) лица. Но в ширском диалекте уважительная форма обращения — всего лишь трансформированная повседневная речь. Это особенно заметно в разговорах фермеров Западной Чети, когда они хотят выразить приязнь и дружеское расположение. Для гондорцев это звучит по меньшей мере странно. Например, в первые дни пребывания в Минас Тирите Перегрин Тук пользовался принятой в Шире «фамильярной» манерой обращения ко всем без исключения, в том числе — и к Правителю Денетору. Правителя это, пожалуй, забавляло, а вот слуг удивляло, и весьма. Видимо, именно естественная фамильярность заставила гондорцев относиться к Перегрину, как к знатному вельможе.

Надо сказать, что речь и хоббитов, и таких персонажей, как Арагорн или Гэндальф, меняется по ходу повествования. Это не случайно. Наиболее смышленные и грамотные из хоббитов владели «книжным» языком, как называли его в Шире, и легко усваивали манеру речи, принятую в той или иной стране. И конечно, это было естественно для опытных путешественников, таких, например, как Арагорн, которому почти постоянно приходилось скрывать свои цели и помыслы. С другой стороны, во дни Войны Кольца все без исключения враги одного Врага весьма уважительно относились к великому прошлому Среднеземья; это не могло не влиять на язык общения. Эльдары, весьма искусные в риторике, владели всевозможными стилевыми формами, но предпочитали диалект Вестрона, еще более древний, нежели распространенный в Гондоре. Гномы, тоже мастера поговорить, легко усваивали манеру собеседника, но велеречивости их несколько вредила гортанность произношения. Орки и тролли изъяснялись как придется, к словесным формам никакого интереса не испытывали, поэтому язык этих злыдней на самом деле грубее, чем в английском варианте. Едва ли у кого-нибудь появится желание познакомиться с ним поближе. Впрочем, иногда он звучит и в английской речи, оставаясь универсальным языком для людей с орочьими понятиями: бесцветный и нудный, избобилующий злобными интонациями, пересыпанный ругательствами и оскорблениями, он слишком далеко ушел от идей Добра, чтобы сохранить хотя бы словесную значимость.

Итак, отмечены несоответствия. Обычно этим и ограничиваются, но я пошел дальше, переведя на английский многие имена и названия в соответствии с их смысловыми значениями. Да и сами названия на Вестроне имеют, как правило, более древние аналоги. Таковы Дольн, Седонна, Серебрень, Черная Крепость. Некоторые слова при переводе несколько изменили свое значение: например, Гора Рока вместо «Ородруин» (Огненная Гора) или Сумеречье вместо «Таур-э-Ндаэделос», что в буквальном переводе означает «Лес великого страха». Некоторые названия представляют собой искаженные эльфийские. Таков Брендидуин, образованный от Берендуина.

Возможно, такой подход не бесспорен, но, по моему мнению и с точки зрения хоббитов (а именно ее я и старался придерживаться), сохранение оригинальных именований затемнило бы временные признаки, создало бы слишком резкий контраст между повсеместно рас-

пространенным языком (таким же привычным и естественным, каким является для нас английский) и более древними, хотя и всячески уважаемыми языковыми формами. В этом случае все просто транскрибированные названия мало что смогли бы сказать современному читателю. В самом деле, нельзя же ставить рядом эльфийское название «Имладрис» и его перевод на Вестрон — «Карнингул». А называть Дольн Имладрисом — все равно, что называть современный Винчестер Камелотом (хотя в Дольне в Третью Эпоху все еще жил Владыка, куда более славный и древний, чем Артур, живи он до сих пор в Винчестере).

Эти соображения и привели к «англизации» Ши́ра. Сделать это было нетрудно, потому что в большинстве хоббитские названия представляют сложносоставные слова, разлагаемые на простые элементы, которым легко подыскать аналоги в английском: там то и дело попадают то «горка», то «поле», в крайнем случае, приходилось использовать сравнительно свежие архаизмы, например, «Росстань» вместо простого «Перекрестка». Если название относится к древним хоббитским словам, полностью вышедшим из обращения, то и в английском приходилось отыскивать такие же. Так появляется «Кром» вместо «Окраины», или «Дрягва», обозначающая всего лишь топкое место.

Хоббитские фамилии происходят скорее всего от родовых прозвищ, часто с насмешливым оттенком, или от названий мест обитания, а в Брыле в них слышатся названия трав и деревьев. В этих случаях перевод нетруден, но несколько фамилий (Тук, Мэггот) остались непереведенными, ибо их значение утрачено.

Так же поступал я и с хоббитскими именами. Девочек в Шире, как правило, называли цветочными именами, иногда использовали названия драгоценных камней. Имена мальчиков такой смысловой привязки не имеют, поэтому имена «Бильбо», «Бунго», «Поло», «Лотто» ничего не означают. Многие имена звучат для нас вполне привычно: Отто, Одо, Дрого, Дора, Кора и т.п. Их я оставлял как есть, лишь изредка меняя окончание (у хоббитов окончание на «а» обычно в мужских именах, на «о» и «е» — в женских, но это слишком непривычно для нас).

* Здесь переводчики испытывают затруднение. Так как мы не приводим английских слов на английском языке, нужно было бы писать: «то и в русском приходилось...», что выглядело бы по меньшей мере глупо в устах автора, славянскими языками интересовавшегося, но книгу написавшего все же по-английски. — *Прим. пер.*

Некоторые старые роды, ведущие происхождение от Лесовиков (Туки, Пузиксы), тяготели к именам звучным; в них слышны давние легенды, как человеческие, так и хоббитские, а смысла не осталось. Но зато они похожи на имена Людей из долины Андуйна, Эсгарота или Рохана. Их я заменял тоже старыми, но франкскими или готскими именами, которые мы знаем по старинным преданиям. Это дало возможность сохранить реально существовавший комический контраст между именем и фамилией, который сами хоббиты прекрасно понимали. «Классическими именами» пользовались редко. Для хоббитов ближайшим эквивалентом нашей латыни или греческого был, конечно, эльфийский, «язык королей», как они его уважительно называли (но пользовались им редко).

Особняком стоят имена жителей Заскожья. Народ в Марях вообще особенный. Свои диковинные имена они сохранили как остатки в целом забытого диалекта южных Хватов. Их я не менял. Есть в них что-то кельтское... Во всяком случае, мне следы древнего наречия Хватов и брыльчан напоминают кельтские элементы в английском, что я и попытался отразить в переводе нескольких названий (Брыль, Чагрый Бор*). Но собственное имя, образованное таким способом, в Алой Книге одно. Это Мериадок. Его уменьшительное имя — Кали, на Вестроне оно означает «веселый, жизнерадостный», а полное его написание — Калимак.

В своем переложении я совершенно не пользовался древнееврейскими корнями. В отличие от наших, хоббитские имена не имеют с ними ничего общего. Сэм, Том, Мэт — сокращения от Томба, Толма, Матта и т.п., а Сэма и его отца Хэма звали на самом деле Бан и Ран — сокращенные формы от Баназир и Ранудаг — насмешливые древние прозвища, означающие «простачок» и «домосед». Слова эти ушли из разговорного языка, сохранившись только в качестве имен. Этот эффект я и пытался передать образованиями «Сэмиус» и «Хэмфаст».

Старания сделать понятными хоббитские имена и язык потянули за собой языковые проблемы Людей, говоривших на диалектах Вестрона. Чтобы отличить их друг от друга, я придал роханскому сходство со староанглийским. Основания для этого имелись. Роханский связан со

* Брыль — пск. диал. — холм, пригорок. Чагарник — лес на вершине горы. — *Прим. пер.*

Всеобщим (а еще более с древним языком северных хоббитов) и схож с архаичным Вестроном. Хоббиты различают в речи Всадников знакомые слова и чувствуют в роханском родственные корни. Поэтому было бы просто нелепо делать язык рохирримов ни на что не похожим.

Правда, здесь я, как и хоббиты, вынужден был допустить непоследовательность. Ведь хоббиты переводили только то, что понимали и знали — Снежица, Хельмова Падь, а, например, незнакомый им «королевский сад» так и остался Эдорасом. По этому же принципу появились имена — Сполох, Червослов. Это вовсе не означает, что рохирримы и в остальном имеют культурные или военные связи с древней Англией, хотя кое-что общее заметить все-таки можно. Как и наши предки, рохирримы представляли простой, в чем-то даже примитивный народ в стадии контакта с более высокой культурой, да к тому же еще и занимали земли, некогда принадлежавшие старшему в культурном отношении народу.

Северные хоббитские диалекты я представлял, пытаюсь угадать, как звучали бы в наши дни вышедшие из употребления древнеанглийские слова. «Смеал» (нора) образовано от «смигел», аналогичного хоббитскому «тран» и роханскому «трахан». Таким образом, «Смеагорл» и «Деагорл» — эквиваленты для «Трахальд» (роющий, закапывающийся) и «Нахальд» (секретный, тайный) из северного диалекта.

Еще более северные языки представлены в книге только в именах Гномов. В качестве «внешних» гномов вполне устраивали людские имена самого северного в Среднеземье диалекта.

Сейчас-то гномы вызывают у нас улыбку, а в Третьей Эпохе былая сила и могущество еще не совсем оставили потомков Наугримов Древнейших Дней. В их сердцах еще пылало древнее пламя Аулэ-Кузнеца*, и тлели угли давней вражды к эльфам, а руки творили из камня и поныне непревзойденные чудеса.

Сами гномы называют себя «Казад» — так назвал свои творения Аулэ на заре времен. Слово «Мория» — эльфийского происхождения и своим значением — Черная Бездна — характерно для эльфов, любящих зелень лета и свет небес, но не для гномов. На их собственном языке Мория звалась Казад Дум — Дворцы (народа) Казад.

* «Квэнта Сильмарилион», глава 2. Здесь описана история «неправильного» создания Гномов Валаром Аулэ. Илуватар вдохнул в них живую душу. — *Прим. пер.*

Слово «эльфы» использовано мной для перевода совокупного обозначения двух народов — Квэнди («говорящие» — древнее название всего народа) и Эльдаров, отправившихся в Начале Дней в Неувядающие Земли. «Квэнди» или «Эльфы» — только так и можно назвать народ, воспоминания о котором сохранились среди людей. Этих воспоминаний немного, зато достаточно других, вздорных, изображающих не то бабочек, не то быстрых стрижей, что, разумеется, никакого отношения к Квэнди не имеет. Крыльев у Квэнди никогда не было, им это так же несвойственно, как и Людям. Это был прекрасный высокий народ, древние Дети Мира, народ Великого Похода, народ Звезд, от которого ныне не осталось и следа. Они были сероглазы и темноволосы, только род Финрода отличался цветом волос чистого золота. Голоса эльфов были мелодичней, чем у любого смертного. Велика была их доблесть, но участь вернувшихся в Среднеземье печальна. Судьба их давно переплелась с судьбами Отцов, но судьбой Людей не стала. Время их миновало, они живут ныне далеко за Кругами Мира и не вернутся больше никогда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Человек из волшебной страны

За 30 лет, прошедшие с первых публикаций «Властелина Колец» на русском языке, хоббиты, орки, гоблины, эльфы и прочий «малый народец» вполне обжились на российской почве, а причудливый путь книг Дж. Р. Р. Толкина к русскому читателю немало способствовал уничтожению невидимой, но непреодолимой для большинства читателей отчужденности от литературного процесса.

Мировая слава профессора Толкина началась в 60-е годы прошлого века в студенческих кампусах Северной Америки, когда молодежная контркультура увидела во «Властелине Колец» свое знамя. «...Работы Толкина более десяти лет ждали, чтобы стать популярными в одночасье и повсеместно, — писал П. Бигль в предисловии к американскому изданию. — Шестидесятые годы не были хуже пятидесятых, просто пожинать плоды пятидесятых пришлось им. Это были годы, когда миллионы людей все сильнее тревожило то, что индустриальное общество стало удивительно неподходящим для жизни, неизмеримо безнравственным и неизбежно опасным...»

В России знакомство с Толкином начиналось через контркультуру: через «самиздатские» переводы, через продолжения и подражания, песни и стихи «по мотивам», «хоббитские игры» и фэнские «толковища». Среднеземье обросло множеством неведомых автору историй, легенд, героев и трактовок, стало неотъемлемой частью студенческого

фольклора, зазвучало в эпитафиях и цитатах научных статей... «Мне хотелось бы посвятить цикл просто: Англии, *моей стране*», — писал Толкин в 1951 году. Полвека спустя оказалось, что России он нужен не меньше.

Чем же так завораживают книги скромного профессора из Оксфорда? О чем они? О Вечном. О Добре и Зле, о Долге и Чести, о Великом и Малом. Жанр «Властелина Колец» Толкин определял как «волшебную историю». Мы еще вернемся к этому понятию, а пока отметим только, что в соответствии с законами жанра текст книги обескураживающе прям. Мир Толкина абсолютно лишен фальши, а намеренно контрастное противопоставление Добра и Зла, отсутствие полутонов только облегчает восприятие. Смысловая глубина достигается не за счет аллегорий, а за счет возвращения нравственным категориям их изначальной значимости, почти силовым поворотом внимания читателя к онтологическим аспектам бытия. Не случайно начало популярности Толкина в России совпало по времени с грандиозной ломкой социального строя огромной страны, с девальвацией многих ценностей и жесточайшим дефицитом ценностей новых.

Не случайно его главные читатели и почитатели — молодые люди, остро ощущающие переход от «детства» к «взрослости» (который вообще-то и составляет юность). В образах романа — это необходимость покинуть уютный, защищенный Шир и отправиться в путь, повинаясь зову или долгу. Традиционно мотив «дороги», возникающий у Толкина снова и снова, связывается с духовным ростом, с движением по «духовному пути». В этом смысле путь, в который отправляется Фродо, — это путь «без возврата». Подросток, задумавшийся о мире и о своем месте в нем, уже никогда не сможет стать прежним беспечным ребенком. «Властелин Колец» стал своего рода катализатором и питательной средой для внутренней работы уже нескольких поколений читателей.

Прошло шестьдесят лет после первой публикации романа. Автор выдержал проверку временем. «Властелин Колец» стал одной из «книг века», а его автор — классиком английской, да и мировой литературы. В России его только-только начинают воспринимать в этом качестве. По законам жанра разговор о всяком «настоящем» классике начинается с краткого биографического очерка. Начнем с него и мы.

* * *

Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) — ученый-лингвист, специалист в области древне- и среднеанглийского языка, профессор Оксфордского университета, автор множества научных работ, а также многих замечательных историй, среди которых — всемирно известные «Хоббит» (1937) и «Властелин Колец» (1954–55).

Фамилия Tolkien (ударение одинаковое и на первом, и на втором слоге) предположительно германского происхождения. Его предки по отцовской линии прибыли на острова из Саксонии еще в XVIII столетии и ко времени рождения Рональда совершенно англазировались. Во всяком случае, отец будущего писателя Артур Руэл Толкин считал себя стопроцентным англичанином. Он работал менеджером в Африканском банке в Бирмингеме и в конце 80-х годов позапрошлого столетия отправился в Южную Африку, рассчитывая сделать карьеру и обеспечить существование будущей семье. В Англии осталась невеста, Мейбл Саффилд. Девушка принадлежала к семье коренных англичан, англичан «из самого сердца Англии» — с центрального запада — и отличалась самостоятельностью и независимым характером. Дождавшись совершеннолетия (в 1891 году ей исполнился 21 год), она приехала к Артуру в Африку.

В марте 1891 года в Кейптауне состоялось бракосочетание Артура и Мейбл. Вскоре они переехали в Блумфонтейн, тогда — столицу Оранжевой республики. 3 января 1892 года у них родился первенец. Сын получил тройное имя: Джон — в честь деда со стороны отца, Рональд — по желанию матери, Руэл — как семейное имя Толкинов. Имя его владельцу не нравилось — ни целиком, ни по частям. В семейном кругу его звали Рональдом, школьные товарищи обходились прозвищами, близкие друзья звали его Толлерсом, т.е. «рассказчиком»; для коллег, студентов и журналистов он был «Профессор Толкин». Мировая известность последних лет жизни сократила имя до аббревиатуры — «Дж. Р. Р.», которая Толкину почти нравилась.

В Африке Толкины прожили недолго. В семье появился еще один сын, Хилари Руэл, и весной 1895 года Мейбл с мальчиками вернулась в родительский дом. Артур остался в Блумфонтейне по служебным делам. Семье больше не суждено было встретиться. 15 февраля 1896 года Артур умер, и 26-летняя Мейбл осталась с двумя детьми на руках и весьма

скромными средствами к существованию. Она сняла небольшой дом в Сархолл Милле, пригороде Бирмингема, и стала жить независимо.

Воспоминаний об Африке Рональд сохранил немного, хотя те, что остались, были довольно яркими. Так, встреча с большим мохнатым пауком на всю жизнь привила ему активную нелюбовь к членистоногим. Подавляющее большинство воспоминаний детства — это английская глубинка. Сархолл Милл в начале века — место тихое и зеленое. Дом Толкинов стоял последним, дальше начинались поля, перелески, холмы, речушка, пруд и мельница. После бурого, выжженного солнцем африканского вельда здесь было сказочно хорошо, и братья целыми днями странствовали по окрестностям. Рональд любил деревья — играл с ними, разговаривал, считал своими добрыми друзьями. Спеленная соседями ива у мельничного пруда запомнилась мальчику на всю жизнь. «Когда я увидел свежий распил и ствол с поникшими ветвями, свет для меня померк», — вспоминал он позднее. Не отсюда ли горькая картина «индустриализации» Шира? Не случайно чашу терпения Сэма переполняют именно спеленные вокруг Засумок деревья.

Тогда же Мейбл начала заниматься с сыновьями. Она оказалась прекрасным педагогом, а старший сын — благодарным учеником. В четыре года он умел читать, чуть позже начал писать, переняв у матери каллиграфический почерк, неплохо рисовал — особенно любимые деревья, кусты, травы и карты неведомых земель. Мейбл знала французский и немецкий, занималась латынью. Латынью Рональд был очарован, французский нравился меньше, но усваивался столь же легко. Читал он много, но избирательно, деля книги на «те» и «не те». К «не тем» относились «Алиса в Стране чудес», «Гулливер» и «Остров сокровищ». В историях об индейцах мелькал очень важный для мальчика отблеск: луки и стрелы — оружие древнее и достойное, незнакомый язык, культура, построенная по иным законам. Еще лучше были истории короля Артура и рыцарей Круглого стола. Таинственный Авалон представлялся форпостом Волшебного Края. А лучше всех были предания о Сигурде и драконе Фэфнире. «Помимо языков, к числу моих пристрастий (еще детских) относятся миф как таковой (отнюдь не аллегория!) и волшебная сказка, а еще лучше (для меня) — героическая легенда на стыке между волшебной сказкой и историей. К сожалению, подобных вещей в мире осталось слишком мало, чтобы насытить мой голод.

Я успел стать студентом, прежде чем понял, что язык и миф — понятия родственные.

Я не занимался собственно мифологией в научном смысле, поскольку в мифах мне всегда важнее было ощущение верного тона, наличие определенного духа, отголосок истины, пронизывающий некоторые из мифов или волшебных историй». (Из письма М. Уолдмэну, 1951.)

Следующая важная веха в жизни семьи — 1900 год. Рональд поступает в самую престижную школу Бирмингема — школу Короля Эдуарда. Мейбл вместе с сестрой принимает католичество и в этой вере воспитывает сыновей. «...Я благодарен судьбе за то, что с восьми лет приобщился к вере, которая питала меня всю жизнь и научила всему тому, что я знаю». (Из письма Р. Мюррею, 1953.)

Начинаются скитания по промышленным пригородам Бирмингема — из-за стесненных средств, из-за необходимости жить поближе к школе, к католической церкви и духовному отцу семейства — отцу Фрэнсису Моргану. (Он был наполовину валлиец, наполовину испанец.) За эти три года Толкин успел навсегда возненавидеть город и увлечься валлийским языком. Один из снимаемых домов задами выходил к полотну железной дороги, и это обстоятельство оказалось немаловажным для Рональда. На угольных вагонах, идущих в Южный Уэльс, значились будоражившие воображение будущего лингвиста названия станций назначения: Нантигло, Пенривкейбер, Сентенида.

Семья Толкинов и так жила в благородной бедности, но в 1904 году положение стало катастрофическим. Мейбл заболела диабетом, от которого в то время не было спасения. 15 октября того же года она умерла, оставив двоих сирот практически без средств к существованию. Родственники по матери, Саффилды, принадлежат к англиканской церкви и не выказывают к мальчикам особого участия, как не выказывали его и к их матери-«изменнице». Недолгое время братья живут у тетки Беатрис, но роль приемной матери ей, бездетной, непонятна и непривычна. Вскоре отец Фрэнсис принимает на себя все заботы о материальном и духовном благополучии мальчиков, и они переезжают в пансион миссис Фолкнер.

К этому времени Рональд уже демонстрировал поразительные успехи в лингвистике. Он прекрасно знал латынь и греческий, занимавший в начале века место основного иностранного языка в общей

образовательной программе, владел и другими современными и древними языками, включая готский и финский. Вскоре он заинтересовался проблемой конструирования языков и весьма преуспел на этом поприще.

«Многие дети создают или пытаются создать воображаемые языки. Я этим занимался с тех пор, как научился писать. Просто я не бросил это занятие и после того, как повзрослел. Конечно, у меня, как профессионального филолога (особенно интересующегося эстетикой языка), вкусы с тех пор изменились. Я изучил теорию, у меня, возможно, прибавилось умения. Теперь в тех историях, которые я пишу, языки приобрели внутреннюю логику, гармоничность, хотя назвать их совершенно разработанными пока рано. Но для тех существ, которых по-английски я (возможно, вводя читателя в заблуждение) называл Эльфами, разработаны два родственных языка, более полных, с записанной историей, чьи формы (представляющие две разных стороны моего лингвистического вкуса) выведены научно из общего первоисточника.

На этих языках звучат почти все имена и названия в моих легендах. Это придает повествованию видимость историчности, которой, на мой взгляд, так недостает подобным вещам. Не все придают этому такое же значение, как я, но тут уж ничего не поделаешь, ибо я проклят острой чувствительностью к таким вещам», — так рассказывал Толкин о начале возникновения своего воображаемого мира.

Недюжинный ум и обширные знания собрали вокруг Рональда небольшой кружок из ребят, учившихся вместе с ним в школе Короля Эдуарда. Они называли себя Т. С. В. S. (Tea Club, Bartovian Society — т.е. «Чайный Клуб Барровианского Общества», поскольку обычно собирались за чаем в школьной библиотеке или в универсальном магазине Барроу. Дружба эта была весьма плодотворной, поскольку друзья внимательно следили за успехами друг друга и не упускали случая поcritиковать первые литературные опыты, что, как известно, всегда идет на пользу начинающим авторам.

Однако вскоре в жизни Рональда возникло неожиданное осложнение. В пансионе г-жи Фолкнер жила девятнадцатилетняя Эдит Брэтт — тоже сирота, да еще с клеймом незаконнорожденности. Рональд, которому в то время было шестнадцать, пылко влюбился. Роман между молодыми людьми набирал силу, так что в конце концов

пришлось вмешаться о. Фрэнсису. Любовь оказалась совершенно не ко времени. Судьбу Рональда должны были решить ближайшие один-два года: чтобы продолжать учебу, Рональду надо было стать именным стипендиатом и получить право на бесплатное образование — а оно предусматривалось только для абитуриентов, не достигших 19 лет. Первая попытка не удалась — Рональд поступил, но до именной стипендии недотянул. Отец Фрэнсис, так много сделавший для Рональда, взял с воспитанника суровое обещание вплоть до совершеннолетия не только не видаться, но даже не переписываться со своей возлюбленной. Рональд не нарушил слова, данного опекуну. В 1911 году он поступает в Экзетер-колледж Оксфордского университета и с головой погружается в изучение языков, первенствует среди которых по-прежнему старый английский, оставляя место, однако, и для германских языков, и для валлийского, и для финского.

В 1913 г. Рональд достиг совершеннолетия. Больше на него не действуют никакие запреты. Их отношения с Эдит, хотя и не без проблем, восстанавливаются и крепнут. Последствия не замедлили сказаться. Рональд далеко не блестяще оканчивает второй курс колледжа, получив прекрасные оценки только по филологии. Это и подвигло его сменить специализацию. Отныне и надолго его профессией становятся английский язык и литература.

Он читает «Калевалу» в подлиннике, англо-саксонские летописи, кельтские предания. Однажды, в ходе ученых штудий, Рональд натолкнулся на старую английскую поэму «Crist Cynewulf», в которой его поразили строки:

Eala Earendel engla beorhtast
Ofer middangeard monnum sendeð
*Славьте Эарендэйла, светлейшего из ангелов,
Посланного в Среднеземье, к людям.*

Слово «Среднеземье» (Middangeard) в староанглийском употреблялось для обозначения слоя бытования, населенного людьми и располагавшегося, по мнению средневековых схоластов, «между Небом и адом». Эта странно звучащая фраза глубоко запала в душу молодого ученого, помогла увидеть за строками древних текстов красоту неведомого мира. «За этими словами, — писал он впоследствии, — вдруг

приоткрылась мне истина куда более древняя, чем христианская, и не менее глубокая». Эарендэйл становится Эарендилом. Так на не созданном еще эльфийском языке звучит имя одного из центральных героев еще не написанного «Сильмариллиона».

Летом 1913 года Толкину пришлось ради заработка пересечь Ла-Манш и устроиться воспитателем двух мексиканских мальчиков во Франции. Работа вскоре закончилась в связи с трагическими обстоятельствами. Вины Толкина в произошедшем не было никакой, но эта короткая поездка еще более укрепила его предубеждение против Франции и всего французского.

Тем временем их отношения с Эдит продолжали развиваться. Девушка приняла католичество. Таким образом, исчезло еще одно препятствие к браку. Они с Рональдом провели короткое время в Варвике. Старинный город с прекрасным замком, расположенный в живописной сельской местности, произвел на Рональда большое впечатление.

Чем сильнее становилась приязнь, связывавшая молодых людей, тем яростнее становилась ненависть, разделявшая народы. В августе 1914 году началась Первая мировая война.

В отличие от многих сверстников, Толкин не бросился на фронт сломя голову. Наоборот, он упорно трудится и в 1915 г. заканчивает Оксфордский университет с очень высокими показателями. Одновременно Толкин продолжает пробовать силы в поэзии и параллельно совершенствует сконструированный им язык. Он называет его Квэнья (Qenya). Язык становится все более живым, все более похожим на настоящий, утрачивает первоначальное сходство с финским, и тем не менее Толкин чувствует, что его детищу не достает какой-то животворящей искры, чтобы зажечь настоящей жизнью.

А война и не думает заканчиваться. Толкина призывают в армию. В чине лейтенанта он отправляется служить в полк Ланкаширских стрелков. И все это время, подобно путеводной звезде, путь его судьбы озаряет имя небесного странника Эарендила. Несколько месяцев Ланкаширские стрелки ожидают своей участи в Стаффордшире и в самом начале 1916 г. получают приказ об отправке во Францию, к театру военных действий. Молодого лейтенанта это заставило сделать решительный шаг. 22 марта 1916 г. они с Эдит наконец поехали.

Полк, в котором служил Толкин, прибыл на Западный фронт как раз к началу наступления на Сомме. После четырех месяцев, проведенных в окопах, знатока существующих и несуществующих языков свалил сыпной тиф. В начале ноября Толкина отправляют на родину, и следующий месяц он проводит в госпитале в Бирмингеме. К Рождеству он поправился настолько, чтобы начать, наконец, мирную жизнь вместе с Эдит в местечке Грэт Хэйвуд в Стаффордшире.

Из друзей Толкина по Т.С.В.С. в живых остался только один. Отчасти в память о них Толкин и начал создавать «Книгу утраченных преданий». «... В грязных бараках, при свече в палатках, а иногда даже в окопах под артобстрелом». (Из письма Кристоферу Толкину, 1944.) При жизни Толкина она так и не увидела свет, но большинство главных историй, составивших впоследствии «Сильмариллион», впервые появились именно на ее страницах. Здесь описаны первые войны нолдоров с Морготом, истории осады и падения Гондолина и Нарготронда, печальное повествование о судьбе Турина, предание о накрытом гигантской волной цветущем острове Нуменор.

«...Я обладал этим с рождения: я всегда остро чувствовал лингвистическую основу любого языка, языки оказывали на меня эмоциональное воздействие, вполне сравнимое с воздействием, которое оказывают на других людей музыка или цвет; изначально я испытывал пылкую любовь ко всему, что растет, и глубокое пристрастие к легендам, к слову вообще и в особенности к такому слову, которое отражало северо-западный лад и склад... Человек, принадлежащий к культуре этого региона, что бы он ни делал, обязательно будет подсознательно иметь в виду, что на Западе, за Безбрежным морем, жили его бесчисленные предки, а с востока, с Бескрайних земель, обычно приходили враги. А еще он сердцем может чувствовать отголоски фольклорной традиции, век за веком складывавшейся на побережье. Я сказал о «сердце» потому, что ощущаю в себе нечто вроде «атлантического комплекса». Возможно, я унаследовал его от родителей... Один из моих детей унаследовал его от меня, хотя до недавнего времени мы с ним не знали этого друг о друге. Я имею в виду жуткий повторяющийся сон, который я помню так же давно, как помню себя. Во сне я неизменно видел Огромную Волну, вздымающуюся вверх и неотвратимо надвигающуюся на леса и зеленые поля. (Я передал этот сон в наследство Фарамиру.) Не помню, чтобы он повторялся с тех пор, как я

написал «Падение Нуменора», последнюю из легенд Первой и Второй Эпох...» (Из письма У. Х. Одену, 1955.)

В течение 1917 и 1918 годов болезнь время от времени напоминала о себе. Но между госпиталями случались и относительно спокойные периоды. В один из таких дней Рональд и Эдит гуляли в лесу. Стояла чудесная погода, и Эдит танцевала для мужа под кронами деревьев. Именно этот танец вдохновил Толкина на создание повести о Берене и Лучиэнь. С этого момента и до конца жизни он думал об Эдит как о Лучиэнь, а себя отождествлял с Береном. 16 ноября 1917 году у молодой пары родился первый сын Джон Фрэнсис Руэл, названный, конечно, в честь о. Фрэнсиса.

Осенью 1918 г. война для Толкина закончилась. Он демобилизовался и вскоре уже работал в Оксфорде над составлением Нового Английского словаря в качестве помощника главного лексикографа. Несмотря на большую загруженность работой над словарем, Толкин находит время и для своих личных творческих дел. При Экзетер-колледже существовал литературный клуб эссеистов; туда он и отнес некоторые главы «Книги утраченных преданий», и в первую очередь «Падение Гондолина». Его литературные опыты были встречены с одобрением двумя будущими членами «Инклингов», Невиллом Когиллом и Хьюго Дайсоном, но интересные встречи не получили продолжения, так как летом 1920 году Толкин подал документы на конкурс по замещению вакантной должности профессора английского языка в Лидском университете и, к собственному удивлению, был принят.

В Лидсе, помимо преподавательской работы, Толкин совместно с Е. В. Гордоном готовит новую редакцию знаменитой легенды артуровского цикла «Сэр Гавэйн и Зеленый рыцарь» и продолжает работу над «Книгой утраченных преданий». Немало времени отнимает и совершенствование изобретенных им эльфийских языков. Кроме того, вместе с Гордоном Толкин организует «Клуб викингов» для любителей пива и древних норвежских саг. Для членов клуба Толкин и Гордон пишут «Песни филологов», представляющие сплав древних саг и оригинальных стихов, переведенных на староанглийский, старонорвежский и старонемецкий. Все это было положено на народные английские мелодии так, чтобы песни можно было петь.

В период работы в Лидсе у Толкинов родились еще двое сыновей: Майкл (1920) и Кристофер (1924). Когда в 1925 году в Оксфорде

оказалась вакантной кафедра англо-саксонской литературы, Толкин немедленно подал документы и получил новую должность.

Кафедра в Оксфорде в некотором смысле стала для Толкина возвращением «домой». Профессор не питал иллюзий по поводу жизни академических кругов, тем не менее он прекрасно вписался в жизнь университетского городка, состоящую из постоянного обмена идеями, исследований и нечастых публикаций, которых было ровно столько, сколько необходимо для поддержания реноме ученого.

Но и в этом Толкин проявил немалый талант. Его академические труды неизменно замечались, более того, оказывали немалое влияние на окружающих. Особенно оживленно была встречена публикация одной из его лекций, названная «Беовульф, Чудовища и Критики». В этом же издании было опубликовано эссе «Английский и валлийский», также привлечшее внимание академической читающей публики. Каких-либо заметных событий в его личной жизни не происходило. В 1954 году Толкин занимает кафедру английского языка и литературы и возглавляет ее бессменно вплоть до своей отставки, последовавшей в 1959 году Толкин читал лекции, писал статьи, принимал довольно активное участие в деятельности университетской администрации.

Семейная жизнь также текла ровно. Эдит занимается детьми. В 1929 году в семье Толкинов случилось прибавление — родилась дочь Присцилла. У отца семейства вошло в обычай написание для детей забавных рождественских открыток с собственными рисунками. (В 1976 году они были изданы как «Письма Санта-Клауса».) А сказок, рассказанных перед сном, было не счесть. Семья спокойно жила в Хэдингтоне, северном пригороде Оксфорда.

Картины и видения Среднеземья постепенно обретали целостность. Толкин оказался на пороге огромного мира со своей историей и географией, с языками, на которых говорят его обитатели, с собственной мифологией и законами существования. После опубликования «Властелина Колец» Толкин получал немало писем с просьбой рассказать о том, как создавалось Среднеземье. Профессор отвечает подробно и обстоятельно: эта тема очень важна для него. Впервые он обращается к ней в лекции «О волшебных историях», прочитанной в 1939 году. В этой работе Толкин говорит о сотворчестве художника

Создателю, о том, что «вторичный мир» художественного творчества является (должен быть) отображением Истины, существующей в реальном (созданном Творцом) мире.

«Миф и волшебная история должны, как и все искусства, отражать и содержать в растворенном виде элементы моральной и религиозной истины (или заблуждения), но не явно, не в известной форме первичного “реального” мира...», — пишет он М. Уолдмэну (1951), а затем переходит к рассказу о том, какими должны были бы быть книги о Среднеземье.

«Может быть, это и покажется смешным, но однажды (мой пыл с тех пор давно угас) мне пришло в голову создать некую систему взаимосвязанных легенд в диапазоне от масштабов грандиозных, космогонических до романтической волшебной сказки. Великие предания, «опускаясь на землю», порождали бы малые и опирались на них, малые, в свою очередь, черпали бы величие из высокого надмирного... Эта большая волшебная история была бы «высокой», совершенно свободной от грубости, вульгарности, грязи, она адресовалась бы к более взрослому сознанию страны, давно впавшей в инфантилизм. Я хотел бы четко прорисовать некоторые из больших историй, а другие оставить лишь в виде набросков. Циклы должны были бы соединяться в величественное целое и вместе с тем оставлять простор для других голов и рук, владеющих красками, музыкой, драмой...

Конечно, такое самонадеянное намерение вызрело не вдруг. Дело было в самих историях. Они появлялись в моем сознании как «данные»... По мере того как они приходили, связи между ними росли и крепили. Это была увлекательнейшая, всепоглощающая, хотя и постоянно прерываемая (лингвистикой) работа».

Путь в Среднеземье открыт пока только Профессору, но он непременно должен рассказать о нем другим. «У меня есть дело, которое мне интересно и которое соответствует склонностям (возможно, бесполезным) моей натуры. Без всякого тщеславия или преувеличения значимости этого дела для судеб мира, для меня оно — важнее всего на свете. Конечно, есть много куда более важных дел, но ко мне это не имеет прямого отношения, — объясняет он одному из ближайших друзей, К. С. Льюису, в 1948 году. — ...На мне лежит, может быть, и незначительное, но особенное «поручение»...»

* * *

Рассказчику и летописцу нужна поддержка, доброжелательное внимание, искренняя заинтересованность... Вокруг Толкина собирается литературный кружок «пишущих ученых». Его название — *Inklings*, «Инклинги», шутливо намекало на писательские пристрастия членов кружка (*ink* — чернила), а англо-саксонское звучание — на особый характер этих пристрастий. Никакого мистического смысла (вроде «склонности к постижению Божественной Природы») в название, по имеющимся свидетельствам, не вкладывалось. Кроме Невилла Когилла и Хьюго Дайсона, в кружок входили Оуэн Барфилд, Чарльз Уильямс и, конечно, Клайв Стейплз Льюис. (В том, что Льюис в определенный период жизни обратился к христианской вере, став затем видным теологом, есть немалая заслуга Толкина.) «Инклинги» встречались за пивом довольно часто и регулярно, проводя время в литературных беседах и чтениях друг другу очередных сочинений. Кружок сложился явно не без вмешательства провиденциальных сил. К. С. Льюис вспоминал, как прочел случайно одну из повестей Ч. Уильямса и немедленно послал автору восторженное письмо. Уильямс, работавший редактором, именно в это время готовил к печати «Аллегорию Любви» Льюиса, посвященную романтической традиции в средневековой литературе. Этот научный труд оказался удивительно близок к идеям «романтической теологии» Уильямса, и он отправил Льюису не менее восторженный отзыв. Позже выяснилось, что они разминулись на почте всего на несколько часов...

Главной темой «Инклингов» становится исследование взаимосвязи Творца и его творения, теология художественного творчества. В теории и на практике они утверждали идею сотворчества, смысла которой в том, что человек есть творение Бога, но сотворен он «по образу и подобию Божию», и в высших своих проявлениях выступает как творческая и вместе с тем соподчиненная Высшему Началу сила.

«В мире есть только два типа людей, — пишет К. С. Льюис в «Расторжении брака», — те, которые говорят Господу: «Да будет воля Твоя», и те, которым Господь говорит: «Да будь твоя воля». Человеку даны всего две возможности выбора, и компромисс между ними невозможен. «Человеку, может, всего-то и дано решить — во что верить», — замечает один из главных героев «Войны в Небесах» Ч. Уильямса. Но человек, принявший такое решение, обретает надежный нравственный ориентир и возможность творить самого себя,

начинает путь, который можно было бы назвать «Странствием Духа». «Ненадолго приходят Люди в этот мир, поэтому имя им здесь — гости, странники... И за гранью мира души их не узнают покоя, стремясь в беспредельность...» — пишет Толкин в «Сильмариллионе». «Возвращением пилигрима» называет Льюис повествование о своем духовном пути...

«Инклинги» рассказывают об этом странствии методами художественной литературы: создавая «иную реальность» литературного произведения, соответствующую более «полной» реальности бытия.

«Иной мир» у Толкина подчеркнуто не соприкасается с повседневностью. Его реальность — реальность волшебной истории, в которой Добро и Зло персонифицированы. Миф говорит о проблемах нравственного выбора в символической форме; так путешествие главного героя «Властелина Колец», Фродо, в пространстве и времени становится историей его духовного пути.

У Льюиса «иной мир» его сказок и фантастических повестей немислим без элементов мира здешнего. В волшебную страну Нарнию («Хроники Нарнии»), которая выстроена автором как одна из возможных интерпретаций христианского мифа, приходят дети из нашего мира; в «космической трилогии» («Переландра», «Мерзейшая мощь», «За пределы безмолвной планеты») действие разворачивается в знакомой обстановке, в которую вклиниваются фантастические события, отчетливо высвечивая ценности подлинные и мнимые.

Чарльз Уильямс — пожалуй, самый необычный из членов кружка. Воспитанный в вере англиканской церкви, страстный христианин, он был членом розенкрейцерской ложи «Золотая заря» и серьезно занимался оккультными науками. Как ему удавалось совмещать такое двойственное видение мира — до сих пор остается загадкой для исследователей. В романах Уильямса действуют не только люди, но и великие символы прошлых веков — Святой Грааль («Война в Небесах»), Камень царя Соломона («Иные миры»), карты Таро («Старшие Арканы»). Уильямс, большой знаток тайной символики, выбирает временем действия своих книг современную Англию. Одна из основных мыслей, которые он последовательно проводит, состоит в том, что до иных миров легко дотянуться из мира здешнего, что великие символы прошлого прочно укоренены в сознании и душе человека. Их проявление в повседневной действительности становится катализатором, ускоряю-

щим нравственный выбор и духовное становление человека.

Свои взгляды «Инклинги» называли «романтической теологией». К. С. Льюис в предисловии к сборнику эссе, посвященных Чарльзу Уильямсу (1939), так определял это понятие: «Романтическая теология подразумевает не романтику в применении к теологии, а теологию в применении к литературе, когда рассматривается теологическая подоплека тех переживаний, которые обычно называют романтическими».

* * *

Как вспоминал позднее Толкин, однажды, проставляя отметки в экзаменационных листах, он наткнулся на незаполненную абитуриентом страницу какого-то теста. В этот момент кто-то незримый буквально толкнул его под руку, и он бездумно вывел на листе: «В земле была дырка, и там жил хоббит».

Дальше все было просто. В Толкине зазвучал исследовательский дух. Он решил непременно выяснить, что это за существо он поселил на случайном листке, почему оно живет «в дырке», чем питается и как выглядит. Вскоре родился рассказ, первыми читателями которого стали младшие дети профессора. В 1936 г. рукопись рассказа попала в руки Сьюзен Дагналл, редактора издательства «George Allen & Unwin».

Толкина попросили доработать и расширить историю про хоббита, после чего рукопись легла на стол директора издательства Стэнли Анвина. Произведение было отдано на рецензию его десятилетнему сыну Райнеру. Благожелательный отзыв «критика» сыграл определяющую роль в дальнейшей писательской судьбе Толкина. В 1937 г. «Хоббит» увидел свет. Успех был полным и немедленным. С тех пор «Хоббит» уже никогда не покидал списков литературы, рекомендованной для чтения детям. Стэнли Анвин поинтересовался, нет ли у автора еще чего-нибудь подобного для издания.

Но Толкин был занят другим. Целый мир, лишь едва обозначивший себя в «Хоббите», требовал воплощения. В ответ на просьбу издателя он собрал некоторые прозаические и поэтические материалы из Квента Сильмариллион и отнес в издательство. Тексты были приняты сдержанно. Поэтические фрагменты были решительно отвергнуты, прозаические («Повесть о Берене и Лучиэнь») заинтересовали, но

не более того. Материал явно не подходил под рубрику коммерческого издания. Анвин снова поинтересовался, не собирается ли Толкин писать продолжение «Хоббита». Конечно, неудачная попытка публикации «Сильмариллиона» разочаровала Толкина, но все же он не отказался подумать над «Новым Хоббитом».

Однако сюжет нового произведения упорно развивался по каким-то собственным законам.

В предисловии к американскому изданию 1965 г. Толкин привел историю создания «Властелина Колец». Повествование о Великой войне за Кольцо Всевластия выросло на фундаменте гораздо более древних историй, причем слово «древний» относится как ко времени, которое они описывают (сотворение мира и первые эпохи Среднеземья), так и ко времени их создания (первые из них датированы 1914–15 годами). Работа над «Властелином Колец» продолжалась с перерывами с 1936 по 1949 годы. Много сил и времени отнимала научная и преподавательская работа. В конце 1939 года повествование не добралось до конца первой книги; в конце 1941 года оно достигло Лотлориена и берегов Андуйна. В 1942 году появились черновики того, что позже составило книгу третью и начало книги пятой. Главы, посвященные походу Фродо и Сэма в Мордор, писались в 1944 году и по мере готовности отсылались среднему сыну, Кристоферу, служившему тогда в ВВС в Южной Африке. Еще пять лет потребовалось на то, чтобы завершить повествование, а потом еще раз пересмотреть (т.е. переписать) его.

«Чем дальше я смотрю на эту работу, — писал Толкин в 1950 г. Стэнли Анвину, — тем яснее мне становятся размеры катастрофы. Моя работа вышла из-под моего контроля, кажется, я породил чудовище: невыносимо длинный, сложный, унылый, а местами просто страшный роман, совершенно не подходящий для детей (если вообще для кого-нибудь подходящий). И конечно, никакое это не продолжение «Хоббита», а вовсе даже продолжение «Сильмариллиона». ...Я устал, хохолок мой поник, и вряд ли я смогу сделать с текстом что-нибудь более существенное, чем просто выправить отдельные неточности. ...«Сильмариллион», хотя и выдворенный из издательства (около года назад), категорически не согласен оставить меня. Он бьет ключом, проникает во все мои вещи, хотя бы отдаленно связанные с Фэйриэ, которые я пытался писать с тех пор. С большим трудом мне удалось уберечь от него «Фермера Джайлса», но и только. Его тень лежит на

поздних главах «Хоббита». Он прочно внедрился в ткань «Властелина Колец», так что тот стал просто его продолжением и завершением. Зато теперь, после «Властелина Колец», сам «Сильмариллион» стал совершенно понятным — без множества ссылок и объяснений.

Возможно, Вы сочтете мою затею занудной и невыполнимой, но я хотел бы опубликовать их вместе — «Сильмариллион» и «Властелина Колец» — одновременно или друг за другом.

К этому времени рукопись «Властелина Колец» насчитывала около полутора тысяч страниц. Станный жанр, непривычная манера повествования, огромный объем, непонятная читательская аудитория — для детей слишком много и сложно, для взрослых — слишком далеко от действительности — заставляли сомневаться в коммерческом успехе книги. Решение об издании заняло четыре года. Решающим оказалось слово Райнера Анвина, который к этому времени вошел в издательское дело отца и убедил его рискнуть. Без участия Райнера книга едва бы увидела свет.

Издательство, заранее планируя убытки, решило издавать книгу в трех томах на протяжении 1954–55 гг., одновременно продав права на издание на территории США издательскому дому «Houghton Mifflin». Очень скоро стало ясно, что и автор, и издатель сильно недооценили свое новое детище.

«Властелин Колец» начал жить довольно бурно. Рецензии на произведение лежали в пределах от восторженных отзывов (Оден, Льюис) до полного неприятия (Э. Уилсон, П. Тойнби). Однако радиостанция Би-би-си на своем Третьем канале весьма оперативно создала радиовersion романа и выпустила в эфир сериалом из 12 частей. В 1956 г. радио в Англии было основным средством массовой информации, а Третий канал традиционно воспринимался как «интеллектуальный».

Издательство получило значительную прибыль, авторские гонорары заставили Толкина пожалеть о том, что он не оставил научную деятельность немного раньше. К 1966 году «Властелин Колец» был переиздан четырнадцать раз. По сравнению с последующими тиражами — совсем немного.

Настоящий триумф начался в 1965 г., когда «Властелин Колец» вышел в Америке массовым тиражом (пиратским, кстати сказать) в мягкой обложке. Во-первых, книга стала доступной по цене для очень

многих читателей, во-вторых, шум вокруг авторских прав оказался эффективнее любой рекламной кампании. О небывалой книге узнали миллионы американцев. К 1968 г. «Властелин Колец» стал библией молодежной контркультуры.

Такой поворот событий озадачил автора. С одной стороны, литературная слава принесла Толкину некоторое состояние, с другой — его не могло не огорчать, что толпы молодежи заглатывают «Властелина Колец», заедая роман АСД. Фанаты порождали бесконечные проблемы. Толпы приходили таращиться на тихий домик новой знаменитости, непосредственным американцам ничего не стоило, забыв (или не подозревая) о существовании часовых поясов, позвонить в три часа утра, чтобы немедленно выяснить, увенчалась ли успехом экспедиция Фродо, поскольку у них не хватает терпения дочитать до конца, или действительно ли у Барлога были крылья. Толкин пробует менять номер домашнего телефона, но это не помогает. В конце концов, они с Эдит вынуждены бежать и скрываться на каком-то модном, но скучном курорте на побережье.

После отставки в 1969 г. Рональд и Эдит переехали в Борнемут. 22 ноября 1971 года Эдит скончалась. Толкин вернулся в Оксфорд и некоторое время преподавал в Мертон колледже. Умер Толкин 2 сентября 1973 г. Похоронен он вместе с Эдит на католическом участке кладбища Волверкот, в северном предместье Оксфорда. Их могила расположена неподалеку от входа на кладбище, и на ней установлена надгробная плита с надписью: «Эдит Мэри Толкин, Лучиэнь. 1889–1971», «Джон Рональд Руэл Толкин, Берен. 1892–1973».

Ажиотаж вокруг «Властелина Колец» вполне способен заслонить многие другие работы Толкина. Но между 1925 г. и уходом из жизни им опубликовано множество произведений, среди которых уже упоминавшиеся научные труды, эссе (в первую очередь эссе «О волшебных сказках», в котором автор излагает свое литературное кредо), «Приключения Тома Бомбадила», переводы со староанглийского («Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», «Сэр Орфео»). Особо следует отметить сказочную повесть «Фермер Джайлс из Хэма», а также *автобиографические* новеллы «Лист работы Мелкина» и «Кузнец из Большого Вуттона».

Настоящий поток книг о Среднеземье хлынул после смерти писателя. «К сожалению, мне пришлось публиковать мои предания «задом

наперед», — сетовал Толкин (из письма Дж. Брюн, 1956). — После великого краха, в результате которого зримое Зло покинуло мир, эльфийские легенды об Изначальных Днях уже не будут восприниматься так, как было задумано. Придется читать обе части в правильном порядке, тогда логика повествования не пострадает. Сейчас я не пишу «Сильмариллион» — он написан давным-давно; я пытаюсь найти такую компоновку содержания, которая позволила бы все это напечатать...»

Долгожданный «Сильмариллион» был подготовлен к печати Кристофером Толкином и вышел в 1977 г. В 1980 г. его же трудами появился том под названием «Неоконченные предания Нуменора и Среднеземья». В предисловии к книге Кристофер Толкин писал: «Это весьма существенная работа для тех, кто интересуется предысторией Среднеземья, и хотя «Неоконченные предания» вряд ли можно назвать «легким чтением», они, безусловно, необходимы для более глубокого понимания мира, созданного Толкином».

«Сильмариллион» был продан стремительно. Издатели пребывали в растерянности. Оставалось признать, что существует рынок и для такого относительно непростого чтения. И тогда издательство «Allen & Unwin» в очередной раз решило рискнуть. В результате увидели свет еще 12 томов, касающихся истории, географии, языкознания, легендарiums Среднеземья, подготовленных Кристофером Толкином. Несколько раз менялся редакторский коллектив, работа принимала все более углубленный характер, а книги продавались и продавались.

Естественным продолжением устойчивой популярности трилогии стали попытки перенести текст в формат киноэкрана. В 1978 году на экраны вышел анимационный двухчасовой фильм Ральфа Бакши «Властелин Колец» (а годом раньше появился мультфильм «Хоббит», снятый Артуром Рэнкином-мл. и Жюлем Бэссом). При бюджете в 8 млн долларов сборы составили около 30 млн. Однако первая попытка не удалась. Виной тому проблемы с финансированием, повлекшие некоторую скомканность сюжета и невозможность реализовать в полной мере замысел режиссера. На экране слишком много батальных сцен, персонажи выглядят акцентированно сказочными, а возможности тогдашней анимации еще не достигли сегодняшних заоблачных высот. Однако многие разработки Бакши, очевидно, заимствованы в следующей киноверсии.

Вопрос о том, добавила ли Толкину популярности новая экранизация «Властелина Колец», далеко не прост. При всей масштабности киноэпопеи, при огромном бюджете, истраченном вполне с толком, у Питера Джексона получилась прекрасная иллюстрация на обложку глянцевого журнала, плоская и лишенная глубины. Смысловая весомость и многоплановость толкиновского эпоса на экране отображения не нашли. Прекрасный актерский состав в недостаточно умелых руках режиссера (у Джексона действительно невеликий опыт режиссерской работы) оказался задействован едва ли на половину своих возможностей. Во многих эпизодах им просто нечего играть — режиссер не поставил задачу. Как нам кажется, Питера Джексона подвел восторг от сопричастности к великому. Он был слишком увлечен собой, снимающим фильм по любимому роману. Но ждали-то от него не буйного почитания фаната, а уважения ценителя.

Для тех, кто знает и любит творчество Толкина, ничего страшного не произошло. В конце концов, фантастически красивые пейзажи Новой Зеландии способны искупить множество просчетов. А вот для тех, кто впервые приобщился к проблемам Среднеземья посредством экранной версии, есть два пути: взять книгу и самому осознать, насколько серьезны и всеобщы эти проблемы или, не особенно задумываясь, пойти дальше по дороге, проложенной Голливудом.

Для русского зрителя еще одним осложнением стал текст дубляжа. В фильме нет и намек на то уважительное отношение к слову, которое всю жизнь испытывал и демонстрировал сам Профессор. Местами зрителя оторопь охватывает от реплик персонажей.

С «Хоббитом» дела обстоят еще хуже. Эта небольшая прелюдия к монументальному творению в руках Питера Джексона надувается, как огромный мыльный пузырь, играющий на солнце всеми мыслимыми красками, но пустой внутри. Положение обязывает сделать фильм как минимум не менее значимый, чем трилогия, в то время как он, конечно же, таковым быть никак не может и не должен. Нужна была короткая веселая история, может быть, жутковатая местами, но сборы, касса, бюджет и прочие материи, не имеющие никакого отношения к Волшебной Истории, диктовали свое развитие событий.

Трилогия Толкина — слишком значимое произведение. Деятели кино будут обращаться к нему вновь и вновь. Хотя едва ли в ближай-

шее время кому-нибудь удастся повторить подвиг Питера Джексона и добыть для своего замысла столь же щедрое финансирование.

Естественную озабоченность вызывает и будущая экранизация «Сильмариллиона». Вот тут уже не спасут ни экзотические пейзажи, ни спецэффекты. Только признанный талант режиссера, которому не придется доказывать, что он способен превзойти автора, только смирение перед грандиозностью замысла Толкина и бережное отношение к материалу могут привести к успеху. А между тем Питер Джексон уже снимает отдельные эпизоды. В Германии режиссер проекта Стефани Мутзел руководит беспримерной попыткой снять «Сильмариллион» объединенными силами фангрупп Европы. Хочется пожелать им удачи. А что получится из великих замыслов — покажет будущее, и вовсе не такое уж отдаленное.

* * *

Мы не можем назвать в мировой литературе ни одного автора, чьи рабочие материалы вызывали бы столь же горячий интерес не только у профессионалов — литературоведов, критиков, филологов, но и у огромной массы рядовых читателей. На наш взгляд, этот феномен связан в первую очередь с тем, что повествования о Среднеземье несут некую очень важную для современного читателя весть, и перед содержанием этой вести форма отступает на второй план. Поэтому нас будет интересовать не «Властелин Колец» сам по себе, а тот уникальный по степени достоверности и проработки мир, в котором живут герои «Сильмариллиона», «Хоббита», «Властелина Колец», «Неоконченных преданий». Прототипы подавляющего большинства сюжетных линий, преданий и персонажей Среднеземья легко обнаруживаются в кельтских, германских, скандинавских, финских сагах и сказаниях. Практически все фольклорные и литературные источники, исследование которых входило в круг научных интересов Профессора, в том или ином виде нашли отражение в преданиях Среднеземья. Да и область своих научных интересов Толкин определял сам — и зачастую определяющими оказывались как раз интересы Среднеземья. В списке научных интересов Профессора — «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», «Беовульф», «Эдда», «Жемчужина», «Сэр Орфео», «Калевала»... Таким образом, «внутренняя среда» Среднеземья — это дохристианская мифология европейского северо-запада, обобщенная и воссозданная Профессором.

Толкин обладал незаурядным талантом мифологического мироощущения, уникальной способностью к «оживлению», реконструкции языка и мифа. Он конструировал космогонию и мифологическую историю, восстанавливая по средневековой литературе древние верования народов Британии и дополняя их теми сторонами европейских мифов и легенд, которые, на его взгляд, точнее всего соответствовали английскому характеру. Но «восстанавливал» предания и легенды ученый, остающийся в рамках научной беспристрастности, а «воссоздавал» их для Среднеземья глубоко и искренне верующий католик, поэт и визионер.

Среднеземье безгранично именно потому, что, с одной стороны, теснейшим образом сплетено со всеми слоями северо-западной метакультуры и ее национальным мифом, а с другой — с христианством, которое было не просто мировоззрением, а образом жизни автора, с христианским мифом, надстоящим над национальными мифами, пронизывающим их и объединяющим нравственным началом. В таком мире существуют смысл, милосердие и справедливость, четкое различие Добра и Зла и знание о победе Добра. Среднеземье построено по законам «правильного», или «полного», мира. Именно потому, что он «полон», что в него включены и Небо, и Ад, в нем возможно осуществление справедливости. «Я бы сказал — не считите это самонадеянностью, — что суть моей работы — разъяснение истины и поддержка заповедей добра в этом реальном мире, а способ разъяснения стар как мир — я нахожу новые формы».

Новое недаром называют «хорошо забытым старым». Найденные Толкиным формы — миф, легенда, волшебная сказка — стары как само человечество и вместе с тем универсальны и всеобъемлющи. «Мифы и волшебные сказки отражают историю и, возможно, более полную, чем физическая история человечества», — утверждал Толкин. В центре внимания мифа — сам человек, его должностное в этом мире, его связь с высшими силами и миром незримым. Создатель мифа или волшебной истории — летописец волшебного мира. Как писал Ключевский: «Мысль летописца обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего... Летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни; предметы его внимания — историческая телеология и житейская мораль... Ему ясны силы и пружины, движущие людскую жизнь. Два

мира противостоят и борются друг с другом, чтобы доставить торжество своим непримиримым началам добра и зла. Борьба идет из-за человека». Повествование о Среднеземье фокусируется на переходном периоде от мифологии к началу нашей летописной истории и вместе с тем отражает христианские верования и ценности. Автор подчеркивает, что Среднеземье — это мир, не знавший Христа, и вместе с тем в этом мире живет христианская весть о спасении.

«Конечно же, «ВК» — фундаментальная религиозная и католическая работа, неосознаваемая так вначале, но осознанная при редактировании. Именно поэтому я не помещал или вырезал практически все обращения к чему бы то ни было, напоминающему «религию», к любым культам или обычаям в воображаемом мире. Ибо религиозным моментом пропитана и сама история, и ее символизм». (Из письма Р. Мюррею, 1953.) Миф можно интерпретировать по-разному — и как повествование о бывших или будущих событиях, и как притчу, и как аллгорию, и как историю духовного восхождения, и как фантастику, — все толкования будут верны, но ни одно не будет исчерпывающим. «Я полагаю, что вообще невозможно написать «историю» без того, чтобы в ней нельзя было обнаружить «аллгорию», поскольку каждый из нас так или иначе живет внутри Аллгории, творя историю собственной жизни, обусловленную местом, временем, знанием неких универсальных истин и воплощаясь в своей, особенной истории, одетый в одежды времени, места и универсальных истин, усвоенных на протяжении жизни...» (Из письма У.Х. Одену, 1955.)

Однако своеобразие замысла Толкина этим не исчерпывается. Не случайно одним из ключевых моментов как для Толкина, так и для его исследователей является вопрос о жанре «Властелина Колец». Например, первый переводчик Толкина в России В. Муравьев считал, что «фантастика его — самая что ни на есть земная. Он произвел на фольклорно-мифологической основе попытку синтеза многовекового коллективного воображения... Эпопея Толкиена имеет невидимый фундамент, волшебносказочное, историко-языковое подспорье...». В. Муравьев рассматривает Среднеземье как «сказочно-обыденный» мир, существующий в четырех измерениях: географическом, историческом, нравственном и языковом.

Другой известный переводчик, С. Кошелев, назвал эту книгу «философским фантастическим романом с элементами волшебной сказки и

героического эпоса». Даже этих примеров достаточно, чтобы увидеть, что рамки «волшебной сказки» в ее традиционном понимании для эпоса о Среднеземье тесны. О том, какой смысл вкладывал в понятие «волшебной сказки» сам Толкин, можно узнать из его (уже ставшего классическим) эссе «О волшебных историях». Эссе выросло из лекции, прочитанной в 1938 году, и вошло в сборник «Эссе, посвященные Чарльзу Уильямсу». К этому времени «Хоббит» издан, «Сильмариллион» растет на глазах, а Толкин начинает думать над продолжением «Хоббита».

Для Толкина волшебная история — это прежде всего повествование о Faërie, «Волшебной стране». «Волшебная страна — опасный край, там поджидает неосторожных не одна западня, и не одна темница уготована опрометчивым путникам... В этой стране я не более чем захожий странник, незванный гость, больше изумленный, нежели понимающий» — так начинается эссе. Толкина интересуют два вопроса: что такое волшебные истории и откуда они приходят в наш мир. Самые интересные истории, по его словам, происходят как раз на границе обыденного мира и самой Волшебной страны (реже — внутри нее) и всегда связаны с «обычными людьми», оказавшимися в необычных обстоятельствах. Таким образом, встреча с Faërie помогает человеку узнать нечто важное о себе самом.

Одну из важнейших отличительных черт волшебной истории Толкин определяет как радостный «взрыв узнавания», когда за событиями вымышленной истории читатель улавливает отблеск более высокой истины. Для обыденного восприятия эти отблески незримы, но иногда происходит взрыв, и мы понимаем, что есть истина более полная, чем та, о которых говорит рассудок. Реальность литературного произведения или волшебной сказки сливается в сознании читателя с реальностью обыденной жизни, и ошеломленному сознанию приоткрываются на миг новые дали и выси, привычный мирок нашего существования раздвигается до невообразимых масштабов.

Волшебная история служит восстановлению изначальной целостности мира. В этом смысле величайшее христианское таинство — воскресение Христа — это «волшебная история», осуществленная Создателем в реальном мире и открывшая человечеству путь к спасению.

Создавая художественное произведение, автор выступает в роли Творца в мире художественного вымысла. Такой мир Толкин называет «Вторичным» (Secondary World), в отличие от реального «Первичного»

мира (Primary World). Отсюда вытекают требования к «хорошей» волшебной истории: к чудесам Faërie автор должен относиться всерьез, они должны стать органической частью создаваемого им волшебного мира, соответствовать его внутренним законам.

Во Вторичном мире существуют свои законы и своя логика, отличающиеся от наших, но внутри созданного автором мира они должны выполняться. Чем полнее и непротиворечивее Вторичный мир, тем сильнее наша вера автору и его произведению. «Нетрудно придумать зеленое солнце, — пишет Толкин, — трудно придумать мир, где оно было бы естественным и необходимым». «Придумать» целостный мир, сильно отличающийся от Первичного, наверное, действительно трудно, если не невозможно. Ситуация меняется, если автор обладает возможностью «видеть» панорамы иных слоев бытия, если ему самому приходилось бродить по тропам Волшебного края, как Кузнецу из Большого Вуттона — альтер-эго автора. «...Иногда он посещал Волшебную страну на несколько мгновений только для того, чтобы полюбоваться отдельным цветком или деревом, но вскоре он стал отваживаться на дальние пути, и на этих путях он увидел такое, что сердце его переполнилось восторгом и ужасом столь сильными, что он не знал, как поведать об этом своим друзьям или сохранить в памяти, хотя сердце его ничего не забывало. Но и в памяти кое-что оставалось из увиденных чудес и изведанных тайн...»

Отсюда понятен особый интерес Толкина ко всему, что связано с Волшебной страной и ее обитателями. Всякий, знакомый с преданиями Среднеземья, не задумываясь, назовет «хозяев Faërie» — народ, занимавший Толкина сильнее всего и испытывший самые сильные изменения по сравнению с фольклорной и тем более литературной традицией. Речь, конечно, идет об эльфах.

В литературной традиции эльфы — потомки скандинавских *альвов* и ирландских *сидов*. Эльфы делятся на светлых, веселых и озорных и темных — суровых и даже жестоких. Ирландские эльфы — светлые, шотландские — темные, но дело здесь, возможно, не в характере этих существ, а в отношении к ним людей. У. Б. Йейтс, Нобелевский лауреат, пламенный патриот Ирландии и большой знаток ее фольклора, так объясняет разницу между ирландскими и шотландскими эльфами: «В Ирландии между людьми и духами существует что-то вроде за-

стенчивой привязанности... <Шотландцы> объявили всех обитателей Волшебного мира языческим злом... В Ирландии многие мужи приходили к ним и помогали им в их битвах... Вы в Шотландии обличали их с кафедры. В Ирландии священники не отказывали им в совете и душеспасительных беседах... Вы разрушили изначально доброе расположение гоблинов и духов».

Эльфы обитают в полых холмах (в Шотландии, Ирландии) или в курганах воинов (Германия). Это «народ сумерек», некогда могущественный, способный наводить чары и умело отводящий глаза нежелательным свидетелям, а теперь «умалившийся» — и числом, и ростом. Магия эльфов связана с красотой, которая людям представляется «неземной», «нездешней», со словом (поэтому, кстати, их предпочитают называть иносказательно: «добрые соседushки», «дивный народ»). Они живут «в своей стране» с иным ходом времени (за семь дней, проведенных в ней, на земле проходит семь лет), попасть в которую можно через «пустые пространства» и, как правило, с проводником-эльфом. «Эльфийская страна» по этим описаниям весьма походит на «параллельный мир» или слой бытия, «полупроницаемый» для обеих сторон. Эльфийская еда запретна для людей, действия вызывают недоумение и воспринимаются как жестокие шутки. Эльфов обвиняют в подмене детей; золото, которым они расплачиваются с людьми, к утру оборачивается листьями или черепками; на полученной от эльфов скрипке нельзя перестать играть до тех пор, пока она не сломается.

В общении с людьми эльфов интересуют в первую очередь любовь и творчество. Королева Фэйрие искушает Томаса Рифмача ненасыщаемой страстью; семь лет он служит ей (то есть любит ее и поет для нее), а в награду получает сомнительный (особенно для менестреля) дар «правдивого слова». Она же оспаривает Тома Лина (рыцаря, похищенного эльфами) у смертной девушки и, насладившись испытаниями влюбленных, отпускает его. Следы эльфов обнаруживаются иногда в самых неожиданных местах. Удивительно «по-эльфийски» развлекается в Москве булгаковский Воланд со свитой — например, во время сеанса в Варьете. Владык Волшебной страны, как известно, можно просить изменить судьбы любимых и близких, что и делает Маргарита. Автор не оставляет никаких сомнений в том, кем являются его герои, — это носитель зла и сопровождающие его демоны, но практически все исследователи отмечают совершенно «нетипичное» поведение Воланда и

его свиты. Если кто и творит в романе зло, так это люди, которых перемалывает страшная, противоестественная социальная модель. Воланд является скорее «катализатором», проявляющим истинную природу людей. И интересуют его в первую очередь писатель — Мастер — и любящая Маргарита. Не Король ли Эльфов посетил Москву на закате жаркого июльского дня? (Средневековая теология, кстати, причисляла эльфов к демонам и злым духам.) Тогда можно предположить, что загадочный «покой», который обещан Мастеру в конце романа, — это просторы Волшебной страны. К ним, по известной балладе о Томасе Рифмаче, ведет поэтов и художников особая тропа, отличная и от «узкой стези праведников», и от «широкого пути грешников».

* * *

Таким образом, эльфы фольклорной традиции предстают как другая раса, живущая в своем мире и по своим законам и иногда общающаяся с людьми, чаще всего в тех случаях, когда речь идет о творческих способностях или любви. Толкин развивает и продолжает эту традицию. Эльфы у Толкина — особая раса, предшествовавшая расе Людей. Мифологическая история этой расы описана в «Сильмариллионе», а их взаимодействие с людьми на заре человеческой истории — во «Властелине Колец».

История Эльфов и их взаимоотношения с Людьми изложены в «Сильмариллионе». Эльфов и Людей, Перворожденных и Пришедших Следом, Толкин называет Детьми Илуватара, сразу же вводя представление о двух равноправных (по отношению к Создателю) расах. Валары, создавшие мир, — это силы, пришедшие «извне» и только воплотившиеся на Арде, поэтому они отстоят неизмеримо дальше от Эльфов, чем Эльфы — от Людей. Первая Эпоха, собственно история Среднеземья, начинается с появлением Эльфов. Их судьба и роль в замысле Творца — найти способ отображения красоты и гармонии мира, «явить миру образ истинной красоты». Жажда сотворчества и любовь к прекрасному приводят к появлению Искусства в его высшем, истинном понимании. Сотворец не стремится ни властвовать над миром, ни тиранически переделывать Творение, ни присвоить свое создание. Основным смыслом их трудов — сохранить и воплотить Первичный Свет. Искусство, свободное от причин, способное видеть вещи одновременно и научно, и художественно, создает форму для этого Света. Средоточием и сим-

волом Красоты и Знания становятся сильмариллы. С их помощью Эльфы и должны были привести мир к полному расцвету и постепенно уступить дорогу Идущим Следом. Феанор объявляет Камни «своими», что приводит Эльфов к Падению.

«Есть несколько хорошо известных мотивов, которые присутствуют во всех мифологиях, — объясняет Толкин в одном из писем. — ...Все «истории» обязательно говорят о падении. Поэтому соответственно и Эльфы должны были пасть, прежде чем их «история» смогла стать рассказанной».

За падением последовали братоубийство, изгнание из Валинора (фактически из рая) и долгая героическая, но безнадежная война с Врагом. «Для Врага его Падение было Падением неудачного со-творчества, и отсюда Эльфы (представители совершенного сотворчества) — его особенные враги и особый объект его стремлений и ненависти. Их Падение — в стремлении к обладанию и в меньшей степени, в превращении их искусства во власть». (Из письма М. Уолдмэну, 1951.)

Эльфы борются с внешним Злом, не догадываясь, что корни Зла — в них самих, в попытке сделать свое творение своей собственностью. Помощь богов и победа над Мелькором приходят лишь тогда, когда Эарендил возвращает Валарам один из сильмариллов, понимая, что никто не вправе присвоить себе суть любого творения — Свет Илуватара.

Важнейший для Толкина мотив — идея о том, что Люди (такие же, как и сейчас) несут в себе толику эльфийской крови и являются наследниками Эльфов в искусстве и поэзии. Искусство Людей основывается на искусстве Эльфов, преломляет и изменяет его.

С приходом Людей главным искушением становится бессмертие. Для Эльфов бессмертие оказывается грузом в тленном мире, долгий жизненный опыт становится тормозом, препятствует восприятию нового, а любовь к прежнему Среднеземью оборачивается печалью... И здесь Эльфы совершают ошибку. С их точки зрения Среднеземье катится к гибели (и это верно в том смысле, что сами они уже не смогут жить в меняющемся физическом слое), поэтому они пытаются сохранить мир таким, каким привыкли его видеть. Так появляются Кольца, так сами Эльфы оказываются заодно с Сауроном...

А для Людей — жителей Нуменора — стремление сохранить накопленный опыт оборачивается жаждой бессмертия. Но в изменившемся мире личное бессмертие невозможно, и ни магия, ни техника

не помогут его достичь. Человек должен найти другой механизм накопления и передачи опыта — от поколения к поколению. Символом Нуменора становится Белое Дерево — символ Памяти, которая связывает с Высшими Силами и между собой быстро сменяющиеся поколения людей. Потеряв ее, смертные станут игрушкой в руках Саурона. Именно росток Белого Древа спасает Элэндил из гибнущего от беспамятства и гордыни Нуменора. «Мотив неизбежного Падения появляется в моем цикле в нескольких вариантах. Смерть, и в особенности то, как она отображается в искусстве и вообще в творчестве (или, как я должен был бы сказать, в сотворчестве), никак не связана с биологической жизнью в нашем мире. Речь идет о стремлении к бессмертию, о преодолении смертного естества, корни которого — в страстной любви к реальному первичному миру. Такое стремление может принять форму обладания, «собственности», когда со-творец желает быть господом и богом своего частного творения. Тогда он может восстать против законов Творца — особенно против идеи смерти». (Из письма М. Уолдмэну, 1951.)

Вторая Эпоха кончается мировой катастрофой. Уходят в надмирное Благословенный Край и Одинокий Остров Эльфов. Отныне недостижимы они для смертных, чей удел — жизнь на затерянном в безднах космоса маленьком шарике — на своей Земле. Волшебные Кольца, порождение предыдущей Эпохи, становятся теперь средоточием могущества, превосходящего силы и возможности Смертных... Главным мотивом всех событий Третьей Эпохи становится искушение Властью. «И стремление к обладанию, и несогласие с предельностью своего существования в этом мире (поодиночке или вместе) ведут к жажде Власти, к тому, чтобы желания выполнялись быстрее и эффективнее — и отсюда к Машинам (или Магии). Я имею в виду использование любых «внешних» устройств вместо развития врожденных внутренних сил или способностей — или даже использование этих способностей с целью разбить, переломать реальный мир или насиловать чужие воли. Машины — это наиболее очевидная для современного человека форма властвования, которая, между прочим, гораздо ближе к магии, чем принято считать... Последняя огромная история прописана через хоббитов, то есть становится, по существу, антропоцентрической. Но все же — глазами хоббитов, а не так называемых Людей, потому что последняя история демонстрирует место в «мировой политике» не-

предвидимых и непредсказуемых актов воли и дел тех, кто мал, незначим, забыт и Мудрыми, и Великими (что добрыми, что злыми). Мораль всего цикла (после символизма Кольца, стремления к абсолютной власти, старающейся достичь своей цели физической силой и механизмами, и поэтому — неизбежно ложью) заключается в том, что без высокого и благородного простое никогда не станет хорошим, не обретет смысла, а без простого и обычного высокое, и героическое также бессмысленно...» (М. Уолдмэну, 1951.)

В начале Третьей Эпохи — Исидур, присвоивший Вражье Кольцо, в конце — Фродо, сумевший отказаться от всевластья. Великие события мировой истории, «колеса мира», часто поворачиваются не Владыками и Правителями, даже не богами и героями, а персонажами на первый взгляд незначительными и слабыми. Нужно для этого так немного: любовь к миру, свободная от какой бы то ни было корысти, и отказ от собственной самости.

Наступает Четвертая (наша) Эпоха. Теперь Эльфы проявляются в нашем слое не непосредственно, а создавая для Людей Волшебную страну, в которой черпают вдохновение художники и поэты. Эльфы — идеальные художники. «Магия Эльфов — это Искусство, свободное от множества человеческих ограничений: оно требует меньше усилий, оно более быстрое, более полное, в нем результат всегда соответствует замыслу. Но самое главное, что цель эльфийской магии — Искусство, а не Власть, сотворчество, а не тирания и владычество, искажающие Творение».

* * *

В некотором смысле Среднеземье Толкина — это история (или летопись) Faërie. Толкин — не просто автор книги или цикла книг. Он на практике показал, что такое сотворчество (sub-creation), создав художественную реальность, в которую миллионы читателей поверили, как в реальность Первичного мира. Он обладал совершенно особым складом сознания, присущим только визионерам. Многие исследователи считают его продолжателем визионерской традиции в английской литературе, идущей от безвестных авторов «Сэра Орфео» и «Жемчужины» к Чосеру, Спенсеру, Мильтону, Блейку. Визионерская традиция интернациональна. Во все времена и у всех народов находились люди, которым удавалось заглянуть за край Первичного мира.

Весть, которую стремится передать духовидец, универсальна. Мы пробуем показать это, обратившись к творчеству другого духовидца, работавшего в те же годы, что и Толкин.

В середине XX века в России жил и творил поэт и духовидец небывалой силы — Даниил Андреев. В огромном триптихе («Роза Мира», «Русские боги» и «Железная мистерия») ему удалось передать целостную мировоззренческую картину, в основе которой лежит представление о веренице восходящих и нисходящих миров, подобной лестнице Иакова. Цепь миров составляет Шаданакар, духовный космос Земли.

Среди этих миров Андреев настойчиво выделяет один, населенный существами, которых автор называет *даймонами*. «Основной слой их пребывания, соответствующий нашему..., носит имя Жерам. Природа, схожая с нашей, доведена там до уровня высокого художественного и эстетического совершенства, а... цивилизация одухотворена внутренней мудростью о силах и слоях Шаданакара и развитием высших способностей...».

Между «Розой Мира» и диалогией Толкина удивительно много общего, хотя любой контакт между авторами был совершенно невозможен. «Роза Мира» написана в 1950–56 гг. во Владимирской тюрьме исключительно на основании собственного духовного опыта автора. Кстати, рукопись ее хранится в Англии, в Русском архиве Лидского университета.

Книга направлена, по словам Андреева, прежде всего против двух мировых зол: мировой войны и всемирной тирании. Важной составной частью книги является концепция метаистории человечества как процесса, обусловленного событиями, происходящими во всех слоях планетарного космоса. Человек в своем земном слое обитания — преемник и наследник человечеств, прошедших до него.

Нельзя не поразиться совершенно одинаковому взгляду на власть, как человеческий институт, выраженному Андреевым и Толкином. Андреев полагает любую форму власти — тоталитарную или демократическую — изначально демонизированной, он упрямо повторяет мысль о том, что корни зла в этом мире будут прорастать снова и снова, пока существует само понятие человеческой власти, не ограниченной этическим контролем. «Вылечить человечество от войн можно одним единственным способом (мало отличающимся от всеобщего обращения) — не иметь войн вообще, не вынашивать военных за-

мыслов, не иметь военных организаций и войск... Мы пытаемся победить Саурона с помощью Кольца и, похоже, преуспели в этом. За победу придется заплатить появлением новых Сауранов и постепенным превращением людей и эльфов в орков». (Из письма Кристоферу Толкину, 1944.)

Андреев утверждает, что множество произведений человеческой культуры и вообще творческих устремлений человека инициированы из мира даймонов, «старших братьев человечества». Взгляд Толкина на эльфов удивительно близок к видению Андреева.

Существует немало и текстологических совпадений. Отдельные фрагменты «Розы Мира» почти дословно воспроизводят соответствующие места в «Сильмариллионе» — особенно там, где речь идет о демиургах или ангельских силах.

Удивительное чутье Толкина к языкам общеизвестно. Подобным же чутьем наделен и Андреев. «Роза Мира» содержит множество слов, не имеющих аналогов ни в одном из земных языков. Но Андреев не придумывал эти слова, а улавливал их звучание на языках слоев инобытия и по мере возможностей воспроизводил их средствами русского языка. Андреев слышал слова на языке Старшей речи, Толкин, по его словам, реконструировал Старшую речь. Стоит ли удивляться совпадениям? Например, эльфийское «Эннорат» или «Эннораф» — Среднеземье — фонетически сходно со словом «Энроф», которым Андреев обозначает план бытования человека в планетарном космосе Земли.

Миры Толкина и Андреева обладают огромной силой убедительности. Есть у этих «фантазий» и еще одно свойство.

«Особое состояние «радости», вызываемое удавшейся Фантазией... может быть объяснено внезапным отсветом предлежащей реальности, или истины... Иногда же мы видим на краткий миг видение, которое может быть далеким отсветом или отблеском «благовестия» в реальном мире...» — пишет Толкин Кристоферу (1943 г.), а в эссе объясняет: «За всеми этими историями *стоят реальные силы, независимые от разума и намерения людей*». Андреев, как и Толкин, считал, что большинство образов, рождающихся в человеческом сознании и традиционно приписываемых фантазии, рождены иным уровнем бытия, тем самым волшебным миром, где эльфы-даймоны — хозяева, а люди — гости.

Это, разумеется, вовсе не значит, что фантазия самого человека не способна создать тот или иной образ самостоятельно, без воздействия

«из-за порога». Конечно, может. Однако образ, созданный «самостоятельно», произведение, рожденное сознанием только человека, без сотворчества с иным уровнем бытия, так и останется фантазией, сколь угодно изящной поделкой, иногда захватывающей, иногда поражающей или устрашающей, но не задевающей тех струн души человека, которые тихим звоном отзываются на присутствие в литературном, музыкальном или любом другом произведении искусства отзвуков Истины. «Меня никогда не покидало ощущение, что я не столько пишу, «сочиняю», сколько записываю то, что уже происходило однажды где-то «там», что это не мои изобретения или выдумки...» (Из письма М. Уолдмэну, 1951.)

Таких писателей Андреев называет «вестниками». Его определение звучит так: «вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных». Это определение полностью относится и к Толкину.

И Андреев, и Толкин потратили жизнь на то, чтобы вернуть Мифу изначальную значимость. На протяжении всей истории Миф возникал и жил, как попытка отображения в сознании человека здешнего, трехмерного мира реальности многомерного планетарного космоса, существовавшего задолго до человека.

Оттуда, из миров инобытия, получал человек представление о том, куда и как ему идти, чего опасаться на своем пути, чего избегать всеми силами, чтобы не попасть в эволюционный тупик и не метаться в нем бесконечно долго, теряя силы и предназначение.

И Толкин, и Андреев четко определяют смысл существования человека в этом мире: сотворчество Создателю, построение здания общечеловеческой культуры, преобразование мира от инстинктивных, тварных форм существования к высотам духа. Напомним, что одной из задач «Розы Мира» как организации Андреев называет превращение планеты в сад. В финале «Властелина Колец» герой Фродо отходит на второй план, покидает Среднеземье, а хозяином Шира становится персонаж, который дороже и милее автору — садовник Сэм.

Андреев утверждает, что подлинный художник, начиная творение здесь, продолжает его в посмертии в мирах инобытия. Более того, там его ждет встреча со своими героями. «После смерти в Энрофе художника-творца метапраобразы его творений в Жереме видят его,

встречаются с ним и общаются, ибо карма художественного творчества влечет его к ним. Многим, очень многим гениям искусства приходится в своей посмертии помогать праобразам их героев в их восхождении... Гетевская Маргарита пребывает уже в одном из высших слоев Шаданакара, а Дон Кихот давно вступил в Синклит Мира...» Не там ли пребывает ныне и автор «Властелина Колец» в компании с Гэндальфом и Фродо? Не это ли предощутил Толкин в очень автобиографичной сказке «Кузнец из Большого Вуттона»: «...Ему казалось, что он в один и тот же миг пребывает в Волшебной Стране, и в Море Людей, смотрит на эти миры изнутри и снаружи, испытывая при этом и горечь расставания, и радость обладания, и примирение со всем сущим».

Н. Григорьева, В. Грушецкий

Литературно-художественное издание

Джон Рональд Руэл Толкин

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Том III

Возвращение короля

Перевод с английского

Наталии Григорьевой и Владимира Грушецкого

Зав. редакцией *Сергей Тишков*

Ведущий редактор *Айя Овезова*

Ответственный редактор *Антон Смоленцев*

Технический редактор *Ольга Серкина*

Корректор *Ирина Мокина*

Компьютерная верстка *Юлия Анищенко*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, ул. Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Подписано в печать 07.03.2014. Формат 70х100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,20.

Тираж 6000 экз. Заказ № 2315.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-500-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Дж. Р. Р. Толкин
Властелин Колец

Часть первая Братство Кольца
Часть вторая Две Крепости
Часть третья Возвращение Короля

ISBN 978-5-17-081805-1

9 785170 818051 >